

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан

Мурат Лаумулин

**ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В МИРОВОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКЕ**

(к 550-летию Казахского ханства)

Часть I

**Становление и развитие востоковедных школ
в контексте изучения Центральной Азии
и Внутренней Евразии**

Астана 2015

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 каз)
Л 28

*Утверждено к печати Ученым советом
Казахстанского института
стратегических исследований при Президенте РК*

Автор:

Лаумулин Мурат Турарович, доктор политических наук, профессор

Рецензенты:

Абусейтова М.Х., доктор исторических наук, профессор
Сыроежкин К.Л., доктор политических наук, профессор
Байзакова К.И., доктор исторических наук, профессор

Лаумулин М.Т.

Л 28 История Казахстана и Центральной Азии в мировой ориенталистике
(к 550-летию Казахского ханства). — Астана: КИСИ, 2015. — 416 с.

ISBN 978-601-7476-13-7

Часть I. Становление и развитие востоковедных школ в контексте изучения Центральной Азии и Внутренней Евразии.

ISBN 978-601-7476-14-4

В книге рассматриваются проблемы становления и развития востоковедных школ в контексте изучения Центральной Азии и Внутренней Евразии; древние и средневековые источники по истории Центральной Азии, включая сведения древних авторов о народах ЦА; средневековые автохтонные источники; мусульманская историография, а также китайские источники. В работе изучаются основные направления в исследовании средневековой истории региона: концепции номадизма и культурологии кочевничества, тюркология, алтаистика и языковедение о ранней и средневековой истории региона, турфанские исследования и уйгуроведение, кипчакведение (куманология).

Книга адресована широкому кругу специалистов по истории, историографии и востоковедению, международным отношениям, безопасности, геополитике, политологии. Рекомендуются в качестве учебного пособия для факультетов и кафедр востоковедения, истории, политологии, международных отношений.

**Издание не предназначено для продажи
и распространяется бесплатно**

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 каз)

ISBN 978-601-7476-13-7 (общ.)

© КИСИ при Президенте РК, 2015

ISBN 978-601-7476-14-4 (ч. I)

© Лаумулин М.Т., 2015

*Автор выражает сердечную благодарность
руководству и всем коллегам из родного
Казахстанского института стратегических
исследований при Президенте РК
за помощь и поддержку
при издании настоящей книги*

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Становление и развитие востоковедных школ в контексте изучения Центральной Азии и Внутренней Евразии

Введение.....	7
Глава I. Востоковедение во Франции.....	28
Глава II. Англия и изучение Средней Азии.....	86
Глава III. Тюркология и среднеазиатские исследования в Германии.....	142
§ 1. Центральноазиатские исследования и тюркология в ГДР.....	178
§ 2. Центральноазиатские исследования и тюркология в ФРГ (Западной Германии).....	189
§ 3. Востоковедение объединенной Германии.....	204
Глава IV. Развитие востоковедения в странах Восточной Европы, Швейцарии, Италии и Скандинавских странах.....	225
§ 1. Венгрия.....	225
§ 2. Польша.....	237
§ 3. Швеция.....	252
§ 4. Дания.....	256
§ 5. Финляндия.....	257
§ 6. Италия.....	262
§ 7. Швейцария.....	265
Глава V. Ориенталистика в США и изучение Центральной Азии.....	272

Глава VI. Изучение Центральной Азии в странах Востока	294
§ 1. Индия	294
§ 2. Турция	328
§ 3. Иран.....	344
§ 4. Китай	369
§ 5. Япония	392
ҚСЗИ туралы ақпарат	408
Информация о КИСИ.....	410
Information about the KazISS.....	412

Введение

Habent sua fata libelli.
Каждая книга имеет свою судьбу
(старинный афоризм)

У этой книги долгая история. Она была задумана еще в конце 1980-х гг., когда автор, будучи тогда начинающим исследователем и аспирантом АН СССР в Москве, читал и обрабатывал горы зарубежной литературы в ходе подготовки кандидатской диссертации по западной историографии (советологии) Казахстана и Средней Азии. Знаменитая библиотека ИНИОН (Институт научной информации по общественным наукам АН СССР) могла в то, еще предкомпьютерное, время предоставить самые широкие возможности, чем не преминул воспользоваться автор. Теперь, после злосчастного пожара в январе 2015 г., когда эта уникальная библиотека была практически уничтожена как функционирующий объект, а многие раритетные зарубежные издания и ценные материалы погибли в огне, мои записи, сделанные по ходу работы, начинают приобретать определенную ценность для науки.

Дальнейшая академическая деятельность автора, который после защиты диссертации вернулся в родной Институт истории, археологии и этнографии (ИИАЭ) им. Ч. Валиханова АН КазССР (ОНИОН — отдел научной информации), а также параллельно многие годы работал во вновь созданном Институте востоковедения НАН РК, только способствовала росту его интереса к зарубежным источникам и исследованиям по истории и современности Казахстана и Центральной Азии.

1990-е гг., принешие столько бед (пост)советской науке, лично для автора открыли широкие научные возможности.

Благодаря работе в Казахском институте стратегических исследований (КИСИ) и Министерстве иностранных дел РК, а также многочисленным зарубежным командировкам, дипломатической службе и стажировкам, автор смог непосредственно работать в архивах и библиотечных фондах университетов и исследовательских институтов в США, ФРГ, Франции, Великобритании, Италии, Индии, Ирана и Турции.

Однако завершение книги затянулось практически на двадцать пять лет. Тем не менее часть материалов и фрагментов данного издания публиковались в форме статей, разделов других монографий и многочисленных рецензий.

Структура настоящего издания, которое состоит из четырех частей (разделенных на 3 тома), выглядит следующим образом. Первая часть посвящена, как следует из названия, становлению и развитию востоковедных школ в контексте изучения Центральной Азии и Внутренней Евразии. Если эволюция этих школ и накопление знаний о нашем регионе в крупных западноевропейских странах (а также в США) достаточно хорошо изучены нашими коллегами, то развитие центральноазиоведения в странах Восточной, Южной и Северной Европы менее известно широкой аудитории и академическим кругам. Что касается центральноазиатских исследований в странах Востока, то, за исключением источниковедной части, эти школы еще менее известны. В этой связи мы надеемся, что данная часть будет представлять определенный интерес для нашей аудитории.

Вторая часть «Древняя и средневековая история Центральной Евразии в трудах зарубежных востоковедов» — наиболее обширная в нашем издании. Она включает в себя главу, в которой рассматриваются древние и средневековые источники по истории Центральной Азии, включая сведения древних авторов о народах Центральной Азии, средневековые, автохтонные источники, мусульманскую историогра-

фию, а также китайские источники. Далее следует изучение основных направлений в исследовании средневековой истории региона: концепции нomaдизма и культурологии кочевничества, тюркология, алтаистика и языкознание о ранней и средневековой истории региона, турфанские исследования и уйгуроведение, кипчаковедение (куманология). К сожалению, чагатайские исследования в данном издании представлены крайне скромно.

Отдельной главой во второй части представлена проблематика крупных кочевых империй Евразии в древности и Средневековье — гуннов, древних тюрков, монголов и экигонов Монгольской империи, империя Тимура. И наконец, завершает вторую часть глава о влиянии на регион мировых религий, особенно на культуру Центральной Азии. Она включает анализ основных теорий и концепций о роли таких религий, как буддизм и христианство, показывает развитие исламологии и изучение мусульманской цивилизации в Средней Азии, роль суфизма в распространении и укреплении ислама в регионе. Отдельным вопросом выделен ислам в Средней Азии и исламское культурное наследие в Центральной Азии.

Третья часть книги посвящена собственно изучению истории и этнографии казахов (преимущественно в западном востоковедении). Здесь представлена самая широкая проблематика: ранние источники и сведения о казахах Нового времени; записи и наблюдения европейских путешественников и исследователей о казахах и Казахстане. В историческом контексте словами иностранных исследователей (преимущественно современных) изложена история Казахского ханства (чей 550-летний юбилей предоставил возможность для ускорения публикации данной монографии), которая включает в себя такие сюжеты, как Средняя Азия после тимуридов, образование и расцвет Казахского ханства, закат ханства, при-

соединение Младшего жуза к России, завоевание Среднего жуза, сопротивление в степи, подчинение Старшего жуза и завоевание Средней Азии.

Отдельная глава рассматривает феномен казахского нomaдизма в контексте таких научных проблем, как географический фактор и природная среда, социальная структура, политическая система и кочевая культура казахов. Не оставлена без внимания и такая животрепещущая и актуальная до сих пор проблема, как модернизация традиционного кочевого казахского общества. В этой связи изложены западные взгляды на следующие вопросы: русское влияние, культурные изменения: европеизация и русификация, а также социально-экономическая модернизация. Завершает эту часть экскурс в изучение западными исследователями казахов за границей, в основном в Китае, Турции и Монголии.

Четвертая часть книги показывает преемственность и взаимосвязь востоковедения и политологии в контексте изучения Центральной Азии. Открывает эту часть дореволюционная история региона в трудах зарубежных исследователей. Здесь доминировали две наиболее крупные проблемы: присоединение Центральной Азии к России и связанная с ней так называемая «Большая игра». Но основное место отведено изучению Центральной Азии и ее истории в современной политологии. Это связано с тем, что многочисленные публикации о регионе и отдельных государствах ЦА включают в себя, как правило, исторический экскурс. С научной точки зрения эти пассажи не имеют (за редким исключением) никакого научного значения. Тем не менее для целостности картины наиболее концептуальные издания включены в контекст материала.

Следует подчеркнуть, что многие вопросы и сюжеты пересекаются в различных главах и частях. То есть информация о том или ином авторе может быть представлена как

в историографическом обзоре, так и в источниковедческом, или цитироваться в контексте той или иной исторической проблемы.

История казахов и Казахстана и в более широком контексте — Центральной Азии и Евразии, а также история кочевия и роли кочевых народов ставила перед мировыми исследователями длинный ряд вопросов, на многие из которых до сих пор не найдены ответы. Как известно, казахи были малоизвестны внешнему миру, хотя их самоназвание на слуху у европейцев как минимум с XVIII в., правда, в несколько искаженном варианте — «казак» или в украинизированной версии — «козак». Речь идет о степной вольнице, населявшей просторы Евразии. Позже «казаки» были приняты на службу Российской империи и уже отсюда стали известны Западу. Они говорили на диалекте русского языка и исповедовали христианство. Те же, у кого восточноевропейские «казаки» заимствовали самоназвание, многие обычаи, военную организацию и лексику, манеру скакать и воевать, то есть «подлинные казахи», были совсем другим народом.

Казахи, безусловно, являются по своему происхождению «детьми степей». Степь и кочевой образ жизни наложили неизгладимый отпечаток на их представления, язык, обычаи и поведение.

Археология идентифицирует остатки около 200 неолитических поселений, разбросанных по всей территории Казахстана. В середине второго тысячелетия до н.э. здесь развилась добыча и обработка меди и бронзы. Жители региона разделились в этот период на земледельцев и скотоводов. В первом тысячелетии до н.э. о своем появлении заявили кочевые племена. В третьем столетии до н.э. в регион пришли новые, прототюркские группы кочевых скотоводов и изменили иранский субстрат местного населения.

По мнению ряда исследователей, в течение, по меньшей мере, двух-трех тысячелетий на пространстве, которое занимает сегодняшний Казахстан, происходили события, определившие впоследствии лицо современного мира. Они полагают, что именно здесь человек впервые приручил лошадь и оседлал ее. Здесь первые протокочевники отделились от своих аграрных соплеменников и перешли к кочевому образу жизни. Здесь впервые выплавляли железо и стали производить оружие, наводившее ужас от Китая до Рима. Именно здесь были изобретены мужские штаны и стремяна.

Здесь рождались и аккумулировали свои силы огромные орды воинственных кочевых племен; отсюда они шли штурмовать Великую Китайскую стену, укрепления Византии, Рима, Багдада и Дамаска. Саки, гунны, тюрки, кипчаки, огузы, татары, монголы, ногаи и т.д. — всех их можно считать антропологическими предками современных казахов. Существует предположение, что дальние предки казахов и других пастушеских народов Центральной Евразии говорили на языках восточно-персидской группы. И до сих пор в казахском языке можно найти корни слов, которые роднят их с другими индоевропейскими народами — иранскими, германскими и славянскими. Отдаленные предки казахов по своему внешнему облику напоминали больше европейцев, чем монголоидов, о чем говорят многочисленные археологические находки. Но со временем, когда стала нарастать экспансия тюркских племен Алтая и Сибири, язык, внешний облик, обычаи и культура местных племен начали необратимо меняться. Язык стал тюркским¹, внешний облик — монголоидным, то есть более азиатски выраженным, обычаи изменились в сторону большей солидарности и организованности.

Новая этническая группа — тюрки — создала в центре Евразии много государств, великих степных конфедераций и

---

¹ Его еще называют алтайским, т.е. тюрко-монгольским.

империй с V по XV в. Это были многочисленные каганаты, ханства и орды, которые носили разные названия, но неизменно в центре их территорий лежала казахская степь. Самым великим потрясением Евразии стало создание Монгольской империи, простиравшейся от Тихого океана до Чёрного и Средиземного морей, от Кореи до Триеста, от Сибири до Месопотамии. Хронистам домонгольской эпохи были хорошо известны названия всех племен, вошедших впоследствии в состав казахской нации. Часть из них противостояла монголам, другие составили их боевую мощь. К моменту вторжения в Европу армия Чингис-хана на 95 % состояла из племен, чьи кочевья находились в Казахстане и Южной Сибири.

Относительно быстро по историческим меркам тюркским племенам удалось избавиться от владычества монголов, но к тому времени произошли необратимые изменения: от Чингис-хана и монголов они унаследовали политическую организацию, правящие династии и принципы экономического и политического управления. Так происходило зарождение казахской нации.

В ходе многочисленных войн, столкновений, аннексий и трансформаций в начале XV в. части племен удалось отколоться от основной орды узбеков и создать в Семиречье, в регионе современной Алматинской области, собственное ханство, которое впоследствии получило название «Казахского», а племена, вошедшие в него, стали гордо именоваться «казахами»². Очень скоро они вышли за пределы Семиречья, объединив вокруг себя десятки племен и родов, принявших общее название «казах», но сохранивших свою родоплеменную идентичность.

Таким образом, в середине XV в. несколько племенных группировок образовали на территории Могулистана, меж-

² Казахи придали своему этнониму (ранее означавшему «бродяга, отщепенец») новый смысл — «свободный, независимый».

ду Трансоксианией и озером Балхаш, сердцевину того, что стало известно потом под названием «Казахское ханство». Классическое казахское общество (с XVI по XIX в.) базировалось на кочевом образе жизни, обычном праве (адат) и исламском законодательстве (шариат). Главным занятием оставалось животноводство. Казахское ханство делилось на три крупные части: Старший, Средний и Младший жузы. Традиционное казахское общество характеризовалось структурной иерархией, основанной на племенной и родовой организации, включающей в себя аристократию, общинников и духовенство.

Казахами правили хан и султаны, возводившие свою родословную к «Великому Потрясателю Вселенной», то есть Чингис-хану. На удивление, большинство соседей казахов в Средней Азии и на Среднем Востоке (за исключением, быть может, правившей в Индии династии Великих Моголов (потомки Бабура) и правителей ханств в Восточной Европе, завоеванных Россией) утратили эту династическую преемственность. Самое удивительное, что ее утратили даже сами монголы. После их перехода в буддизм в его ламаистской форме они уже мало чем напоминали прежних воинственных монголов эпохи Чингис-хана. Поэтому казахские султаны были желанными (а порой и нежеланными) гостями в тех эмиратах, султанатах и ханствах, где появлялись вакансии на трон. Вот почему потомки казахских чингизидов правили от Крыма до Кашгара.

В XVI и XVII в. казахи столкнулись с соперником, мечтавшим восстановить Монгольскую империю в ее первоначальном виде. Это были западно-монгольские племена ойратов, или джунгар³, исповедовавших буддизм, которые обрушились на казахов-мусульман и попытались овладеть их городами-оазисами, горными пастбищами и степными просторами. В

³ Казахи называли их калмыками. Под этим именем они и известны в России и Европе.

определенный период времени, как уверяют историческая традиция и все учебники, над казахами нависла угроза физического уничтожения. Возможно, это было одно из первых в истории «столкновений цивилизаций».

Но история распорядилась так, что практически полностью истребленными оказались джунгары, вытесненные казахами в горы современного Синьцзяна. Там эпидемии и мечи новых хозяев Китая — маньчжуров — довершили свое дело. Казахи смогли перевести дух и заняться экономикой. Очень быстро они поняли, что торговать скотом выгоднее, чем завоевывать и обкладывать данью оседлые народы. Довольно быстро казахи приспособились к соседству с Россией, которая стала для них основным рынком сбыта скота, кожи и шерсти.

Всего лишь за одно столетие воинственные кочевники трансформировались в мирных пастухов, и в XIX в. Россия, подавив несколько кровопролитных восстаний, присоединила казахские степи. В качестве предлога для завоевания Петербург использовал тот факт, что наиболее воинственные и не подчинявшиеся никому племена Западного Казахстана продолжали жить набегами и работоторговлей, поставляя поданных Российской империи на невольничьи рынки Хивы, Бухары, Тегерана, Стамбула и Каира.

Россия использовала казахские степи как базу для военного вторжения в Среднюю Азию, которую она вслед за англичанами стала называть Туркестаном. Очень скоро русские войска вошли в соприкосновение с британскими в Афганистане и китайскими в Синьцзяне. Началась острая геополитическая борьба, которую с легкой руки американского журналиста Юджина Скайлера назовут «Большой игрой» (The Great Game)⁴. Казахи в то время не подозревали, что русские

---

⁴ Некоторые политологи, в частности Збигнев Бжезинский, считают, что «Большая игра» возобновилась после распада Советского Союза.

втянули их в широкое геополитическое соперничество, в результате которого они в 1991 г. получают третий в мире по своей мощи арсенал ядерного оружия.

По иронии судьбы казахи всегда считались среди своих более набожных соседей плохими мусульманами. Казахи продолжали поклоняться, как и их предки тысячи лет назад, духам предков и святым гробницам, Солнцу и Небу, то есть следовали тому, что в Аравии принято считать язычеством.

Жизнь в казахской степи накануне революции кипела и бурлила. Казахи оказались втянутыми во все модные политические движения того времени, заимствованные из Турции, России и Европы. Одни выступали за реформированный и светский ислам, другие проповедовали либерализм в его чистом виде, третьи, начитавшись Карла Маркса, грезил о мировой революции для всех угнетенных. Последним вскоре удалось на практике применить свою доктрину. Остальным казахам этот эксперимент обошелся дорого. Затем наступила эра Советского Казахстана.

У казахов, как и у других национальностей в советском обществе, иерархия складывалась, прежде всего, на основе профессиональной и корпоративной солидарности. Крушение прежней социально-экономической системы и внедрение рыночных отношений имели своим следствием два результата: во-первых, был нанесен сокрушительный удар по привилегиям и социальному статусу прежней советской элиты. Но принципы устойчивости традиций и воспроизводства элиты в основных чертах были сохранены. В целом же казахская элита должна была в новых условиях выполнить ту же задачу, которая стояла перед ней, и в советское время при плановой экономике сохранить свой контроль над ресурсами, и это ей удалось.

В советское время казахская элита была вынуждена подчиняться Москве, и этот фактор ограничивал ее возможности

в контроле над экономическими ресурсами. Однако западная социология утверждает, что помимо так называемого экономического капитала существуют еще «культурный капитал» и «символический» капитал, под которыми подразумевается обладание знаниями, специфическими навыками, аккумуляция престижа и уважения. После исчезновения контроля из Москвы казахская элита в полной мере воспользовалась своим обладанием культурным и символическим капиталом.

И еще существует один крайне важный для науки вопрос, связанный с проблемой номадизма. В течение тысячелетий вторжения кочевников внушали ужас оседлым народам. Жители Китая, Средней Азии, Ирана, Восточной Европы, Ближнего Востока с трепетом ожидали очередного нападения со стороны Великой Степи. Все великие степные империи в конце концов распались и исчезли, оставив науке так до конца и неразгаданную загадку номадизма. Какой вклад в историю человечества внесли номады, были ли они только безжалостными разрушителями или же способствовали культурному, технологическому и политическому взаимодействию различных, удаленных друг от друга частей света, создателями уникальной экологической цивилизации, приспособленной к суровым условиям Центральной Евразии?

Для Казахстана эта проблема особенно актуальна, поскольку значительная часть его истории представляет собой историю кочевого общества. Болезненной эта проблема может считаться потому, что уже в XX столетии кочевые общества практически сошли с исторической сцены, а их разрушение сопровождалось такими тяжелыми процессами, как геноцид, насильственная седентаризация (оседание), аккультурация, ассимиляция, потеря этнической самобытности и идентичности. Все это в полной мере имело место и в казахстанской истории. Тем не менее, по крайней мере два узловых вопроса сопровождают историю номадизма:

первый касается его экологических аспектов, то есть взаимоотношения кочевых систем с природой и создания на базе кочевого хозяйства идеальной эколого-экономической системы отношений между людьми, животными и дикой природой. Второй вопрос относится к характеру взаимоотношений между кочевыми и оседлыми народами. Этот аспект истории в равной мере носит болезненный характер для обеих цивилизаций.

В целом изучение кочевничества как особого исторического типа цивилизации выходит далеко за рамки исследований собственно нomaдизма и затрагивает очень широкий круг дисциплин — этнографию, археологию, тюркологию, сравнительное языкознание и т.д., то есть является фактически фрагментом обширного комплекса всей истории Центральной Евразии. Как это неудивительно, в течение долгого времени кочевничество как таковое специально не изучалось, а как бы «болталось» между различными дисциплинами. Для советского периода такое положение дел вполне объяснимо: изучение истории было вынуждено следовать официальной, «марксистско-ленинской» доктрине. А эта доктрина не давала возможность исследовать кочевой тип хозяйства иначе, как в рамках догматической теории. Изучение казахского нomaдизма продвигалось усилиями отдельных энтузиастов, которые могли осветить только его узкие аспекты, а также продолжалось как параллельная традиция на Западе.

Некоторые ученые на Западе положили в основу своей концепции о кочевниках следующие тезисы. Во-первых, специализация означает более сильную зависимость. Этот тезис расшифровывается следующим образом: чем более специализированы подвижные скотоводы, тем более они зависимы от внешнего мира. Во-вторых, нomaдизм представляет собой особый вид производящей экономики. При этом казахстанские степи представляли собой один из немногочисленных

регионов на планете, где наблюдалось кочевое скотоводство в его чистом виде. В-третьих, адаптация кочевого скотоводства к природно-географическому окружению является неполной; номады вынуждены также адаптироваться и к внешнему миру. И, наконец, кочевое хозяйство нуждалось в ресурсах земледельческого и городского мира; таким образом, завоевание было одним из средств подчинения и получения необходимых продуктов, доведенным до своего логического конца.

Самый интригующий вопрос истории Великой Степи — это причина, толкавшая кочевников на массовые переселения и разрушительные походы против земледельческих цивилизаций. В современной историографии насчитывается ряд концепций, или теорий, пытающихся объяснить этот феномен мировой истории. В самом обобщенном виде их можно свести к следующим тезисам: разнообразные глобальные климатические изменения (например, усыхание или, наоборот, чрезмерное увлажнение); воинственная и жадная природа кочевников (эта точка зрения восходит к китайской историографии); перенаселенность степи; рост производительных сил и классовая борьба, ослабленность земледельческих обществ вследствие феодальной раздробленности (классическая марксистская концепция); необходимость пополнения экстенсивной скотоводческой экономики посредством набегов на более стабильные земледельческие общества; нежелание со стороны центров оседлой экономики торговать с номадами, переизбыток продуктов скотоводства; личные качества предводителей степных обществ; этноинтегрирующие импульсы (пассионарность).

Следует отметить, что в каждой концепции есть свое рациональное зерно. Но все они в той или иной степени страдают преувеличением своего фактора. Так, современные палеографические данные не подтверждают прямой связи

между глобальными периодами усыхания или увлажнения с подъемом или упадком кочевых империй. Марксистский тезис о классовой борьбе в кочевом обществе также оказался несостоятелен. Демографический фактор из-за недостатка источников не совсем ясен. Что касается воинственной природы кочевников, то история оседлых цивилизаций демонстрирует, что именно оседлые народы создали, в конечном счете, наиболее эффективные военные технологии и инфраструктуры.

Замечено, что государственность в форме кочевых империй и других политических образований развивалась у номадов только в тех регионах, где они имели постоянные и интенсивные политические и экономические контакты с более высокоорганизованными земледельческими и особенно городскими обществами. Этот тезис иллюстрируется следующей дихотомией: скифы и античные государства; гунны и Римская империя; тюрки и Китай, тюрки и Древняя Русь; тюрки и Хорезм; арабы, турки и Византия и т.д.

У степных империй была двойственная природа: внешне они напоминали классические деспотии Востока с функцией добывания прибавочного продукта вне степи, но при этом оставались основанными на племенных связях общества без устойчивой налоговой системы и классической феодальной иерархии, подразумевающей эксплуатацию скотоводов. Авторитет степного владыки базировался на обычном праве, умении организовывать военные походы и перераспределять доходы от торговой дани и набегов на соседние страны. Эта, в общем, огрубленная схема применима в основном к домонгольской эпохе.

Считается, что в своих отношениях с оседлыми территориями номады использовали несколько стратегий: стратегию набегов и грабежей (сяньби, тюрки и монголы в отношении Китая; Крымское ханство в отношении Украины, Польши и

Московского государства и др.); подчинение земледельческого общества и взимание с него дани (скифы и сколоты, хазары и славяне, Золотая Орда и Русь), а также контролирование торговых путей (тюрки и Великий Шелковый путь, казахи и торговые пути между Средней Азией, Китаем, Ираном, Кавказом и Сибирью); завоевание оседлого государства, инфильтрация кочевников, создание новой династии, нового правящего класса и нового государства с последующей ассимиляцией номадов (маньчжуры в Китае; монголы в Китае, Хорезме и Иране, казахи в Бухаре и т.д.); тактику чередования набегов и сбора дани, практически ее использовали на разных этапах — до или после полного завоевания — все крупные кочевые образования, начиная с хунну в Китае и заканчивая тюрками и монголами позднего Средневековья. Американский ученый Т. Барфилд в 1992 г. даже ввел в оборот, стремясь объяснить суть отношений между кочевниками и земледельцами, остроумный термин — «дистанционная эксплуатация».

С археологической точки зрения можно только предполагать, что кочевничество зародилось в позднем палеолите. Кочевничество было активной реакцией древних людей, знакомых с земледелием и скотоводством, на изменения климатических условий. В полной мере это относится к Центральной Азии. Группа исследователей подошла к проблеме номадизма с точки зрения роли лошади и пастбища в его истории. Некоторые ученые считают, что для раскрытия феномена номадизма с точки зрения культурологии необходимо анализировать древнее искусство кочевых народов Центральной Азии.

Часть ученых считает, что история огромных пространств Внутренней Азии (Центральной Азии, Сибири, Монголии, Китая, Тибета, Среднего Востока), Кавказа и Восточной Европы должна прочитываться в едином контексте на всем протяжении исторического периода с момента выхода кочевых народов на авансцену мировой истории. Единый культуроло-

гический тип Центральной Евразии базировался на схожем типе хозяйства и вытекавшем из него социально-иерархическом строе.

Несмотря на обилие теорий и концепций, в современной номадистике еще много вопросов остается открытыми. Центральным вопросом кочевниковедения, как и раньше, остается проблема отношений между кочевыми и оседлыми цивилизациями: были ли они антагонистами или все же взаимно дополняли друг друга в процессе исторического развития человечества?

Другая обширная группа научных вопросов связана с изучением и трактовкой монгольского наследия. Понять историю Казахского ханства невозможно без изучения феномена государства Чингис-хана в истории Евразии. Эта проблема ставит перед аудиторией вопросы политического наследия и политического развития современного казахстанского общества.

Обозначим основные вопросы, на которые пытаются ответить многие авторы: что есть «монгольская проблема» в контексте истории казахов и в целом кочевников Евразии, каково историческое и политическое влияние монгольского наследия на дальнейшую эволюцию кочевников Великой Степи, в чем причина появления казахских жузов и много других проблем? Немало места здесь можно уделить евразийству как историческому течению и идеологическому явлению.

Рассматриваемая проблема не является далекой от нас историей, наоборот, она имеет прямое отношение к исторической идеологии в условиях формирования в Казахстане национального государства. То есть существует прямая политическая востребованность в исторической идеологии. Исследуя истоки казахской государственности, любой ученый неизбежно приходит к «монгольской проблеме». Кроме

того, по ходу исследования любой автор затрагивает такую важную для науки проблему, как феномен номадизма.

Не вызывает сомнений, что государство, созданное Чингис-ханом, оказало решающее влияние на всю последующую историю Евразии — как политическую, так и этническую. Историю многих народов Евразии, включая казахов, необходимо соотносить с унаследованной ими монгольской традицией управления. Нарушая устоявшиеся традиции и стереотипы, можно считать, что главные вопросы истории Евразии тесно связаны с взаимоотношениями кочевых и оседлых обществ. Эта истина, хорошо знакомая большинству ориенталистов и этнологов, вызывает порой протест со стороны традиционных историков, сконцентрированных, прежде всего, на изучении «цивилизованных» систем. Марксистская историческая наука в этом смысле не являлась исключением, так как она также была, по сути, европоцентристской.

Некоторые авторы считают, что истоки Монгольской империи следует искать в китайской истории. То есть именно события в Китае подтолкнули и спровоцировали генезис монгольской государственности. Исследователи делают предположение, что эволюция государственной системы Китая стала одним из главных катализаторов процессов формирования имперской кочевой государственности (в качестве реакции на появление сильных государственных режимов в Поднебесной).

Рассматривая этимологию термина «монгол», в том числе в контексте формирования древнемонгольской нации, можно прийти к выводу, что термин носил искусственный характер и был продуктом сознательного политического решения со стороны Чингис-хана с целью легитимизации своей власти и создаваемой им новой государственности. То есть речь идет о создании новой идентичности. Сутью реформы Чингис-хана (и шире — сутью всей так называемой монгольской

проблемы) было торжество военной организации над традиционной племенной структурой. Поэтому можно с полным основанием считать Монгольскую империю уникальным проектом, не имевшим аналога ни до, ни после в истории степной Евразии. Монгольская империя изменила характер внутренних связей во всех кочевых сообществах, попавших на ее орбиту, что, в свою очередь, изменило этническую историю Центральной Евразии.

Новаторское, по сути, открытие механизма формирования постмонгольской этнонимии степных племен бывшего Дешт-и-Кипчака (то есть территории современного Казахстана) может иметь место, если принять версию и ввести в научный оборот, откуда в казахской степи появилось такое большое количество монгольских названий при фактическом отсутствии массового переселения монгольских племен (что противоречит устоявшейся точке зрения многих маститых востоковедов прошлого); и если допустить предположение, что в рамках проведенной Чингис-ханом реформы племенная принадлежность командира вновь созданных «тысяч», заменивших прежние племена, приводила к ее присвоению всей военной единице. А в будущем монгольские военные единицы эволюционировали в племенные группы, в своей основной массе имевшие монгольские названия.

Большое внимание следует уделить феномену монгольских улусов, которые следует рассматривать в качестве основных элементов государственного строительства империи. В дальнейшем именно улусы перехватывают функции государства у разваливающейся империи. В рамках улусов происходит формирование новых этносов на основе военно-политической организации, созданной Чингис-ханом. Большое место в книге занимает история улуса Джучи как наиболее отвечавшего задачам монгольского имперского строительства. Отдельным сюжетом располагается так называемый

русский вопрос. Здесь вполне логично следует перейти к истории возникновения Казахского ханства, в котором можно увидеть последний сколок Монгольской империи, ее прямого наследника с точки зрения организации и идеологии.

И наконец, к «самой большой загадке казахской истории» относится вопрос появления казахских жузов. Существует много исторических концепций на этот счет. В духе предлагаемой интерпретации развития монгольской истории и государственности после революционных изменений Чингис-хана можно увидеть в казахских жузах не территориальные объединения (основной постулат прежних концепций), а типичные монгольские улусы, то есть объединения кочевников на политической основе. В результате сопоставления различных фактов и процессов из истории XVII в. можно прийти к заключению, что образование казахских жузов, которое относится к концу этого столетия, было сложным компромиссом между казахами, с одной стороны, и ногаями и могилами — с другой. Все три группы племен объединяли такие факторы, как общность языка, религии и способ ведения хозяйства. Дополнительными факторами было враждебное ойратское окружение и сохранение у казахов традиций чингизидской государственности⁵.

Следующий сложный вопрос, с которым сталкиваются исследователи: как появилось разделение жузов на Старший, Средний и Младший? Предлагается следующее объяснение, отталкиваясь от данной теории монгольской традиции управления: термин «Старший» жуз остался за племенами, населявшими улус Чагатая, поскольку Чагатай был хранителем основного правового документа — Ясы. То есть потомки Чагатая имели преимущество перед потомками Джучи (хотя тот формально являлся старшим сыном). Название «Сред-

⁵ Этой точки зрения придерживается, в частности, следующий автор: Акимбеков С.М. История степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии. — Алматы: Центр Азии, 2011. — 640 с.

ний» жуз появилось для определения его местоположения между Старшим и Младшим. Последний получил свое название не в силу подчиненного положения, а из-за того факта, что племена этого жуза (в основном ногайского происхождения) долгое время управлялись не чингизидами.

Но данное распределение по старшинству носило крайне условный характер и было данью традиции, а реальное управление ханством оставалось у ханов-джучидов. Они распространили свою власть и на племена Младшего жуза, оттеснив потомков Едигея. Таким образом, можно рассматривать систему жузов не как форму разъединения казахских племен, а прямо противоположным образом — как форму объединения.

В бурной политической истории степной Евразии большую роль играл фактор случайности (хотя он не мог поменять сути происходящих объективных процессов), по крайней мере, в отношении этнонимии. Исследователи считают, что случайный фактор может оказать влияние на исторический процесс только тогда, когда он затрагивает систему организации различных обществ.

В настоящий момент это единственное удовлетворительное объяснение происхождения казахских жузов, которое освещает раннюю историю Казахского ханства под совершенно новым углом зрения. Отметим, что существовавшая ранее у историков традиция опоры на древние и средневековые источники делала знакомство с политической историей Евразии крайне сложным делом с точки зрения выявления логики повествования.

И в заключение отметим: пусть читатель не удивляется, встретив разные написания одних и тех же названий, этнонимов и топонимов. Например, кипчак-кыпчак, киргиз-кыргыз, Ясави-Яссауи и так далее. Это связано с несколькими факторами: различными традициями написания, разночтениями в

источниках и собственной стилистикой того или иного автора. Обращаясь к ним, мы старались сохранить авторское написание. Транскрипция же восточных имен (особенно арабских и персидских) вообще сильно разнится (Хасан-Гасан, Гуссейн-Хуссейн, Мохаммед-Мухаммед и т.д.). Кроме того, латинизированная и кириллическая передача восточных имен и названий порой сильно разнятся. Иногда возникали и сосуществовали две традиции передачи имен собственных — европейская (Махмуд Кашгарский) и восточная (Махмуд Кашгари).

Система библиографических ссылок имеет разноплановый характер. Помимо традиционных (подстрочных) сносок каждая часть (или глава) снабжены собственным списком источников и литературы. Замыкает монографию общий список литературы, включающий в себя в основном историографические труды по нашей тематике. Надеемся в этом плане на снисхождение читателя, что несколько сложная система его не утомит.

Разумеется, настоящее издание не претендует на полнейший охват всего источниковедческого и историографического корпуса литературы по истории Центральной Азии и Евразии. Да это и невозможно. Каждый год открываются новые источники, постоянно выдвигаются новые концепции, трактовки и теории. И это не может не радовать почитателей академической науки. Главное, чтобы в «потоке истории» отечественная наука, которая уже без малого четверть века развивается самостоятельно, без надзора (но и без поддержки) советской академии, не осталась на обочине магистрального развития мировой науки. Но к этой теме мы вернемся в заключении этого издания.

Глава I. Востоковедение во Франции

Развитие знаний о Востоке во Франции происходило по схеме, общей для всей европейской ориенталистики. Кроме того, развитие этой науки во Франции определяло общий климат востоковедения в Европе, и до середины XX в. успехи, достигнутые во Франции в таких областях, как исламология, синология, сравнительное языкознание и других, определяли уровень всей западной ориенталистики. Тем не менее процесс накопления и упорядочивания этих знаний имел здесь свои характерные особенности¹.

Что касается открытия французской мыслью центральноазиатского объекта исследования, то к нему французское востоковедение пришло благодаря развитию в первую очередь таких дисциплин, как исламология и синология. Расширение французского присутствия в исламском мире привело к интенсификации исламоведческих исследований, прежде всего, в культурологическом аспекте, что являлось ключом и к феномену среднеазиатского ислама. Бурное развитие синологии привело к значительному расширению источниковедческой базы. В большинстве источников, освещающих продолжительные периоды китайской истории, фигурируют сюжеты тюркской и шире — центральноазиатской истории. Ввод в научный оборот этих источников чрезвычайно обогатил европейскую востоковедную науку и подтолкнул в своем развитии тюркологию. Здесь уместно будет добавить, что продолжавшиеся столетиями особые отношения Франции с Османской империей способствовали развитию у первой практической тюркологии, что позднее послужило базой для создания тюркологии во Франции как научной дисциплины.

---

¹ См.: Лаумулин М.Т. Развитие востоковедения и среднеазиатские исследования во Франции // *Oriens/Vосток* (Москва). N 3. 2000, с. 169—190.

Эпоху, которая началась в конце раннего Средневековья, застала расцвет Средних веков и включила позднее Средневековье (IX—XVI вв.), можно охарактеризовать как период накопления знаний о Востоке: сначала спорадических сведений, затем — все более систематических. Основные события, отражавшие знакомство Франции с Востоком, следующие.

Около 1142 г. в монастыре Клуни по указанию Петра Достопочтенного, настоятеля этого центра средневековой мысли, был осуществлен первый перевод Корана на латинский язык. Были также переведены ряд хадисов, предания о пророках и другие канонические сочинения ислама. Все это происходило на фоне подготовки ко второму крестовому походу. Эти переводы были положены в основу опровержений мусульманского вероучения. Им предстояло сыграть в дальнейшем огромную роль в формировании представлений об исламе в Европе. Монастырь Клуни не случайно оказался местом первого перевода Корана: это был центр идеологического (а иногда и военного) противостояния христианского мира исламу. В дальнейшем он сыграл значительную роль в сплочении христианской Европы в борьбе с мусульманским миром².

Как известно, в своей борьбе с исламом христианская Европа пыталась найти союзника в лице Монгольской империи. В Центральную Азию были посланы несколько посольств, в том числе второе во главе с Андре де Лонжюмо (1249—1251), посетившее по указанию короля Людовика IX Хорезм, Семиречье и ставку монгольских правителей близ озера Алаколь. В 1252 г. Людовик IX послал третье посольство во главе с Вильгельмом Рубруком, отчет которого стал выдающимся памятником географического жанра Средневековья. Эти и другие сочинения, о

² См.: Ислам: историографические очерки. Под. ред. С.М. Прозорова. — М.: Наука, 1991. — С. 10.

которых речь шла выше (Гл. I. § 1), заложили основу в представлениях средневековых французов о далекой Центральной Азии.

На миссии Лонжюмо следует остановиться несколько подробнее. Это был образованный и опытный дипломат, который владел арабским и персидским языками. Многие годы А. де Лонжюмо провел во владениях крестоносцев в Палестине и Сирии, где выполнял поручения папского престола и французской короны. В 1245—1248 гг. он и другие западные посланники (Доминик Арагонский, Асцелин Ломбардский) сделали попытку проникнуть во владения монголов. Но дальше Иранского Азербайджана, где Лонжюмо передал папское послание, адресованное великому хану, в руки предводителя монгольского военного отряда, им не удалось пройти. Лонжюмо привез ценные сведения о положении на Востоке, которые позднее вошли в хронику Матье Парижского «Великая история Англии». В 1249 г. Людовик IX вновь послал А. де Лонжюмо с миссией, в результате которой ему удалось посетить Этиль-Тарбагатай в Джунгарии — лагерь вдовы Гуюк-хана Огул-Гаймыш. Однако главная цель — достижение военного союза христианских государств с монголами — не была достигнута. Различные сведения об этой миссии и эпизоды дошли через сочинения Жуанвиля (биографа Людовика IX) и де Рубрука³.

К накоплению во Франции знаний о Востоке следует отнести историю с первой рукописью книги Марко Поло на старофранцузском языке «О разнообразии мира» (около 1298 г.), которая хранится в Парижской Национальной библиотеке и была введена в научный оборот в 1824 г.

Со временем в Европе все более ощущалась потребность в развитии практического востоковедения и создания базы для обучения восточным языкам. На соборе в г. Вьенне (1311—1312)

---

³ См.: Гольман М.И. Изучение истории Монголии на Западе. XIII в. — середина XX в. — М.: Наука, 1988. — С. 20—22.

было установлено: учредить профессуры арабского, еврейского и халдейского языков в ряде европейских университетов, в том числе и в парижском. Характерно, что в области естественных дисциплин дела обстояли лучше: уже с 1220 г. в Монпелье существовала арабская медицинская школа. Сорбонна смогла быть достойно представлена в арабистике только в XVI в., когда там начал преподавать первый профессор арабского языка Гийом Постель, знавший все основные восточные языки.

Для рудиментарного средневекового ориентализма характерной чертой было в течение нескольких столетий преобладание религиозно-миссионерского начала. Еще в 1236 г. доминиканцы основали школу еврейского (древнееврейского) языка в Париже. Эту традицию в течение XIII—XVII вв. успешно поддерживали другие католические ордена — францисканцы и особенно иезуиты. В 1627 г. Папа Урбан VIII установил Коллегию по пропаганде католицизма и подготовке миссионеров для работы на Востоке. Во Франции коллегия была наиболее активна.

Благоприятные последствия для ориенталистики принесла активность католических миссионеров на Востоке уже к концу XVII в. и нашла свое выражение в деятельности членов «Ордена Иисуса» — иезуитов, ведущую роль среди которых тогда играли французы. Группа иезуитов, посвятившая себя миссионерской деятельности в Китае и изучению китайского языка, истории и культуры этой страны, стояла у истоков возникновения синологии во Франции в конце XVII—XVIII вв. Ведущая роль принадлежала в это время французам и в изучении Центральной Азии на основе китайских источников. Среди миссионеров, направленных в Китай в последней четверти XVII в., в связи с активизацией колониальной политики при Людовике XIV, следует назвать Ф. Жербийона, К. Висделу, А. Гобиля, М. Майя, а также Ж. Дюгальда — секретаря ордена во Франции, и историка Ж. де Гиня.

Ф. Жербийон прибыл в Пекин в 1688 г., был участником нерчинских переговоров с Россией в 1689 г. с китайской стороны, сопровождал императора Канси во время похода против джунгарского хана Галдана–Бошокту в 1696 г., неоднократно посещал Монголию, где также активно занимался сбором материалов. Его дневники и сообщения легли в основу сочинения «Великая Татария» (**Jerbillon, 1779**). Одновременно с Жербийоном в Китай прибыл К. Висделу, пробывший там с 1688 по 1701 г. Результатом его пребывания в Поднебесной империи стала работа, которую можно отнести к первой такого рода, целиком основанной на китайских источниках, — «История Татарии» (**Visdelou, 1779**).

Другой французский исследователь А. Гобиль целиком сосредоточился на пересказе китайских династийных хроник. В 1739 г. он опубликовал перевод первых десяти источников из «Юань Ши» и ряд выдержек из других сочинений, подборку источников о Чингис-хане и монгольском периоде китайской истории. Как отмечал советский исследователь М.И. Гольман, «Гобиль был одним из наиболее ярких апологетов китайских исторических сочинений, особенно династийных хроник, которые, по его убеждению, совершенно не нуждались в проверке, так как они составлялись по согласованным решениям целых комитетов, что якобы гарантировало полную достоверность сообщаемых в них фактов и событий»⁴. Компилятивная работа Гобилля получила название «История Чингис-хана и всей монгольской династии его наследников, завоевавших Китай» (**Gaubil, 1739**).

Совершенно очевидно, что деятельность иезуитов в Китае плодотворно сказалась на будущем развитии науки. Долговременное пребывание в стране позволило им в совершенстве изучить язык и обычаи; они зачастую достигали высокого служебного положения, что позволяло им беспре-

---

⁴ Гольман М.И. Ук. соч. — С. 39.

пятственно перемещаться в пределах империи и в соседних Манчжурии, Монголии, Тибете и Корее и пополнять свои коллекции новыми данными. Миссионеры были проводниками европейского влияния в Китае, благодаря им европейская наука (астрономия) начала вытеснять мусульманскую. Но самое главное, с точки зрения развития востоковедения они познакомили Европу с китайскими литературными и историческими сочинениями, в том числе и по истории тюркских народов Центральной Азии. Этот источниковедческий комплекс стал базой для последующего изучения древней и средневековой истории кочевых империй во Франции и шире — всей европейской науки.

Систематизация этих материалов была впервые предпринята Ж. Дюгальдом, который в 1736 г. опубликовал четыре тома донесений миссионеров-иезуитов из Китая (**Du Halde, 1736**). Позднее, в 1776—1791 гг., они были вновь изданы уже в 15 томах под редакцией Гроздьё. Без материалов, собранных миссионерами в Китае, не было возможно появление фундаментального исследования Ж. де Гиня «Всеобщая история гуннов, тюрков и монголов...» (**Guines, 1756**).

Однако не меньшее значение имело изучение памятников мусульманской, прежде всего арабской, историографии. Это направление французской ориенталистики также активно развивалось в XVII—XVIII вв. На основе арабских и персидских источников в 1710 г. появилась работа Ф. Пети де ла Круа «Империя великого Чингис-хана» (**Pétis de la Croix, 1710**).

В эпоху активных торговых отношений европейских стран Средиземноморья с мусульманским Ближним Востоком, а также благодаря существованию европейских миссий в регионе, в течение XVI—XVII вв. в Европе начали аккумулироваться обширные коллекции восточных рукописей. Во Франции на их основе ориенталист д'Эрбело (1625—1695)

составил свою знаменитую «Восточную библиотеку», которая оказала самое благотворное влияние на развитие ориенталистики в этой стране (**Herbelot, 1697**). Несколько поколений востоковедов состоялись как исследователи благодаря труду д'Эрбело. Большое значение имела дипломатическая активность Франции на мусульманском Востоке. В Иране это были миссии Тавернье (1636—1663), Тевено (1650—1660), Шардена (1664—1677), в Индии — Франсуа Бернье (1660—1670). Их поездки чрезвычайно обогатили представления о Среднем Востоке во Франции. Можно выделить труд Рафаэля дю Мана, миссионера в Персии (1646—1696), — «Персидское государство в 1660 году», переизданное Ш. Шефером в 1890 г. (**Mans, 1890**), где затронуты некоторые аспекты политической истории Центральной Азии.

Крупным центром ориенталистики в середине XVIII в. оставалась Сорбонна, где на высоком уровне велось преподавание китайского, арабского, турецкого (османского), персидского, еврейского языков. Свой вклад в востоковедение привнесли (и наоборот, в культуру и науку восточной цивилизации) естественные дисциплины. Во Франции неоднократно (1729 г., 1734 г., 1737 г.) издавались карты Китая и Центральной Азии, составленные иезуитами для китайских правителей или на основе их донесений.

Начало Нового времени и Эпоха великих географических открытий XV—XVII вв. знали много европейцев — представителей разных социальных слоев, пускавшихся в путешествия по странам Востока. Среди них были мореплаватели, ученые, купцы, военные и просто авантюристы. Все они внесли свой вклад в накопление представлений европейцев о Востоке. В XVIII в. уже сложился тип исследователей-профессионалов, бескорыстных ученых. Во Франции к ним с полным основанием можно отнести Анкетина Дюперрона — первого исследователя Авесты. Дюперрон провел в Индии

несколько десятилетий, которые, по словам В. Бартольда, следует назвать научным подвигом. Результаты его исследований были опубликованы в 1771 г. (полный перевод Авесты с комментариями) и сыграли в дальнейшем большую роль в развитии сравнительного языкознания, социальной антропологии и понимании протоиндоиранской истории Среднего Востока.

Нельзя обойти вниманием еще один аспект французского востоковедения — отражение восточных сюжетов в общественной жизни Франции XVIII в. Речь идет о влиянии фило-ориентализма, то есть культуры Востока, восточные и псевдовосточные (как у Вольтера, например) сюжеты, исламская экзотика и т.д. привлекались в борьбе с феодальной реакцией. Впрочем, все это можно рассматривать лишь в качестве некоей культурно-политической аранжировки процесса развития собственно научной дисциплины, черты которой все более приобретала ориенталистика. Таким образом, к середине XVIII в. завершился первый этап в развитии востоковедения во Франции, в это время создавались предпосылки научного исследования Востока.

Начало второй половины XVIII в. во французском востоковедении ознаменовалось выходом в свет монументального труда Ж. де Гиня (1721—1800) «Всеобщая история гуннов, тюрок, монголов и других западных татар в древности и от Иисуса Христа до настоящего времени» (**Guines, 1756—1758**). Этот, ставший классическим, труд обозначил начало нового этапа во французском востоковедении: заложение научных основ изучения Востока, в том числе истории Центральной Азии. Ж. де Гинь, ученик сиолога Фурмана, блестящий знаток китайского и арабского языков, вел кафедру в Сорбонне. Де Гинь использовал в оригинале арабские и китайские источники и привел в переводах источники на других языках. По числу использованных источников и охвату

исторического периода это было действительно грандиозное для той эпохи (и еще много позже) исследование.

Де Гинь посвятил 1-й и 2-й тома своей «Всеобщей истории» гуннам и тюркам (до середины XII в.), 3-й том — истории создания монгольского государства и Монгольской империи (1147—1259), 4-й том — Тимуру и тимуридам, 5-й том, который вышел после его смерти только в 1824 г., — узбекам (истории узбекского улуса в восточной части Золотой Орды, т.е. предыстории казахов) и средневековым государствам в Средней Азии. Он первый поставил и обозначил проблемы, связанные с историей кочевых народов Центральной Азии. В основу классификации этих народов де Гинь положил политический принцип, то есть принадлежность к какому-либо государственному образованию. Автор делит всех кочевников Центральной Азии — «татар» — на западных и восточных, а неизменную основу кочевого общества видит в племени. Представления о кочевниках как о варварах, отразившиеся в работе де Гиня и являвшиеся частью устоявшихся в эту эпоху взглядов, во многом обязаны своим происхождением китаецентристскому характеру использованных источников. Де Гинь писал о монголах эпохи Чингис-хана: «Это был варварский народ, который отправился в самые отдаленные страны только за тем, чтобы захватить все богатства, обратить народы в рабство и вернуть их к варварскому состоянию, и сделать свое имя устрашающим» (**Guines, 1756—1758; Т. 3. P. 2.**)

В 1777—1785 гг. увидело свет двенадцатитомное сочинение М. Майя (1669—1748) «Общая история Китая по архивам этой империи», где в ряде томов затронута история кочевых народов Центральной Азии и их взаимоотношений с Китаем (**Mailla, 1777—1785**). В работе М. Майя нашли выражение положительные черты современной ему историографии: солидная источниковедческая база, введение в оборот новых источников, скрупулезность в изучении материала, обшир-

ный фактологический материал; а также недостатки, ставшие явными позднее, — китаецентризм, некритический подход к источникам, игнорирование социальных, экономических и этнических процессов.

В 1788—1790 гг. в Париже был издан трехтомный труд, посвященный истории Османской империи и всего мусульманского мира и принадлежавший перу Мураджи д'Оссона, турецкого армянина. М. д'Оссон в течение 22 лет собирал сведения из различных источников (арабских, персидских, турецких, греческих, армянских и других), чтобы воссоздать историю Великой Порты, понимаемую им как продолжение тюркских государств древности и Средневековья, и ее место в мире ислама. Труд д'Оссона проливал свет на историю Центральной Азии как на часть исламской цивилизации. Это был качественно новый подход к истории тюркских народов региона (**Ohsson M. de, 1788—1790**). С этого времени изучение Центральной Азии происходит во все более тесной связи с тюркологией.

Успехи французского языкознания, а также настоятельные политические императивы, вытекавшие из нового геополитического положения Французской Республики, привели к созданию в 1795 г. при Французской академии Школы живых восточных языков. Все это вписывалось в новую концепцию французской политики на Востоке: завоевание Египта, Сирии и Ливана, вытеснение Англии из Южной Азии в первую очередь из Индии, активность в Турции и Персии. Ввиду этого Франция нуждалась в специалистах в арабском, персидском, турецком и других языках мусульманского Востока. Эпохальным событием в истории французского и европейского востоковедения стал египетский поход генерала Бонапарта 1798 г., следствием которого стала расшифровка древнеегипетских иероглифических письменностей Жана Франсуа Шампольона. Это было начало новой науч-

ной дисциплины — «египтологии». Но одновременно эта экспедиция продемонстрировала, насколько некорректным, неумным и идеологизированным может быть поведение европейцев в мусульманской стране (пропаганда Бонапартом идей Французской революции — свободы, равенства, братства — в своих знаменитых прокламациях). Более успешной была дипломатическая активность уже императора Наполеона: Иран и Турция выступили фактически союзниками Франции в борьбе с одним из главных участников антифранцузской коалиции — Россией. Для развития науки полезным было посольство Гардана в Иране в 1808 г., после которого во Франции получили более свежие сведения о Среднем Востоке, в том числе и о Средней Азии.

Таким образом, в истории французского востоковедения первой половины XIX в. можно выделить два фактора: 1) влияние колониальной политики на развитие ориенталистики (так, арабистика получила новый мощный импульс после утверждения Франции в странах Магриба); 2) накопление достаточных ресурсов и создание базы для институализации востоковедения как отдельного направления в науке и общественной жизни: в 1821 г. в Париже было создано Географическое общество, а в 1822 г. — Азиатское общество. С 1822 г. начал публиковаться главный печатный орган Азиатского общества — «Журналь Азиатик» («Азиатский журнал»). Кроме того, стали выходить другие востоковедные журналы: «Меланж Азиатик» (1825—1826) и «Нуво Меланж Азиатик» (1829—1830).

В начале XIX в. парижская Школа живых восточных языков продолжала оставаться центром арабистики и исламоведения во многом благодаря деятельности Сильвестра де Саси (1758—1838), автора популярных арабских «Грамматики» и «Хрестоматии». Высшим достижением французской арабистики XIX в. считался перевод Корана, выполненный А.Б. Казимирским (1808—1887). Первый перевод Корана на французский язык

был осуществлен Дю Риё в 1647 г. Все это происходило на фоне начавшейся в 1830 г. французской экспансии в Алжире, когда резко возросла потребность в более глубоком понимании ислама. Там же, в Алжире, французское, а вместе с ним и европейское востоковедение впервые столкнулись с феноменом суфизма. Французские власти с удивлением обнаружили, что Алжир поделен на сферы влияния между многочисленными суфийскими братствами, которые были в состоянии организовать активное сопротивление колонизаторам. С этого времени суфийские штудии, а вместе с ними все французское исламоведение разделились на два течения: академическое и прикладное. Первое делало акцент на переводе и осмыслении классического суфийского наследия и, вообще, литературных памятниках ислама. Второе течение абсорбировало в себя всякого рода дилетантов, занимавшихся этими вопросами в силу профессиональных обязанностей (военных, колониальных чиновников, путешественников). Это прикладное исламоведение заложило основы для социологического изучения ислама⁵. Позднее эта традиция применялась и в изучении среднеазиатского ислама.

В первой половине XIX в. французские исследования средневековой истории Центральной Азии получили новый импульс. Этот подъем стал возможным благодаря трудам К. д'Оссона, Э. Катрмера и Жан-Пьер Абель-Ремюза. Абрахам Константин Мураджа д'Оссон (1779—1851), сын М. д'Оссона, по примеру своего отца увлекся Востоком и, находясь на шведской дипломатической службе, в 1824 г. выпустил в Париже «Историю монголов от Чингис-хана до Тимур-бека, или Тамерлана» (**Ohsson C.M. de, 1824**). Главное достоинство исследования д'Оссона — использование богатого и оригинального фактического материала. Автор привлек обширное количество арабских, персид-

⁵ Ислам: историографические очерки. — М.: Наука, 1991. — С. 121—122.

ских, грузинских, немецких и польских источников, часть из которых носит уникальный характер и известна только благодаря его труду. Д'Оссон воссоздал широкую картину монгольских завоеваний и их последствий для всей Евразии. Концептуальный характер этого труда вывел д'Оссона в число крупнейших исследователей своей эпохи.

С этого времени постепенно возрастает значение персоязычных источников для изучения истории Центральной Азии. С 1823 г. кафедру персидского языка в Школе живых восточных языков возглавлял профессор Этьен Марк Катрмер (1782—1851). В 1836 г. он издал тексты, перевод на французский и обширные комментарии к «Джами ат-таварих» Рашид-ад-дина, а также описание его жизни. Опубликованные материалы касались главным образом истории династии Хулагидов (**Quatremère, 1836**). Издание Катрмера стало отправным пунктом в длительной традиции изучения наследия Рашид-ад-дина во французской и мировой ориенталистике.

В Коллеж де Франс с начала 1814 г. кафедру китайской, монгольской и маньчжурской литературы возглавлял проф. Жан-Пьер Абель-Ремюза (1788—1832). В 1822—1824 гг. он ввел в научный оборот комплекс источников, касающихся истории ильханов в Средней Азии и Иране, положений в коренном улусе Монгольского государства, а также биографии выдающихся деятелей Монгольской империи (Субудай-багатура), Золотой Орды (Сартака) и других. В эти десятилетия французское источниковедение все более расширяло свою базу. Применительно к истории Средней/Центральной Азии это означало уменьшение приоритетного значения китайских источников и китайской традиции; на первый план выступили сочинения мусульманских авторов. В 1820-е гг. на французский язык было переведено сочинение Мухаммеда Юсуфа Мунши «Тарих-и Муксим-ха-

ни», которое долгое время оставалось единственным источником по истории Бухары⁶.

В эти же годы начала утверждаться новая традиция — использование русских материалов о Средней Азии и Казахстане. В 1823 г. в Париже издается книга М. Муравьева «Путешествие в Туркмению и Хиву» (**Muraviev, 1823**). В 1831 г. в «Журналь Азиатик» появляется заметка А. Левшина о казахах (Levchine, 1831), а в 1840 г. в Париже издается его главный труд — «Описание киргиз-кайсацких орд и степей» (в переводе на французском — «Описание орд и степей киргиз-казахов» (**Levshin, 1840**)). Достаточно хорошо известно, какое значение имела книга А. Левшина для последующего этнографического изучения казахов.

Нельзя сказать, что до перевода «Описания...» французам негде было почерпнуть сведения о казахах. В «Восточной библиотеке» д'Эрбело имелись отрывки из текстов, где описывались средневековые тюрки — предшественники казахов в Туранской степи (**Herbelot, 1697**). Соответствующие описания имелись у Дюгальда, де Гиня, К. д'Оссона и у других авторов, следовавших синологической традиции иезуитов. Эти стереотипы переходили в другие издания, в частности в великую «Энциклопедию наук, искусств и ремесел» Дидро. Соответствующая статья, по-видимому, написана де Гинем. Казахи упоминаются также в различных исследованиях в географическом жанре, например, в «Истории о странствиях...» А. Прево, а также в историко-популяризаторской «Истории тюрков и татар» де Тотта (1784). К тому же в первой половине XIX в. во Франции были популярны сочинения английских путешественников и немецких естествоиспытателей, в которых находили отражение среднеазиатские и казахстанские сюжеты.

---

⁶ Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. С. 439.

Влияние этих сюжетов нашло отражение и в художественной литературе⁷. В 1836 г. в Париже вышла поэма Г. Гамбса (К. Клермонт) «Владимир и Зара, или киргизы», построенная на казахском материале. На французском языке также увидели свет поэмы Г. Зелинского «Киргиз» (1842) и «Степь» (1856), а также повесть В.И. Даля «Бикей и Мауляна» (1845). Безусловно, эта и подобная литература являлась частью господствовавшего в европейском художественном жанре романтического направления, которое не могло обойтись без использования восточной экзотики. В силу своей природы романтизм изображал жизнь, абсолютно далекую от реальности. Тем не менее опосредованно художественная литература отражала уровень географических, этнографических и исторических знаний о ЦА французского общества в середине прошлого столетия. Овеяна романтикой и замечательная книга-альбом Б. Залесского, польского эмигранта, «Жизнь киргизских степей», увидевшая свет в Париже в 1865 г. (Гл. II. § 4. — **Zallessky, 1865**).

В середине XIX в. парижская пресса достаточно регулярно освещала события, связанные с политикой России в Туркестане. Так, в 1848—1859 гг. в газетах «Республик», «Патри», «Монитер», «Глоб» и «Ревю дель Орьян» публиковались статьи, где сообщалось о продвижении России в Средней Азии, аннотации географического характера (о Каспийском и Аральском морях, озере Балхаш, Илийском бассейне), этнографические материалы (**La Russie, 1968**).

Подводя итоги второго этапа в развитии французского востоковедения, который завершился в середине XIX столетия, можно утверждать, что в этот период были заложены основы научного познания Востока, был накоплен значительный фактический материал; систематизация знаний и концептуальные обобщения уже стояли на повестке дня. Развитие ориентали-

---

⁷ Маданова М.Х. Казахстан — Франция. Малоизученные страницы общения народов в XIX веке. — Алматы: Казахстан, 1993. — С. 44—46.

стики опиралось на основательный фундамент в виде сети ориенталистских кафедр, где велось преподавание основных восточных языков. Экономическое, политическое и культурное проникновение европейцев на востоке создавало благоприятный фон для развития прикладной и теоретической ориенталистики.

Третий, наиболее блестящий, период в истории европейской ориенталистики, применительно к которому можно говорить о классическом европейском востоковедении как таковом, пришелся на расцвет колониальной активности Франции и других великих европейских держав. Практически весь Восток был включен в сферу влияния нескольких колониальных империй в виде колоний, доминионов, протекторатов и, позднее, подмандатных территорий. Третий этап охватывает всю вторую половину XIX в. и первые десятилетия XX в. Характерные особенности этого периода: расширение области исследований и их интенсификация, количественное увеличение объектов изучения, систематизация полученных данных, концептуальное оформление научных идей, научная специализация в ряде направлений и возникновение в Европе научного сообщества, открытого для обмена идеями и результатами исследований. Одно из лидирующих мест в системе европейского востоковедения занимали, безусловно, многие поколения французских ориенталистов.

И на этом этапе развития науки Франция удерживала славу первой синологической державы. Согласно В. Бартольду, в Европе XIX в. синология считалась «французской наукой»⁸. Этому способствовало открытие в Сайгоне в 1900 г. научно-исследовательской Французской дальневосточной школы (позднее переведена в Ханой). Успехи синологии и изучение истории Центральной Азии на рубеже XIX—XX вв. связаны с именами Э. Шаванна и П. Пельо (см. ниже). Но и исламо-

⁸ Бартольд В.В. Указ. соч. — С. 323.

ведческая традиция во Франции успешно сосуществовала с синологической, а арабисты, иранисты и тюркологи внесли свой весомый вклад в изучение истории Центральной Азии. Еще в 1830 г. историк Седилло настаивал, что из всех восточных культур наиболее высокий уровень был достигнут мусульманами, которые внесли наиболее выдающийся вклад в цивилизацию Азии и всего Старого Света.

В 1860-е гг. М. де Слан ввел в научный оборот наследие Ибн Халдуна (**Prolégomènes historiques, 1862—1868**). В 1854—1874 гг. арабисты Ш. Дефремери и Б. Сангинетти издали четырехтомные «Путешествия» Ибн Баттуты на арабском и французском языках (**Battuta, 1854—1874**); в 1910—1911 гг. Э. Блоше подготовил «Историю монголов» Рашид-ад-дина (**Blochet, 1910; Djami el-Tavarikh, 1911**); в 1913 г. М. Шефер переиздал «Историю Средней Азии» Абдул-Керима Бухари (**Bukhari, 1876; Blochet, 1910—1911**). Даже эти немногие издания уже дают представление о масштабах и интенсивности исследований по истории Центральной Азии в эти десятилетия. Именно тогда были введены в оборот большинство из источников по истории тюркских народов региона в Средние века, сложилась устойчивая традиция их трактовки и сравнительного сопоставления. Не оставили без внимания французские ориенталисты и памятники европейского Средневековья, имевшие отношение к Центральной Азии, такие как работа Э. Баккэ о В. Рубруке (**Backer, 1912**).

В последние десятилетия XIX в. в центре внимания французского исламоведения продолжали оставаться проблемы суфизма. В эту эпоху господствовала концепция английских востоковедов о том, что суфизм являлся продуктом развития индуистских и буддийских доктрин на почве ислама. Первым против «индийской теории» выступил французский исследователь Ж. Гарсэн де Тасси, который настаивал на необходимости отделять суфийское учение от индийского пантеизма.

В 1880—1990-е гг. суфийский феномен привлекал самое пристальное внимание французских ученых и политиков ввиду той опасности, которую он нес колониальному правлению. В 1897 г. по распоряжению генерал-губернатора Алжира Ж. Камбона был опубликован фундаментальный труд О. Депона и К. Копполани, посвященный суфизму и его институтам (**Depont, Coppolani, 1897**). В работе также рассматривалась общая история ислама, ключевые положения суфийской теории и практики и главное — содержались рекомендации колониальным властям по умиротворению суфийских братств исключительно с помощью военной силы, так как промедление и нерешительность были чреваты стремительным распространением повстанческого движения. Книга была с большим вниманием принята в Англии и России, так как и они сталкивались с аналогичными проблемами в своих колониях: Великобритания — в Индии, Россия — в Средней Азии.

Успехи синологического востоковедения во Франции в конце XIX — начале XX в. связаны с именем Эдуарда Шаванна (1865—1918). Шаванн получил фундаментальное образование в Эколь Нормаль Сюперьер и в течение многих десятилетий читал курс в Коллеж де Франс. Его имя стало широко известно в 1890 г. после того, как он предложил вниманию ориенталистов результаты своих исследований «Исторических записок» Сыма Цаня (**Chavannes, 1905**). В дальнейшем французский ученый упорно придерживался точки зрения, что китайские источники и шире — синология вообще — ключ к пониманию древнетюркской истории. В научном творчестве Шаванна отразились, как когда-то у де Гиня, стереотипные представления китайской историографии о кочевых тюрках раннего Средневековья. Шаванн утверждал, что в орхоно-енисейских надписях VIII в. тюрки передали свою мечту о «зверской славе»; многое в истории Центральной Азии ученый объяснял расовыми причинами. Можно считать оригинальной концепцию

Шаванна о тюркском происхождении 12-животного цикла (**Chavannes, 1907**). В целом научная деятельность Шаванна чрезвычайно обогатила центральноазиоведческое источниковедение применительно к истории ранних тюрков (**Chavannes, 1903**). С 1904 г. во многом благодаря усилиям Шаванна начал выходить журнал «Тун Бао» — международный печатный орган синологов.

Одновременно во французской историографии этого периода существовала противоположная концепция, отвергавшая восходившую к иезуитам традицию трактовать историю кочевников как стихийное бедствие или бессознательное движение народов, разрушительное по своим последствиям. Она нашла свое выражение в блестящих научных и литературных работах Леона Каюна (1841—1900), или Давида Леона. Л. Каюн был первым профессором в Сорбонне и, по видимому, первым европейским ученым, читавшим общий курс по истории Центральной Азии, используя и китайские, и мусульманские источники. Этот же принцип был положен Каюном в создание его главного исторического труда «Введение в историю Азии» (**Cahun, 1896**). К тому же истории кочевников Центральной Азии были посвящены его предыдущие литературные опыты: «Синея знамя» (1877) и «La treuse» (1893). И хотя «Введение» получило высокую оценку Французской академии, тем не менее историки науки, в частности В. Бартольд, больше выделяют художественные достоинства книги, чем научные⁹. Интересно, что В. Бартольд говорил о преждевременности появления работы Каюна, но сам принцип комплексного использования источников и концептуального изложения истории всей Центральной Азии, который пытался применить французский востоковед, он не подвергает сомнению.

---

⁹ См. подробнее: Маданова М. Ук. соч. — С. 99—102; Бартольд В.В. Сочинения. Т. 5. — С. 250—251; Гольман М.И. Ук. соч. — С. 45.

Тот факт, что Каюн был прекрасно знаком с содержанием восточных фондов и коллекцией их документов, подтверждается его очерком о среднеазиатской, преимущественно тюркоязычной средневековой литературе (**Cahun, T. XIII**). Возвращаясь назад, можно напомнить, что именно Л. Каюн представил доклад по тюркской истории на I Международном съезде востоковедов в Париже в 1873 г. Это было выражением того уважения, которое заслужила французская ориенталистика своими достижениями в глазах европейского научного мира. Что касается творческого наследия Каюна, то, на наш взгляд, оно является замечательным примером присутствия в научном поиске той меры эмоционального начала, без которого становятся невозможными подлинны прорывы в науке. Каюн продемонстрировал пример открытого и непредвзятого отношения к так называемым «неисторическим народам» — кочевникам Центральной Азии, протест против скрытого китаецентризма в историографии и открытого европоцентризма в политике. Дальнейшее развитие французского востоковедения уже в XX в. показало, что у Каюна нашлись достойные духовные преемники.

Но третий этап в развитии востоковедения, в том числе и во Франции, выделяется не только тем, что в это время были созданы зрелые научные труды, разработаны методологии научного поиска, принципы систематизации материала и определены основные направления в развитии востоковедческих дисциплин — все то, что позволяет говорить о становлении классического европейского востоковедения; этот период характеризуется также небывалым размахом практических исследований на Востоке, в первую очередь благодаря путешествиям и порожденной ими так называемой вояжной литературе. Практическая ориенталистика, ставшая возможной благодаря непосредственному и массовому проникнове-

нию европейцев в страны Востока, стимулировала развитие таких дисциплин, как языковедение, этнография, археология, палеография, нумизматика, культурология и других.

Французские путешественники — ученые, писатели, журналисты, инженеры — занимали одно из ведущих мест во второй половине XIX в. в изучении Центральной Азии, Русского Туркестана и Казахской Степи. Во многом этому способствовали успехи географической школы. Данное направление в своих исследованиях опиралось на развитую сеть научных школ: Географическое общество существовало во Франции с 1821 г., в 1839 г. было создано Парижское общество этнологии, в 1859 г. — Антропологическое общество. В 1860—1870-е гг. во Франции все больше печатается материалов о нашем регионе, а в 1880—1890-е гг. их публикация становится регулярной. По своему характеру и внешней форме они не однотипны: здесь присутствуют как серьезные научные исследования, так и дилетантские путевые зарисовки; как солидные книги, так и небольшие заметки в регулярных изданиях различных научных обществ.

Концептуальный и методологический уровень, достигнутый французской географической школой, убедительно отразился во «Всеобщей географии» Жан-Жака Реклю (1830—1905), где отдельный том посвящен Русской Азии (**Reclus, 1881**). Реклю попытался, иллюстрируя свой труд колоссальным фактическим материалом, показать влияние географического фактора на историю человечества. Соответствующим образом Реклю трактовал историю кочевников Центральной Азии, развитие которой шло под влиянием огромных степных пространств. В этом же духе была выдержана книга Ж. де Риалья «Память о Центральной Азии» (1875 г.), где сделана попытка дать ретроспективу чередования кочевых обществ региона с древнейших времен (**Rialle, 1875**)¹⁰.

---

¹⁰ См.: Есмагамбетов К.Л. Что писали о нас на Западе. — Алма-Ата: КазГУ, 1992. — С. 62.

Но наиболее популярным жанром в эти десятилетия оставался, безусловно, жанр путешествия. Эмоциональные, проникнутые неподдельным интересом, иногда преувеличенные и, как правило, увлекательные произведения в этом жанре создавали соответствующий настрой в умах и отвечали настроениям и потребностям общества.

В 1865 г. А. Жоне-Спонвиль опубликовал эссе этнографического характера в «Бюллетене Географического общества», посвященное казахам (**Jaunez Sponville, 1865**). Кроме этого, научные круги знакомились с литературой о казахх по переводам на французский язык с русского и немецкого, в том числе по переводам Радлова (**Radlov, 1863**). В 1870 г. французская публика могла ознакомиться с переводом с английского двухтомной книги Дж. Феррьеера «Путешествия и приключения в Персии, Афганистане, Белуджистане и Туркестане» (**Ferrier, 1870**). Но все большее значение приобретали собственно французские сочинения. В 1876 г. Ж.Б. Пакие публикует свою «Среднюю Азию» (**Paquier, 1876**), а чуть позднее более детальную книгу — «Средняя Азия с высоты птичьего полета» (**Paquier, 1881**), где дает пространные зарисовки кочевого быта, обычаев и культуры казахов.

Крупнейшей фигурой в исследовании Средней Азии того периода был Уйфальви (Южфальви) де Мезо-Ковезд Шарль Эжен (род. в 1842 г. в Венгрии). Интерес к финно-угорскому языкознанию и этнологии неизбежно привели его к изучению Центральной Азии. В 1876 г. французское правительство направляет специальную научную экспедицию в Туркестан, которую возглавляет Ш. Уйфальви. В 1887 г. организуется вторая экспедиция во главе с ним. Результатом двух экспедиций стал материал, обобщенный в шести томах и озаглавленный «Французская научная экспедиция в Россию, Сибирь и Туркестан» (т. 1—3: письменные материалы и отчеты; т. 4—6: приложения, фотографии, гравюры). Уже первая экспедиция

вызвала большой резонанс в научном мире, глава миссии был награжден Орденом почетного легиона. Результаты экспедиции позволили Южфальви приступить в парижской Школе живых восточных языков к чтению специального курса по Центральной Азии, который включал в себя экономику, историю, политическое положение, введение в языковедение, этнографию и антропологию. Сам Южфальви в своих опубликованных трудах приоритетное значение придавал этнографическому изучению: «В течение двух лет, которые я провел в России, Сибири и Туркестане, я занимался преимущественно изучением народов с точки зрения этнографической, то есть по отношению к их верованиям, нравам и обычаям» (**Ujfalvy, 1878, p. 543**).

Композиционно Южфальви выстроил материалы «Научной экспедиции» следующим образом: 1-й том — Казахстан, Фергана, Кульджа, Кашгария. Здесь автор дает стратификацию казахов по шести группам (3 жуза, Букеевская Орда, а также кара-киргизы, то есть собственно киргизы и казахи Западного Китая). 2-й том — Сыр-Дарья, Зерафшан, Семиречье и Западная Сибирь. Этот том наиболее насыщен сведениями о казахах, которые автор лично собрал в ходе экспедиции, в том числе описаниями достопримечательностей, памятников кочевой культуры, комплекса Ходжи Ахмета Ясави. 3-й том — это территории, лежащие севернее казахских степей. В нем автор сосредоточил антропологические результаты экспедиции. Также в обобщенном виде эти данные вышли в 1880 г. отдельным изданием (**Ujfalvy, 1880**. Гл. 4. § 1). Помимо крупных публикаций Южфальви регулярно в ходе работы над «Научной экспедицией» помещал сообщения в научной периодике (**Ujfalvy, 1878, 1881**).

Свой вклад в популяризацию жанра путешествий внесли представительницы слабого пола. Среди француженок, которые оставили письменные свидетельства своих визитов в регион, в первую очередь следует назвать Мари де Южфальви-Бурдон,

сопровождаящую супруга в его научных поездках в Центральную Азию, Индию и Египет. В том же 1880 г. были изданы ее путевые дневники — «Из Парижа в Самарканд, Фергану, Кульджу и Западную Сибирь: дорожные впечатления парижанки». Эта книга, прекрасно изданная и содержавшая свыше 300 иллюстраций, имела обширный успех и способствовала росту интереса во Франции к регионам Внутренней Азии. Дневники М. де Южфальви-Бурдон являлись сами по себе прекрасным художественным дополнением к более строгим, наполненным научным поиском работам ее мужа. Тем не менее М. де Южфальви тоже публиковалась в научных изданиях; здесь уместно назвать ее более раннюю версию центральноазиатских дневников — «Из Оренбурга в Самарканд» (**Ujfalvy-Bourdon, 1879**).

Другой француженкой, оставившей письменные впечатления от встречи с казахской культурой, была Карла Селена. Ее книга «Одна в степях. Эпизоды моего путешествия в страны калмыков и киргизов» увидела свет в 1883 г., а само путешествие состоялось в 1878 г. Селена зафиксировала ряд обычаев, образов, деталей быта и культуры у астраханских казахов; приводится также экскурс в историю Букеевской Орды и ее административное положение. Селена затрагивает такие важные для профессионалов-этнографов аспекты, как одежда, пища, занятия и ремесла, музыка и охота, религиозная обрядность и т.д. (**Selena, 1883**)¹¹. Автор в некоторых местах допускает фактические неточности и ошибки. Так, время образования Золотой Орды она относит к 1206 г. Представляют интерес высказывания Селены об офицерах-казахах на русской военной службе (**Selena, 1883; p. 209**).

¹¹ Интересную точку зрения на значение написанных женщинами воспоминаний для объективного познания высказала такой знаток франко-казахских культурных связей, как М. Маданова: «Для «женской» прозы присущи большая степень лиричности, эмоциональности и психологизма в повествовании. В области путешествий женские показания и свидетельства о других народах ценны также и тем, что они обычно свободны от политической и идеологической подоплеки». — См.: Маданова М. Ук. соч. — С. 89—90.

Габриэль Бонвало и Гийом Капю — французские путешественники и ученые-ориенталисты, чья деятельность и труды наиболее эффективно способствовали распространению достоверных сведений о Средней Азии и Казахстане во Франции конца XIX — начала XX в. Перу Г. Бонвало (1853—1933) принадлежит двухтомная книга «В Центральной Азии» (**Bonvalot, 1884—1885**) и «Неизвестная Азия» (**Bonvalot, 1895**), Г. Капю — «По владениям Тамерлана» (**Capus, 1892**) и «Вершина мира — Памир» (1892). Во всех этих книгах рассказывается об их совместных путешествиях по Азии: первое — в 1880—1882 гг., второе — в 1886 г. Учитывая третье путешествие Г. Бонвало (вместе с принцем Генрихом Орлеанским), можно утверждать, что неутомимые французы побывали во всех районах Казахстана, посетили все крупные населенные пункты и пересекли важнейшие водные артерии, описали наиболее известные достопримечательности и кочевую жизнь в самых разных частях степи. Насколько сильное влияние оказали эти работы, особенно Г. Бонвало, на формирование представлений о Туркестане у французов, дает понимание истории создания Жюлем Верном такого романа, как «Клодиус Бомбарак».

В эти десятилетия туркестанское и центральноазиатское направления в литературе неустанно пополнялись. Можно назвать такие издания, как «Поездки в Туркестан и на русско-афганскую границу» Шоле (**Cholet, 1888**), «Россия и Англия в Средней Азии» П. Лессара (**Lessar, 1886**), «Записки о Средней Азии» Дебизе (**Debize, 1877, 79**), «По Русскому Туркестану» Г. Крафта (**Krafft, 1898**), «Воспоминания о Средней Азии» Ж. де Риале (**Rialle, 1875**), «Через Среднюю Азию» Ж. Гаттейриаса (**Gatteyrias, 1864**), «По Средней Азии на пароходе» Н. Нея (**Ney, 1888**) и много других.

Пристальный интерес французов привлекла идея железнодорожного строительства в Средней Азии. Еще в 1876 г.

эту проблему поднимал Ш. Катар (**Catard, 1976**). Ф. Лессепс, создатель Суэцкого канала, выдвигал идею «великой паназиатской магистрали». В 1896 г. инженер Эдгар Буланжье был уполномочен французским правительством официальной миссией для наблюдения за ходом строительства железной дороги в Туркестане. Его отчеты были положены в основу книг «Путешествие в Мерв» (**Boulangier, 1888**) и «Записки о путешествии в Сибирь. Транссибирская железная дорога и Китай» (**Boulangier, 1891**). Отчеты Буланжье использовал Жюль Верн, который, как известно, скрупулезно относился к техническим деталям своих романов.

В 1880—1890-е гг. продолжались французские научные экспедиции во Внутреннюю Азию. Так, в течение четырех лет шла экспедиция во главе с Ж. Л. Дютрей де Реном (1846—1895), в которой участвовал Фердинан Гренар. Ему принадлежит заслуга издания путевых записей де Рена, погибшего в конце экспедиции на Тибете. Эти материалы увидели свет в 1897—1898 гг. в виде трехтомного издания (**Dutreil de Rhins, 1897—1899**). Третьим томом материалов Гренара стала его собственная работа «Туркестан» («Туркестан и Тибет» — **Grenard, 1898**). В работах Дютрей де Рена и Гренара содержится подробный фактический материал по этнографии народов Центральной Азии, в том числе казахского населения Оша, Ташкента и Восточного Туркестана.

Описание вояжной литературы во Франции 1890-х гг. было бы неполным без упоминания о работах Эдуара Блана. Его перу принадлежат «Русская колонизация в Азии» (**Blanc, 1896**) и «Записки о путешествии в Среднюю Азию» (**Blanc, 1895**). В них отразились впечатления автора от посещения Степного Края, Ферганы и других частей региона: фрагментарные описания кочевой культуры (выразительны его характеристики казахской музыки), лингвистический материал и, наиболее важное — сведения об усиливающемся колони-

зационном потоке из Европейской России в казахские степи, который, как предчувствовал Блан в своих трудах, мог иметь в дальнейшем серьезные экономические, политические и социальные последствия для всей Средней Азии. Проблемы, связанные с растущей европейской колонизацией азиатской части империи, затрагивались в эти годы и другими авторами. Например, Ж. Легра писал о взаимоотношениях русского и казахского населения в северных частях степи (**Legras, 1896—1897**), Д. Леви — на юге Казахстана в своей работе «Русский Египет: Туркестан и Бухара» (**Levat, 1902**). В целом французские авторы более спокойно писали об изменениях, вызванных появлением русских в регионе, в отличие от английских, настроенных в большинстве своем враждебно к своим недавним соперникам, и немецких, восторженно приветствовавших русскую колонизацию Туркестана.

В числе первых европейских археологов в Туркестане нельзя не упомянуть Жана Шаффанжона (1854—1913), ставшего, по меткому выражению ташкентской ученой С. Горшениной, для Афрасиаба тем же, что и Генрих Шлимманн для Трои¹². Ж. Шаффанжон в молодости участвовал в войне против Пруссии в отряде краснорубашечников Гарибальди; после войны получил два образования: первое — в Эколь Нормаль де Вильфранш, второе — в качестве антрополога в Лионском университете. Его экспедиции в Центральную Азию и Сибирь имели место в 1894—1897 гг., в ходе которых Шаффанжон по заданию Министерства просвещения и изящных искусств должен был исследовать в комплексе «естественную историю» региона. В начале экспедиции Шаффанжон пересекался с Г. Бонвало. Деятельность Шаффанжона стала еще одним вкладом в удовлетворение интереса в Лионе к региону, который восходит еще к Средневековью, когда Лион

---

¹² См.: Горшенина С. Первый французский археолог в Русском Туркестане Жан Шаффанжон // Восток/Oriens. 2000. N 3. С. 118—127.

был конечной точкой в Европе Великого Шелкового пути. В марте 1895 г. экспедиция прибыла в Ташкент, оттуда через Чимкент, Аулие-Ату и Южную Киргизию в Верный, откуда были продолжены исследования Семиречья. Экспедиция Шаффанжона сделала важные выводы в географии, археологии, антропологии, этнографии, зоологии, ботанике и геологии, а сам он был награжден Французским географическим обществом и Парижским географическим коммерческим обществом. Его экспедиция в большей степени имела материальный эффект, чем письменный, — в форме богатых коллекций, которые, к сожалению, были утрачены. Погибла также книга Шаффанжона о путешествии в Туркестан с отчетом о раскопках на Афрасиабе. В дальнейшем советские ученые ставили в вину Шаффанжону, что при раскопках он применял динамит. Французский ученый исследовал прославленные мавзолеи Кара-хана и Айша-Биби в Аулие-Ате, а также лежавшие в окрестностях развалины Акыр-Таша, описание которого вместе с детальным планом он сделал первым в европейской науке (**Chaffanjon, 1899**).

Следует отметить, что экспедиция Шаффанжона пользовалась экстраординарными правами, что объясняется, по-видимому, политическими причинами — расцветом русско-французского альянса. Обычно российские власти не приветствовали чрезмерную активность иностранных исследователей. Шаффанжон получил от генерала Куропаткина специально оборудованный вагон с правом курсировать на всем протяжении Транскаспия, выбирая остановки по собственному усмотрению. Он получил также в свое распоряжение прекрасно составленные топографами Генштаба карты местности, и главное — разрешение на вывоз собранных коллекций. Такие благоприятные условия объяснялись также тем фактом, что русский генералитет и представители консульских служб сами являлись страстными коллекционерами древностей. В целом экспедиция

Шаффанжона продлилась три года (1894—1897) и дала важные результаты в области географии, археологии, антропологии, этнографии, зоологии, ботаники, геологии и минералогии.

Накопленный в последние десятилетия XIX в. разносторонний этнографический материал о казахах предполагал появление работ, посвященных изучению традиционного казахского общества. Такие исследования принадлежали перу Виктора Дингельштедта, швейцарского ученого, работавшего на французском материале и публиковавшегося в Париже. Это труды по обычному праву казахов (**Dingelstedt, 1890**). В дальнейшем Дингельштедт обобщил свои наблюдения в 1891 г. в концептуальной работе «Патриархальный строй и обычное право киргизов» (**Dingelstedt, 1891**). Как признавался сам автор, он испытал сильное влияние господствовавших в ту эпоху социологических теорий, в частности Г. Спенсера. Это выразилось в попытке дать структурированный портрет традиционного казахского общества (белая и черная кость, положение женщин, периодическое устройство общества и обычное право, система наказаний, многочисленные примеры из судебной практики). В меньшей степени автор затрагивает другие вопросы: казахскую ономастику, влияние ислама и его сосуществование с традиционными культами, культуру и быт, генеалогию. Дингельштедт обращает внимание читателей на употребление термина «казах» как более правильного, чем «киргиз». Наиболее важный вывод, на наш взгляд, напрашивающийся после знакомства с книгой Дингельштедта, состоит в том, что он при описании традиционного казахского общества в его классическом, застывшем виде, все же уловил, скорее интуитивно, что оно стоит на пороге грядущих изменений. Дингельштедт писал в заключении: «Многие казахи осознают, что кочевое устройство, в котором пребывала их нация до настоящего времени, не может дальше существовать» (**Dingelstedt, 1891; p. 83**).

Литературным памятником этой эпохи — конца XIX — начала XX в., которая характеризовалась стремительным познанием европейцами Востока, колониальным синдромом и стремлением переустроить чуждый Западу мир по привычным для него стандартам, вполне можно назвать регулярное издание «Ревю дю Монд Мюзюльман», располагавшееся на Рю Бонапарт-28 в Париже. Это 66 томов, выходявших с 1906 по 1926 г. (**Revue du Monde Musulman, 1926**). По замыслу его создателей (А. Лешателье, А. Кордые, О. Уда, А. Вассьера и др.), «Обозрение мусульманского мира» должно было охватить и показать все стороны жизни мусульман от Атлантики до Индийского океана: во Французском Магрибе, на Ближнем Востоке, в Иране, Русском Туркестане и Британской Индии. Во многом этого удалось достичь: «Обозрение» в течение двадцати лет публиковало самые различные материалы, в том числе и о Туркестане. Среди них статьи и обзоры по экономике, культурной и духовной жизни туркестанских мусульман, о политическом и идеологическом подъеме в начале века, влиянии идей панисламизма и пантюркизма (**Le panislamisme, 1913**), российской политике в регионе, системе образования, коммуникациях, роли ислама и о многих других проблемах. Представляют интерес материалы по истории казахов XVIII—XX вв., представленные В. Лепажем и Р. Маержаком (**Lepage, 1910; Majerczak, 1921**), этнографическая работа Маержака о казахах Закаспийской области (**Majerczak, 1913**); отчеты о развитии системы образования у казахского населения Акмолинска и Семипалатинска (**Slousch, 1907**) и ряд других по казахской этнографии (**Une société, 1909**).

Как мы видим, туркестанские сюжеты занимали важное место во французском востоковедении в описываемый период на рубеже веков. Но глубокое изучение истории и культуры народов региона было бы невозможно без развития фундаментальных востоковедных дисциплин, осо-

бенно в области языкознания и источниковедения. Еще в 1870 г. А. Паве дю Куртей издал свой «Словарь восточно-тюркского языка» (**Pavet du Courteille, 1870**). Это издание продемонстрировало достигнутый к тому времени высокий уровень французской лингвистики, в том числе в тюркологии. В 1876 г. среднеазиатское источниковедение обогатилось изданием и переводом Ш. Шефера «Истории Бухары (Афганистана, Хивы и Коканда)» Мир Абдул Керима Бухари, которое Шефер озаглавил как «История Средней Азии» (**Boukhari, 1876**). Это был важнейший источник по истории Кокандского ханства XVIII — начала XIX в. В 1890-е гг. это направление во французском источниковедении пополнило свою базу материалами по древней и средневековой истории Средней/Центральной Азии из числа самых разнообразных источников: в 1894 г. Моранвилле ввел в оборот материалы Доминиканского ордена о Тимуре и его дворе, относящиеся к 1403 г. (**Moranvillé, 1894**); в 1896 г. принц Р. Бонапарт осуществил обзор документов монгольской эпохи XIII—XIV вв. (**Bonaparte, 1896**). Несколько позже направление в изучении монгольской эпохи пополнилось изданием Л. де Баке материалов о миссии Рубрука (**Backer, 1911**). Важным событием для французского и европейского востоковедения стало издание Эдгаром Блоше «Джами ат-таварих» Рашид-ад-дина (**Blochet, 1910**). Этому изданию суждено было остаться каноническим в истории изучения и использования этого важнейшего источника; и даже больше, если труд Рашид-ад-дина уже давно считается необходимым для специалистов по эпохе монгольских завоеваний, то его литературные достоинства и познавательный потенциал благодаря талантливой интерпретации Э. Блоше привлекли внимание широкой аудитории вне круга собственно профессионалов-востоковедов.

На рубеже столетий во французском востоковедении начал утверждаться практический метод сбора информации,

базирувавшийся в основном на данных археологии. Хотя и в меньшей степени, французские археологи исследовали вслед за англичанами и немцами наследие ушедших восточных культур. Французские археологические миссии действовали в Месопотамии, Иране и Афганистане. Среди экспедиций, действовавших в непосредственной близости от Средней Азии, следует назвать экспедицию под руководством Фуше в Северном Афганистане, которая существовала вплоть до 1920-х гг. Собранный в ходе экспедиции материал чрезвычайно обогатил уже во второй половине XX в. процесс изучения древних индо-арийских и протоиранских культур Средней Азии. Непосредственно в регионе изучением памятников согдийской эпохи и согдийского алфавита занимался Р. Готьо, который в своем отчете в 1913 г. о результатах экспедиции предварил последующие исследования Согдианы (**Gauthiot, 1913**).

Наиболее блестящей фигурой французского востоковедения первых десятилетий XX в. по праву можно считать Поля Пельо (1878—1945). Он аккумулировал в себе качества выдающегося исследователя, ученого-энциклопедиста, работавшего с равным успехом в источниковедении, истории, палеографии, лингвистике. После окончания Сорбонны в 1900—1904 гг. Пельо стажировался в Школе Дальнего Востока в Ханое; в 1906—1908 гг. он руководил археологической и палеографической экспедициями в Восточном Туркестане; с 1911 г. Пельо — профессор кафедры языков и истории народов Центральной Азии в Коллеж де Франс. Круг научных интересов Пельо — средневековая история Центральной Азии и Китая; его труды обогатили синологию, монголоведение, тюркологию (алтаистику) и центральноазиатские исторические исследования. Для последних чрезвычайно большое значение имел тот факт, что Пельо владел монгольским, китайским, корейским, турецким, арабским и персидским языка-

ми, что позволяло ему пользоваться максимально широким кругом источников. Более двадцати лет Пельо изучал «Сокровенное сказание монголов» (Pelliot, 1949). Следующая крупная работа Пельо — перевод и комментирование китайского источника по истории походов Чингис-хана «Шэн-у цинь-чжэн лу» (Pelliot, 1951). Характерно, что комментарии Пельо носили не только источниковедческий характер, но в большей степени исторический характер и базировались на сравнении китайских источников и мусульманской историографии. Французский ученый внес большой вклад в изучение другого памятника китайской историографии «Юань Ши».

Если работы Пельо в области монгольского и китайского источниковедения представляли интерес главным образом для узкого круга специалистов, то его исследования в области истории христианства в Центральной Азии имели гораздо больший резонанс, начиная с его сенсационного выступления на собрании пяти парижских академий 22 октября 1922 г., которое затем было опубликовано как серия статей «Монголы и папство» (Pelliot, 1922—1924, 1931—1932). Непосредственно к истории Казахстана и Средней Азии приблизилось исследование Пельо по истории Золотой Орды (Pelliot, 1949). Как уже отмечалось выше, сфера интересов этого ученого была необычайно широка: известны его труды по истории калмыков, джунгар, Кореи, Южного Китая и Индокитая. Крупнейшим достижением Пельо как источниковеда были его «Записки по истории Марко Поло» (Pelliot, 1959). К сожалению, основные труды Пельо увидели свет уже после его смерти, начиная с 1949 г., и благодаря усилиям его коллег и учеников, в первую очередь Иди Амби (Гамбиса), который опубликовал специальную серию «Посмертных трудов П. Пельо». Сам Амби, являясь соавтором и преемником Пельо, участвовал в подготовке «Истории походов Чин-

гис-хана», а также стал автором ряда самостоятельных исследований.

Таким образом, фигура Поля Пельо во французском востоковедении как бы олицетворяла уходящий этап в его развитии. Условной хронологической границей окончания третьего этапа в развитии ориенталистики должна быть названа Первая мировая война. И хотя еще долгое время после ее окончания сохранялись (и сохраняются до сих пор) прекрасные традиции эпохи классической ориенталистики, начиная с 1920-х гг. в развитии этой науки обнаружилось новые тенденции: в сфере методологии все более усиливалась специализация, в области теории — растущая идеологизация. Начиная с конца XIX в. востоковедение начало испытывать влияние различного рода социологических концепций, призванных объяснить развитие традиционных обществ. К концу XIX в. географическое направление полностью себя исчерпало. Его место заняла теория эволюционизма (в трактовке Г. Спенсера), однако во французском обществоведении наиболее прочные позиции к началу века занимало социологическое направление (социальная антропология), давшее уже в 1930-е гг. блестящие достижения и исследования.

Нельзя не упомянуть еще об одной характерной черте, которая ясно указывала на качественно новое состояние западной ориенталистики: Первая мировая война, революции и развал некоторых держав, а затем установление тоталитарных диктатур, распространивших на науку влияние своих идеологий, — все это вместе взятое подорвало классическую европейскую ориенталистику как единую структуру, где свободный обмен информацией и идеями был главным условием ее поступательного развития. Благодаря французским востоковедам (Ж. Массиньон, А. Массе), которые постоянно стремились держать французскую общественность в курсе происходящих в других странах событий в области востоко-

ведных исследований, Париж в XX в. по-прежнему оставался крупнейшим ориенталистским центром. Здесь востоковедение развивалось в Коллеж де Франс, на Факюльте де Леттр Парижского университета, в Школе высших исследований, Национальной школе восточных языков. Помимо Парижа востоковедов готовили университеты Алжира, Бордо и Лиона (**Massé, 1959**), а также Факюльте де Леттр университета в Эз-ан-Прованс (**Adam, 1967**). Французские востоковеды (д'Ольденбург, Массиньон) следили по мере возможности за развитием востоковедения за «железным занавесом» — в СССР (**dOldenbourg, 1929; Massignon, 1929**).

Французское востоковедение чрезвычайно обогатило возвращение на родину Жозефа Кастанье, преподававшего в начале XX в. французский язык в Оренбурге. Ж. Кастанье стал широко известен благодаря своим этнографическим, археологическим и историческим сочинениям. Так, в 1910 г. в России увидели свет его «Древности Оренбургского края». В годы революции и гражданской войны Кастанье находился в Средней Азии и Казахстане и был свидетелем происходящих здесь бурных событий. Они были описаны им позднее и увидели свет первоначально в «Ревю дю Монд Мюзюльман», в серии работ под общим названием «Большевизм и ислам» (1922—1923), а затем были изданы как книги «Мусульмане и политика Советов в Средней Азии» и самая знаменитая — «Басмачи», обе в 1925 г. Этим работам суждено было сыграть значительную роль в развитии на Западе новой дисциплины, так называемой «советологии», и ее раздела, сфокусированного на Средней Азии (среднеазиеведение). Но необходимо заметить, что эти работы Кастанье содержали помимо прочего и довольно обширный этнографический и исторический материал. Однако на развитие востоковедных дисциплин, этнографии и тюркологии повлияли другие исследования ученого, построенные на собранных им в казахских аулах

материалах. Наиболее значительные среди них: серия статей о шаманизме у казахов (**Castagné, 1930, 1932**), исследование о казахских тамгах (**Castagné, 1921**), работа о святых местах в Туркестане — хазретах (**Castagné, 1951**). В совокупности Кастанье предоставил в распоряжение французской ориенталистики богатейший этнографический материал о казахах. Его исследования еще долго продолжали публиковаться — после его ухода из жизни — вплоть до начала 1950-х гг.

Изучение кочевых империй в Центральной Азии во французском востоковедении первой половины XX в. связано с именем выдающегося ученого — Рене Груссе (1895—1952). Р. Груссе был широко известен не только в среде ориенталистов, но и далеко за ее пределами благодаря своим работам по истории крестовых походов и взаимоотношениям европейской и исламской цивилизаций в Средние века. И благодаря этому вкладу в науку Груссе был избран членом Французской академии. Однако не менее выдающееся значение имели его фундаментальные труды о кочевых империях Азии — «Империи степей»; под этим названием он сам сформулировал свою концепцию истории Центральной Азии. В своих работах Груссе продолжил традицию комплексного изучения и использования источников, опираясь на арабо-персидскую историографию, которую знал блестяще, а также на широкий круг других источников (китайских, русских, греческих, армянских и др.), по-видимому, в переводах. Наиболее известны три книги Груссе по истории Центральной Азии: «Монгольская империя: первая фаза» (как часть трехтомной истории Азии), «Империя степей: Аттила, Чингис-хан, Тамерлан» и «Завоеватель мира: жизнь Чингис-хана» (**Grousset, 1941, 1944, 1948**). В этих работах собран огромный фактический материал, что уже само по себе делает их выдающимся событием французского востоковедения. Однако великим вкладом труды Груссе считаются благодаря

тому, что он попытался дать научное обоснование и определил саму концепцию цикличности возникновения кочевых империй. Эти фазы в развитии кочевых государств Груссе в первую очередь связывал с периодичностью природных циклов (засух, влажных периодов и т.д.). В дальнейшем гениальные догадки Груссе были развиты и своеобразно интерпретированы в трудах советского ученого Льва Гумилёва (в его концепции «пассионарности»). Литературные достоинства книг Груссе также оценивались в западной ориенталистике очень высоко. После «Империи степей» во французском востоковедении и, вероятно, на Западе в целом исследований такого уровня не появлялось (Ч. II. Гл. III. § 1—3).

Продолжение «Монгольской империи» — 2-я фаза — вышло в свет в 1927 г. из-под пера другого талантливое востоковеда — Люсьена Бува (**Bouvat, 1927**). В основу своего труда Бува положил опубликованное ранее в «Журнале Азиатик» собственное исследование «Эссе о тимуридской цивилизации» — детальное и многостороннее описание государства Тимура (Гл. III. § 3). В 1930—1940-е гг. во Франции продолжались исследования в области источниковедения арабских средневековых исторических сочинений. Выход в свет таких изданий постоянно пополнял источниковедческую базу исследователей средневековой истории тюрков: в 1932 г. Режи Бланшер издал отрывки из ряда географических арабских сочинений (**Blanchère, 1932**); аналогичное издание в 1946 г. подготовил П. Соваже (**Sauvaget, 1946**). Ему же принадлежит другая крупная работа библиографического характера «Введение в историю мусульманского Востока» (**Sauvaget, 1948**).

Другой крупной фигурой французского востоковедения этого периода был арабист Луи Массиньон (1883—1962). Массиньон вошел в историю науки как крупнейший специалист по исламу. Его интерес к исламской тематике появился во время путешествий по Северной Африке и Ближнему

Востоку. Массиньон основал такие периодические издания, как «Ежегодник мусульманского мира» (с 1955) и «Абстракт Исламика». Массиньон — автор ряда работ по развитию востоковедения и исламологии в Европе и СССР (**Massignon, 1918—1919, 1927**). Своими многочисленными трудами по истории исламской цивилизации Массиньон способствовал большему пониманию ислама в Европе и популяризации знаний о мусульманской культуре на Западе. Массиньон доказал, что его интерес и симпатия к арабской цивилизации носит не абстрактный характер: во время войны в Алжире ученый возглавил антивоенное движение и лично участвовал в блокадах пацифистами железнодорожных путей, по которым транспортировались войска в Алжир; в прессе Массиньон вел активную кампанию против войны. Тем самым Луи Массиньона можно отнести к тому редкому в наше время образцу подлинных ученых, для которых честь ученого и гражданина составляла единое целое.

Помимо Массиньона французская школа арабистики и исламологии в XX в. представлена такими именами, как упомянутый выше Р. Бланшер, осуществивший в 1949—1950 гг. новый перевод Корана. Инновация в методологии Бланшера заключалась в привлечении к обработке и переводу коранических текстов памятников доисламской культуры. Одним из крупнейших исламоведов был Альфред Гийом (1888—1965), вошедший в науку как библеист, но ставший в дальнейшем крупнейшим исследователем хадисов. Его работа «Предания ислама» (1924) на долгое время определила развитие научных изысканий в этом направлении (**Guillaume, 1954**). Новое в методах Гийома заключалось в том, что он сосредоточился на эволюции представлений о хадисах. Гийому удалось, опираясь на анализ языка и смысловой исторический контекст, довольно точно расположить хадисы в хронологическом порядке их возникновения и определить степень внешних влия-

яний на них. Среди других достижений французской исламологии следует назвать работы Эмиля Дермингема «Жизнь Мухаммеда» (1929) и Леона Берше «Изучение исламской традиции» (1952) (**Dermenghem, 1929; Bercher, 1952**).

Исследование феномена суфизма во французском востоковедении развивалось под влиянием идей Л. Массиньона. Его преемником в качестве главы отдела исламологии в Практической школе высших исследований стал Анри Корбен, который связал суфийскую доктрину с изучением духовного наследия иранской цивилизации, прежде всего древнеиранской мифологии, шиитского вероучения и философии позднего Средневековья. Несмотря на сильное влияние мистицизма на свое научное творчество, Корбен смог предложить новый взгляд на проблему суфизма, отбросив традиционные представления об упадке и деградации суфизма и показав несостоятельность подхода к суфийскому наследию с рациональных позиций, которые подходили, по его мнению, только к изучению западной философии (**Corbin, 1981**). Если отбросить эмоциональные и мистические нагромождения в трудах этого ученого, можно свести основную мысль к идее появления суфизма в шиитской среде; эту концепцию активно поддерживали иранские исследователи.

В 1980-е гг. суфийские исследования во Франции получили неожиданную поддержку со стороны советологов — специалистов по советской Средней Азии. А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькеже обратились к суфийской теме в поисках новых обоснований своей концепции «национализма» (см. ниже). Технологическая революция второй половины XX в. также оказала свое влияние на методологию исламоведения: в 1960—1970-е гг. группа ученых во главе с М. Алларом сделала попытку выработать метод концептуального анализа, основанный на кодировании всего текста и его компьютерной обработке.

Средне- и центральноазиатское языкознание во Франции базировалось на достижениях прошлого века, на богатом практическом материале, собранном в регионе исследователями-практиками, прежде всего Южфальви, а также на достижениях всей европейской лингвистики. Как отмечалось выше, французская тюркология, ориентированная, прежде всего, на Османскую Турцию, во второй половине XIX в. все активнее начинает работать на центральноазиатском материале. В начале XX в. еще продолжали выходить работы в жанре практического языкознания, например «Исследования диалектов Персии и Средней Азии» Ж. де Моргана (**Morgan, 1913**). В первые десятилетия XX в. большое значение приобретает теоретическое языкознание. Тюркология этого периода представлена такими именами, как Ж. Кове — исследователя в области этнической ономастики тюрков (**Cauvet, 1930**) и Жана Дени (1879—1963).

Ж. Дени — профессор Сорбонны, остался в истории науки как специалист по источниковедению кипчаков; его справедливо считают одним из создателей куманологии, которой посвящены его многочисленные статьи и обзорные источниковедческие публикации, обработки и переводы текстов по истории кипчаков (**Deny, 1921**). Кроме этого, Дени вошел в классическую филологию как автор «Фундаментальной тюркской филологии» (в соавторстве с К. Грёнбеком и З. Валиди Тоганом — **Deny, 1959**).

Представителем школы Ж. Дени и продолжателем его исследований в сфере тюркского языкознания стал в 1960—1980-е гг. Луи Базен (1920). Ему принадлежат работы как узкоспециализированного характера, например этимология «Коркута» (**Bazin, 1960**), так и исследования в сфере этнолингвистики: Базен попытался нарисовать широкую панораму распространения тюркских языков в Евразии, сопоставить в исторической ретроспективе этническую и языковую экспансию тюрков как гомогенный процесс (**Bazin, 1986**).

Изучение средневековой эпохи Средней Азии и его источниковедение связано в XX в. с именем Ж. Л. Баке-Граммона, исследовавшего в 1960—1970-е гг. османские архивы, в первую очередь архив музея дворца Топкапи. Обнаруженные им и введенные затем в научный оборот источники проливают свет и дают дополнительную информацию о важнейших событиях истории Средней Азии в позднее Средневековье и Новое время: династическая борьба в казахско-узбекской орде в начале XVI в. и институализация Казахского ханства; раскол казахов и узбеков как следствие антагонизма между Чагатаидами (Джагатаидами) и Шейбанидами, исламизация Могулистана и казахских родов; военные действия и походы казахов в Бухару и Фергану (**Bacqué-Grammont, 1971**). Другая работа этого крупного архивиста посвящена анализу турецких источников по истории Кокандского ханства в первой трети XIX в. — периода, насыщенного бурными событиями в жизни народов Средней Азии: упадок Коканда, борьба казахов за Семиречье и Сырдарьинский регион, начало русской экспансии в Туркестане (**Bacqué-Grammont, 1972**).

В 1970—1980-е гг. во французской историографии не пропал интерес к истории Средней Азии XIX в. Центральной проблемой оставалась, естественно, тема русского завоевания региона. Эта проблема нашла освещение в работах С. Бенсидуна (**Bensidoun, 1975**). Катрин Пужаль обратилась к источнику 1826 г. (рапорт О. Зеньковского о возможности коммерческого пути из Семипалатинска в Кашмир). Источниковедческий анализ К. Пужаль включал обстоятельства появления этого документа (по форме путевых заметок). Факсимиле текста из Бухары на персидском языке, который использовал Зеньковский, карты. В целом исследование Пужаль явилось хорошим подспорьем по истории и этнографии Казахстана первой четверти XIX в. (**Poujal, 1982**). Целиком этнографическим материалам, собранным Арманом де Кю-

вервилем в 1896 г. во время экспедиции в Семиречье, посвящено исследование Лоранс Делаби (**Delaby, 1981**), которая извлекла коллекцию Кювервиля из архива Географического общества. Коллекция состояла из многочисленных фотографий, на которых были запечатлены различные сюжеты из казахской жизни, бытовые и праздничные сцены; коллекция также включала гравюры той эпохи, украшения и элементы одежды и убранства. Делаби снабдила материалы де Кювервиля собственными комментариями.

Таким образом, архивные археографические изыскания французских ученых в последние десятилетия XX в. позволили пополнить источниковедческую базу изучения истории и этнографии казахов. Однако крупный интерес к казахской и среднеазиатской истории проявляли во второй половине XX в. уже не только востоковеды. Среднеазиатский регион оказался объектом пристального внимания новой политологической дисциплины, так называемой «советологии» и ее раздела — среднеазиаведения. После Второй мировой войны во Франции сложилась крупнейшая на Западе школа среднеазиатских исследований, предметом изучения которой была советская история республик региона; экономические, социальные и демографические процессы в республиках, рост национализма, культурный ренессанс и положение ислама, а также — и это главное, что делало эти исследования частью политологии, — прогнозы дальнейшего развития ситуации в регионе с точки зрения роста национальных противоречий и роли исламского фактора. Тем не менее многие советологи по образованию являлись востоковедами; в своих концептуальных трудах по истории Средней Азии они, как правило, обращались к до-революционной истории народов региона; многое, особенно в области изучения истории ислама, в методологии и теории (в подходе к проблеме суфизма) было заимствовано из классической ориенталистики. И наконец, уже невозможно было

представить историю изучения Казахстана и Средней Азии в современной Франции без имен этих исследователей, соединивших в своих работах прошлое и настоящее региона.

Одним из важнейших источников будущей среднеазиеведческой литературы было литературное наследие казахского и тюркского политического деятеля Мустафы Чокая (1890—1941), долгое время прожившего в эмиграции во Франции (с 1926 по 1940 г.). Его антикоммунистический памфлет «У Советов в Средней Азии» (1928 г.; в русскоязычном парижском издании — «Туркестан под властью Советов», 1935) привлек внимание к положению в Казахстане и других среднеазиатских республиках. В дальнейшем работы М. Чокаева стали обязательной частью источникового комплекса советологов-среднеазиеведов, и главное — западные ученые приняли методологию и критические приемы Чокаева, направленные на разоблачение сталинистской фальсифицированной пропагандисткой литературы о Средней Азии.

Во многом благодаря Чокаеву в западной литературе утвердилась концепция так называемого «советского колониализма». В ее основу был положен тезис о том, что среднеазиатские республики являются колониями СССР, сырьевыми придатками индустриальных регионов и политически бесправны. Как правило, эти историки обращались к опыту русского колониального правления до 1917 г., чтобы подчеркнуть колониальный характер положения республик региона в советскую эпоху. Типичной фигурой исследователя, пришедшего в советологию из востоковедения, может быть назван Венсан Монтей, известный своими работами по исламологии. Большой резонанс имела его книга «Советские мусульмане» (**Monteil, 1957**). В начале 1950-х гг. заявили о себе как о политологах такие выдающиеся исследователи советского ислама, как Элен Каррер д'Анкокс и Александр

Беннигсен¹³. Их ранние работы носили политологический характер, но уже тогда в них присутствовали элементы будущей концепции «национализма», занявшей ведущее место в западной литературе о Средней Азии в 1970—1980-е гг. Но эти авторы заявили о себе и как о блестящих историках: Э. Каррер д'Анкосс — своей книгой «Реформы и революция у мусульман Российской Империи: Бухара в 1867—1924 гг.» (**Carrère d'Encausse, 1966**). Каррер д'Анкосс публиковала в 1960-е гг. многочисленные статьи, освещавшие различные аспекты истории Туркестана в конце XIX — начале XX в. (Гл. V. § 3). В 1967 г. для коллективного труда «Средняя Азия. Столетие русского правления» Каррер д'Анкосс предложила пять глав, концептуально осветивших историю Туркестана с 1865 по 1924 г. В течение последующих десятилетий исследовательница продолжала работать в различных жанрах, но в основном как политолог. Вершиной ее творчества в этом качестве считается нашумевшая книга «Расколота империя: восстание народов в СССР» (1978), где автор достаточно точно предсказала распад Советского Союза и его характер. В течение многих лет Каррер д'Анкосс возглавляла Центр международных исследований, а после распада СССР стала членом Французской академии.

Не менее известен как политолог и историк Александр Беннигсен (1913—1988) в течение почти сорока лет, начиная с 1950 г., написавший свыше 200 работ по таким проблемам, как ислам в России и СССР, движение джадидизма, история русского завоевания Туркестана, роль мусульман в большевистской России, современное положение советских мусульман. Практически, работы Беннигсена и его коллег охватывают все аспекты истории и современного (в советскую эпоху) положения Средней Азии и Казахстана. Тот факт, что на За-

¹³ См.: Лаумулин М.Т. Западная школа казахистики и среднеазиеведения. — Алма-Ата: Наука, 1992.

паде Беннигсен считается востоковедом, хорошо иллюстрируется историей создания книги «Пресса и национальное движение мусульман России» (в соавторстве с Ш. Лемерсье-Келькеже, 1966), где авторы использовали огромное количество материалов из прессы 1900—1920-х гг. на тюркских языках. Аналогичный источниковый комплекс использовался Беннигсеном и Лемерсье-Келькеже для создания книг «Ислам в Советском Союзе» (1967) и ряда других по истории «мусульманского национального коммунизма». Используя два феномена в истории тюрко-мусульманских народов Российской империи, а затем СССР, — роль ислама и влияние национального коммунизма — Беннигсен и его коллеги (Ш. Лемерсье-Келькеже во Франции, С. Эндерс-Уимбуш и М. Броксап в Англии, П. Хенце в США) создали концепцию «национализма», с которой западная политология встретила бурные события перестройки и распада Советского Союза.

Основные тезисы концепции Беннигсена наиболее отчетливо прослеживаются в книге «Забытые мусульмане» (совместно с Ш. Лемерсье-Келькеже; **Bennigsen, Lemercier-Quelquejau, 1981**): ислам является главным историческим наследием советских мусульман, помогающим им сохранить свою национальную идентичность; распространение ислама на этих территориях продолжалось с VII в. до 1928 г.; усиление ислама связано с русской экспансией, попытками ассимиляции, русификации и советизации. Казахи, согласно Беннигсену и Лемерсье-Келькеже, сохранили свою самобытность на трех уровнях: субуровне (жузы, племена и рода), национальном (единый казахский этнос) и наднациональном (чувство принадлежности к тюркскому и мусульманскому миру); мусульмане России, продолжает Беннигсен, попытались соединить ислам и коммунизм — в этом основная причина поддержки ими большевистской революции 1917 г.; ислам является главной движущей силой сопротивления «за-

бытых мусульман» советскому режиму; в предстоящем тогда развале СССР главную роль, как считали авторы, сыграют мусульманские республики Союза.

Роль ислама как наиболее важного элемента оппозиции советскому режиму еще более выпукло отражена в другой работе Беннигсена и Лемерсье-Келькеже «Суфии и Комиссары» (1986 г., в английской версии в соавторстве Беннигсен — Уимбуш). В этой работе главный акцент делается на влиянии суфизма и деятельности суфийских братств (**Bennigsen, Lemercier-Quelquejau, 1986**). Здесь авторы выступили не только как политологи и историки, но и как эрудированные ориенталисты. Безусловно, на усиление концепции «национализма» повлияли события 1978—1979 гг. в Иране и Афганистане. С этого момента Средняя Азия рассматривалась в качестве наиболее вероятного разрушителя советской империи. В настоящее время хорошо видны сильные и слабые стороны созданной Беннигсеном и его коллегами концепции «национализма», однако выдающийся вклад А. Беннигсена в изучение истории Средней Азии во Франции и на Западе бесспорен. А. Беннигсен долгое время возглавлял Институт общественных наук, читал курс в Сорбонне и Чикагском университете, создал научную школу и оставил многочисленных учеников во Франции, Англии и США.

Объективно оценивая французскую историографию последних десятилетий, следует добавить, что в ней существовали направления и другого характера. Так, например, экономическое направление исследовало в основном влияние экономических изменений в современной истории Казахстана, его индустриализацию и модернизацию. Оно представлено силами исследователей, работавших или группировавшихся вокруг Института экономической науки, экономических факультетов Сорбонны и Страсбургского университета. Это такие ученые, как Луи Бланшар, Фран-

суа Грийо, Мергерит Аймар, Марианн Сейду, Анри Шамбр, Шанталь Бокур и другие. С конца 1950-х гг. они издавали серию работ по экономике (и в меньшей степени — по истории) Казахстана. Наиболее крупные исследования среди них Л. Бланшара «Казахстан» (**Blanchard, 1961**) и А. Шамбра «Казахстан — советский третий мир?» (**Chambre, 1967**). Книга Шамбра носит концептуальный характер и базируется на тезисе, что индустриализация и модернизация Казахстана далеко не завершены, республика является своеобразным «третьим миром» в СССР. Экономисты группировались в основном вокруг издания «Записки Национального Института статистики и экономики»; а советологи — вокруг выходявшего с 1959 г. издания «Кайе дю монд рюсс э советик» (в редакционной коллегии Э. Каррер д'Анкосс, М. Ферро, А. Шамбр, А. Беннигсен, М. Конфино).

Картина будет неполной, если мы не упомянем о просоветском направлении во французской литературе о Средней Азии и Казахстане. Оно восходит к пропагандистским работам членов ФКП 1930-х гг. П. Вайяна-Кутюрье «Строители новой жизни» (1931) и М. Стебера «Средняя Азия и Казахстан» (**Steber, 1939**). Цель этих книг — подчеркнуть значение происходящих на советском Востоке перемен: от феодализма к социализму. Исторические экскурсы здесь только повод восхититься социальным прогрессом в советской Средней Азии. Как отмечалось выше, М. Чокаев в 1928—1935 гг. давал резкий отпор просоветским публикациям. Но такого рода издания продолжали выходить и в последующие десятилетия. В 1959 г. увидела свет книга Марселя Эгрето «Советский Восток» (**Égreteau, 1959**), где французский коммунист на основе личных впечатлений и сравнения с политикой Франции в Северной Африке сделал попытку убедить читателя в необходимости и грандиозности той модернизации, которую претерпели эти республики в советскую эпоху.

В своей книге М. Эгрето вступает в полемику с В. Монтеем, подвергая критике концепцию «советского колониализма». Через четверть века ситуация повторилась с абсолютной точностью: Анри Аллег (также член ФКП и участник войны в Алжире на стороне Национального фронта освобождения Алжира) после поездки по среднеазиатским республикам издал имевшую успех книгу «Красная звезда и зеленый полумесяц» (**Alleg, 1983**)¹⁴. Отчетливо видна критическая направленность этой работы: Аллег в открытую вступает в полемику со своими соотечественниками — А. Беннигсенем и Э. Каррер д'Анкосс. Что касается исторических частей этих изданий, то они, как правило, поверхностны, компилятивны и весьма далеки от настоящей ориенталистики.

В последние годы во французской историографии появился ряд работ геостратегического характера, но в значительно меньших масштабах, чем в англо-американской. К наиболее крупным работам этого периода можно отнести книгу Рене Канья и Мишеля Жана «Судьба Центральной Азии между множеством империй: СССР, Китаем и исламом» (**Cagnat, Jan; 1990**). И хотя все эти работы, как правило, имеют предваряющие их исторические экскурсы, научной новизны данные разделы не имеют. К этому ряду относится книга под редакцией Реми Дора «Центральная Азия и ее соседи» (**Dor, 1990**). Помимо Р. Дора и К. Пужаль среди востоковедов, ставших заниматься в 1990-е гг. геополитическим положением Центральной Азии, можно указать Оливье Руа, который подготовил вначале серию политологических публикаций, но с серьезным историческим контекстом (**Roy, 1990; 1992**).

В 1991 г. Э. Каррер д'Анкосс опубликовала завершающую книгу «Жизнестойкость наций, или Конец Советской империи», которая логически закрыла тему, открытую исследовательницей в 1978 г. ее «Расколота империей»; прогноз о

¹⁴ Рус. пер.: Аллег А. Красная звезда и зеленый полумесяц. — М.: Прогресс, 1985.

распаде Советского Союза, сделанный французской ученой за тринадцать лет до Алма-атинской декларации, блестяще оправдался, хотя и развивался несколько по другому сценарию.

В 1990-е гг. теоретическая ориенталистика развивалась очень нединамично. Сказались как смена поколений ученых, так и возвращение возможности прямого контакта для французских ученых, в первую очередь этнографов, социологов и политологов, со среднеазиатским материалом. Это означало нечто вроде ренессанса для прикладных дисциплин. В этом духе был издан «Атлас народов Востока: Средний Восток, Кавказ, Центральная Азия» Жана и Андре Сельеров (**Sellier, Sellier; 1993**). Единственным крупным событием в современной историографии стала работа молодого ученого Венсана Фурнье «История Центральной Азии» (**Fourniau, 1994**). В научном плане эта книга не принесла ничего нового; это чисто компилятивное издание. В 1990-е гг. востоковеды — специалисты по Центральной Азии сгруппировались в Институте восточных языков и цивилизаций, где был создан отдельный семинар, занимающийся исключительно регионом Центральной Азии, во главе с Катрин Пужаль. Фактически, это означало возникновение новой научной школы. Ее трудно охарактеризовать уже чисто французской: значительная часть молодых стажеров и аспирантов семинара — это представители новых независимых государств региона и России. В 1994 г. издательство «Сирос» выпустило книгу молодых московских ученых-таджиков Шарифа и Рустама Шукуровых «Народы Центральной Азии». В книге нарисована обширная панорама культурно-исторических процессов в регионе на протяжении почти двух тысячелетий. Именно благодаря своему культурологическому контексту книга Шукуровых стала заметным явлением в постсоветском и французском востоковедении (**Choukourov, Choukourov, 1994**).

* * *

Как в прошлом, так и сегодня Франция остается крупнейшим центром востоковедения. Знаменитый INALCO (Национальный институт восточных языков и цивилизаций, в прошлом — Школа живых восточных языков) был основан в Париже в 1795 г. и в настоящее время обеспечивает подготовку по более 90 языкам Азии и Африки.

Итак, мы проследили эволюцию французской ориенталистики в той ее части, которая касалась развития исследований о Центральной Азии. Очевидно, что востоковедение развивалось не изолированно: в Средние века и Новое время французы вместе со всеми европейцами пытались познать тогда далекий от них Восток. В колониальную эпоху отдельные регионы Востока непосредственно вошли в состав французских колониальных империй. Как было отмечено, в XIX—XX вв. научная и общественная мысль во Франции непосредственно знакомилась с жизнью народов Центральной Азии через посредничество своих путешественников и ученых. Классический период в истории развития западного востоковедения во Франции ознаменовался рядом выдающихся открытий и фундаментальных исследований и интенсивностью научного поиска. И, несмотря на то что французская ориенталистика всегда являлась частью всей европейской науки, у нее были свои характерные особенности, которые на определенных этапах развития этой дисциплины придавали ей лидирующий характер по отдельным направлениям. В XX в. среднеазиатские исследования во Франции, так же как и в других странах Запада, испытали сильное влияние политических и идеологических потрясений, которыми так было богато уходящее столетие. После 1991 г. уже ничто не препятствует прямому политическому, культурному, научному и экономическому диалогу Франции и Казахстана.

Источники и литература к теме «Востоковедение во Франции»

Adam A. Les études arabes et islamiques à la Faculté des Lettres d'Aix-en-Provence // Revue de l'Institut de Sociologie. 1967. Vol. 40, pp. 201—216.

Aktchura-Oglu J. Letat actuel et les aspirations des Turco-Tatars musulmanes en Russie. — Lausanne, 1918.

Alleg H. Etoile Rouge et Croissant Vert. — Paris, 1983. — 267 p.

Backer L. de. Voyage de Guillaume de Rubruck, ambassadeur de Saint-Louis en Orient. — Paris: Leroux, 1912 (1911).

Bacqué-Grammont J.L. Les événements d'Asie Centrale en 1510 d'après un document ottoman // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1971. Vol. XII. N 1—2, pp. 189—207.

Bartold V.V. Histoire des Turcs d'Asie Centrale. — Paris: Hachette, 1945. — 203 p.

(Ibn) Battuta Abu abd Allah Muhammad. Voyages. Texte arabe accompagné d'une traduction par Ch. Deffrémery et B.R. Sanguinetti. Vols. 1—4. — Paris, 1854—1874.

Bazin L. Le nom propre d'homme „Qorqut“: discussion ethnologique // Ural-Altäische Jahrbücher. 1960. Bd. 36. S. 278—283.

Bazin L. Les peuples turcophones en Eurasie: un cas majeur de l'expansion ethnolinguistique // Hérodote. 1986. Vol. 42, pp. 75—108.

Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejey Ch. Les musulmans oubliés. L'Islam en Union Soviétique. — Paris: Maspero, 1981. — 320 p.

Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejey Ch. Le soufi et le commissaire: les confréries musulmanes en URSS. — Paris: Seuil, 1986. — 310 p.

Bensidoun S. L'Asie Centrale et la Russie au milieu du XIX siècle // Revue Historique. 1975. N 254, pp. 135—148.

Bercher L. Etudes sur la tradition islamique. — Paris, 1952.

Blanc E. Notes de voyage en Asie Centrale // Revue de Deux Mondes. 1895.

Blanc E. La colonisation russe en Asie // Bulletin de la Société de Géographie de Lyon. 1896. Vol. 14, pp. 35—41.

Blanchard L. Le Kazakhstan // Études et Conjoncture. Cahiers de l'INSEE. 1961. No 5, pp. 405—487.

Blanchère R. Extraits des principaux géographes arabes du moyen âge. — Paris, 1932.

Bloch E. Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din. — Leiden-London, 1910.

Blochet E. (Ed.) Djami el-Tevarikh. Histoire générale du monde par Fad-I Allah Rashid al-Din. Éd. par E. Blochet. — Leiden, London, 1911 (1910). — 563 p.

Bonaparte R.N. Documents de l'époque mongole des XIII et XIV siècles. — Paris, 1896. — 11 p.

Bonvalot G. Du Kohistan à la Caspienne. — Paris: Plon, 1885. — 302 p.

Bonvalot G. L'Asie Centrale. À travers le Tibet. — Paris: Flammarion, 1895. — 390 p.

Boukhari. Histoire de l'Asie Centrale. 1740—1818. Par Mir Abdoul Kerim Boukhari, texte persien et traduction par Ch. Schefer. 2 vols. — Paris: Leroux, 1876.

Boulangier E. Notes de voyage en Sibérie. Le chemin de fer Transsibérien et la Chine. — Paris: Edition Scientifique, 1891. — 398 p.

Bouvat L. L'empire mongol (2-me phase). — Paris, 1927.

Cagnat R., Jan M. Le milieu des empires. Entre URSS, Chine et Islam, le destin de l'Asie Centrale. — Paris: Robert Laffont, 1990.

Cahun L. Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et mongols des origines à 1405. — Paris: Colin, 1896. — 520 p.

Cahun L. Sur les écrivains turco-mongols du XVI-e siècle // Mémoires de la Société d'Ethnographie. T. XIII, pp. 21—27.

Capus G. À travers le royaume de Tamerlane. — Paris: Heunuger, 1892. — 434 p.

Carrère d'Encausse H. Réforme et révolution chez les musulmans de l'Empire Russe: Boukhara 1867—1924. — Paris: Colin, 1966. — 312 p.

Castagné J. Les tamgas des Kirghizes (Kazaks) // Revue du Monde Musulman. 1921. Vol. 47, pp. 26—84.

Castagné J. Magie et exorcisme chez les Kazak-Kirghizes et autres peuples turks orientaux // Revue des Études Islamiques. 1930. C. 1, pp. 53—156.

Castagné J. Étude sur la démonologie des Kazak-Kirghizes // L'Ethnographie. 1930. N 21—22, pp. 1—22.

Castagné J. Essai de démonologie Kazak-Kirghize. La personification des éléments chez les Kazak-Kirghize // L'Ethnographie. 1932. NS. N 25, pp. 51—60.

Castagné J. Le culte des lieux saints de l'Islam au Turkestan // L'Ethnographie. 1951. NS. N 46, pp. 46—124.

Castagné J. Chants et dances populaires folkloriques de quelques peuples orientaux de IURSS // LEthnographie. 1956. N 51, pp. 62—94.

Catard C. Chemin de fer central-asiatique // LExplorateur. 1876. N 3, pp. 25—29.

Cauvet G. Lorigine des noms ethniques touraniens // LEthnographie. 1930. NS. N 21—22, pp. 41—51.

Chaffanjon J. Rapport sur une mission scientifique dans lAsie centrale et la Sibérie // Nouvelle archives des missions scientifiques et littéraires. Choix de rapports et instructions, publié sous les auspices du Ministère de l'Instruction publique et des Beaux-Arts. T. IX. — Paris, 1899.

Chambre H. Le Kazakhstan: tiers-monde soviétique? // Union Soviétique et développement économique. 2-me partie. — Paris: Aubier Montaigne, 1967, pp. 259—370.

Chavannes E. (ed.) Documents sur les Tou-Kine (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés par Ed. Chavannes. — St.Pbg, 1903.

Chavannes E. (ed.) Mémoires historiques de Se-Ma Tsien. Traduite et annotés par E. Chavannes. T. 1—5. Paris, 1905.

Chavannes E. Le cycle turc des douze animaux // Toung Pao. 1907. Série 2. Vol. VII, pp. 51—122.

Chavannes E. (ed.) Les documents chinois découverts par Aurel Stein dans les sables du Turkestan Oriental. Publiés et traduits par Ed. Chavannes. — Oxford, 1913.

Cholet E. Excursions en Turkestan et sur la frontière russo-afghan. — Paris, 1888. — 280 p.

Choukourov Ch., Choukourov R. Peuples d'Asie Centrale. — Paris: Syros, 1994.

Corbin H. La philosophie iranienne islamique aux XVII-e et XVIII-e siècles. — Paris, 1981.

Debize (Lt.col.) Étude sur l'Asie Centrale // Bulletin de la Société de Géographie de Lyon. 1877. Vol. 2, pp. 521—572; 1879. Vol. 3, pp. 1—32.

Delaby L. Un chapeau pour toute fortune chez les Kazakhs et les Kirghizes // Objets et Mondes. 1981. T. 21. Fas. 3, pp. 121—128.

Deny J. Les indications sur des textes inédits en turc-kiptchak ou kiptchak-coman // Journal Asiatique. 1921. Série II. Vol. 18. N 18, pp. 134—135.

Deny J. Grammaire de la langue turque. — Paris: Hachette, 1921.

Deny J. Langues turques // Les langues du monde. Éd. de M.Meillet et M. Cohen. — Paris, 1952.

- Deny J, Groenbeck K., Validi Togan Z. *Philologiae Turcae Fundamenta*. — Wiesbaden: Harrasowitz, 1959. — 813 S.
- Depout O., Coppolani X. *Les confréries religieuses musulmanes*. Publié sous patronage de M. Jules Cambon, gouverneur générale de l'Algérie. — Alger, 1897.
- Dermenghem E. *La vie de Mahomet*. — Paris, 1929.
- Diamanti O. *Le Turkestan russe et le chemin de fer transcaspien* // *La Nouvelle Revue*. 1893. Vol. 85, pp. 25—48.
- Dingelstedt V. *Le droit coutumier des Kirghiz* // *Revue Générale des Droits, de la Legislation et de la Jurisprudence*. 1890. Vol. 14, pp. 141—155, 213—225, 320—330, 451—462, 516—525.
- Dingelstedt V. *Le rérime patriarcal et de le droit coutumier des Kirghiz*. — Paris: Thorin, 1891. — 96 p.
- Dor R. (ed.) *L'Asie Centrale et ses voisins*. — Paris: Inalco, 1990.
- Dudoignon S.A. *Changements politiques et historiographie en Asie Centrale (Tadjikistan et Uzbekistan, 1987—1993)* // *Cahiers d'Etudes sur la Méditerranée Orientale et le Monde Turco-Iranien*. 1993. N 16, pp. 83—134.
- Dugat G. *Histoire des orientalistes de l'Europe du XII au XIX siècle*. T. 1—2. Paris: 1868—1870.
- Dutreuil de Rhins J.L. *Mission scientifique dans la Haute Asie: 1890—1895. Le Turkestan*. 3 vols. — Paris: Leroux, 1897—1899.
- Égreteau M. *L'Orient Soviétique: Kazakhstan-Ouzbékistan-Kirghizie-Tadjikistan-Turkmenistan-Azerbaydjan*. — Paris: Éditions sociales, 1959. — 274 p.
- Ferrier J.P. *Voyages et aventures en Perse, dans l'Afghanistan, le Beloutchistan et le Turkestan*. Trad. de l'anglais par B. Revoil. T. I—II. — Paris, 1870.
- Fourniau V. *Histoire de l'Asie Centrale*. — Paris: Presses Universitaires de France, 1994. — 128 p.
- Gaubil A. *Histoire de Gentchiscan et toute la dynastie des Mongols, ses successeurs conquérants de la Chine*. Tiré de l'histoire chinoise et traduite. — Paris, 1739.
- Gatteyras J.A. *À travers l'Asie Centrale*. — Paris, 1884. — 280 p.
- Gauthiot R. *Compte-rendu de sa mission au Turkestan russe* // *Académie des inscriptions et belles-lettres*. 1913, pp. 671—680.
- Grenard F. *Le Turkestan et le Tibet. Mission Scientifique*. 3 vols. — Paris: Dutreuil de Rhins, 1897—1898.
- Grenard F. *La Haute Asie* // *Geographie universelle*. 1928. Vol. 8.
- Grousset R. *L'empire mongol (1-ère phase)*. — Paris, 1941 (*Histoire de l'Asie*. 3 vols. — Paris, 1921—22).

Grousset R. Le conquérant du monde: vie de Gengis Khan. — Paris: Albin Michel, 1944. — 365 p.

Grousset R. L'empire des Steppes. Attila, Gengis-Khan, Tamerlan. — Paris: Payot, 1948 (1939). — 639 p.

Guillaume A. Islam. — London, 1954.

Guines J. de Histoire Générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux avant et depuis Jésus Christ jusqu'à présent. Vol. 1—4. — Paris, 1756—1758; Vol. 5. — 1824.

Halde J.B. du Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire Chinois et de la Tartarie Chinoise. T. 1—4. — La Haye, 1736.

Herbelot B. de. Bibliothèque orientale, ou Dictionnaire universel, contenant généralement tout ce qui regarde la connaissance des peuples de l'Orient. — Paris, 1697.

(Les) hordes et les steppes des Kirghiz-Kazakhs // Revue de l'Orient. 1845. N 6, pp. 140—144.

Huat C., Delaporte L. L'Iran asiatique. — Paris, 1952.

Jaunez Sponville A. Chez les Kirghiz // Bulletin de la Société de Géographie. 5-me série. 1865. Vol. 9, pp. 428—475.

Jerbillon F. La Grande Tartarie. — Paris, 1779.

Krafft H. À travers le Turkestan Russe. — Paris, 1898.

Legras J. Colons russe et kirghises en Sibérie // Annales de Géographie. 1896—1897. Vol. 6, pp. 365—367.

Lepage V.A. Soumission des Tribes musulmans du Turkestan par la Chine (1757—1760) // Revue du Mond Musulman. 1910. Vol. 11, pp. 345—395.

Lessar P. La Russie et l'Angleterre dans l'Asie Centrale. — Paris, 1886.

Lessar P. L'ancienne jonction de l'Oxus avec la mer Caspienne. — Paris, 1889. — 344 p.

Levat D. Une Egypte russe: Turkestan et Boukhara // Bulletin de la Société de Géographie. 1902. Vol. 24, pp. 551—564.

Levchine A. Manière de vivre de kirghiz-kaissaks // Journal Asiatique. 1831. N 7, pp. 217—223.

Levshin A.I. Description des hordes et des steppes Kirghiz-Kazakhs. — Paris, 1840.

Mailla M. Histoire Générale de la Chine aux annales de cet Empire. Vol. 1—12. — Paris, 1777—1785.

Maillart E. Des monts célestes aux sables rouges. — Paris, 1934. — 300 p.

- Maillart E. Turkestan solo. — London, 1938. — 335 p.
- Mans R. du État de la Perse en 1660. Ed. Par Ch.Shefer. — Paris, 1890.
- Martino P. L'Orient dans la littérature française au XVII et au XVIII siècles. — Paris: Hachette, 1906. — 380 p.
- Massé H. Les études islamiques en France depuis 1939 // Archiv Orientální. 1959. T. XIX. N 1—2. Pp. 94—97.
- Massignon L. Les études islamiques en Espagne // Revue du Monde Musulman. 1918—1919. Vol. 36, pp. 23—58.
- Massignon L. Islam in the United SSR // Moslem World. 1927. Vol. 17, pp. 359—369.
- Mayerczak R. La province transcaspienne // Revue du Monde Musulman. 1913. Vol. XXV, pp. 307—343.
- Mayerczak R. La justice chez les Kirgiz-Kazaks // Revue du Monde Musulman. 1917—1918. Vol. XXXV, pp. 254—272.
- Mayerczak R. Renseignement historique sur les Kazaks ou Kirghizes-Kazaks depuis la formation de la Horde Kazaks jusqu'à la fin du XIX siècle // Revue du Monde Musulman. 1921. Vol. 43, pp. 54—220.
- Mœurs et coutumes des kirghiz // Bulletin de la Société de Géographie. 1832. N 18—19, pp. 245—252; ou: Journal de la marine. 1833. Vol. IV. No 1, pp.11—13.
- Monteil V. Les musulmans soviétiques. — Paris, 1957. — 192 p.
- Moranvillé H. Mémoire sur Tamerlane et sa court par un Domician en 1403. — Paris, 1894.
- Morgan J.de. Recherches sur les dialects de la Perse et de l'Asie Centrale. Etudes de linguistique. — Paris: Leroux, 1913.
- Moser H. À travers l'Asie Centrale. — Paris, 1885.
- Moser H. L'irrigation en Asie Centrale. — Paris, 1894.
- Muraviev M.N. Voyage en Turkomanie et à Khiva. — Paris, 1823.
- Nalivkin V.P. Histoire du Khanat de Khokand. — Paris, 1889.
- Ney N. En Asie Centrale à la vapeur. Notes de voyage. — Paris: Garnier, 1888. — 468 p.
- Ohsson M. de. Tableau généraux de l'Empire Ottoman. Vol. I—III. — Paris, 1788—1790.
- Ohsson C.M. de. Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Beg ou Tamerlan. T. 1—4. — Paris, 1824 (2-me éd.: La Haye-Amsterdam, 1834—1838; 3-me éd.: La Haye-Amsterdam, 1852).
- d'Oldenbourg S. Les études orientales dans l'Union Soviétique // Journal Asiatique. 1929. T. 215. N 1, pp. 117—140.

- Quatremère E.M. *Dyami el tevarikh: Histoire des Mongols de la Perse écrite en Persian par Rashid al-Din*. Vol. 1. — Paris, 1836.
- (Le) Panislamisme et le panturquisme // *Revue du Mond Musulman*. 1913. Vol. XXII, pp. 179—220.
- Paquier J.B. *L'Asie Centrale*. — Paris: Maisonneuve, 1876. — 222 p.
- Paquier J.B. *L'Asie Centrale à vol doiseau*. — Paris: Société Bibliographique, 1881. — 176 p.
- Pavet du Courteille A. *Dictionnaire Turk Oriental*. — Paris, 1870.
- Pelliot P. *Chrétiens de l'Asie Centrale et dextrême Orient* // *Toung Pao*. 1914. Vol. 15.
- Pelliot P. *À propos des comans* // *Journal Asiatique*. 1920. N 15, pp. 125—185.
- Pelliot P. *Les Mongols et la papauté* // *Revue de l'Orient*. Série 3. Chrétien. 1922—1923. T. 23, pp. 1—30; 1924. T. 24; 1924. T. 24; 1931—32. T. 28, pp. 3—84.
- Pelliot P. *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or*. — Paris, 1949.
- Pelliot P. *Histoire secrète des Mongols: restitution de texte mongol et traduction française des Chapitres 1 à 6*. — Paris, 1949.
- Pelliot P. *Notes on Marco Polo*. Vol. 1—3. — Paris, 1959 (1964, 1973).
- Pelliot P., Hambis L. *Histoire des campagnes de Gengis Khan: cheng-won tsintcheng lou*. Traduit et annoté par P. Pelliot. T. 1. — La Haye, 1951.
- Pétits de la Croix F. *Histoire du Grand Genghiscan*. — Paris, 1710.
- Prolégomènes historiques d'Ibn Khaldun. Trans. par M.G. de Slane. *Notices et Extraits*. T. XIX—XXI. — Paris, 1862—1868.
- Poujal C. La „Notice sur la route commerciale de Semipalatinsk à Cashmere“ // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. 1982. Vol. XXIII. No 2, pp. 405—416.
- Radlov V.V. *Observations sur les kirghiz* // *Journal Asiatique*. 1863. N 2, pp. 309—328.
- Reclus E. *L'Asie Russe* // *Nouvelle Géographie Universelle*. T. 6. — Paris: Hachette, 1881. — 920 p.
- Rialle G. de. *Mémoire sur l'Asie Centrale*. — Paris, 1875.
- Rocca F. de. *Déplacement des kirghiz en été* // *Revue de Géographie*. 1896. Vol. 39, pp. 171—174.
- Romainville F. de. *L'Islam et le URSS*. — Paris, 1947.
- Rondot P. *L'expérience soviétique chez les peuples turcs de l'Asie Centrale* // *L'Asie et l'Afrique*. 1948. 4-me trim., pp. 3—16.
- Roy O. *Géopolitique de l'Asie Centrale* // *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. XXXII. N 1. Janvier-Mars 1990, pp. 143—152.

- Roy O. Frontières et ethnies en Asie Centrale // Hérodote. N 64. Janvier-Mars 1992, pp. 169—182.
- (La) Russie dans la Presse Parisienne. 1848—1859 // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1968. Vol. IX. N 3—4, pp. 386—436.
- Sauvaget P. Historiens arabes: pages choisies. — Paris, 1946.
- Sauvaget P. Introduction à l'histoire de l'Orient musulman. Élément de bibliographie. — Paris, 1948.
- Seeland N. Les Kirghis // Revue d'Anthropologie. 1886. Vol. XV, pp. 25—92.
- Selena C. Seule dans les Steppes. Episodes de mon voyage aux pays des Kalmoucks et des Kirghiz. — Paris: Charpentier, 1883. — 326 p.
- Sellier J., Sellier A. Atlas des peuples d'Orient. Moyent Orient, Caucase, Asie Centrale. — Paris: La Découverte, 1993.
- Slousch N. Le développement de l'instruction publique chez les Kirghizes d'Akmolinsk et de Semipalatinsk // Revue du Monde Musulman. 1907. Vol. 1, pp. 373—379.
- (Une) Société de bienfaisance chez les Kirghizes // Revue du Monde Musulman. 1909. Vol. IX. N IX, pp. 162—163.
- Steber Ch. L'Asie Centrale Soviétique et le Kazakhstan. — Paris, 1939.
- Tchoukaïeff M. Chez les Soviétés en Asie Centrale. Réponse aux communistes français. Avec préface de P. Revandel. — Paris, 1928. — 64 p.
- Ujfalvy Ch.E. La chasse en Asie Centrale // Exploration. 1878. N 89, pp. 543—551.
- Ujfalvy Ch.E. Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. 6 vols. — Paris: Leroux, 1878—1880.
- Ujfalvy Ch.E. Résultats anthropologiques d'un voyage en Asie Centrale. — Paris: Leroux, 1880. — 48 p.
- Ujfalvy C. de. Bachkirs et Kirghizes // Bulletin de la Société de Géographie. 7-me série. 1881. N 2, pp. 387—391.
- Ujfalvy-Bourdon M. de. D'Orenbourg à Samarkand // Le tour de Monde. 1879. Vol. 38, pp. 49—96.
- Visdelou C. Histoire de Tartarie. — Paris, 1779.
- Woichof A. Le Turkestan russe. — Paris, 1914.

Глава II. Англия и изучение Средней Азии

Английская историография, сложившаяся как научная дисциплина в XIX—XX вв. в процессе изучения Средней Азии и Казахстана, а также более обширного пространства Внутренней Азии, достаточно известна, и ее фундаментальное влияние на развитие востоковедческих исследований на Западе бесспорно. Однако следует отметить, что английская традиция приобрела со временем устойчивые характерные черты, которые придали этой историографии особенную специфику, которую можно охарактеризовать как национальное своеобразие и даже, в некотором смысле, как историографический парадокс. Главное противоречие, которое бросается в глаза при внимательном изучении британской традиции в изучении Центральной Азии, заключается в том, что английская историография, как никакая другая в Европе, в наибольшей степени располагала материалами, собранными ее многочисленными агентами (купцами, военными, путешественниками, разведчиками, собственно учеными), что давало возможность достаточно детально описывать происходящее в регионе. Однако Центральная Азия стала тем регионом, где непосредственно столкнулись имперские интересы Великобритании и России и вошли в прямое соприкосновение их колониальные империи.

Таким образом, уже, по меньшей мере, с середины XIX в. возникла устойчивая антирусская направленность в английской историографии, которая зачастую могла оказывать и оказывала искажающее влияние на объективное изучение истории региона, ее народов, их отношений с Россией. Образно говоря, если французы при изучении Центральной Азии руководствовались симпатией и искренним научным интересом, то англичане в Средней Азии действовали из своей антипатии к России и своих прагматических интересов. Конечно же, данная мысль является в какой-то степени преувеличением, но эта традиция

отчетливо прослеживается в английской историографии эпохи британской экспансии на Среднем Востоке и существования Британской империи в Азии; она усиливается после трансформации Средней Азии в советские республики и не прекращается после ухода Великобритании из своих азиатских колоний. И уже в XX в. эта традиция нашла свое продолжение в англоязычной историографии по западную сторону Атлантики. И несмотря на это, а, возможно, и во многом благодаря этому значение английских исследований и их вклад в изучение Центральной Азии бесспорны, а британская историография эпохи классической ориенталистики остается выдающимся феноменом¹⁵.

В Средние века одним из первых англичан, оставивших письменное описание Центральной Евразии, был Роджер Бэкон (XIII в.). Бэкон упоминает «Команию» — половецкую степь, дает ее историческую и географическую характеристику, излагает политические и этнические изменения в регионе от междуречья Дона и Волги и далее к востоку, вплоть до Семиречья («государство канглов»). Историко-географическийopus Бэкона был типичной компиляцией, характерной для Средневековья, и в дальнейшем английские авторы еще длительное время пользовались итальянскими, французскими и испанскими источниками, а также переводами источников с латинского и арабского языков. И только в XVII в. у англичан появилась возможность получать сведения об Азии из первых рук благодаря торговой активности своих соотечественников на Востоке¹⁶.

Энтони Дженкинсон открыл длинный список английских путешественников, посещавших казахские степи и

¹⁵ См.: Лаумулин М.Т. Востоковедение в Англии и изучение Центральной Азии // Казахстан-Спектр. N 2, 2000, с. 54—88.

¹⁶ История английского проникновения в Центральную Азию и изучения региона английскими путешественниками, военными и естествоиспытателями достаточно подробно описана во многих изданиях, в частности: Есмагамбетов К.А. Действительность и фальсификация: англо-американская историография о Казахстане. — Алма-Ата: Наука, 1976; его же: Что писали о нас на Западе. — Алма-Ата: Казак Университеты, 1992. В некоторых случаях мы следуем вслед за К. Есмагамбетовым.

среднеазиатские оазисы, дважды проехав из России в Иран в 1558—1559 и 1562—1563 гг. В его «Дневнике» степи восточнее Урала названы «Казахией»; здесь же помещены материалы этнографического характера о казахах, а также по политической истории Южного Казахстана и среднеазиатских ханств той эпохи. Так же как и Дженкинсон, по делам английской московской кампании в областях восточнее Урала побывали Ричард Джонсон (1565—1567), Артур Эдвардс и Лоренс Чэпмэн (1568), Энтон Марш и Френсис Черри (1587). Несколько позднее все эти материалы были помещены в так называемом «Геклейтовском сборнике» — собрании документов, описаний, дневников и записок различных английских путешественников, которые составлял, но не завершил Ричард Хэклит (Геклейт) в 1598—1660 гг. (**The Principal Navigations, 1598—1660**). В 1625 г. Самюэль Пэрчас издал расширенный вариант сборника (переиздан в 20 томах в 1905 г. в Англии и в 1965 г. в США), который охватил все известные тогда европейские путешествия в период с VI по XVII в. Опубликование материалов путешествий способствовало появлению таких историко-философских трактатов, как «О вероятном происхождении татар» Дж. Флетчера (написан в конце XVI — начале XVII в., издан в 1677 г.; **Fletcher, 1677**) и «Краткая история Московии...» Дж. Мильтона (1682), где были сделаны попытки дать исторический, политический и этногеографический абрис обширных территорий, населенных тюркскими народами Урала, Поволжья, Сибири и Центральной Азии.

В XVIII в. первым британцем, посетившим Центральноазиатский регион, стал шотландский врач Джон Белл, поступивший на русскую службу в 1714 г. и принявший участие в посольской миссии А. Волынского в Иран в 1715 г. В своих воспоминаниях (1747) Белл оставил сведения о русской авантюре с экспедицией в Хиву и ее гибели. Белл побывал также в Сибири и дал описание Семипалатинска («Семь

Палат»). Непосредственно на территории, населенной казахами, в течение четырех лет работал Джон Элтон сначала в составе Оренбургской экспедиции, а затем Оренбургской комиссии (1734—1738). Элтон посетил и внимательно изучил большую часть территории Младшего жуза. Плоды его деятельности и многочисленных расспросов местных жителей, карты поволжских и приуральских областей и официальная переписка с руководством экспедиции содержат большой фактологический материал о Западном Казахстане первой трети XVIII в. Это были первые годы после формального признания некоторыми родами Младшего жуза российского протектората, и естественно, что фигура Абулхаира и возглавляемый им жуз были в это время объектом нарастающего внимания. Этот интерес отразился в «Дневнике» (журнале) Джона Кэстла, другого участника Оренбургской экспедиции, посетившего в 1736 г. ставку Абулхаира в Приаралье. Миссия Кэстла носила не только познавательный, но и разведывательно-политический характер. В «Дневнике» Кэстла (1741) содержатся чрезвычайно важные и подробные сведения о ситуации в степи, общественной жизни казахов, природе региона, политическом окружении Абулхаира, уровне военного дела у казахов того периода, этнографические зарисовки быта, психологии и обычаев казахов той эпохи (Castle, 1784). Дневник был издан в 1784 г. в Риге вместе с добавлениями и иллюстрациями автора.

Среди английских купцов, активно действовавших в Западном Казахстане и торговавших со среднеазиатскими ханствами, был также Рейнолд Хоуг, предпринявший в 1740—1741 гг. путешествие из Оренбурга в Хиву и Бухару. Помимо сведений, имевших коммерческое значение, Хоуг собрал материалы о политических отношениях в регионе между казахами, хивинцами, джунгарами, каракалпаками, об их отношениях с русскими и перспективах российской политики

в Средней Азии. В 1744—1748 гг. другой британец, шотландский врач Джон Кук также участвовал в посольстве М. Голицина в Иран. Кук оставил в своих воспоминаниях сведения географического и этнографического характера о Западном Казахстане (1770). Все воспоминания, материалы, дневники, записки и карты были обобщены Дж. Хэнвеем (Ганвей), который начал собирать материалы своих соотечественников для собственного путешествия в Иран (1743). Его «Исторический отчет о Британской торговле через Каспийское море» (**Hanway, 1758**) представляет собой коллективный труд английских авторов первой половины XVIII в., видевших и описавших жизнь казахов, и подводит черту под деятельностью англичан в ирано-каспийском регионе в этот период.

Следует отметить, что активность Англии в Азии далеко не ограничивалась Средним Востоком и ирано-среднеазиатским регионом. Помимо Персии английские коммерческие и стратегические интересы были направлены в сторону Индии и Китая. Еще в 1533 г. имела место экспедиция Виллоби и Ченслера в Китай. В XVII — первой половине XVIII в. английское присутствие в морях, омывающих Азию, становится постоянным, а во второй половине XVIII в. Англия прочно утверждается на Индостанском субконтиненте. Разнообразная по своему характеру деятельность британцев на востоке имела своим следствием появление — помимо собственно английских сочинений о восточных странах и народах — многочисленных рукописей, оригиналов произведений средневековых восточных авторов. Все эти факторы настойчиво подталкивали к созданию в Англии академической ориенталистики, развитию учебной и исследовательской базы востоковедения. В 1636 г. по инициативе архиепископа Лодского было введено преподавание арабского языка в университете Оксфорда; первым профессором этой кафедры стал Эдуард Покок. В 1700 г. там же, в Оксфорде, увидел свет первый

крупный академический труд о Востоке на латинском языке, принадлежавший перу Т. Хайда, который использовал значительное количество арабских и персидских источников (**Hyde, 1700**).

Утверждение англичан в Индии, по словам В. Бартольда, имело серьезное значение для востоковедения¹⁷. Можно расшифровать данный тезис таким образом, что английское присутствие здесь положило начало индологии, изучению санскрита, подтолкнуло иранистику и центральноазиатские исследования и в перспективе способствовало созданию и развитию собственной индостанской историографической школы. В таком духе следует рассматривать основание в 1784 г. Бенгальского азиатского общества в Калькутте, которое способствовало, с одной стороны, интенсификации английских исследований в Азии, а с другой — развитию в Британской Индии историографии европейского толка. Из Индии англичане более активно действовали в Иране. Так, являвшийся в течение долгого времени послом Британской Ост-Индской компании в Иране Дж. Малькольм имел результатом своей миссии не только дипломатический и политический успех Англии, но и серьезный научный труд — «История Персии с древнейших времен до наших дней» (1815), в котором затрагиваются проблемы среднеазиатской истории, так тесно связанной на протяжении столетий с иранской. Эту взаимосвязь и общность исторических судеб Ирана и лежащих к северу от него территорий сумел передать в своей работе английский дипломат (**Malcolm, 1815**).

Присутствие Англии в Индии влияло самым непосредственным образом на ее активность в Центральной Азии: англичане должны были быть уверены, что их владения в Индии гарантированы от какой-либо угрозы извне. К середине XIX в. стало очевидно, что такая угроза может исхо-

¹⁷ Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. С. 317.

дить только от Российской империи. Вот почему в течение всего XIX в. и вплоть до начала XX в. практически все экспедиции, организованные англичанами из северных районов Индостана в Центральную Азию, носили ярко выраженный разведывательный характер. Тем не менее собранный в ходе этих экспедиций этнографический, лингвистический и исторический материал служил и на благо научного познания как в самой Англии, так и в Европе.

К наиболее известным экспедициям и миссиям с дипломатическими и разведывательными целями в первой половине XIX в. относятся посещения среднеазиатских государств такими английскими путешественниками-военными, как У. Муркрофт и Дж. Требек, А. Бёрнс, Ч. Котрелл, Ч. Стодарт, Дж. Эббот, Р. Шекспир и А. Конолли, Т. Аткинсон. Большинство этих экспедиций инициировались Британской Ост-Индской компанией. Ее служащими были Уильям Муркрофт и Джордж Требек, которые через Пенджаб и Афганистан достигли Бухары в 1819 г. Результатом этой экспедиции, которая продолжалась до 1825 г., был обширный отчет, увидевший свет в Лондоне в 1837 г. В 1832 г. с территории Индии было вновь послано посольство во главе с Александром Бёрнсом, которое находилось в Бухаре не меньше года. Как подтверждается источниками, в задачи этой миссии входило непосредственно изучить обстановку в регионе, составить географические характеристики местности и описать политическую ситуацию на случай военных действий против России. Одна из задач была успешно выполнена Джоном Вудом, который достиг низовьев Аму-Дарьи. Увидевший свет в 1841 г. отчет Вуда, а также ряд его статей и материалов, включенных в книгу А. Бёрнса, примечательны тем, что в них содержатся сведения о приаральских казахах, с которыми участники экспедиции встретились во время своего продвижения к Аральскому морю (Wood, 1876; Wood, 1976).

Имели место и путешествия англичан в регион с противоположной стороны: из Сибири и Северного Казахстана. Так, в 1840—1841 гг. Чарльз Котрелл наблюдал жизнь казахов в Оренбурге, Петропавловске, Омске, Усть-Каменогорске. Его «Впечатления от Сибири» содержат обширный этнографический материал (**Cotrell, 1842**), однако, как отмечает казахстанский историк К. Есмагамбетов, книга страдает ксенофобией и расистскими суждениями¹⁸. В конце 1830-х — начале 1840-х гг. состоялись несколько военно-разведывательных экспедиций Ч. Стоддера, Джеймса Эббота, Ричмонда Шекспира и Артура Конолли. Их отчеты свидетельствуют, что английская активность в регионе уже перешла рамки дипломатических и разведывательных миссий и превратилась в реализацию конкретного плана по созданию антирусского союза между Англией и среднеазиатскими ханствами. Об этом, очевидно, свидетельствует отчет Эббота (**Abbot, 1843**). Капитан Эббот оставил также описание своих приключений в прикаспийских владениях казахов (он был задержан 4 мая 1840 г. вместе со своими товарищами, а также афганскими и туркменскими терджуманами на Мангышлаке за то, что «шатаясь по степи, передавал свои злые умыслы и побуждал к разным неприятностям против России»¹⁹) и наблюдения за жизнью казахов Младшего жуза. Сопровождавший Эббота капитан Шекспир также издал краткий отчет о посещении Средней Азии и Западного Казахстана. Совершенно трагично сложилась судьба капитана Конолли, который был заключен под стражу в Бухаре и за отказ сотрудничать с эмиром и раскрыть цель поездки (по другой версии — за отказ принять ислам) был казнен через отсечение головы.

В 1848 г. началась эпопея английского путешественника и художника Томаса Аткинсона и его супруги Люси в Казахстане, продолжавшаяся семь лет. Ее результатом стала кни-

¹⁸ Есмагамбетов К.Л. Ук. соч. — С. 45.

¹⁹ Там же. С. 45—46.

га Т. Аткинсона «Восточная и Западная Сибирь» (**Atkinson T.W., 1858**); позднее вдова художника издала собственные воспоминания (**Atkinson L., 1970**). Книги Аткинсонов представляют собой, без сомнения, явление в литературе того времени. Помимо художественной ценности авторы предлагают читателям богатый материал, собранный и описанный глазами очевидцев. Это подробные описания восточных областей Казахстана, социальной структуры казахского общества, бытовые зарисовки, передачи преданий, поэтических и эпических произведений, описания материальных памятников, а главное — собственные иллюстрации автора, которые доносят до нас спустя полтора столетия дыхание степи и картины давно ушедшей эпохи. Работа Т. Аткинсона имела большой резонанс, не раз переиздавалась, в том числе и в XX в., и переводилась (на русский язык — в 1865 г. в фрагментах).

Различия в целях, которые преследовали Англия и Россия в Средней Азии, выразились в различиях методов исследования региона, подборе материалов, акцентировании тех или иных вопросов, а также — в терминологии. Главной заслугой английских исследователей было введение термина, который затем утвердился повсеместно, — «Туркестан». Если русские источники первой половины XIX в. именовали казахские степи «Степным Краем», а земли, лежавшие к югу, — «Бухарией» (или «Великой Бухарией»), то англичане сделали упор на доминирующий фактор в историческом и лингвистическом аспектах — тюркское происхождение большинства населяющих регион народов. Под «Туркестаном» в дальнейшем англичане, а затем и другие западные исследователи подразумевали все огромное пространство от Сибири до Афганистана, населенное центральноазиатскими тюрками, в том числе казахами. Как известно, русское административное понятие «Туркестан» (Туркестанское генерал-

губернаторство) охватывало значительно меньшую территорию. В середине XIX в. этот термин использовался в прессе, литературе и официальных документах наряду с понятием «Средняя Азия» (а с 1860-х гг. он получил приставку «русский», в отличие от Китайского или Восточного Туркестана).

Во второй половине XIX в. литературный жанр путешествий, а также сами путешествия из просто модных превратились в повальное увлечение, завладевшее умами широких слоев британской публики. А. Вамбери, венгерский ученый и путешественник, один из самых знаменитых исследователей Центральной Азии и мусульманского мира, долго живший в Англии (Гл. II. § 4), так писал об охватившей Англию и всю Европу мании далеких путешествий: «Едва ли кто пользуется в Англии такой популярностью, как путешественники. Путешественник расчищает путь миссионеру и купцу, вслед за ними и воину... Вследствие этого там установился взгляд, что исследователи новых стран и в дальнейшем помогут Англии расширить свое политическое влияние и включить в сферу своих интересов новые области»²⁰.

К крупнейшим публикациям этого периода о Казахстане и всей Центральной Азии следует отнести работы Г. Ланделла, лорда Керзона и А. Краусса. Генри Ланделл находился в 1880-е гг. в качестве миссионера и члена Королевского Географического общества в казахских степях, а также путешествовал по среднеазиатским оазисам через Кульджу, Бухару, Хиву и Мерв. В его книге (1885) затронуты практически все вопросы, связанные с современным развитием региона и его недавней и более древней историей. Энциклопедический характер работы Ланделла обеспечил ей высокую популярность среди тех, кто интересовался политикой, географией, природой, этнографией и историей Средней Азии. Однако раздавались и критические замечания в адрес книги Лан-

²⁰ Вамбери А. Моя жизнь. М., 1914. — С. 209.

сделла с упреками в том, что он чрезмерно доверял русским чиновникам и официальной позиции российских колониальных властей (**Lansdell, 1970**). Помимо книги «Русская Средняя Азия» Лансделл написал другую работу «По Сибири» (1882), где также им затрагиваются проблемы истории и этнографии казахов. Так, Лансделл предлагает рассматривать казахские жузы как отдельные народы (**Lansdell, 1882, p. 30**).

Прямо противоположной по характеру, то есть антирусской, была написанная Дж. Керзоном (1859—1925), вице-королем Индии с 1899 по 1905 г., книга «Россия в Средней Азии в 1889 г. и англо-русский вопрос». Свою работу Джордж Керзон предварил вступлением, где говорится, что данная книга посвящена как русофобам, так и русофилам, и должна будет устранить чрезмерные опасения одних и преувеличенные симпатии других. Тем самым автор еще раз подчеркнул, насколько большое значение имел среднеазиатский вопрос в англо-русских отношениях и для британского общественного мнения той эпохи. Написанная политиком и с политическими целями книга Дж. Керзона по своей структуре принадлежит к типичным образцам вояжной литературы, но демонстрирует помимо прочего серьезную академическую подготовку автора (ко времени написания Керзон привлек все введенные в научный оборот источники — как европейские, так и восточного происхождения по древней и средневековой истории региона). Книга Керзона насыщена деталями и подробностями, из которых для современной науки представляют интерес разделы о казахах в Мерве, Бухаре и Ташкенте, а также описание Закаспийской области. Для самого автора наиболее важными были последние главы книги, посвященные политическому положению: суть англо-русского вопроса, анализ системы русского управления в регионе, военный фактор русского присутствия в Средней Азии, прогнозы дальнейшей политики России на Среднем

Востоке. Керзон приходит к выводу, что дальнейшая экспансия России в сторону Индии нереальна; в военном отношении Россия недостаточно сильна, чтобы выдержать военное противоборство с Великобританией в Азии; понадобится продолжительный исторический период, чтобы Россия смогла «переварить» Среднюю Азию и освоить ее экономически (Curzon, 1899). Тем не менее работа Керзона не устранила «чрезмерные опасения» в Англии по поводу возможной угрозы британским интересам на Востоке. Военно-политическая активность Великобритании в регионе продолжалась вплоть до Первой мировой войны, а с 1920-х гг. Великобритания столкнулась с вполне реальной угрозой экспорта революции в свои азиатские владения и с проблемой противостояния с СССР. Однако для эпохи «Большой игры» работа Керзона, который, кстати говоря, и ввел первым этот термин, имела большое значение²¹.

К числу изданий, где исследуется военно-политическое и международное значение завоевания Средней Азии Россией, следует отнести книгу Алексиса Краусса «Россия в Азии» (1899). Автор подчеркивает, что решающим фактором, вызвавшим эскалацию русского проникновения в казахские степи, а затем дальше — на юг и восток, был военный; Россия не могла, считает Краусс, смириться с ощущением угрозы, исходившей из степи и от среднеазиатских ханств. Автор заключает: «Раньше казахи были боевым народом, который совершал рейды на поселения и караваны. С тех пор, как они оказались под русским игом, их нравы изменились, а страх перед последствиями останавливает их в подобных авантюрах» (Krausse, 1973, pp. 6—7). Книга Арчибальда Колхауна «Россия против Индии: схватка за Азию» (1900) держит в фокусе те же проблемы, что и все издания той эпохи: исто-

²¹ Обширная историография, посвященная «Большой игре», англо-русскому соперничеству в Центральной Азии, как современная, так и принадлежащая той эпохе, рассматривается в отдельном разделе.

рию русского завоевания и колонизации Средней Азии, военный потенциал Российской империи в регионе, угрозу британским владениям. Но помимо историко-политического фона в книге Колхауна имеется содержательный материал о прошлом, культуре и этнографии региона; много интересных сведений о казахском населении Ташкента, а также информация о конфискации у казахского населения скота во время хивинской экспедиции Перовского. Автор следующим образом характеризует настроения в казахском обществе после завоевания: «Казахи не были удачливы в защите своей независимости после того, как на них обрушилась волна русского вторжения; многие из них до сих пор не признают альянс с завоевателями» (**Colquhoun, 1900, p. 31**).

В той или иной степени эти идеи (противоборство с Россией, надежды на оживление национализма в Средней Азии, озабоченность модернизацией региона и темпами русской колонизации) пронизывают всю английскую историографию о регионе второй половины XIX — начала XX в. Это работы Р. Берслема, Г. Роулисона, Ф. Бернаби, У. Ричмера-Ричмерса (**Burslem, 1846; Rawlison, 1875; Richmer-Richmers, 1913**). В этом ряду выделяются книги английского журналиста и ученого Д. Боулджера, много путешествовавшего и писавшего о Центральной Азии. Его перу принадлежат книги «Жизнь Якуб-бека» (1878), «Англия и Россия в Средней Азии» (1879), «Среднеазиатские портреты» (1880) и «Среднеазиатский вопрос» (1885). Блестящие по стилю и богатые по содержащемуся в них материалу работы Боулджера были заметным явлением в европейской историографии той эпохи (**Boulger, 1878; 1879; 1880; 1885**).

К числу последних путешествий эпохи классической ориенталистики, географического, этнографического и исторического познания, совершенных англичанами в Среднюю Азию, может быть отнесен визит корреспондента «Таймс»

Стивена Грэхема в 1914 г. Учитывая обстановку того времени, поездку Грэхема можно считать попыткой изучить союзника Англии в предстоящей войне, прочность российских позиций в регионе и проблемы колониальной политики. Грэхем посетил Бухару, Самарканд, Ташкент, Верный и пересек все Семиречье. Он собрал значительный материал, попытался сделать анализ ситуации в регионе и дать прогнозы ее дальнейшего развития. Выводы, которые сделал английский журналист, были полностью опрокинуты последующим ходом событий в Средней Азии. Грэхем писал, что «в настоящий момент Туркестан и вся Русская Средняя Азия очень лояльные, мирные и счастливые русские колонии... Россия совершила свои имперские завоевания вооруженным путем, а сохранила железными дорогами и колонизацией» (**Graham, 1916**). В том же году, когда увидела свет книга Грэхема (ее издание было задержано в связи с начавшейся войной), Средняя Азия и Казахстан были потрясены великим восстанием 1916 г.

Этим изданием завершилась целая эпоха в истории изучения Англией Средней Азии. Те соображения, которыми руководствовались англичане в своем стремлении проникнуть в регион, изучить его и закрепиться в нем, исчезли после бурных событий 1917 г. Резко упала политическая ценность этой литературы после стремительных изменений в регионе, вызванных событиями 1916—1920-х гг. С этого времени значение этой литературы могло быть измерено только научными и познавательными критериями. Не вызывает сомнения тот факт, что многие из этих изданий представляют собой ценные источники по истории данного периода для современных исследователей. Но было бы трудно оспаривать значение того влияния, которое оказала эта литература на развитие академического востоковедения в Великобритании и Европе.

Академическая ориенталистика в Англии XIX — начала XX в. развивалась по трем направлениям: создание науч-

ных школ, источниковедение и собственно ориенталистская историография. Во всех трех областях были достигнуты значительные успехи, которые обеспечили Британии лидирующее положение в изучении Востока в целом и конкретно Центральной Азии. С 1823 г. начало свое существование Королевское Азиатское общество в Лондоне; с 1843 г. — Этнологическое общество, с 1863 г. — Антропологическое общество, с 1901 г. — Королевское Центральноазиатское общество; с 1917 г. при Лондонском университете была создана Школа восточных (и африканских — с 1938 г.) исследований. Крупными научными центрами оставались в этот период университеты Оксфорда и Кембриджа. В XX в. одним из центров ориенталистики стала столица Шотландии Эдинбург: с 1912 г. здесь велось преподавание арабского языка, с 1950-х гг. — персидского и тюркских языков (**Cachia, 1970**). Результаты научной деятельности востоковедных обществ, ассоциаций и университетов освещались в их собственных периодических изданиях, среди которых следует выделить «Журнал Королевского Азиатского общества» (с 1834 г.), «Исламское обозрение» (с 1912 г.), «Журнал Королевского Азиатского общества» (с 1913 г.), «Бюллетень Школы восточных и африканских исследований» (с 1917 г.). Помимо этих периодических изданий материалы о Центральной Азии появлялись в географических и этнографических изданиях, которые выходили примерно с середины XIX в. повсеместно во всех научных центрах и крупных университетах.

Как и в других европейских странах, в Англии в XIX в. интенсивно пополнялась источниковедческая база. Помимо крупных изданий коллекций восточных рукописей в оригинале, к которым обращались все европейские востоковеды, в Англии издавались переводы средневековых авторов, писавших о Центральной Азии, комментарии ученых к ним, а также работы источниковедческого характера, построенные на

сравнительном анализе и обобщении различных источников. В 1829 г. увидели свет «Странствия Ибн Баттуты» в переводе С. Ли (**Ibn Battutah, 1829**); в 1853 г. появился новый перевод трудов Ибн Баттуты (**Ibn Battutah, 1853**). В 1859 г. был опубликован отчет Р.Г. де Клавихо о пребывании при дворе Тимура в переводе К. Маркхема (**Clavijo, 1859**); в том же году источниковый комплекс о Центральной Азии пополнился переводом книги В. де Рубрука, а в 1900 г. был осуществлен новый перевод с комментариями У. Рокхилла (**Rubruquis, 1859; Rubruck, 1900**). Генри Юл пополнил коллекцию книг средневековых путешественников по Центральной Азии своим переводом «Путешествия Марко Поло» и снабдил его обширными комментариями (**Yule, 1903**); до появления соответствующей работы французского востоковеда Пельо (Гл. II. § 1) это издание считалось наилучшим в академическом мире Европы. Кроме них изучением наследия Марко Поло занимался известный ориенталист сэр Аврелий Стейн (**Stein, 1919**).

Присутствие англичан в Индии чрезвычайно обогатило ориентальное источниковедение. В их распоряжение попали обширные коллекции рукописей, династийные хроники, отчеты, статистические данные о государстве Великих моголов, описания соседних регионов. Грандиозную работу, направленную на поиск, сбор, классификацию и обработку документов мусульманской эпохи, большинство из которых были написаны на персидском языке, возглавил Г. Эллиот, который привлекал для этого в широкой мере образованных представителей индийской элиты. Результатом этого беспрецедентного научного проекта стала восьмитомная «История Индии в изложении ее собственных историков» (**Elliot, Dowson, 1867—1877**), которая издавалась в Лондоне с 1867 по 1877 г. Эллиот ограничился мусульманским периодом в истории Индии, однако географически в опубликованных хрониках нашли отражение события, происходившие в об-

ширном ареале Среднего Востока, в том числе в Средней Азии и Могулистане.

Другой известный ориенталист Г. де Стрендж сделал попытку, как выяснилось впоследствии, удачную, изложить историю Восточного Халифата (т.е. Месопотамии, Персии и Средней Азии) с момента появления арабов и до эпохи Тимура путем обработки, сопоставления и чередования произведений арабских летописцев начиная с X в. (**Strange, 1905**). В дальнейшем этот метод, выбранный де Стренджем, получил широкое распространение среди историков. И наконец, в 1910 г. была издана коллекция китайских хроник, освещавшая Средневековье на обширном пространстве от Дальнего Востока до Центральной Азии (**Medieval Researches, 1910**). Таким образом, центральноазиатские исследования в Англии к началу XX в. имели возможность опираться на основательную источниковую базу, включавшую в себя мусульманскую историографию, китайские источники и европейскую средневековую литературу.

Чрезвычайно большое значение для изучения истории казахов имело издание в 1895 г. перевода персоязычной рукописи «Тарих-и Рашиди» Мухаммада Хайдара-дуглата (**Denison Ross, Elias, 1895**). С этого момента историки могли документально установить время появления Казахского ханства, причины и события, вызвавшие и сопровождавшие откол орд ханов Джанибека и Гирея от улуса Узбек-хана и их уход в Могулистан (Ч. III. Гл. I. § 2). Этот уникальный источник обнаружили и ввели в научный оборот Ней Элиас и Эдуард Денисон-Росс (1871—1940), прославившийся спустя несколько лет своей совместной с Френсисом Скрайном книгой по истории Туркестана с древнейших времен и до русского завоевания (**Skrine, Denison Ross, 1899**). В книге «Сердце Азии: история русского Туркестана и среднеазиатских ханств с древнейших времен» Ф. Скрайна и Э. Денисон-Росса впер-

вые в английской историографии была сделана попытка дать концептуальное изложение истории Центральной Азии с использованием при этом источников различного происхождения, в первую очередь, безусловно, мусульманских авторов, а также китайских и русских. Написанная в форме очерков книга Скрайна и Денисон-Росса получила высокое признание среди ориенталистов, а В. Бартольд назвал ее «пионерской работой»²². Несколько позднее Ф. Скрайн выпустил работу «Экспансия России», посвященную русским завоеваниям в Азии до конца XIX в. Однако развитие востоковедения как части научного познания невозможно рассматривать вне всей системы науки и идейной атмосферы эпохи. Для Англии второй половины XIX в. в контексте развития философии, социологии и отчасти естественных дисциплин характерно влияние теории эволюционизма. К крупнейшим мыслителям эпохи, сделавшим попытку с помощью эволюционной концепции дать объяснение многообразию и различиям между цивилизациями, культурами и народами, относится Герберт Спенсер (1820—1903). Он классифицировал совокупность факторов, оказывающих влияние на развитие, расцвет и упадок человеческих обществ, на две группы: внешние и внутренние. К первым он отнес в первую очередь географическую среду, а также зависимость локальной цивилизации от соседних культур; к внутренним факторам Спенсер относит специфические черты, связанные с характером, психологией, этническими или расовыми особенностями отдельных народов и культур. Феномен религии Спенсер попытался вывести из этой схемы как неподдающийся классификации на ординарные группы. Идеи Спенсера аккумулировали все то новое, что получила европейская наука эмпирическим путем. В свою очередь, концепция Спенсера оказала влияние на развитие в дальнейшем этнологии, социантропологии и других

---

²² Бартольд В. В. Сочинения. Т. IX. — С. 313.

дисциплин, чьим объектом исследования были традиционные общества и культуры Востока. Это влияние испытали, по-видимому, исследования, посвященные традиционным обществам Центральной Азии.

В области синологии выдающейся фигурой британского востоковедения был Роберт К. Дуглас (1838—1913), проведший многие годы в Китае на дипломатической службе. Вернувшись в Англию, Дуглас был назначен главным хранителем Китайской библиотеки Британского музея, а в 1893 г. — хранителем всех восточных книг и манускриптов. Венцом его научной карьеры считается знаменитая книга «Жизнь Чингис-хана» (1877). Его перу также принадлежат книги «Конфуцианство и даосизм» (1879), «Китай» (1882), «Общество в Китае» (1984) и ряд других. Его книга о Чингис-хане, построенная на внимательном изучении китайских источников, оказала большое влияние на последующих английских монголоведов, в частности Г. Хоурта и С. Уолкера.

Во второй половине XIX в. английская историография продемонстрировала возможность представить крупные обобщающие труды по древней и средневековой истории Центральной Азии. Это такие исторические сочинения, как «Средняя Азия: от ариев до казаков» Д. Хаттона (**Hutton, 1875**), «История монголов» Г. Хоурта (**Howorth, 1876—1888, 1927**), «Тысячелетие татар» Э. Паркера (**Parker, 1893—1894; Parker, 1896**) и ряд других. Из них крупнейшей работой, базировавшейся на широком комплексе источников, была трехтомная «История монголов с IX по XIX в.» Г. Хоурта (Ховорса), вызвавшая широкий резонанс в академическом мире. Так, В. Бартольд утверждал, что этот труд — компиляция, не имеющая самостоятельной ценности. Однако главный упрек в адрес работы Хоурта со стороны русского востоковеда заключался в том, что ее автор (как и Каюн во Франции) прославляют монгольские завоевания и основа-

теля Монгольской империи²³. На наш взгляд, появление в ту эпоху исследований, в которых делалась попытка пересмотреть традиционную точку зрения, что кочевые империи несли только разрушение и деградацию оседлым цивилизациям, было позитивным шагом в развитии науки. Хоуорт, опираясь на те же группы источников, что и его предшественники, показал — и вполне убедительно, что феномен Монгольской (или монголо-тюркской) империи нельзя рассматривать только с позиции оседлых цивилизаций, что наличие колоссальных степных пространств Центральной Азии было объективным историко-культурным фактором, непосредственно влиявшим на развитие цивилизаций на Востоке и на Западе, способствовавшим культурному обмену и взаимодействию разных цивилизаций.

Хоуорт исследовал также домонгольскую эпоху: его работы освещали историю кочевых государств кипчаков и печенегов (**Howorth, 1870**). Другой британский историк Т. Кингсуэлл, опираясь на китайские источники, дал динамику и ареал экспансии так называемых белых гуннов (**Kingswell, 1878**). Прототюркскому периоду посвящены и некоторые работы Э. Паркера, в частности его исследование «Происхождение тюрков» (**Parker, 1896**). Нельзя не назвать, касаясь английской историографии этого периода, труды, освещавшие общность судеб культур и государств Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока в рамках единой исламской цивилизации. Это классическая работа Л. Стенли «Мусульманские династии» (**Stanley, 1894**), а также исторические сочинения сэра Перси Сайкса: «История Персии» и «История Афганистана» (**Sykes, 1915; Sykes, 1940**). В этом смысле среди британских ориенталистов фигура Сайкса стоит особняком: государственный деятель, крупный колониальный чиновник Сайкс использовал свое пребывание на

²³ Там же. — С. 512.

Востоке, чтобы обогатить ориенталистику безупречными с точки зрения академической науки исследованиями. Уже в XX в. была утверждена специальная медаль «Королевского Азиатского общества» имени П. Сайкса, которой награждались выдающиеся востоковеды.

В XIX—XX вв. британское востоковедение внесло большой вклад в изучение ислама и мусульманской цивилизации в Европе. Исламоведческие традиции в Англии восходят к XVII в., когда были открыты кафедры арабского и других восточных языков исламского ареала: в 1632 г. — в Кембридже, в 1636 г. — в Оксфорде. Но революционные открытия в области мусульманской философии, в особенности суфизма, были сделаны позднее — в XVIII в., когда Англия прочно закрепилась в Индии. Начало этих исследований связано с именем сэра В. Джоунса (1746—1794), который за годы своей службы в Индии познакомился с персидской поэзией и санскритскими текстами. Он первым обратил внимание на сходство суфизма и индуизма, что привело его к мысли искать корни суфизма в индуистской религии. По его инициативе в конце XVIII в. было создано Бенгальское Азиатское общество, где научная концепция последнего прочно утвердилась и получила в дальнейшем свое развитие в трудах его последователей. Упомянутый выше труд Д. Малькольма «История Персии» опирался именно на идеи Джоунса и оказал сильное влияние на представление в Европе об исламе на Среднем Востоке. Таким образом, усилиям в первую очередь британских ученых обязана своим появлением на свет так называемая «индийская теория» происхождения суфизма. Однако английские ученые не имели достаточно сравнительного материала и экстраполировали свои идеи на суфизм в целом. По их мнению, суфизм явился продуктом развития индуистских и буддийских доктрин на почве ислама²⁴.

---

²⁴ См.: Ислам: историографические очерки. Под ред. С.М. Прозорова. — М.: Наука, 1991. С. 114—115.

Эта концепция прочно утвердилась в европейской ориенталистике, пока французские исламологи не доказали ее несостоятельность в отношении других ареалов исламской культуры. Следующее поколение британских востоковедов (Э. Лейн, Э. Браун, Э. Палмер, Э. Винфилд) создало классическую школу суфийских штудий. Э. Браун (1862—1926) обобщил все накопленные знания о суфизме и выделил четыре теории, объясняющие его происхождение: 1) суфизм является частью учения пророка Мухаммеда; 2) суфизм явился продуктом смешения ислама с индийской и иранской культурами; 3) истоки суфизма следует искать в неоплатонизме; 4) суфизм развивался как самостоятельное течение в исламе, но позднее подвергся влиянию других философских идей. Э. Палмер в своей книге «Восточный мистицизм» (1867) повторил известные к тому времени оценки суфизма, но по-новому сформулировал идею о влиянии индо-иранской культуры. Палмер охарактеризовал суфизм как реакцию арийской культуры на «семитское вторжение» (то есть ближневосточный монотеизм), как «религию арийской расы».

Классический период в изучении суфизма в Великобритании нашел свое завершение в трудах Р. Николсона (1868—1945), в которых он сделал попытку объединить «индо-иранскую» и «неоплатоническую» теории происхождения суфизма. Николсон пришел к выводу, что «суфизм — это результат ряда разных, но взаимодействующих течений: мусульманского монотеизма, христианского аскетизма, греческой гностики и индийской философии» (Nickolson, 1921, p. 12). В 1930-е гг. идеи английских суфиеведов были продолжены исследовательницей ближневосточного (христианского) мистицизма М. Смит, которая исходила из мысли, что мусульманский мистицизм, как и вообще ислам, развился из ближневосточного христианства. Очевидно, что исламология в Англии, как и суфиеведение, про-

демонстрировали, что британские ученые генерируют новые идеи, находят неординарные решения для создания концепций, однако их часто подводили избирательная увлеченность одной идеей и игнорирование материалов, собранных при изучении смежных и близлежащих проблем, а также фактов, не укладывающихся в рамки заданной концепции. По-видимому, по этим причинам английские исламоведы не смогли выдвинуть из своих рядов фигуру, равную французскому ученому Л. Массиньону, который, как отмечалось выше, совершил подлинную революцию в изучении суфизма. Можно назвать еще один признак, отличающий это направление в английском востоковедении от французского: несмотря на практические интересы Англии в Средней Азии и масштабы исследований региона, которые осуществляли англичане на протяжении столетия, британские исламоведы проявляли мало интереса к региону в плане изучения местной специфики ислама и среднеазиатского суфизма, в отличие от своих французских коллег.

В востоковедении Соединенного Королевства начиная с послевоенного периода (после Первой мировой войны) прослеживаются те же характерные тенденции, что и повсюду в европейской ориенталистике, которые можно охарактеризовать как кризисные. В основе этого процесса лежали серьезные объективные причины, среди которых главной был кризис британской колониальной системы и ее последующий распад. Разумеется, процесс разрыва связей британской метрополии со своими доминионами и колониями на Востоке не был напрямую связан с деградацией английского востоковедения, но постепенный упадок и даже некоторая стагнация ориенталистики опосредованно отражали этот процесс. Реально кризис этой дисциплины выразился в том, что она утратила те импульсы, которые подталкивали ее развитие во времена пика британской колониальной экспансии, а также в том, что созданная в XIX в. система обучения и исследований, базировавшаяся тра-

диционно на университетах, уже не отвечала требованиям XX столетия. Дж. Уилер (см. ниже), анализируя системы подготовки и структуры ориенталистских школ в СССР и Великобритании, отмечал, что советское востоковедение, структурированное в системе Академии наук с ее централизованным управлением и государственным финансированием, было способно более эффективно решать крупные научные проблемы в отличие от британского, традиционно ориентированного на отдельные научные школы и направления при университетах (**Wheeler, 1968**). Это было также связано с тем, что на историческом фоне утраты Великобританией своего влияния на Востоке Советский Союз в течение всей своей семидесятилетней истории непрерывно наращивал свое политическое и идеологическое влияние в Азии. Тем не менее английские ученые нисколько не сомневались в том, в какой степени советское востоковедение идеологически ангажировано и зависит от партийного руководства наукой.

Перемещение центра научных исследований в США также болезненно повлияло на ситуацию с научными кадрами в Великобритании: общность языка и культур способствовала тому, что эмиграция английских ученых принимала все более активный характер. Начиная с 1950-х гг. можно говорить, принимая во внимание интеграционный характер развития двух национальных школ, о возникновении англо-американской историографии²⁵. Что касается собственно востоковедения, то оно в Великобритании развивалось в XX в. благодаря тому потенциалу и тем традициям, которые были созданы в классическую эпоху (о развитии востоковедения в Великобритании см.: **Tisdall, 1917; Bowen, 1945; Gibb, 1951; Yapp, 1981**).

---

²⁵ Однако этот термин, часто использовавшийся в советской литературе 1960—1980-х гг. в отношении среднеазиатской историографии, достаточно условен; тем не менее развитие английской и американской историографии о Средней/Центральной Азии носило скоординированный характер, было взаимообусловленным, взаимосвязанным и зачастую финансировалось из общих (американских) источников. С идеологической точки зрения эта литература имела ярко выраженный антисоветский контекст.

Этот процесс нашел выражение в открытии новых кафедр, факультетов и центров, основании новых научных периодических изданий. Применительно к изучению Центральной Азии следует назвать такие издания, как «Журнал Королевского центральноазиатского общества» (существует с 1913 г.; с 1970 г. — «Эйшн Эффэйрс»), «Мусульманский мир» (англо-американское издание, существует с 1910 г.), «Восточный мир» (с 1947 г.), «Среднеазиатское обозрение» (1952—1970), «Азиатское обозрение искусств и литератур» (с 1964 г.), «Исследования по Среднему Востоку» (с 1964 г.), «Центральноазиатское обозрение» (с 1982 г.). Большинство этих изданий уже не представляли исключительно британскую науку, а были международными по своему характеру. Одной из главных причин популярности в научных кругах англоязычных изданий было доминирующее положение и резко возросшее в XX в. значение английского языка как коммуникативного средства мировой науки. По этой же причине многие зарубежные исследователи стремились публиковаться на английском языке; в Великобритании также часто издавались работы американских исследователей и ученых из стран Британского Содружества. Таким образом, ареал и сфера влияния английского востоковедения были значительно шире рамок самого Соединенного Королевства; они охватывали практически весь англоязычный мир, включая Соединенные Штаты, Канаду, Австралию, Индию и Пакистан. Кроме того, сохранялась настоятельная потребность поддерживать высокий уровень публикуемых в Великобритании исследований по Центральной Азии как эталонов научной продукции. В немалой степени это относилось к источниковедческим изданиям.

После 1920 г. источниковедческая активность британских востоковедов продолжала развиваться по нескольким направлениям: переиздавались такие классические издания, как, например, «Книга Марко Поло» в переводе Г. Юла (**Yule**,

1926); составлялись новые комментарии к уже известным науке источникам, публиковались экстраты из средневековых мусульманских летописцев по сюжетному признаку; делались авторизованные пересказы наиболее известных и важных источников (Рашид-ад-дина и Джувейни), которые после переработки представляли собой, по сути, самостоятельные научные исследования, и, естественно, вводились в оборот новые источники. В 1928 г. Г. Ле Стрендж издал новую версию «Посольства к Тамерлану» Р. де Клавихо (**Clavijo, 1928**), а в 1936 г. Дж. Сандерс перевел «Историю Великого Эмира Тимура, или Тамерлана» арабского средневекового автора Ибн Арабшаха (**Sanders, 1936**). В 1932—1933 гг. увидела свет в Канаде работа английского военного историка С. Уолкера «Чингис-хан», переизданная в 1939 г. в Лондоне. Значение этой книги состояло в том, что жизнь и деятельность Чингис-хана рассматривались с точки зрения его вклада в военную науку, а военные кампании монголов — в контексте развития военного дела во всемирном масштабе (Ч. II. Гл. III. § 2).

Следует отметить, что усилия английских востоковедов не были сосредоточены исключительно на средневековых западноевропейских и мусульманских авторах; вводились в оборот источники, относящиеся к более ранним периодам истории Центральной Азии и раннетюркской истории. Так, Генри Гибб привлекал китайские источники для своей истории завоевания арабами Средней Азии (**Gibb, 1923-1**), Ч. Маккартни обрабатывал и комментировал греческие (наравне с другими) источники, проливающие свет на историю тюрков, печенегов и других кочевников Восточной Европы во второй половине I тысячелетия (**Macartney, 1929—1930; Macartney, 1943—1946**). Р. Листер на основе изучения и сравнительного анализа ряда источников сумел по-новому интерпретировать сведения, относящиеся к периоду пребывания Марко Поло при дворе Хубилай-хана (**Lister, 1976**).

В 1950—1970-е гг. достижения английского источниковедения связаны с именем Джона Э. Бойла (1916—1978), который активно издавал собственные переводы классических персоязычных летописей, относящихся к монгольской и постмонгольской эпохе, среди них «История покорителя мира» Рашид-ад-дина (1958), «Наследники Чингис-хана» Джувейни (1971) и ряд других. Бойл является автором ряда публикаций источниковедческого характера, в которых изложены результаты его исследований трудов великих историков прошлого — Рашид-ад-дина, Джувейни, Бируни и других, значение их наследства для современного востоковедения и их места в мировой историографии (Boyle, 1962; 1970; 1971; 1977).

Можно констатировать, что в первой половине XX в. проблема источникового обеспечения исследований по Центральной Азии уже была решена; британские ученые располагали достаточно обширным источниковым комплексом, постоянно пополнявшимся за счет новых открытий, но имевшим уже не принципиальное, а локальное для той или иной специализации значение. При описании древней и ранне-средневековой истории Внутренней Евразии востоковеды опирались на группы китайских, древнеиндийских и византийских источников; Средневековье (эпоха империй степей) было достаточно подробно представлено мусульманской историографией при сохраняющемся значении китайских, западных и древнерусских источников; позднее Средневековье и начало Нового времени изучались в основном по османским и иранским архивам. Пожалуй, в течение долгого времени это был наименее изученный период (с XV по XVIII в.), так как до 1960-х гг. на Западе была плохо известна кокандская и бухарская историография. И наконец, период с середины XVIII в. и до начала XX столетия был хорошо изучен благодаря русским, а позднее — советским публикациям и собственным английским исследованиям, о чем подробно говорилось выше.

Данная классификация отражена в монографии профессора этнологии Оксфордского университета Марии Чаплицкой (Чаплицка) «Тюрки Средней Азии в истории и современности» (**Czaplicka, 1917**). Автор выделяет в тюркской эпохе истории Центральной Азии четыре периода: 1) с конца I тысячелетия до н.э. до начала I тысячелетия н.э. — период, когда о тюрках было известно по sporadическим сообщениям китайских источников; 2) с первых веков н.э. до начала XIII в. — время создания обширных и могущественных кочевых государственных образований и их экспансии в Евразии; 3) с XIII по XVIII в. — вхождение тюрков в состав Монгольской империи и ее эпитонов, постепенный распад и упадок кочевых тюркских государств; 4) XVIII — начало XX в. — эпоха экспансии России в Центральной Азии; завоевание, колонизация и инкорпорирование этого региона в состав Российской империи. Используемая М. Чаплицкой периодизация отражает уровень, достигнутый при изучении истории Центральной Азии в эпоху классического востоковедения. Любопытно, что в той или иной мере данная периодизация сохранилась на Западе до настоящего времени.

Исследование Чаплицкой — одна из немногих концептуальных работ по истории региона в английской историографии первой половины XX в., которая в эти десятилетия была более репрезентативна исследованиями, ориентированными на частные проблемы. К последним можно отнести монографию Г. Гибба «Арабское завоевание Средней Азии» (**Gibb, 1923-2**). Это исследование, первоначально представленное для защиты в качестве диссертации в Лондонском университете под названием «Арабское завоевание Трансоксианиии» (1921), испытало сильное влияние В. Бартольда. Гибб опирался на переводы арабских источников, изданных в Лейденской серии в 1860—1890-е гг., а также на работы русских востоковедов, в первую очередь самого Бартольда, известных ему в переводах. Популярность трудов и идей великого русского ориента-

листа в Англии не случаен: в начале 1920-х гг. он находился в Лондоне, где читал лекции и готовил к британскому изданию свою знаменитую работу «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», увидевшую свет впервые на Западе в 1928 г. и позднее неоднократно переиздававшуюся.

В Ливерпульском университете проблемы тюркского Средневековья разрабатывал Брюс Босуэлл. В частности, известна его работа о кипчаках (**Boswell, 1927**). Босуэлл предложил принципиально новую трактовку исторической роли кипчакского союза, который, по его мнению, выполнял задачу сохранения баланса сил и поддержки той системы, которая создавалась их предшественниками от Алтая до Чёрного моря (Ч. II. Гл. III. § 2). В Кембридже в 1920-е гг. начала издаваться серия трудов, известная как «Кембриджская история Индии». Третий том, написанный сэром Г. Уолсли, «Тюрки и афганцы» посвящен событиям, связанным с политической обстановкой в Могулистане и вызвавшим вторжение тюрков в Афганистан и Северный Индостан (**Wolseley, 1928**). Эта работа интересна, безусловно, тем, что она опиралась на широкий круг персоязычных индо-иранских источников, многие из которых до этого времени не были известны востоковедам.

Монгольская эпоха нашла отражение в трудах профессора Лондонского университета В.Ф. Минорского (1877—1966), бывшего российского дипломата, который с 1930 г. жил и работал в Англии. Он стал известен как крупный востоковед благодаря своим публикациям по истории и культуре Ирана, Турции и Закавказья, а также истории ислама. Минорский перевел на английский язык и прокомментировал такие важные источники, как «Худуд аль-Алам» и сочинения Марвази. Его монография об Иране при хулагуидах, основанная на анализе трактата Насир-ад-дина Туси (XIII в.), убедительно показала, как провинция Фарс, которая в наименьшей степени пострадала при вторжении монголов, была впоследствии разорена налоговой

политикой ильханов. Минорский также перевел главы о «Ясе» Чингис-хана из его истории Джувейни; этот перевод в дальнейшем использовался другими монголоведами, в частности Г. Вернадским.

Нельзя обойти вниманием достижения английских востоковедов в области библиографии. В британских библиотеках были накоплены в течение столетий колоссальные библиографические собрания. Если рукописные источники обрабатывались, классифицировались и каталогизировались, то востоковедная историография не была систематизирована в течение долгого времени. Таковую попытку обобщить и актуализировать европейскую литературу по ориенталистике предпринял Дж. Пирсон²⁶. Он собрал и классифицировал по региональному и тематическому признакам практически все публикации, относящиеся к исламскому миру. Его каталог получил название «Индекс исламикус». Первый том, охвативший литературу с 1906 по 1955 г., увидел свет в 1958 г. Литература за 1955—1980 гг. нашла отражение в шести дополнительных томах, а с 1981 г. «Индекс» превращается в регулярное кварталное издание (**Pearson, 1958**). В 1989 г. У. Бен (Пенсильванский университет) каталогизировал в новом издании «Индекса» литературу, относящуюся к 1665—1905 гг. (**Index Islamicus, 1989**). Характерно, что во всех следующих изданиях, которые последовали вслед за каноническим «Индексом» Пирсона, были сохранены его методология и принципы систематизации материала.

В 1987 г. группа английских ученых систематизировала литературу, относящуюся исключительно к Центральной Азии, которую им удалось обнаружить в следующих библиотеках: Кембриджского университета (составитель — Дж. Баттеру-

²⁶ Джеймс Пирсон, служащий Британской библиотеки, а затем библиотеки Лондонского университета, происходил из простой семьи, как сообщил автору в частной беседе проф. Д. Синор (Блумингтон, Индианский университет) в ходе XVI сессии Постоянной Алатайской конференции (РАС) в июне 1993 г. в Алма-Ате, однако он предпринял грандиозный труд, который потребовал от него энциклопедических знаний и многолетних самоотверженных усилий. Результатом стал его знаменитый «Индекс исламикус».

орт), университета Глазго (Т. Конн), Школы восточных и африканских исследований (Р. Сетон), Дархэмского университета (П. Старки), Британской библиотеки (М. Уйли, Ф. Вуд), а также этнографические материалы из Центральной Азии в Музее королевы Виктории и принца Альберта (Р. Грилл), Шотландском музее в Эдинбурге (Дж. Скарс; **Central Asia, 1987**).

В послевоенные десятилетия в Англии нарастающим потоком продолжала выходить литература, освещавшая различные периоды истории Центральной Азии. Истории среднеазиатских ханств в XIX в. была посвящена небольшая по объему работа сотрудника Института колониальных исследований Оксфордского университета Мэри Холдуорз «Туркестан в девятнадцатом столетии» (**Holdsworth, 1954**). Автор сделала попытку осветить различные проблемы, связанные с историей, культурой и экономикой Кокандского и Хивинского ханств и Бухарского эмирата в предшествующий русскому завоеванию период; выявить причины стагнации и упадка Кокандского ханства и объяснить, как стало возможным завоевание этих государств Россией.

Среди других крупных исторических работ о регионе, вышедших в 1950-е гг., может быть названа монография сэра Олафа Кэроу «Тюрки Средней Азии и сталинизм» (**Caroe, 1967**). О. Кэроу (1892—1981) продолжил традицию, согласно которой английские колониальные чиновники становились востоковедами; после Второй мировой войны Кэроу занимал пост губернатора Патана — провинции Британской Индии, наиболее близко лежащей к Центральной Азии. Книга Кэроу формально могла бы быть отнесена к господствовавшему в то время жанру советологии, однако блистательно написанная историческая часть выдает в нем профессионального ориенталиста. Концептуально работа Кэроу близка идеям тюркских националистов, в частности З.В. Тогана (Гл. II. § 6), чье влияние она испытала, и выдер-

жана в антирусском (в предреволюционной части) и антисоветском духе.

В 1960-е гг. среди ориенталистской литературы по Средней Азии увидели свет самые разнообразные издания: в 1965 г. появилась книга Тамары Райс «Древнее искусство Центральной Азии» (**Rice, 1965**). Это издание справедливо критиковалось за различные неточности и ошибки, но эти недостатки не могли умалить его главного достоинства — наличия богатого иллюстративного материала. В 1967 г. известный английский востоковед Э. Босуорт подготовил фундаментальное исследование «Исламские династии», представлявшее собой историко-генеалогическую панораму мусульманского мира на протяжении значительного исторического периода. Для исследователей Средней Азии этот труд интересен прежде всего тем, что дает наглядное представление об имманентной связи среднеазиатской цивилизации с остальным исламским миром в Средние века, которая в работе Босуорта поворачивается к читателям новой, генеалогической стороной (**Bosworth, 1967**).

В эти годы монгольская тема и тема кочевых империй Центральной Евразии в целом вновь зазвучала в работах Юстаса Филипса (р. 1910) «Царственные орды» (**Phillips, 1965**) и «Монголы» (**Phillips, 1969**). С концептуальной точки зрения книги Филипса могут быть отнесены к так называемой апологетической литературе о Чингис-хане и монголах, которая упрекалась критиками за преувеличение положительного аспекта в исторической оценке роли Монгольской империи (Ч. II. Гл. III. § 2). В 1969 г. в Лондоне был издан коллективный труд «Средняя Азия» под редакцией Г. Хэмбли, в подготовке и написании которого принял участие международный коллектив авторов — А. Беннигсен, Д. Бивар, Э. Каррер д'Анкосс, М. Хаджянпур, А. Лэмб, Ш. Лемерсье-Келькеже и Р. Пирс (**Central Asia/Hambly, 1969**). Несмотря

на столь солидный авторский коллектив, представлявший лучших историков и политологов Франции, США, Великобритании, — специалистов по ЦА, результат их общих усилий не смог стать шедевром. Как отмечала их английская коллега В. Конолли, из-под пера этой группы авторов вышла не история региона, а чехарда правителей, враждующих династий и режимов, начиная от Чингис-хана и заканчивая советским правлением.

Более удачным был, по общему мнению, 1-й том «Кембриджской истории Ислама», созданный также усилиями интернационального коллектива, среди которых были Б. Шпулер, А.Н. Курат, А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькеже, К. Лэмбтон, Б. Льюис и другие. Общий фон к частям, относящимся к истории Средней Азии, задал немецкий востоковед Б. Шпулер, который предложил рассматривать исламские цивилизации Золотой Орды и Средней Азии как самоценные явления, а роль кочевников в истории региона — как дестабилизирующий элемент. Эта концепция о цивилизирующей роли ислама в тюркском мире была охотно поддержана его коллегами (**The Cambridge History, 1970**).

Коллективный портрет английского востоковедения последних десятилетий будет неполным, если не упомянуть об исследованиях в сфере сравнительного языкознания, ориентированного на древнюю историю Центральной Азии. Они связаны с именем сэра Джерарда Клосона (Клозона). Он одним из первых в лингвистике выступил против алтайской теории происхождения тюркских, монгольских и тунгусских языков от протоалтайского. Первые публикации Дж. Клосона, относящиеся к алтаистическому сюжету, относятся к 1956 г., где он на обширном сравнительном материале, в том числе и на примере казахского языка, показал уменьшение монгольского элемента в тюркских языках (**Clauson, 1956**). В другой статье «Древнейшие тюркские заимствования в мон-

гольском языке» (**Clauson, 1958**) Клосон соглашается с некоторыми очевидными постулатами этой теории (он уточняет, что отпадение монголов от общего тюрко-монгольского языка началось не раньше V в. н.э. В следующих своих работах в 1960-е гг. он привлекает средневековый материал из тюркских и монгольских языков, а также исследует специальную терминологию, выработанную тюрками и монголами для обозначения лошадей и их использования, и приходит к выводу, что у монголов и ранних тюрков были свои независимые названия и определения в этой области, которые «не влияли друг на друга и не испытали влияние третьей стороны» (**Clauson, 1965, p. 165**). К 1969 г. Клосон уже окончательно смог сформулировать свою антиалтайскую концепцию и открыто бросить вызов главному эпигону алтайской теории в XX в., своему другу — финскому профессору П. Аальто (**Clauson, 1969**). Безусловно, выводы Клосона при некоторой спорности обнажили самые слабые места в этой теории и доказали необходимость пересмотра всей алтайской теории, которая, тем не менее, продолжает существовать в неопределенной форме, так как ей не было предложено адекватной замены, в том числе и Клосоном. А термин «алтаистика» прочно утвердился за обширным комплексом целого ряда направлений в истории, языкознании, этнографии и других типов исследований Центральной Азии, тюркологии и монголоистики. В концентрированном виде труды Клосона нашли выражение в его «Этимологическом словаре тюркского языка до XIII века» (**Clauson, 1972**)²⁷.

Однако с 1950-х гг. все более определяющими в английской историографии Средней Азии были исследования не востоковедного, а историко-политологического (или советологического) характера. Это стало возможно в результате ак-

²⁷ См. также: Клосон Дж. Происхождение тюркского рунического письма // Зарубежная тюркология. Вып. I. — М.: Наука, 1986. С. 135—158.

тивной научной, публикаторской и организационной деятельности таких ученых, как Дж. Уилер, В. Конолли, В. Коларз и их коллег из «Среднеазиатского исследовательского центра»²⁸. В настоящее время очевидно, что не все из советологического наследия 1950—1980-х гг. представляет ценность для науки; значительная часть публикаций этой эпохи явно несет на себе отпечаток политических штампов и идеологических клише, которые были обусловлены требованиями конфронтации с советской политикой на Востоке и в Средней Азии. Тем не менее эти работы определяли лицо английского среднеазиеведения начиная с начала 1950-х гг. и легли в основу британской школы среднеазиатских/центральноазиатских исследований, лидировавшей вплоть до начала 1970-х гг. среди других западных историографических школ о регионе.

Джеффри Уилер (1898—1990), полковник британской армии, дипломат и разведчик, долгое время служивший в Индии, Иране и на Среднем Востоке, возглавил после возвращения в Англию и выхода в отставку Среднеазиатский исследовательский центр, созданный в 1953 г. Под эгидой центра публиковались (или переиздавались) исследования, имевшие отношение к истории и современному положению в республиках Средней Азии и Казахстане. Перу самого Уилера принадлежат несколько десятков статей и три монографии: «Расовые проблемы в советской Средней Азии» (**Wheeler, 1960**), «Современная история советской Средней Азии» (**Wheeler, 1964**) и «Народы советской Средней Азии» (**Wheeler, 1966**), последняя представляла собой работу справочного характера. Во всех книгах Уилера содержится материал, относящийся к древней, средневековой и дореволюционной истории региона, но основной акцент автором делается, как и во всех публикациях возглавлявшегося

---

²⁸ О Дж. Уилере и В. Конолли см.: Лаумулин М.Т. Западная школа среднеазиеведения и казахстаники. — Алма-Ата: Наука, 1992.

им центра, на советский и особенно послевоенный период в истории народов Средней Азии. В целом, хотя и с некоторыми оговорками, труды Уилера можно отнести к господствовавшей в то время в англо-американской историографии концепции «советского колониализма».

Уилер выделяет два основных вопроса в дореволюционном и советском периодах истории Центральной Азии: а) сравнение британской и русской колониальных систем; б) цена, смысл и методы советского правления в регионе. Уилер пришел к выводу, что британская колониальная система в Индии была более эффективной, чем русская в Туркестане; англичане осуществили в главном модернизацию и вестернизацию своей колонии, создали и оставили развитую парламентскую систему, судебную и законодательную власти; заложили экономические основы для дальнейшего развития стран Индостана. Колониальный режим Российской империи не справился (или не успел справиться) со своими историческими задачами. Решать их пришлось уже большевистскому режиму после 1920 г., осуществившему поставленные историей задачи brutальными средствами и ценой невероятных страданий народов этого региона. Уилер сформулировал свои выводы следующим образом: «В среднеазиатских республиках уровень жизни, образования, коммуникаций, здравоохранения и производства существенно выше, чем во всех мусульманских государствах несоветской Азии, но это стало результатом вынужденного и безжалостного планирования из центра вопреки национальному развитию» (**Wheeler, 1964, p. 137**). Смысл большинства работ Уилера и его дискуссий с западными и советскими оппонентами определялся именно этим тезисом, что советская Средняя Азия добилась существенных успехов в своем развитии, но ценой отказа от своей самоидентичности. В целом работы Уилера не являлись историческими с научной точки

зрения (очевиден их компилятивный характер) и не содержали далеко идущих прогнозов относительно будущего развития региона и его дальнейшей политической судьбы (как это было у его французских коллег Э. Каррер д'Анкосс и А. Беннигсена). Главный смысл и предназначение работ Уилера и его центра состоял в отпоре и разоблачении советской пропаганды, базировавшейся на экономическом подъеме конца 1950—1960-х гг. и на этой основе рекламировавшей странам третьего мира успехи советской модели в Средней Азии.

Большее, если не главное, значение имела деятельность Дж. Уилера как директора Среднеазиатского исследовательского центра и главного редактора «Среднеазиатского обозрения» (*Central Asian Review*), издававшегося под его руководством с 1952 по 1970 г. Обозрение помещало на своих страницах самый разнообразный материал: аналитические статьи и статистические данные о современном положении в республиках региона, работы исторического и этнографического характера, воспоминания и дневники путешествий по региону, аннотации и рецензии на новые издания по центральноазиатской тематике, дайджесты советской прессы, экономические и демографические прогнозы, материалы конференций о Средней Азии и Казахстане. Но главной задачей журнала и коллектива центра оставался анализ происходящих в регионе процессов. Основная часть материалов готовилась Уилером и его коллегами, среди которых были Э. Шихи, Л. Ботт, Дж. Шапиро, Д. Уильямс и др. «Обозрение» помещало также работы небританских авторов, в частности Э. Каррер д'Анкосс и Б. Хайита. Уилер неоднократно вступал в открытую полемику со своими советскими оппонентами (известна его острая дискуссия с казахстанским историком Г. Дахшлейгером). В некоторых зарубежных и советских публикациях отмечалось, что задачи Среднеазиатского исследовательского центра были несколько шире

научных рамок и включали в себя также разведывательные. Достоверно известно, что Уилер принес в центр военизированный, командный стиль руководства²⁹. В целом этот журнал остался в качестве заметного явления в послевоенной английской и западной историографии о ЦА. В 1970 г. его выпуск был прекращен по финансовым причинам.

«Среднеазиатское обозрение» не было единственным советологическим изданием в Англии; параллельно и регулярно материалы о регионе появлялись на страницах журналов, ориентированных на изучение всего Советского Союза. Наиболее известные среди них: «Слэвоник Ревью» (*Slavonic Review*) (1922—1932); с 1932 по 1940 г. он издавался под названием «Слэвоник энд ист юропеан ревью» (*Slavonic and East European Review*), с 1941 по 1944 г. издание переносится в США, где с 1961 г. оно известно как «Слэйвик ревью» (*Slavic Review*), а в Англии с 1945 г. продолжает издаваться под прежним названием под эгидой Школы славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета. С 1949 г. в университете Глазго издается журнал «Совет стадис», ориентированный также на изучение всего Советского Союза, включая Среднюю Азию.

К числу наиболее известных советологов Великобритании 1950—1960-х гг. относится Уолтер Коларз (Вальтер Коларц, ум. 1962), переселившийся в Англию из Чехии и работавший долгое время в Лондонском университете. С 1944 по 1964 г. в Великобритании увидели свет его многочисленные исследования о России и Советском Союзе, из которых для нас представляют интерес «Россия и ее колонии» (**Kolarz, 1952/3**) и «Коммунизм и колониализм» (**Kolarz, 1964**). Книги Коларза — классические образцы трудов в духе концепции «советского колониализма». Ретроспектива русской колони-

²⁹ Об этом сообщила автору в частной беседе бывший сотрудник СИЦ Энн Шихи в апреле 1992 г. в Алма-Ате.

альной политики в освещении Коларза достаточно глубока, но основной акцент автор делает на советский период. Коларз приходит к выводу, что «во-первых, в Средней Азии не существует политических и революционных идей, могущих противостоять большевизму. Ислам не идея, а организация, подчиненная советскому режиму. Во-вторых, пять среднеазиатских республик никогда не смогут полностью освободиться от колониального положения, поскольку несколько десятилетий русского правления завершились появлением значительного русского этнического элемента. Русские доминируют в городах и промышленных центрах. Пока британцы действительно покидают Индию, русские остаются в Средней Азии» (**Kolarz, 1953, pp. 299—300**).

Как отмечалось выше, для историографии этой эпохи характерны частые сравнения советской системы с британской колониальной практикой в Азии, как правило, в Индии. Коларз также пишет об этом: «Британское сообщество может служить примером, следуя которому Россия также смогла бы превратиться в сообщество — нечто вроде “Соединенных Штатов России”, и это не утопия, а практическая и политическая возможность» (**Kolarz, 1953, p. 315**). Прогнозы и выводы Коларза напрямую обращены к нам, современникам бурных событий конца 1980-х — начала 1990-х гг., и удивительно точны: распад СССР, уход из его сферы Прибалтики, и, по-видимому, на этот раз навсегда; упорное стремление России «остаться» на Кавказе. В Средней/Центральной Азии, по его мнению, Россия имеет те же проблемы, что и Франция в Алжире (мрачная перспектива, учитывая исторический опыт Алжира после смерти Коларза: многолетняя война, насильственное изгнание европейцев, установление диктатуры марксистского толка, угроза создания исламского режима, вмешательство Запада, террор исламистов). В одном Коларз был, безусловно, прав, когда писал: «Не веря в буду-

щее советских народов, нельзя верить в будущее человеческой цивилизации, в которую они вернуться, освободившись от тоталитаризма» (**Kolarz, 1953, pp. 319**). В вышедшей уже после его смерти работе «Коммунизм и колониализм» Коларз обращается к тем же проблемам; отдельная глава посвящена Казахстану, которую он назвал, учитывая весь исторический опыт сосуществования традиционного казахского общества с Россией и его разрушения, «Трагедией казахов». По мнению Коларза, именно в Казахстане, как нигде больше, проявился колониальный характер советской системы: «Казахи были принесены в жертву экономическим интересам Советского Союза» (**Kolarz, 1964, p. 44**).

В английской историографии, как и во французской, небезраздельно господствовала в качестве единственной точки зрения на историю Средней Азии как на советскую колонию. В середине 1960-х гг. ряд авторов сделали попытку заново оценить значение советской политики для региона. Естественно, что на первом плане в данных работах была представлена экономика, то есть экономический эффект советской политики, направленной на модернизацию среднеазиатского общества. Наиболее значительным явлением в этом направлении среднеазиатских исследований стала книга Вайолет Конолли «За Уралом: экономическое развитие в Советской Азии» (**Conolly, 1967**). В. Конолли (1902—1988) происходила из той же семьи, что и капитан Конолли, казненный вместе с Стоттардом в середине XIX в. в Бухаре. Занимаясь с конца 1920-х гг. проблемами Советского Союза, в том числе и Средней Азии, экономической политикой СССР на Востоке в качестве эксперта Форин Оффиса, Конолли уже в 1940 г. считалась одним из крупнейших советологов, а к моменту выхода в свет книги «За Уралом» и особенно после этого превратилась в своего рода патриарха среди советологов. Эта работа не была первым или послед-

ним исследованием В. Конолли: из-под ее пера вышли такие книги, как «Советская экономическая политика на востоке» (1933), «Советская Азия» (1942), «Сибирь сегодня и завтра» (1975), а также значительное количество статей, рецензий и аналитических эссе о текущих процессах в Средней Азии и Казахстане. В течение полувека Конолли являлась постоянным автором «Журнала Королевского Среднеазиатского общества»/«Эйшн Эффейрз». Конолли ограничила рамки своего исследования сугубо экономическими проблемами: «Влияние царской и советской экономической политики на местные народы Азии рассматривается здесь только строго в экономическом контексте. Эффект этой политики на традиционные культуры и образ жизни этих народов остается за пределами этой книги» (Conolly, 1967, p. XVI).

Конолли в своей книге задалась целью ответить на вопрос: за чей счет была осуществлена модернизация и индустриализация Средней Азии, созданы системы образования и социальных служб? Автор пришла к выводу, что без центрального планирования и финансирования из общесоюзного бюджета индустриализация региона была бы невозможной. Однако Конолли не решилась солидаризоваться с абсолютно позитивной оценкой советской политики в Средней Азии и была вынуждена вернуться к вопросам, которые надеялась оставить без внимания в своей монографии: «Маловероятно, что эти республики смогли бы добиться такого успеха без помощи Советского Союза или какого-либо другого предположительного индустриального патрона. Но советская система управления и ее базирующаяся на марксизме культурная революция способствовали разрушению традиционной исламской базы среднеазиатского общества» (Conolly, 1967, p. 363).

В целом картина среднеазиатских исследований в Англии в 1960—1980-е гг. достаточно пестра и разнообразна, и не только за счет советологии. В эти десятилетия актив-

но исследовалась предреволюционная эпоха, история Туркестана в XIX в., публиковались многочисленные документы и источники, относящиеся к англо-русским отношениям в Центральной Азии. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. в Школе славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета читал лекции о русском Туркестане Д. Уильямс, в многочисленных статьях которого отражен процесс колонизации региона, создание системы управления, налогообложения, социальных служб, включая медицину и образование (Гл. V. § 3). А. Боджер (университет Суонси) изучал более ранний период истории региона — XVIII в. Представляет интерес его эссе о хане Абулхаире и интерпретация присоединения Младшего жуза к России (Ч. III. Гл. IV. § 5). История англо-русского соперничества в Центральной Азии нашла отражение в двух крупных исследованиях. Первый этап (1828—1834) описан в монографии Эдварда Инграма «Начало Большой Игры в Азии» (1979). Работа Джеральда Моргана «Англо-русское соперничество в Центральной Азии: 1810—1895» (1981) более широка по кругу охватываемых проблем. В ней прослеживается эволюция британской и русской политики в регионе, причины конфронтации двух держав и методы достижения целей, в том числе в соседних регионах — Синьцзяне и Афганистане. Следует добавить немного об авторе: Дж. Морган, как и многие его коллеги, обучался в Среднеазиатском исследовательском центре и был учеником Дж. Уилера (последний написал предисловие к книге Моргана, значительно поднявшее ее концептуальную ценность). Это было не первое исследование Моргана, касавшееся истории Центральной Азии в XIX в.; в 1971 г. он подготовил биографию Н. Элиаса, посвященную истории английских открытий в регионе.

Его коллега Д. Рэйфилд из Лондонского университета в 1976 г. также подготовил биографию другого знаменитого

исследователя Центральной Азии — Н. Прживальского. В книге Рэйфилда «Мечта о Лхасе» нетрадиционно интерпретируется личность русского путешественника и его роль в истории проникновения России в глубь континента. Следует добавить, что исследование Рэйфилда — первое такого рода в англоязычной и в целом — западной историографии (**Rayfield, 1976**).

В Среднеазиатском исследовательском центре получила подготовку Гленда Фрезер, работавшая во второй половине 1960-х гг. в Манчестерском университете; фокус ее исследований — басмаческое движение в Туркестане в начале 1920-х гг. Фрезер призвала пересмотреть стереотипные представления о лидерах басмачества как о военных преступниках и авантюристах (имеются в виду Энвер-паша и Хаджи-сами, или Салим-паша), препятствовавшие объективному изучению политики Англии в отношении Средней Азии в эту эпоху. Заслуга популяризации идей французского ученого А. Беннигсена в англоязычной историографии принадлежит С. Эндерс Уимбушу, бывшему в течение многих лет его соавтором при создании таких работ, как «Мусульманский национальный коммунизм», «Мистики и комиссары», «Мусульмане Советской империи» (**Bennigsen, Wimbush, 1967; 1985; 1986**), в которых отражена бурная эпоха 1910—1920-х гг., связанная с появлением так называемого мусульманского коммунизма, участием мусульман в большевистской революции и крушением этого политического движения. Тандемом Беннигсен — Уимбуш создан также ряд исследований о современных процессах (т.е. 1970—1980-е гг.) в советской Средней Азии и Казахстане. Эти работы создавались в русле беннигсеновской концепции «национализма» и являлись попыткой прогнозировать развитие политической и этнической ситуации в регионе в преддверии, как верили авторы, грядущих политических катаклизмов и разрушения советского режима.

Трагическая история 1930-х гг. описана в книгах Роберта Конквеста, британского дипломата, переводчика-русиста и советолога, в течение многих лет работавшего в английском посольстве в Москве. Его книги «Великий террор», «Убийцы наций», «Жатва скорби» (**Conquest, 1968; 1971; 1986**) посвящены разоблачению сталинской национальной политики. Во многих разделах его книг затрагиваются трагические для Казахстана и казахского народа события: страшный голод 1931—1932 гг., репрессии против национальной интеллигенции, массовые депортации и насильственное переселение народов, внедрение практики террора, насилия и геноцида. Книги Конквеста имели огромное значение как правдивое и документированное описание сущности сталинского режима и его преступлений, в том числе и в отношении народов Казахстана и Средней Азии.

Различные аспекты экономического развития Казахстана и других республик региона в послевоенную эпоху изучались английскими советологами и экономистами. Френсис Ньютон в своей работе (1976) связывал экономический прогресс в среднеазиатских республиках с возникновением проблем, которые могли иметь далеко идущие последствия для будущего этого региона: уменьшение доли славянского населения, структурные и возрастные изменения в составе коренного населения, рост национальной напряженности и возрастание стратегического значения региона. Блестящую историческую работу написал в 1976 г. Мартин Макколей из школы славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета об истории освоения целинных земель в Казахстане. Макколей не ограничился собственно событиями, связанными с целинной программой Хрущева, а нарисовал широкую историческую панораму русской аграрной колонизации в Казахстане, начиная со столыпинских реформ и вплоть до возвращения Целинного края в состав

Казахстана. Концепция национализма нашла свое продолжение в работах Аластера Маколея (Центр русских и советских исследований Эссекского университета), который писал в 1988 г., что угрозой советским позициям в Средней Азии станут экономический застой, резко снизившаяся компетенция господствующей элиты, рост безработицы, появление новой идеологии, влияние иранской революции (McAuley, 1988, pp. 21—22). Эти идеи перекликаются со многими другими работами в английской историографии конца 1980-х гг.

Новое поколение специалистов по Центральной Азии в Лондонском университете представляет Ширин Акинер (Лондонский университет), подготовившая в 1983 г. значительную по объему работу справочно-энциклопедического характера — «Исламские народы Советского Союза» (Akiner, 1983). С 1982 г. специалисты по региону получили возможность публиковаться в новом ежеквартальном издании «Центральноазиатское обозрение» (Central Asian Survey), которое выходит под эгидой Общества по изучению Центральной Азии в Оксфорде. Инициаторами воссоздания специального английского издания, ориентированного на Центральную Азию и страны Среднего Востока, были С.Э. Уимбуш и дочь его французского коллеги Мари Беннигсен-Броксап, живущая с начала 1970-х гг. в Англии. В отличие от издания Дж. Уилера новое «Обозрение» сразу же продемонстрировало свой интернациональный характер: в его редакционную коллегию вошли французские, американские и турецкие ученые. В целом уровень нового издания был значительно выше, чем у прежнего «Среднеазиатского обозрения»; в нем публиковались как специалисты, принадлежавшие к «старой гвардии» среднеазиатоведения, так и представители нового поколения исследователей, часто предлагавших новые оригинальные сюжеты. В издании также широко представлены материалы из истории Казахста-

на. С конца 1980-х гг. редколлегия журнала получает возможность уже напрямую сотрудничать с академической наукой в среднеазиатских республиках.

В 1983 г. М. Броксап публикует в Великобритании в соавторстве с отцом книгу «Исламская угроза советскому государству» (**Broxup, Bennigsen, 1983**) — одно из последних концептуальных произведений М. Беннигсена, изданных в этой стране до распада СССР. Вся книга, включавшая в себя также историческую панораму русско-тюркских отношений, современную ситуацию в республиках и прогнозы дальнейшего развития этих отношений, подчинена беннигсеновской концепции «национализма», то есть идее о непреодолимом антагонизме между среднеазиатским исламом и Россией. Многие западные коллеги обратили внимание на чрезмерность выводов и прогнозов авторов, но в целом данная концепция отвечала настроениям и духу среднеазиатских исследований в англо-американской историографии начала 1980-х гг. Так, книга Беннигсенов перекликается с изданной почти одновременно книгой американского среднеазиеведа М. Ривкина «Вызов мусульман Москве» (Ч. I. Гл. V). Как известно, прогнозы о том, что мусульманские республики СССР разрушат коммунистический режим, не оправдались. История распорядилась по-своему.

В заключение необходимо сказать о так называемой «оксфордской серии»: в середине 1980-х гг. «Общество по изучению Центральной Азии» при Оксфордском университете приступило к переизданию источников по истории Казахстана и Средней Азии. Были изданы «Туркестан под властью Советов» М. Чокая, «Восстание 1916 г.» Т. Рыскулова, сборник «Казахи о русских» и ряд других. Эта серия вновь пробудила интерес к бурным событиям туркестанской истории последних десятилетий существования царского режима и первых лет большевистской эпохи.

* * *

Итак, среднеазиатские/центральноазиатские исследования в Англии пережили несколько периодов, которые отразили соответствующие эпохи в истории самой Великобритании и ее контактов с азиатским миром. Эпоха так называемого практического востоковедения с XVI по начало XIX в. отвечала торговым, военным и политическим интересам Англии, утверждавшейся в Южной Азии и пытавшейся проникнуть в глубь континента. К этим временам относятся первые контакты англичан с жителями казахских степей и среднеазиатских оазисов. Результаты, полученные в результате этих контактов, обогатили английское востоковедение и создали базу для дальнейшего научного изучения региона. Для нас письменные свидетельства английских путешественников о регионе являются ценными источниками для изучения того периода истории, который значительно отдален от нас во времени и недостаточно хорошо изучен, так как находится между периодом, описанным средневековой мусульманской историографией, и эпохой, когда история региона стала частью истории Российской империи. В этот период были заложены предпосылки для академического изучения истории всей Центральной Азии, что и произошло в эпоху классической ориенталистики в XIX — начале XX в.

Британское классическое востоковедение, бурно развивавшееся в этот период, питалось двумя мощными источниками: непосредственным изучением территорий, вошедших в состав британской колониальной империи, и соседних регионов; академическими исследованиями, базировавшимися на обширном количестве источников, сети научных обществ, университетов и колледжей, ориентированных на познание Востока. В эту эпоху произошло оформление ряда востоковедных дисциплин, среди которых археология, этнология, лингвистика, социальная

антропология, тюркология, иранистика и другие. И главное, были заложены традиции научного изучения истории и культуры народов Центральной Азии, тюркских народов в целом, а также исламской цивилизации. Эти традиции продолжали сохраняться и в XX в. как наследие классической эпохи.

Революционные по-своему характеру изменения, потрясшие в уходящем столетии всю систему европейского колониального присутствия в Азии и приведшие к крушению Российской империи в Центральной Азии и утверждению на ее месте коммунистического режима, привели к возникновению новых политических реалий. Сначала Великобритания столкнулась с угрозой своей колониальной империи в Азии, а после ее ликвидации, как и весь Запад, — с вызовом, исходившим от советской империи. Если раньше русское присутствие в Средней Азии рассматривалось как угроза британским интересам в Индии, то позднее этот регион изучался как потенциальный источник нестабильности для коммунистического режима. Таким образом, среднеазиатские исследования в этот период из востоковедных трансформировались в политологические и превратились в важную составляющую так называемой советологии. Тем не менее все эти факторы не умаляют научной ценности значительной части английской литературы о Средней/Центральной Азии, созданной в Англии в последние десятилетия. В целом вклад английских ученых в изучение региона можно и должно рассматривать как выдающееся явление в истории центральноазиатских исследований на Западе.

В заключение следует коротко сказать о новейшей литературе в этой области, которая возникла сразу же после распада Советского Союза. Здесь мы имеем дело уже с новой историографией, посвященной вновь возникшим независимым государствам Центральной Азии. Фактически, эта историография была имманентным продолжением прежней «советологической» политологии, заимствовав из ее арсена-

ла методы, задачи и постулаты. Однако в основном она создавалась специалистами-политологами нового поколения. Главной отличительной чертой этой историографии, как и американской, германской и в целом западной, было изучение Центральной Азии с точки зрения ее геополитического положения. Как правило, эти работы практически не включают в себя исторический контекст; в некоторых из них присутствует внутривосточный анализ, однако в целом они рассматривают положение новых независимых государств среди главных внешних игроков нового издания «Большой игры», интересы этих держав и основные внешнеполитические проблемы. К таким изданиям относятся «Центральная Азия: новая кризисная дуга» Ш. Акинер (1993), «Новая геополитика в Центральной Азии и соседних странах» под ред. А. Бануазизи и М. Уйнера (1994), «Формирование новых государств в Центральной Азии» Р. Даннройтера (1994), «Политические реформы и экономическое развитие в Казахстане» А. Диксона (1994), «Меняющееся лицо Центральной Азии: между Марксом и Мухаммедом» Д. Хироу (1994), «Каспийские нефтепроводы» Дж. Робертса (1996) и другие³⁰.

В этом ряду, безусловно, выделяется книга Ширин Акинер «Формирование казахской идентичности: от племени к нации» (Akiner, 1995). Книга Ш. Акинер базируется на концепции, что после независимости казахи вернулись к процессу формирования своего национального государства, вступив в стадию создания так называемого государства-нации. Благодаря большому историческому и этнографическому материалу работу Акинер можно смело отнести к востоковедческой историографии (Ч. III. Гл. II—III). Таким образом, на исходе

---

³⁰ Содержание этих и многих других западных работ подробно изложено в наших исследованиях: Лаумулин М.Т. Казахстан в современных международных отношениях: безопасность, геополитика, политология. — Алматы: КИСИ, 2000. — 478 с. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том I: Центральная Азия и Казахстан в современной политологии. — Алма-Ата: КИСИ, 2005. — 704 с.

XX столетия традиции английского классического среднеазиоведения не умерли, нашли достойное продолжение в работах современных политологов. Изменились задачи этих исследований — открыть миру формирующийся облик новых субъектов мировой истории — независимых государств Центральной Азии. И в этом смысле британская научная школа располагает наибольшими среди западной историографии потенциалом и традициями.

**Источники и литература к теме
«Англия и изучение Средней Азии»**

Abbot J. Narrative of Journey from Herat to Khiva, Moscow and St.Petersburgh during the late Russian Invasion of Khiva, with some account of the Court of Khiva and the Kingdom of Khaurism. 2 vols. — London, 1843.

Akiner Sh. Islamic Peoples of the Soviet Union. — London: Paul Kegan, 1983. — 462 p.

Allen W.E.D. The Sources for G.Delisle's "Carte des pays voisins de la Mer Caspienne" of 1723 // *Imago Mundi*. 1956. Vol. 13, pp. 137—150.

Atkinson L. Recollections of Tartar Steppe and the their Inhabitants. — New York: Arno Press, 1970 (1843). — 351 p.

Atkinson T.W. Oriental and Western Siberia, a narrative of 7 years explorations and adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghiz steppes, Chinese Tartary and Part of Central Asia. — London, 1858.

Barthold W. Turkestan down to the Mongol Invasion. — London, 1928.

Bennigsen A., Wimbush S.E. Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union. — London: Hurst, 1985. — 195 p.

Bennigsen A., Wimbush S.E. Muslims of the Soviet Empire: a Guide. — London: Hurst, 1986. — 294 p.

Beveridge A.S. The Babur-nama in English. Zahir ud-din Muhammad Bahu Padshah Ghazi. Vol. I. — London, 1912—1921, 1922.

Blue Books. Central Asia. 24 Facs. — London, 1864—1888.

- Bosworth C.E. *The Islamic Dynasties. A Chronological and Genealogical Survey.* — Edinburgh, 1967.
- Boulger D. *The Life of Yakoob Beg.* — London, 1878.
- Boulger D.C. *England and Russia in Central Asia. 2 vols.* — London, 1879.
- Boulger D. *Central Asian Portraits. The Celebrities of the Khanates and the Neighbouring States.* — London, 1880. — 310 p.
- Boulger D.C. *Central Asians Questions.* — London, 1885. — 475 p.
- Bowen H. *British Contribution to Turkish Studies.* — London, 1945. — 62 p.
- Boyle J.A. (ed.) *Ala al-Din Ata Malik Juveini. The History of the World Conqueror. Trans. by J.A. Boyle. 2 vols.* — Manchester: Manchester University Press, 1958.
- Boyle J.A. *Juveyni and Rashid al-Din as Sources on the History of the Mongols // Historians of the Middle East.* Ed. by B. Lewis and P.M. Holt. — London, 1962, pp. 117—137.
- Boyle J.A. *Rashid al-Din and the Franks // Central Asiatic Journal.* 1970. Vol. XIV. N 1—3, pp. 62—76.
- Boyle J.A. *Rashid al-Din, the First World Historian // Iran.* 1971. Vol. 9, pp. 19—26.
- Boyle J.A. (Trans.) *The Successors of Genghis Khan.* — New York, London, 1971.
- Boyle J.A. *Biruni and Rashid al-Din // Central Asiatic Journal.* 1977. Vol. XXI. N 1, pp. 4—12.
- Broxup M., Bennigsen A. *The Islamic Threat to the Soviet State.* — London: Croom Helm, 1983. — 170 p.
- Burnaby F.G. *A Ride to Kiva. Travels and Adventures in Central Asia.* — London, 1877.
- Burnes A. *Travels into Bukhara. Being an account of a Journey from India to Kabul, Tartary and Persia. 3 vols.* — London, 1834.
- Burslem R. *Peep into Toorkhistan.* — London, 1846.
- Cachia P. *Les études islamiques à Édimbourg // Revue des Études Islamiques.* 1970. C. XXXVIII. Fas. 1, pp. 173—175.
- Caroe O., Sir. *Soviet Empire: the Turks of Central Asia and Stalinism.* — New York: St. Martin Press, 1967. — 308 p. (2nd ed.).
- Central Asia.* Ed. by G. Hambly. — London: Weidenfeld and Nicolson, 1969. — 388 p. (New York: Delicorte Press, 1969).
- Central Asia: Tradition and Change. Library and Museum Surveys.* — London: 2nd European Seminar on Central Asian Studies, 1987.
- Clavijo R. *Narrative of the Embassy of Ruy Gonzales de Clavijo of the Court of Timour, at Samarkand. Trans. by C.K. Markham.* — London, 1859.

- Clavijo R. Embassy to Tamerlane. Ed. by G. Le Strange. — London, 1928.
- Colquhoun A.R. Russia against India. The Struggle for Asia. — London, New York: Harper, 1900. — 242 p.
- Connolly V. Beyond the Urals. Economic Development in Soviet Asia. — London: Oxford University Press, 1967. — 420 p.
- Cotrell Ch.N. Recollections of Siberia in the years 1840 and 1841. — London, 1842.
- Curzon H.G.N. Russia in Central Asia. — London: Longmans Green, 1889. — 477 p.
- Czaplicka M.A. The Turks of Central Asia in History and at the Present Day: An Inquiring into the Pan-Turanian Problem. — New York: Barnes and Noble, 1974 (London, 1917).
- Dilke A.W. On the Valley of the Ili and the Water System of Russian Turkestan // Proceedings of the Royal Geographical Society. 1873—1874. Vol. 18. N 8, pp. 246—253.
- Dobson G. Russias Railway Advance into Central Asia. Notes of a Journey from St. Petersburg to Samarkand. — London, 1890.
- Elias F.N., Denison Ross E. The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haydar Dughlat. — London, 1895.
- Elliot H.M. Sir, Dowson J. The History of India as told by its own Historians. The Muhammadan Period Vol. I—VIII. — London, 1876—1877.
- Fletcher G. Essay upon some probable Grounds that the Tartars. — London: 1677.
- Gibb H.A.R. Chinese Records of the Arabs in Central Asia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1923. Vol. 2, pp. 613—622.
- Gibb. H.A.R. The Arab Conquest of Central Asia. — London: The Royal Asiatic Society, 1923. — 102 p.
- Gibb H.A.R. (Trans.) Ibn Battuta. Travels in Asia and Africa. 1325—1354. Translated and selected by H.A.R.Gibb. Ed. by E.D. Ross. — London, 1929.
- Gibb H.A.R. Oriental Studies in the United Kingdom // The Near East and the Great Powers. — Cambridge (Mass.), 1951.
- Graham S. Through Russian Central Asia. — London, New York, Toronto, Melbourne: Cassel, 1916. — 280 p.
- Hanway J. An Historical account of the British Trade over the Caspian Sea. Vol. 1—4. — London, 1758.
- Hell X.H. de Travels in the Steppes of the Caspian. — London, 1847.

Holdsworth M. Turkestan in the 19th Century: a brief History of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva. — London: Central Asian Research Center, 1954. — 81 p. (Oxford, 1959. — 84 p.).

Howorth H.H. On the westerly drifting of Nomads from the Vth to IXth Century: the Comans and Petchenegs // Journal of the Ethnological Society of London. 1870. N S-2, pp. 83—95.

Howorth H.H. History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. Vol. I—III. — London, 1876—1888; Vol. IV: Supplement and Indexes. — London, 1927.

Huc E.R., Gabet J. Recollections of a Journey through Tartary, Thibet and China. — New York: Broadway Travelers, 1852 (2nd ed. Introduction by P. Pelliot. — London, 1928).

Hutton J. Central Asia: from the Aryan to the Cossack. — London, 1875. — 472 p.

Hyde T. Historia religionis veterum persarum eorumque magorum. — Oxonia, 1700.

Ibn Batutah. The Travels of Ibn Batutah (1324—25). Trans. by S. Lee. — London, 1829.

Ibn Batutah. Voyages of Ibn Batutah. — London, 1853.

Ibn Batutah. Travels in Asia and Africa. Trans. by H.A.R. Gibb. — London, 1939.

Ingram E. The Beginning of the Great Game in Asia. 1828—1834. — Oxford: Clarendon Press, 1979. — 361 p.

Juvaini. The History of the World-Conqueror. Trans. by J.A. Boyle. — Manchester, 1958.

Kingswell T.W. The Migrations and early History of the White Huns, principally from Chinese Sources // Journal of the Royal Asian Society. 1878. N S-10, pp. 285—304.

Kolarz W. Russia and her Colonies. — London: Philip, 1953 (3rd ed.). — 335 p.

Kolarz W. Communism and Colonialism. — London: Macmillan, 1964. — 147 p.

Krausse A. Russia in Asia. A Record and a Study. 1558—1899. — London: Curzon Press: New York: Burnes, 1973 (1889, 1900). — 411 p.

Lansdell H. Through Siberia. — London: Simpson Law, 1882. — 376 p.

Lansdell H. Russian Central Asia. Including Kuldja, Bukhara, Khiva and Merv. — New York: Arno Press, 1970 (1887). — Vol. I. — 684 p.; Vol. II. — 732 p.

Lister R.D. Marco Polos Travels in Xanadu with Kublai Khan. — London: Gordon and Cremonesi, 1976.

- Macartney C.A. The Petchenegs // Slavonic and Eastern European Review. 1929—1930. Vol. 8, pp. 342—355.
- Macartney C.A. On the Greek Sources for the History of the Turks in 6th Century // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1943—1946. Vol. 11, pp. 266—275.
- Malcolm J. History of Persia from the most early Period to the present Time. Vol. I—II. — London, 1815.
- McAuley A. Religion, Nationalism and Economic Development in Soviet Central Asia. — Colchester: University of Essex, 1988. — 32 p.
- Meakin J. In Russian Turkestan. A Garden of Asia and Its People. — London, 1915.
- Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. — London, 1910.
- Morgan E.D. A Journey through Semiretchia to Kuldja in 1880 // Proceedings of the Royal Geographical Society. 1881. N S-3, pp. 150—169.
- Nicholson R. Studies in Islamic Mysticism. — Cambridge, 1921.
- Parker E.H. A Thousand Years of the Tatars. — London, 1893—1894 (2nd ed. London: Paul Kegan, 1924).
- Parker E.H. Origins of the Turks // English Historical Review. 1896. July, pp. 431—445.
- Phillips E.D. The Royal Hordes: Nomad Peoples of the Steppes. — London: Thames and Hudson, 1965. — 144 p.
- Phillips E.D. The Mongols. — London: Thames and Hudson, 1969. — 208 p.
- Pinder-Wilson R. Paintings from Islamic Lands. — Oxford: Oxford University Press, 1969.
- Polovtsov A. The Land of Timur. — London, 1932. — 206 p.
- (The) Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. — London, 1598—1600.
- Rice T.T. Ancient Art of Central Asia. — London: Thames and Hudson, 1965. — 288 p.
- Richmer-Richmers W. The Duab of Turkestan. — Cambridge, 1913.
- Rawlison H. England and Russia in the East. — London, 1875.
- Rayfield D. The Dream of Lhasa. The Life of Nikolay Przhevalsky, Explorer of Central Asia. — London: Paul Elek, 1976. — 221 p.
- Rubruck W. The Journey of William of Rubruck to the Eastern Parts of the World, 1253—1255, as narrated by himself. Trans. and ed. W.W. Rockhill. — London, 1900.
- Rubruquis W. De The Journal of the Friar William de Rubruquis, a Frenchman of the Order of the Minorite Friars, into the East Parts of the World A.D.1253. — London, 1859.

Sanders J.H. Tamerlane or Timur, the Great Amir. Trans. from Ibn Arabshah. — London, 1936.

Skrine F.H., Denison Ross E. The Heart of Asia: a History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. — London, 1899. — 449 p. (New York: Arno Press, 1973. — 444 p.).

Stanley L.P. The Mohammedan Dynasties. — Westminster, 1894.

Stein Sir A. Marco Polos account of a Mongol inroad into Kashmir // Geographical Journal. 1919. Vol. 54, pp. 92—103.

Strange G. de The Lands of the Eastern Caliphate. Mesopotamia, Persia and Central Asia from the Moslem Conquest to the Time of Timur. — Cambridge, 1905 (New York: AMS, 1976. — 536 p.).

Sykes P.M. (Sir) A History of Persia. Vol. I—II. — London, 1915.

Sykes P.M. (Sir) A History of Afghanistan. 2 vols. — London, 1940.

Talbot-Rice T. The Seljuks in Asia Minor. — London, 1961.

Tisdall W. The London School of Oriental Studies // Moslem World. 1917. Vol. 7, pp. 394—401.

Walker J. A Catalogue of the Arab-Sasanian Coins. — London, 1941.

Wellecz E. An Early Al-Sufi-Manuscript in the Bodleian Library in Oxford // Ars Orientalis (Ann Arbor). 1953. Vol. III, pp. 1—26.

Wessels. Early Jesuit Travelers in Central Asia. 1603—1721. — The Hague, 1924. — 344 p.

Wheeler G. Racial Problems in Soviet Muslim Asia. — London, New York, Bombay: Oxford University Press, 1960. — 66 p.

Wheeler G. The Modern History of Soviet Central Asia. — London: Oxford University Press, 1964. — 272 p.

Wheeler G. The Peoples of Soviet Central Asia: A Background Book. — London: Bodley Head, 1966. — 126 p.

Wheeler G. A new Look of Oriental Studies // Royal Central Asian Journal. 1968. Vol. LV. Pt. I, pp. 12—19.

Wilkinson J.V.S., Binyon L. The Shah-Namah of Firdausi. — Oxford: Oxford University Press, 1931.

Wolff J. Mission to Bukhara. — London, 1845. — 515 p.

Wolseley H. (Sir) The Cambridge History of India. Vol. III: Turks and Afghans. — Cambridge, 1928.

Wood J. Personal Narrative of a Journey to the Source of the River Oxus. — London, 1841; or: idem. A Journey to the Source of the River Oxus. With an Essay on the Geography of the Valley of

the Oxus by Henry Yule. — Karachi, New York: Oxford University Press, 1976. — 280 p.

Yapp M.E. The Future of Asian Studies in the United Kingdom // Asian Affairs. 1981. Vol. XII. Pt. III, pp. 309—314.

Yule H. (ed.) Travels of Marco Polo. 2 vols. — London: Cordier, 1903.

Yule H., Sir The Book of Marco Polo. 2 vols. — London: Cordier, 1926.

Alleg H. Etoile Rouge et Croissant Vert. — Paris, 1983. — 267 p.

Backer L.de. Voyage de Guillaume de Rubruck, ambassadeur de Saint-Louis en Orient. — Paris: Leroux, 1912 (1911).

Bacqué-Grammont J.L. Les événements d'Asie Centrale en 1510 d'après un document ottoman // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1971. Vol. XII. N 1—2, pp. 189—207.

Bartold V.V. Histoire des Turks d'Asie Centrale. — Paris: Hachette, 1945. — 203 p.

(Ibn) Battuta Abu abd Allah Muhammad. Voyages. Texte arabe accompagné d'une traduction par Ch. Deffrémery et B.R. Sanguinetti. Vols. 1—4. — Paris, 1854—1874.

Bazin L. Le nom propre d'homme „Qorqut“: discussion ethnologique // Ural-Altäische Jahrbücher. 1960. Bd. 36. S. 278—283.

Bazin L. Les peuples turcophones en Eurasie: un cas majeur d'expansion ethnolinguistique // Hérodote. 1986. Vol. 42, pp. 75—108.

Глава III. Тюркология и среднеазиатские исследования в Германии

Развитие школы среднеазиатских, а точнее, в полном смысле — центральноазиатских исследований в Германии имело свои исторические и историографические особенности³¹. Эта специфика вынесена в заглавие данного параграфа и заключается в том, что изучение Центральной Азии немецкими учеными начиналось с тюркологии, а развитие немецкого востоковедения — с филологии. Данная характерная черта возникла как доминирующая на первом этапе становления германской ориенталистики; в эпоху классического востоковедения она способствовала превращению языкознания и тюркологии в лидирующие направления; позднее и вплоть до наших дней она продолжала оставаться сильнейшей традицией. Говоря о характерных чертах немецкой ориенталистики, следует добавить, что они оставались не просто составляющими данного феномена, а оказали глубокое влияние на развитие аналогичных дисциплин в других странах, в первую очередь в России. В силу этих причин, то есть своей академичности, а именно таким образом развивалась германская ориенталистика, она органично добавляла в общий фон европейского востоковедения те необходимые элементы, которых порой не хватало в более близких к практике востоковедных изысканиях ученых колониальных держав — Англии и Франции.

Однако в эпоху Средневековья процесс заложения основ изучения Востока в Германии шел по общей для всех западноевропейских стран схеме — в русле католического богословия и под эгидой церкви. Как отмечалось выше, в середине XIII в. Папа Иннокентий IV организовал кафедру

---

³¹ См.: Лаумулин М.Т. Тюркология и среднеазиатские исследования в Германии // *Otan Tarihi/ Отечественная история* (Институт истории и этнологии НАН РК). 2001. N 1, с. 40—65.

восточных (еврейского и арабского) языков и литературы, которая стала первой в Европе. С 1311 г., когда по инициативе Папы Клементя V Венский синод постановил изучать арабский, халдейский и еврейский языки в крупнейших университетах католического мира, этот процесс принял общеевропейский характер. Не остались в стороне и немецкие земли; студенты из Германии в течение многих столетий получали образование в университетах Парижа, Оксфорда, Саламанки и в других центрах европейской схоластики. Широкое хождение в грамотной среде имели труды на латинском языке (как, например, перевод Корана 1143 г.), а с XV в. — уже в переводе на немецкий язык. В Германии были известны описания путешествий Марко Поло, Плано де Карпини и Вильгельма Рубрука в Центральную Азию. Как известно, восточные земли Священной Римской империи испытали в середине XIII столетия кратковременное вторжение монголо-тюркских войск, что не могло не оставить вконец с ощущением исходившей с Востока угрозы определенного следа в исторической памяти и национальной психологии. История азиатских путешествий в Средние века знает и немецких авантюристов: наиболее известен баварец Иоганн Шильдбергер, который с 1396 по 1427 г. попадал поочередно в плен к турецкому султану Баязиду, затем — к Тимуру и в конце концов оказался в Золотой Орде. В его «Книге путешествий» нашли отражение события, связанные со смертью «железного хромца» — эмира Тимура, с борьбой за власть в улусе Джучи, Золотой Орде и во владениях шайбанидов, то есть и на территории Казахстана.

В XVI в. в Германии начала формироваться тюркология. Основа для ее развития была положена изучением османских источников. В конце XVI столетия Й. Левенклау опубликовал свод турецких летописей «Анналы Оттоманских султанов» (**Leunclacvius, 1588**) и несколько позднее написанную на их основе «Историю турецких мусульман» (**Leunclacvius, 1591**)

— оба труда на латыни. В XVII столетии некоторые немецкие княжества проявляли активность и заинтересованность в торговле с Востоком. В 1633 г. герцог Голштинии Фридрих III отправил в Россию посольство. Его возглавлял Адам Олеарий, магистр Лейпцигского университета, ученый, писатель и переводчик. Его путешествия в Иран через Россию, волжские земли и Западный Казахстан заняли шесть лет. За время своего пребывания в Персии (1635—1639) Олеарий скрупулезно занимался персидской филологией и перевел позднее «Гюлистан» Саади. Общее впечатление от увиденных территорий Олеарий изложил в своем «Описании путешествия в Московию и Персию».

С начала XVIII в. этнографические исследования народов Азии в Германии были очень тесно связаны с историей развития российской этнографической науки. Общеизвестен вклад немецких ученых в закладывание основ европеизированной науки и системы образования в петровский и послепетровский периоды. Официальным научным языком на несколько десятилетий в России становится немецкий. Многие ученые, выходцы из германских земель, предпочитали публиковаться на родине; многие из них, так и не натурализовавшись, возвращались в Германию, увозя с собой свой научный багаж. Таким образом, процесс развития науки в России и Германии был взаимовлияющим и взаимодополняющим. Что касается конкретного вклада немцев в историографию, она достаточно известна благодаря трудам по истории российской науки.

Следует отметить, что длительный период времени термин «немецкая историография» включал в себя развитие востоковедения не только на территории собственно германских государств, но и на всем центральноевропейском пространстве. К сфере германской и немецкоязычной науки можно отнести (до XX в.) Австрию, Венгрию, Чехию, Швей-

царию, Нидерланды, скандинавские государства, Финляндию и Прибалтийский регион. Вследствие этого происходившее в одних частях этого обширного пространства, так или иначе, накладывало отпечаток и на развитие науки в других. Как известно, в течение столетий империя Габсбургов непосредственно соприкасалась с тюркским миром — Османской империей. Тем самым благодаря политическим и экономическим мотивам появилась потребность в изучении турецкого языка и литературы; со временем практическая тюркология дала толчок к развитию теоретического языкознания в этой области. В 1754 г. в Вене была основана Восточная академия (переоснована в 1862 г.), чьи стены покинули в качестве выпускников многие ученые, составившие славу немецкой и европейской науки.

Как отмечал наш великий предшественник академик В. Бартольд, успехи востоковедения в Германии были связаны с развитием богословия, которое положило основу для становления в дальнейшем филологии³². В германских университетах и библиотеках не было таких многочисленных и богатых собраний восточных рукописей как во Франции, Англии и соседней Голландии. Вследствие этого немецкая научная мысль сосредоточилась на разработке методов языкознания и добилась здесь блестящих успехов. В качестве исключения может быть названа коллекция восточных рукописей Хоттингера (**Hottinger, 1760**).

Успехи немецкой классической филологии, а также богословия предопределили приоритет немецких ученых в исследовании Корана. Плоды развития и симбиоза этих дисциплин появились уже в XIX в. В 1834 г. Г. Флюгель опубликовал выверенный текст Корана, а в 1842 г. — конкорданс к нему. В дальнейшем работу над текстом Корана продолжил Г. Редслоб. Начало серьезному академическому изучению суфизма

---

³² Бартольд В.В. Соч. Т. IX. С. 312.

положил профессор богословия Ф. Толук в своей монографии на латинском языке (1821). После фундаментального изучения классиков суфийского учения (Насафи, Руми, Шаби-стари, Джами) этот исследователь пришел к революционным для своего времени выводам. Если ранее Толук был уверен, что мистицизм был привнесен в ислам в IX в. из Хорасана, то в дальнейшем немецкий ученый заключил, что истоки суфийских идей следует искать в аскетизме эпохи раннего ислама. Концепция Толука об «аравийских корнях» суфизма вызвала резкую критику со стороны современных ему востоковедов³³.

В первые десятилетия XIX в. европейское востоковедение, особенно в Германии, испытало воздействие теории культурного компаративизма. На этой основе возникло новое направление, исследовавшее сравнительным путем два великих религиозных памятника — Библию и Коран. А. Гейгер (представитель немецкого реформированного иудаизма) в 1830-е гг. пытался доказать абсолютную зависимость коранических сюжетов и образов от ветхозаветных источников. Другой исследователь К. Герок делал акцент на важности изучения христианского влияния на историю возникновения ислама. В целом германская исламология в первой половине XIX в. переживала стадию накопления знаний об исламе в первую очередь за счет систематизации и введения в оборот новых источников и генерирования предварительных концепций.

Успехи сравнительного языкознания в Европе в первой половине XIX в. были связаны с именем немецкого тюрколога Генриха Клапрота (1783—1835). С 1804 по 1811 г. Клапрот находился в России по приглашению Академии наук и много путешествовал по Сибири и Кавказу. Своими исследованиями он внес большой вклад в изучение казахского языка, урало-алтайской языковой семьи и в классификацию тюркских

---

³³ См.: Ислам: историографические очерки. Под ред. С.М. Прозорова. — М.: Наука, 1991. С. 115—116.

языков. Большое значение имели его работы по таким важным источникам, как «Бабур-наме» и «Кодекс Куманикус». Клапрот ввел в научный оборот фрагменты китайского источника «Тай-Цинь-и-Туши», относящиеся к казахам (**Klaproth, 1825–1826**). Основной, наиболее известный труд Клапрота — «Многоязычная Азия» (**Klaproth, 1823**), в котором ученый на основе использования лексики из казахского и других тюркских языков дал прекрасный пример применения метода сравнительно-исторического и лингвистического анализа. Клапрот стал также первым автором французско-казахского мини-словаря (**Klaproth, 1825**). Следует также упомянуть такие его работы, как «Историческая картина Азии» (**Klaproth, 1826**), «О языке киргизов» (**Klaproth, 1828; 1878**) и другие.

Примером, отражающим давнюю традицию развития и значение германского исламоведения, является деятельность Института востоковедения Тюбингенского университета. Изучение восточных языков и культур началось в этом университете (носящем ныне имя Карла Эберхарда) уже вскоре после его основания в 1477 г. Сначала это была вспомогательная наука в рамках христианской теологии. Однако на созданной в 1521 г. кафедре древнееврейского языка постоянно работали профессора, исследовавшие арабские языки. С приходом Кристиана Фридриха Шнуррера, ставшего в 1775 г. заведующим кафедрой восточных языков, в Тюбингене в эпоху Просвещения утвердилось востоковедение, отделенное от теологии. С 1872 по 1889 г. кафедру возглавлял Альберт Социн. Его грамматика арабского языка легла в основу используемой и по сей день арабской грамматики Карла Брокельманна³⁴.

Прогресс в области естествознания в европейской науке конца XVIII — начала XIX в. привел к попытке соединить естественнонаучные методы с гуманитарными. Этот симбиоз получил название «землеведения» и был связан с именами

³⁴ Хорсткотте Г. Исламоведение в Германии // ИНТЕР НАЦИОНЕС/ИН-Пресс, 2002.

двух великих немецких ученых — Александра фон Гумбольдта и Карла Риттера. Гумбольдт участвовал в экспедиции 1829 г. по Сибири и Северному Казахстану, в ходе которой собрал значительное количество не только географических сведений, но и этнографических, в том числе о казахах Омска и Оренбурга. Эти материалы были опубликованы в российских научных изданиях³⁵, а в 1843 г. на основе собранного материала А.Ф. Гумбольдт издал трехтомную «Центральную Азию» (на французском языке). Интересно, что Гумбольдт, касаясь древней и средневековой истории региона, использовал восточные источники, в том числе летописи Рашид-ад-дина. В целом Гумбольдт и другие сторонники теории «землеведения» сделали попытку вывести зависимость человеческой теории от факторов естественного, природно-географического характера. Для этой цели наиболее удобным материалом было изучение архаичных и традиционных обществ ЦА.

Первая половина и середина XIX столетия в научной жизни Германии характеризуются нарастающим интересом к Востоку в целом и к азиатским территориям Российской империи, в частности. С 1845 г. начал издаваться ставший впоследствии одним из главных немецких востоковедных изданий «Журнал немецкого восточного общества». Представляет интерес тот факт, что само Немецкое восточное общество институализировалось тремя годами позже. По-видимому, причиной этого была общность интересов публиковавшихся в нем авторов. Это издание со временем аккумулировало основные научные издания по тюркологии, исламоведению и востоковедному источниковедению. Более популярный характер носили журналы «За границей» (с 1827 г.) и «Глобус» (с 1844 г.). В этих изданиях публиковались сведения географического и общего историко-этнографического характера. Объем материалов, относящихся к казахам, за период 1830—1870-х гг. впечатляет.

---

³⁵ Есмагамбетов К.Л. Что писали о нас на Западе. — Алма-Ата: КазГУ, 1992. — С. 49—51.

Так, немецкая «казахстаника» середины XIX в. включает в себя переводы статей, обзоров и наблюдений российских, английских, французских и венгерских авторов (Левшина, Вамбери, Аткинсона, Жоне-Спонвиля), в том числе дважды в 1862 г. публиковался отчет Ч. Валиханова о поездке в Кашгарию, а в 1870 г. — работа Ф. Марте об экспедиции первого казахского ученого (**Marthe, 1870**). Что касается собственно немецких исследований, то они представляли собой зачастую компиляцию из российских географических изданий, но со временем в них начали преобладать оригинальные немецкие исследования благодаря вкладу таких ученых, как Радлов, Шотт, Нейман, Кёппен и других. Тематически эти публикации охватывали различные сферы жизни современного авторам казахского общества: обычаи и нормы поведения (**Fuhrmann, 1869; Swicceny, 1871; Sitten und, 1832; Einige Sitten, 1881**), свадебные церемонии, искусство песни (**Kirgisische Volksdichter, 1890**), обычное право и судебные процедуры (**Petri, 1881**), описание Букеевской/Внутренней орды (**Kittary, 1849; Dschangir, 1844; Die innere, 1842**) и Северного Казахстана (**Die Nordliche, 1858**), историю присоединения казахских племен к России (**Köppen, 1858; Neumann, 1857**).

Популяризации сведений об азиатских народах России, в том числе о казахах, способствовал также Архив научных знаний о России, организованный в 1841 г. Г.А. Эрманном (1806—1877). Это издание было построено на тех же принципах, что и упоминавшиеся выше, — переводы публикаций российских и европейских путешественников, материалы общезтнографического и исторического характера (**Sitten der Kirgisen, 1855**). Сам Г. Эрманн был хорошо известен в России и в Европе как автор двухтомной работы «Путешествия в Сибирь» (**Ermann, 1848**).

История германской и российской тюркологии в XIX в. связана с именем выдающегося ученого Вильгельма Радлова (1837—1918). В. Радлов в равной мере принадлежит как к немецкой и европейской историографии, так и к российской. Он получил образование в Берлинском университете у В. Шотта. В 1858 г. Радлов защитил диссертацию «О влиянии религии на народы Азии» в Йенском университете. Самый плодотворный период научной карьеры В. Радлова пришелся на 1859—1871 гг., когда он находился на русской службе и путешествовал по Алтаю, Сибири, Казахстану и Средней Азии. Радлов собрал огромный этнографический, фольклорный, лингвистический и исторический материал. Он внимательно исследовал литературные, архитектурные и археологические памятники тюркских народов и оставил обширные воспоминания о своих путешествиях. Радлов, без сомнения, оказал гигантское влияние на развитие тюркологии своими многочисленными трудами в области языкознания, и он по праву считается родоначальником нового этапа в развитии тюркологии в России и Европе. Более того, его научное наследие оказало существенное влияние на тюркологию в XX в. Самым известным трудом Радлова считается сборник «Из Сибири»³⁶, переведенный на русский язык только в 1989 г. До этого времени с трудами Радлова можно было ознакомиться только на немецком и французском языках. Среди работ Радлова о казахах следует назвать «Наблюдения за киргизами» (**Radloff, 1863; Radlow, 1864**), «Домашние животные киргизов» (**Radlow, 1871**). В области алтаистики крупной работой этого ученого является монография «Этнографический обзор племен Сибири и Монголии» (**Radlow, 1883**).

Немецкая историография второй половины XIX в. и особенно конца XIX — начала XX в. характеризуется повышенным вниманием к Русскому Туркестану. И это вполне объ-

---

³⁶ См.: Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. — М.: Наука, 1989.

яснимо: в эти десятилетия Германия попыталась заявить о себе как о колониальной державе. Она активно действовала в ближневосточных владениях Турции, Иране и на Среднем Востоке. Изучение Туркестана было полезным для немцев в качестве возможного использования русского опыта. Но, как стало известно позднее, Германия уже в то время имела в виду Туркестан как одну из целей своего «натиска на восток» (**Drang nach Osten**). Кроме того, идеологам входившей в то время в моду арийской теории было необходимо изучение Центральной Азии как прародины индо-ариев. Символом слияния науки и колониальной практики стал Семинар восточных языков 1887 г. в Берлине, на котором по настоянию Бисмарка делался особый акцент на практическом применении ориенталистских знаний в колониальной политике Германии.

Прежде чем путешествия немецких исследователей в Среднюю Азию стали регулярными событиями, в Германии внимательно изучался опыт зарубежных путешественников. Так, в 1864 г. А. фон Этзель издал сборник «Путешествия в степи и высокогорные области Сибири и прилегающие страны Центральной Азии» (**Etsel, 1864**), куда он включил выдержки из публиковавшихся ранее английских, французских и русских работ. В 1870-е гг. были опубликованы исследования ряда немецких авторов, непосредственно изучавших географию и этнографию региона: «Путешествие в Западную Сибирь» Отто Финша (**Finsch, 1879**), «Русские в Центральной Азии» и «Центральная Азия» Фридриха Гельвальда (**1842—1892; Hellwald, 1975**). Последний придавал большое значение изучению этнологии, без которой, по его словам, невозможно понимание исторического развития наций и политической истории. В этом смысле центральноазиатский, в том числе и казахский, материал дал Гельвальду большие возможности. В духе цивилизаторских настроений эпохи Гельвальд провозглашал, что призвание России — просвещать Восток.

Этими настроениями пронизаны и работы другого немецкого автора Александра Пецхольда, который в 1871 г. по приглашению туркестанского генерал-губернатора Кауфмана посетил вновь завоеванные владения России. Результатом вояжа Пецхольда стали две книги — «Туркестан» (1874) и написанная на основе первой и более фундаментальная «Обзор Русского Туркестана» (1876). Более конспективная по характеру, но сохранившая свежесть впечатлений первая книга Пецхольда пронизана колонизаторской эйфорией: «Возможно, придет время, когда обе великие державы (по-видимому, имеются в виду Россия и Великобритания. — М.Л.) в дружеском согласии разделят между собой господство над Азией, им принадлежащей, что послужит на пользу как самой Азии, так и всему человечеству!» (**Petzholdt, 1876, S. 396**). Вторая работа Пецхольда построена на традиционной для такого рода книг схеме: в первых частях дается географическое описание региона, совпадающее, как правило, с маршрутом путешествия самого автора; затем следует народописание или этнографические зарисовки. Наибольший интерес представляет последняя часть книги, где автор делает прогнозы относительно будущего развития региона: «Это и есть будущее страны: порядок, спокойствие и мир будут повсюду, где до этого господствовали беспорядки, волнения и войны. Устранив средневековое варварство, Россия послужила всему миру» (**Petzholdt, 1876, S. 396**).

Следует отметить, что немецкие источники второй половины XIX в. отслеживали также военно-стратегические последствия утверждения России в Центральной Азии, в том числе такие аспекты, как временное вытеснение Российской империей Цинского Китая из Восточного Туркестана, колонизация Западного Туркестана, строительство имеющих стратегическое значение коммуникаций, военный потенциал России в регионе и т.д. Это работы Г. Штумма «Русский по-

ход в Китай» (**Stumm, 1875**), О. Хейфельдера «Железнодорожное строительство в закаспийской области» (**Heyfelder, 1888**), Б. Левского «Россия в Азии» (**Lewski, 1895**), П. Порбаха «Русская колонизация в Азии» (**Rohrbach, 1900**) и «Русское господство в Средней и Западной Азии» (**Rohrbach, 1904**), М. Альбрехта «Русская Средняя Азия» (**Albrecht, 1896**), А. Цепелина «Россия в Азии» (**Zepelin, 1911**) и другие. Значительный резонанс имело исследование Г. Крамера «Россия в Средней Азии» (**Krahmer, 1898**); известна также его работа о Закаспийской области (**Krahmer, 1905**). В начале XX в. продолжали выходить произведения вояжного жанра, среди которых можно назвать книгу А. Цугмайера «Путешествие по Средней Азии» (**Zugmayer, 1908**). Историческое эссе Ф. фон Шварца «Туркестан» (**Schwarz, 1900**) было написано с целью выявления исторических корней индо-германских народов в духе господствовавших в ту эпоху представлений о немцах как о наследниках арийцев, или индо-ариев.

Крупным свидетельством эпохи «Большой игры» в Центральной Азии является книга немецкого военного Георга Крамера (1839—1905) «Россия в Средней Азии» (1897). Г. Крамер поступил в двадцать лет на военную службу в прусскую армию. Участь в Прусской военной академии, он выучил русский язык. Как отмечают свидетели, Крамер был единственным офицером генерального штаба рейхсвера, который мог без всяких усилий читать русские газеты. С 1879 г. Крамер — самый старший по званию офицер в Русской секции Германского генштаба (**см.: Grobe-Hagel, 1999, N 1**). В 1874 г. Г. Крамер публикует книгу «Азиатские границы России», посвященную военно-стратегическим вопросам. В этой книге автор дает, с точки зрения военного эксперта, анализ операциям российской армии в Туркестане. Эта тема нашла продолжение в его основной книге «Россия в Центральной Азии». Как военный Г. Крамер высоко оценил взятие русской армией Геок-Тепе, прежде всего

из-за ее минимальных военных потерь (59 чел.), в то время как со стороны туркмен погибло шесть с половиной тысяч человек, к чему автор отнесся совершенно равнодушно. В целом в книге господствует типичное для большинства европейцев той эпохи отношение к колонизируемым народам как к объектам, нуждающимся в принудительном развитии **(Krahmer, 1897)**.

Г. Крамер чрезвычайно высоко оценил деятельность России в Средней Азии и ее первого туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана. Крамер в своей книге сравнивал английский и русский опыты колониального управления. Его симпатии на стороне России, которая «рассматривает занятые земли не как объект эксплуатации, а как органичную часть государства, в которую необходимо вкладывать еще много сил и средств, чтобы она могла приносить доход в государственную казну». Далее Крамер пускается в рассуждения относительно цивилизаторской роли России в Средней Азии, «которая заслужила благодарности за то, что принесла в разоренные разбойничьими ордами пустыни порядок и открыла путь культуре; Россия стала фактически для этих областей культивирующим элементом». Большое внимание в книге Крамера уделено так называемой «Большой игре» между Россией и Великобританией, военным и геополитическим вопросам. Так, Крамер внимательно отслеживает в своем труде все даты, географические места, связанные с размещением российских войск в Средней Азии и британских — в Индии, дает подробное топографическое описание новых российских колоний и Афганистана как вероятного театра военных действий между двумя империями. Но книга Крамера интересна еще тем, что в ней содержится обширная информация о примерно тридцати городах региона, различных народах Центральной Азии, климате, хозяйстве и торговле. Но вся эта обширная, подробная до деталей достоверная ин-

формация должна была сделать книгу планом — руководством военных стратегов, считает современный немецкий исследователь К. Гробе-Хагель. Это ярко видно на примере Ташкента, подробное описание которого дает Г. Крамер.

Наиболее крупной работой экономического характера в немецкой кайзеровской историографии, посвященной Средней Азии, была, без сомнения, книга берлинского профессора Райнхарда Юнге «Проблема европеизации восточного хозяйства, представленная на примере социально-экономических отношений Русского Туркестана», готовившаяся в начале 1910-х гг., но изданная только в 1915 г. в Веймаре. За появлением этого фундаментального труда, который увидел свет с опозданием и уже был не актуален ввиду разразившейся войны, стояли интересы крупных германских банков и инвесторов, активно работавших в Османской империи и имевших также интерес к экспансии в Центральную Азию (**Grobe-Hagel, 1999, N 2**). В этой связи Р. Юнге дает проблему в ракурсе возможности так называемой европеизации, то есть модернизации экономики и общественных отношений, создания современной инфраструктуры. Он писал в предисловии о значении Туркестана: «Эта страна лежит в стороне от практических восточных интересов Германии, но все же частично затрагивает их. Эта книга может быть представлена как первое в своем роде руководство для тех немецких экономистов и коммерсантов, которые захотят заняться восточными вопросами» (**Junge, 1915, S. VII**). Как отмечают современные специалисты, Р. Юнге в своей книге заглядывал вперед по многим направлениям. Практическую пользу своего исследования он видит в том, что «через изучение туркестанского общественного хозяйства мы сможем разработать первые основные линии большой всеобщей европейско-восточной хозяйственной программы, наметить главные пути восточной колониальной и восточной экстерриториальной экономической политики» (**Junge, 1915, S. 18**).

Исследование готовилось с помощью боннского профессора К. Беккера, российского академика-востоковеда Самойловича и петербургских экономистов Чернышева и Мушкетова, однако методологически Юнге опирался на самостоятельный тезис о том, что экономика в Русском Туркестане есть производное от политических отношений. Поэтому в центре своей монографии он ставит вопрос о влиянии политики на состояние социально-экономических положений. По мнению автора, в Туркестане действуют три главных фактора, определяющих всю систему политических, социальных и экономических отношений: это сухой климат, ислам и комбинированное тюркское, арабское и персидское влияние. В этой связи Юнге не мог не обойти вопрос об экономических и социальных последствиях превращения Туркестана в часть Российской империи. Он ставит также вопрос о том, в какой мере осуществляемая русскими в Туркестане модернизация может считаться «европеизацией», или же это только разновидность восточного деспотизма. К сожалению, книга Юнге, заявленная как первый том, не получила продолжения, так как крушение Российской и Германской империй сняло с повестки дня вопрос о германских инвестициях в Среднюю Азию. Этот вопрос стал вновь актуален после 1991 г.

Таким образом, исследование Рейнхарда Юнге стоит особняком на фоне большого количества полунаучных и беллетристических книг о Туркестане. Своей работой Юнге поставил целью показать, насколько реальна модернизация восточного общества, выявить влияние культуры и традиционного образа жизни на экономику, дать основные направления и методы осуществления «европеизации». Юнге писал в предисловии к своему труду: «Через изучение общественного хозяйства Туркестана мы сможем разработать первые основные контуры большой европейско-восточной проблемы и наметить главные пути восточной колониальной и восточной

экстерриториальной хозяйственной политики» (**Junge, 1915, S. 18**). Существенное место в экономическом анализе Туркестана Юнге отводил кочевой экономике казахов. Он указал на взаимосвязь между замкнутой кочевой экономикой и политической независимостью казахов. Как неизбежный процесс Юнге оценил вовлечение степного хозяйства в общетуркестанский рынок. Говоря о методах и путях модернизации региона, немецкий ученый специально оговорился, что она потребует соблюдения ряда требований. Помимо чисто технических (создание сети коммуникаций, импорт машин, обновление и реконструкция оросительной сети и т.д.) Юнге привел такие требования, как необходимость соблюдать честность, справедливость и такт при осуществлении модернизации, так как «у местных народов древняя культура, которая составляет предмет их гордости» (**Junge, 1915, S. 508—509**). Как известно, история распорядилась по-своему, и осуществленная уже в советскую эпоху модернизация региона сопровождалась тотальным разрушением традиционного общества и чудовищным насилием. Однако в немецкой историографии эти сюжеты нашли отражение позднее.

Особняком среди исследователей Центральной Азии, преимущественно ученых, журналистов или путешественников, стоит фигура Рихарда Каруца (1867—1945), ушного врача по профессии. Положение Р. Каруца в качестве почетного руководителя и духовного ректора университета в его родном Любеке внушило ему мысль о необходимости позаботиться об этнографическом музее университета. На свои средства он организовал три научные экспедиции в Центральную Азию — в 1903-м, 1905-м и 1909 г. В 1913 г. Каруц уже смог открыть для посетителей этнографический музей, главной и некоторое время единственной коллекцией которого был собранный им центральноазиатский материал. В настоящее время эта коллекция, пострадавшая во время Второй миро-

вой войны, открывается для посетителей как «Этнографическое собрание ганзейского города Любека». Но для нас значительно больший интерес представляют многочисленные публикации Каруца, в которых нашел отражение его экспедиционный опыт. Наиболее известным трудом немецкого врача является книга «Среди киргизов и туркмен: из жизни степи» (**Karutz, 1911**), которые представляют собой этнографические зарисовки, сделанные им во время пребывания на полуострове Мангышлак. Помимо подробных этнографических записей книга Каруца содержит большое количество фотографий, что придает ей двойную ценность.

Р. Каруц описывает население Мангышлака с симпатией и вниманием, пытаясь дать немецким читателям возможность в максимальной степени понять характер, обычаи и жизнь столь чуждого европейцам народа. Каруц критически и даже местами иронично отзывается о представлениях европейцев об азиатских народах, но в то же время остается сыном своего времени, позволяя характеристики в адрес казахов и туркмен в стиле модной в ту эпоху антропософии. В качестве врача Каруц внимательно наблюдал за медицинскими познаниями местных народов, оказывая со своей стороны время от времени посильную помощь. Его медицинские зарисовки представляют важный интерес с точки зрения изучения этнографии казахов и туркмен, так как они сделаны именно профессионалом (Гл. IV. § 2). Помимо своей главной книги Каруц опубликовал ряд статей аналогичного содержания в немецких научно-популярных журналах (**Karutz, 1904; 1910**), а в 1925 г. выпустил еще одну этнографическую книгу «Народы Северной и Средней Азии» (**Karutz, 1925**).

Заслуга Каруца состоит в том, что он попытался осветить почти все аспекты системы социальных институтов казахского аула такими, какими они предстали перед ним в начале века. В небольшой по объему, но насыщенной кни-

ге немецкого ученого нашли место описания церемоний от рождения до смерти, анализ поэтической культуры кочевников, а также ряд других этнографических наблюдений (Гл. IV. § 3). Уже в 1920-е гг. Каруц обобщил свой обширный опыт исследователя-этнографа в атласе «Народы Северной и Средней Азии» (**Karutz, 1925**). Казахский раздел в атласе представлен, прежде всего, мангышлакским материалом; здесь Каруц по традиции стратифицирует казахов на 4 орды, хотя к тому времени Букеевской Орды уже давно не существовало.

Эпоху в германской историографии, связанную с географическим познанием Востока, путешествиями и колониальными устремлениями и прекратившую свое существование с началом Первой мировой войны, закрывают работы Фрица Махачека, до войны работавшего профессором географии в Немецком университете в Праге. Известные нам публикации Махачека увидели свет на исходе или после войны, по духу и стилистике они принадлежат предшествующей эпохе. Это работа «Русское господство в Туркестане» (**Machatschek, 1918**) и фундаментальная монография «Изучение ландшафтов Русского Туркестана» (**Machatschek, 1921**). Последняя работа примечательна тем, что помимо скрупулезного географического, а в отдельных местах и этнографического, описания региона она содержит колоссальную библиографию европейских изданий о Центральной Азии начиная с А. Гумбольдта.

Согласно утвердившейся периодизации истории европейской ориенталистики, мы охарактеризовали вторую половину XIX — начало XX в. как классический период в ее развитии. В полной мере это относится к востоковедению в Германии: в эту эпоху сложились блестящие научные школы, в первую очередь в языкознании; возникли и развились новые научные направления. Весь этот процесс базировался на разветвленной сети востоковедных организаций, кафедр, семинаров и

периодических изданий. Крупнейшими центрами немецкой ориенталистики были университеты в Берлине, Лейпциге, Геттингене, Штутгарте, Гамбурге и Дрездене. Большое значение приобрело ориенталистское источниковедение, как в организационном, так и в собственно исследовательском плане. С 1887 по 1914 г. в Германии издавалась «Восточная библиография», что свидетельствовало о формировании достаточно прочной источниковедческой базы. На основе Берлинских рукописей арабского автора Якута Ф. Вюстенфельд издал с 1886 по 1873 г. 6-томный «Географический словарь Якута» (**Wüstenfeld, 1886—1873**).

К крупным коллекциям восточных рукописей в общеевропейском масштабе следует отнести так называемую Берлинскую (см. ниже) и Геттингенскую коллекции. Ядром последней стали 33 рукописных текста на монгольском языке, которые были подарены еще в конце XVIII в. Геттингенскому университету его выпускником И. Йеригом, который собрал эту коллекцию во время своей службы в России. В течение XIX в. коллекция постоянно пополнялась. В 1894 г. она была каталогизирована, а в 1907 г. обработана и описана Б. Лауфером (1874—1934). В целом Геттингенский университет развивался как крупный центр монголистики и синологии.

Во второй половине XIX в. в Германии продолжались исследования классических источников по Центральной Азии. В 1885 г. Ф. Шмидт опубликовал крупное исследование, построенное на анализе миссии Рубрука в 1253—1255 гг. (**Schmidt, 1885**). Свой вклад в изучение тюркского Средневековья внесли и арабисты: в 1892 г. Георг Якоб издал результаты своих исследований арабских географических сочинений (**Jacob, 1892**). В 1894 г. М. Худца подготовил «Тюркско-арабский глоссарий» (**Houtsma, 1984**) на основе классических арабоязычных источников. Не оставались в стороне и синологи: О. Франке на основе изучения китайских источни-

ков в 1904 г. представил вниманию востоковедов серьезное исследование, освещавшее сакскую и раннетюркскую эпохи в истории Центральной Азии (**Franke, 1904**).

Становление германской синологии и успехи в изучении китайских источников связаны с именем Фридриха Хирта (1845—1927). Хирт получил подготовку в качестве синоведа в Лейпциге, Берлине и Грейфсвальде. Решающее значение для его научной карьеры имела двадцатисемилетняя работа в Китае с 1870 по 1897 г., во время которой ученый собрал и обработал значительное количество раннесредневековых китайских источников. Результатом его источниковедческой деятельности стали такие фундаментальные труды, как «Китайские анналы как источники по истории азиатских народов» (**Hirth, 1890, S. 68—75**), «Страны ислама по китайским источникам» (**Hirth, 1894**), а также исследования по гуннской эпохе и истории восточных тюрков в VII—VIII вв. С 1902 по 1920 г. научная деятельность Хирта была связана с работой в Колумбийском университете (США).

Одной из крупнейших фигур германской ориенталистики конца XIX — первых десятилетий XX в. был Йозеф Маркварт (1864—1930). Его научные интересы имели разносторонний характер: древнетюркская история и филология, иранистика, куманология. В результате внимательного анализа переводов тюркских рунических надписей Маркварт установил, что в орхонских надписях имеется особая система счисления. Его выводы в дальнейшем были опубликованы в виде «Хронологии древнетюркских надписей» (**Marquart, 1898**). В 1897 г. Маркварт завершил фундаментальный труд по исторической географии Ирана. Естественно, что в этой монографии затрагивались и проблемы среднеазиатской истории. Маркварт применил строго научный метод и в то же время сумел предложить остроумные гипотезы и продемонстрировать уверенность своих отождествлений (**Marquart, 1903**).

Однако кабинетный стиль работы и вторичность в использовании источников приводили его иногда к неточностям и даже ошибкам. В 1914 г. значительным событием в исторической тюркологии стало издание работы Маркварта «О народности команов». Но необходимо добавить, что общие выводы немецкого ученого относительно исторической роли тюрков базировались на его представлениях о присущих им якобы грабительских наклонностях и «человеконенавистнической» проповеди ислама. В этом смысле антиномадистские взгляды Маркварта уже не отвечали современным представлениям о роли кочевых цивилизаций в истории.

В 1904—1914 гг. были организованы четыре немецкие экспедиции в Восточный Туркестан, которые возглавляли в разное время такие известные исследователи, как Эрих Шмидт и А. фон Лекок. В 1904 г. этими учеными была сделана интересная находка в Туюке (Турфанский оазис) в районе Кара-Ходжа, где на окружающих мечеть стенах они обнаружили сведения о вторжении в этот регион казахских племен. Текст был написан на тюркском и китайском языках. Данная информация уникальна и полезна для датировки и определения ареала расселения казахов в Синьцзяне начиная со второй половины XVIII в. (**Le Coq, Schmidt, 1925**). Наиболее плодотворной стала 4-я экспедиция, на основе которой Лекок написал книгу «О стране и населении Восточного Туркестана» (**Le Coq, 1981**). Автор оставил подробные впечатления, связанные с изменениями после предыдущей (1907 г.) экспедиции в экономике, социальных отношениях, а также собрал обширный этнографический и культурологический материал. В дальнейшем разнообразные материалы, собранные в ходе всех этих экспедиций, легли в основу так называемой Турфанской коллекции. Ее более подробное описание было сделано уже учеными ГДР (см. ниже).

Во второй половине XIX в. в Германии продолжали активно развиваться исламские штудии. Важной вехой в изучении исла-

ма и суфизма стала книга А. фон Кремера «История господствующих идей в исламе» (**Kremer, 1868**). Эта работа определила развитие всего западного исламоведения до конца XIX столетия. Во время своей дипломатической службы на Востоке Кремер пришел к выводу, что различия между западной и восточной цивилизациями обусловлены не расовыми, языковыми или климатическими особенностями, как считалось в разное время, а кругом господствующих там идей. Величайшей заслугой этого ученого является то, что он призвал своих коллег отказаться от европоцентристских позиций, поскольку они неприменимы к культурам, развивавшимся по иной, чем европейская, модели. Безусловно, идеи Кремера способствовали очищению науки от заблуждений и ее прогрессу, и почти все они получили развитие у исламоведов следующих поколений уже в XX в.

Появившееся в 1860-е гг. исследование Теодора Нёльдеке «История Корана» положило начало скрупулезному текстуальному изучению Корана; в дальнейшем эта работа была продолжена такими учеными, как Ф. Швалли, Г. Бергштрессер и О. Прецль и завершилась лишь в 1938 г. (**Nöldeke, 1860**). В конце XIX и начале XX в. коранические исследования продолжали Х. Гримме и К. Фоллерс. Исламολогические исследования имели не только чисто теоретическое значение. Так, К. Беккер (1876—1933), изучавший в течение долгого времени суфизм, попытался наладить диалог между христианской Европой и мусульманским Востоком: этому способствовала его деятельность на посту министра культуры Германской империи. К крупным исследователям суфизма в Германии в предвоенную эпоху следует отнести также Р. Хартмана.

Выдающейся фигурой в истории изучения европейцами ислама остался Игнац Гольдциер (1850—1921). Родившийся в Венгрии, Гольдциер получил востоковедное образование в Лейпциге и Берлине. Испытав на себе сильное влияние книги А. фон Кремера, Гольдциер с 1883 г. исследует все стороны

ислама, положив одновременно начало плеяде исламологов-энциклопедистов. В 1904—1913 гг. Гольдциер читал лекции по исламу в США, а с 1913 г. — в Швеции. Этот ученый выдвинул ряд революционных для своего времени концепций: в рамках исламской цивилизации происходила культурная эволюция всех мусульманских народов от язычества к единой системе мировоззрения; происхождение и развитие хадисов свидетельствуют о духовном единстве мусульманского мира. Гольдциер предложил также собственную интерпретацию развития суфизма по следующей схеме: от простого аскетизма через неоплатонистское учение об эманации к пантеистической концепции мира. Крупнейшие работы И. Гольдциера, являвшиеся, по сути, переработанными сборниками эссе и статей, — это «Мухамеданские штудии» (**Goldziher, 1888—1890**) и «Лекции об исламе» (**Goldziher, 1910—1925**).

Таким образом, мы видим, что в Германии классический период в развитии востоковедения имел место почти в то же время и в тех же формах, что и в других востоковедных державах. Это лишний раз подтверждает гомогенный характер классической европейской ориенталистики, чьей неотъемлемой частью, хотя и со своими специфическими чертами, было германское востоковедение. Без сомнения, вплоть до самого начала Первой мировой войны развитие науки в Германии шло по нарастающей: издательства имели расписанные на годы вперед графики выпуска книг о Востоке; ориенталистские лекции в университетах собирали огромное количество публики; взгляды политиков и общественности Германского рейха были устремлены на Восток, на мир ислама. Появились новые журналы: в Гамбурге — «Ислам» (с 1910 г.) и в Берлине — «Мир Ислама» (с 1913 г.). Однако уже в эту эпоху в немецких публикациях наметилась шовинистическая тенденция. Ее первые признаки обнаруживаются в безвинных на первый взгляд «арийских штудиях»: научных поисках арий-

ской прародины на Среднем Востоке и в Центральной Азии. Но уже с 1890-х гг. и в последующее время «арийские» исследования начали носить все более околонучный характер. Все это, в конечном счете, обернулось возникновением псевдонауки в 1930-е гг., которая выполняла функции обеспечения идеологической базы нацистского режима. Однако до 1914 г. признаки кризиса германской науки еще не были очевидны.

Энно Литтманн был профессором кафедры восточных языков в Тюбингенском университете с 1921 по 1951 г. Среди множества его трудов выделяется перевод «Тысячи и одной ночи». Его преемником стал Руди Паре, чей перевод Корана и комментарии к нему сделались незаменимым и международно признанным пособием по востоковедению. В его бытность заведующим кафедрой в 1963 г. была создана вторая кафедра — языков и культуры христианского Востока.

После Паре в 1968 г. кафедру возглавил Йозеф ван Эсс, ушедший в отставку в 1999 г. после более чем тридцати лет пребывания в этой должности. Из-под его пера вышла новаторская работа в шести томах по идеологии раннего ислама «Теология и общество во 2-й и 3-й хиджре». С летнего семестра 2000 г. кафедру восточных языков Тюбингенского университета возглавляет Лутц Рихтер-Бернбург. В 1970 г. была дополнительно создана кафедра арабской лексикографии, поэзии и истории естественных наук исламского мира. В 1978 и 1980 г. появились кафедра исследований Ирана и вторая кафедра исламских языков.

Традиции Тюбингенского университета были по достоинству оценены в 1949 г., когда университетская библиотека была избрана Германским исследовательским сообществом в качестве специализированного библиотечного коллектора по семиологии и исламоведению (Передний Восток). После объединения Германии в 1990 г. эту фундаментальную собирательную деятельность продолжил Галльско-Виттенбергский университет.

Несомненно, что классическая эпоха наложила отпечаток и на последующий период: в Германии остались мощные традиции научных исследований, особенно в тюркологии; продолжали издаваться востоковедные журналы и функционировать кафедры ориенталистики во всех крупнейших университетах страны. И самое главное, были живы и продолжали работать крупнейшие специалисты, которые сформировались как ученые в предвоенный период. К этой плеяде следует отнести в первую очередь такого выдающегося тюрколога, как Вильгельма Юлиуса Банга, или Банг-Кула (Кауп) (1869—1934). Его научная и педагогическая деятельность не ограничивалась собственно Германией. Банг работал в Англии, Голландии, а с 1902 г. возглавил во Франции Школу живых восточных языков в Лувене. Основной сферой интересов Банга была древнетюркская эпоха. Он плодотворно исследовал рунические надписи, а также памятники более позднего периода, в том числе «Кодекс Куманикус». Большое значение для немецкой тюркологии имели его работы периода 1920—1930-х гг., опубликованные на немецком языке, среди них «Доклады по тюркскому языкознанию», «Из жизни тюркских языков» и особенно «Тюркологические письма из Берлинского института» (**Bang, 1918; 1920; 1925—1934**). С помощью последних Банг до последних дней своей жизни продолжал определять развитие научных поисков в тюркологии и оказывать влияние на молодое поколение тюркологов, сплотившихся вокруг нового востоковедного издания в Лейпциге (см. ниже). Но главный вклад Банга, на наш взгляд, состоит в создании крупной научной тюркологической школы, охватывавшей ученых не только из Германии, но и Франции, Польши, Венгрии, Турции, Швеции и Финляндии. К его ученикам относили себя ученые, составившие гордость тюркологии XX в.: А. фон Габен, К. Менгес, Г. Ярринг, А. Зайончковский, С. Чагатай и многие другие.

Другой канонической фигурой на рубеже двух эпох был Карл Броккельманн (1868—1956), тюрколог с разносторонним кругом интересов. Классической работой Броккельманна в области тюркского языкознания является «Восточно-тюркская грамматика исламских литературных языков Средней Азии» (Brockelmann, 1954), в которой ученый на основе изучения литературных памятников дотимуровской эпохи сделал сводную грамматику, сравнительный анализ алфавита на протяжении нескольких веков и проследил эволюцию раннесредневекового «тюрки». В начале 1920-х гг. Броккельманн опубликовал серию статей на стыке филологии и истории, в основу которых положил свои наблюдения и выводы, сделанные после тщательного штудирования Махмуда Кашгарского и древнетюркской (старотуркестанской — по Броккельманну) поэзии (Brockelmann, 1920; 1922). Этот ученый был известен не только как филолог, но и как крупный историк-востоковед. Его работа «История исламских государств и народов» также стала классической (Brockelmann, 1939).

В эту эпоху в Германии над историей Центральной Азии работали не только тюркологи: синологи и монголисты также внесли свой вклад в изучение региона. Крупнейшим из них был Э. Хэниш (1880—1966), который после окончания Берлинского университета много лет проработал в Китае. После Первой мировой войны Хэниш возглавлял кафедры синологии в Геттингенском и Лейпцигском университетах. Статус Хэниша определялся еще тем фактом, что он был первым в Германии экстраординарным профессором монголоведения и маньчжуроведения. При нацистском режиме Хэниш возглавлял кафедру в Берлинском университете, а после Второй мировой войны — в Мюнхенском университете. Практически, Хэниш заложил в Германии основы школы научного монголоведения. Он изучал как китайские источники Средневековья и Нового времени, так и памятники монголь-

ской эпохи, прежде всего «Сокровенное сказание монголов», которой он посвятил три монографии в 1931-м, 1941-м и 1962 г. Уникальность его исследований состояла в том, что Хэниш анализировал обе — китайскую и монгольскую — версии источника. Представляет безусловный научный интерес его монография «Культурная политика мировой империи монголов» (**Haenisch, 1943**), а также его статьи по истории ильханов на Среднем Востоке.

В целом научная жизнь Германии в 1920—1930-е гг. представляется достаточно активной. Тем не менее по сравнению с довоенной эпохой уровень востоковедения упал. На это обратил внимание В. Бартольд, когда он в начале 1920-х гг. совершал научную поездку в Западную Европу. Относительно состояния ориенталистики в Германии Бартольд сделал ряд интересных наблюдений. Во-первых, повсюду, и не только в научной области, чувствовалось влияние прошедшей войны. В отношении востоковедения это влияние выразилось в том, что резко уменьшилось количество специалистов, особенно молодого поколения, а также произошло падение интереса к предмету, обрыв научных связей и вынужденная изоляция немецкой науки. Особенно тягостное впечатление произвело на Бартольда падение уровня научных журналов, из которых специалисты обычно черпают информацию о развитии соответствующих исследований. Бартольд имел в виду, прежде всего, знаменитый «Журнал германского восточного общества»³⁷. Относительно частных дисциплин для нас представляет интерес его оценка положения тюркологии в Германии в это время. Бартольд сделал вывод, что из всех направлений ориенталистики тюркология в Германии развивалась наиболее всего. И если в XIX в. в основе этого процесса лежали успехи немецких ученых, работавших в российской науке, то с начала XX в. определяющим фактором становится союз Германии с Турцией.

---

³⁷ Бартольд В.В. Соч. Т. IX. — С. 566.

Однако, на наш взгляд, рассматривая проблему с более дальней исторической перспективой, не во всем можно согласиться с великим востоковедом. Безусловно, Мировая война имела самые пагубные последствия, но в то же время она явилась водоразделом между двумя эпохами в европейском востоковедении, а Бартольд принадлежал к уходящей. На смену представителям классической ориенталистики приходило новое поколение ученых, которое смело вторгалось в смежные области знания, создавало новые направления, доводило отдельные специализации до совершенства. Этот процесс означал смену вех в науке. Следует отметить, что немецкие ученые пытались вырваться из изоляции, в которой они оказались вследствие войны. Этот процесс получил выражение в создании новых совместных научных журналов: в 1920 г. в Лейпциге, а затем в Берлине начал выходить «Венгерский ежегодник» — совместное германо-венгерское издание, в котором довольно активно исследовались проблемы тюркологии и истории Центральной Азии. В 1922 г. в Лейпциге и Лондоне начинает выходить англо-немецкое издание «Азия Майор», объединившее европейских ученых-востоковедов самых различных направлений: тюркологов, синологов, исследователей античности, исламоведов и других. В 1922 г. открылись сразу два новых чисто немецких издания: «Журнал индологии и иранистики» (**Лейпциг, 1922—1936**) и ставший знаменитым «Урало-алтайский ежегодник» (**Висбаден, с 1922 г.**). Последний стал со временем рупором немецкой тюркологии и аккумулировал в себе исследования по Центральной Азии, в первую очередь в сфере языкознания. В это время, после некоторых перерывов, продолжали издаваться такие издания, как «Ежегодник Берлинских музеев» и «Исламский Восток».

Среди крупнейших востоковедческих публикаций межвоенных десятилетий следует выделить «Сообщение фран-

дисканца Вильгельма фон Рубрука и его путешествия во Внутреннюю Азию» в переводе Г. Хербста (**Herbst, 1925**), «Историю монголов» П. Карпини в переводе и с комментариями Ф. Риша (**Carpini, 1930**). Крупную работу в области обработки и классификации источников по тимуридской эпохе проделал В. Хинц (**Hinz, 1936**); продолжали издаваться работы из архива известного востоковеда Ф. Тейффеля, в частности в 1932 г. увидело свет его исследование «Зафар-наме» Низама Самы.

В германских востоковедных изданиях продолжали следить, что происходит в ориенталистике других стран. В первую очередь это относилось к происходящему в Советском Союзе. Следует отметить, что немецкие журналы писали с нескрываемой симпатией и интересом обо всем, что имело отношение к тюркологии. Причем речь шла, как правило, не столько о научных событиях, сколько об их политическом значении. Эта тенденция хорошо иллюстрируется отношением к знаменитому Первому тюркологическому конгрессу в Баку. Немецкие востоковеды с живым интересом прослеживали всю информацию о том, что имело отношение к переходу тюркских народов от арабского к латинскому алфавиту. Особенное внимание было оказано докладу В. Бартольда «Об изучении истории тюркских народов», которому посвятил специальную статью Т. Менцель (**Menzel, 1927**). Очень вскоре интерес востоковедов (В. Буссе, П. Ольберга, Э. Бертельса) к политическому аспекту тюркского ренессанса в СССР нашел практическое применение в обеспечении идеологической машины Третьего рейха. Но прежде чем перейти к теме произошедшего с ориенталистикой при нацизме, необходимо добавить еще один штрих к картине достижений довоенной тюркологии.

Еще в начале века в ходе немецких экспедиций в Турфан были обнаружены рукописи, содержавшие разрозненный

цикл древнетюркских легенд «дасакрама» (или дасакрама-буддха-авадала), в развалинах Кочо, Сенгима, Муртука и Туюка. В 1920 г. эти рукописи были обработаны и опубликованы Ф. Мюллером. С 1931 г. над ними возобновила исследования Анне-Мари фон Габен, ставшая впоследствии одним из крупнейших тюркологов Запада. Этот древнетюркский памятник относится к буддийской эпохе и состоит из 10 карманат (заповедей), излагавшихся посредством поучений. Немецкие исследователи поставили себе целью сопоставить фрагменты различных рукописей для обнаружения общего в них и различий в стиле, письме и порядке изложения. Ученые выявили также уйгурское и китайское влияние в древнетюркском памятнике. В целом эти и другие исследования немецких тюркологов заложили основу для целого направления в тюркологии — изучения влияния буддизма на древних тюрков (Ч. II. Гл. I. § 1).

Однако общий фон немецкой ориенталистики, как и науки в целом, со второй половины 1920-х гг. и особенно после 1933 г. уже разительно отличался от общеевропейского. Все сильнее чувствовалось влияние шовинистических, великогерманских идей, а после захвата власти нацистами пропаганда «арийского духа» в истории превратилась в официальную норму. Крупные ученые, представители самых различных исторических дисциплин, вынужденно или добровольно занимались поисками «нордических элементов» при изучении различных стран и эпох, весьма отдаленных от Германии в современном понимании. Так, в качестве примера можно привести выдающегося австро-германского историка Ф. Шахермайера, блестящего знатока античности и специалиста по эллинистической эпохе, автора классических трудов об Александре Македонском. Шахермайер приписывал великим личностям Древней Греции «нордическое» или индо-германское происхождение, чем и объяснял их выдающийся вклад в историю.

Возвращаясь к научной жизни Германии 1920—1930-х гг., ориентированной на изучение территорий, лежащих к востоку от Германии, в том числе советских республик Туркестана, в ней следует выделить такое событие, как появление в 1925 г. журнала «Остойропа» («Восточная Европа»). Довоенная жизнь этого издания продолжалась с 1925 по 1939 г. Она вместила в себя десятки статей и обзоров, посвященных политической жизни советского Туркестана. Строго говоря, новый журнал качественно отличался от своих научных собратьев. Он стал фактически первым в Германии политологическим изданием. Среди первых редакторов журнала были исследователи дореволюционной и советской Средней Азии (О. Хёцш, К. Менерт), а среди авторов — немецкие тюркологи и востоковеды (Г. фон Менде, Й. Бенцинг, Г. Клейнов) и представители тюркских националистических кругов (Хаким-бей, У. Темир, Арслан Субутай). В общем и целом суть большинства публиковавшихся в «Остойропе» материалов о Туркестане была направлена на разъяснение (или разоблачение) большевистской доктрины в отношении мусульманских республик СССР. Это направление, кстати говоря, звучало диссонансом с проводившейся в Веймарской республике и гитлеровской Германии политикой сближения со сталинским Советским Союзом. Возможно, что это была одна из причин закрытия журнала в 1939 г.

Среди множества опубликованных материалов следует назвать «Основы национальной политики в Русской Средней Азии» Г. Клейнова (**Cleinow, 1928—1929**), «Большевизм, тюркские народы и ислам» Й. Бенцинга (**Benzing, 1937—1938**), «Национализм в Казахстане» (**Nationalismus, 1937**), «Проникновение советского империализма в Восточный Туркестан» У. Темира (**Temir, 1936**), исторические портреты выдающихся тюркских политических деятелей России (Исмаила Гаспринского, Юсуфа Акчуры и др.) Г. фон Менде.

В середине 1930-х гг. в Германии издается ряд работ, посвященных национально-освободительной борьбе тюркских народов России и Советского Союза. Это «Русский Туркестан вчера и сегодня» Карла Штелина (**Stählin, 1935**), «Национальная борьба российских тюрков» Герхарда фон Менде (**Mende, 1936**), «Народ Туркестана в борьбе за свою самостоятельность» Йоханнеса Бенцинга (**Benzing, 1937**). Последняя работа носила концептуальный характер. Бенцинг обобщил итоги освободительной борьбы в Средней Азии и особенно в Казахстане с 1824 по 1916 г. и разбил ее историю на три части. Наиболее подробно автор остановился на восстании 1916 г. Бенцинг пришел к выводу, что понимание исторического контекста восстания 1916 г. есть ключ к правильному восприятию последующих событий 1917—1924 гг. (Гл. V. § 2). В годы Второй мировой войны этот ряд работ был продолжен публикациями Р. Ольцша и Г. Клейнова «Туркестан» и Б. Шпулера «Идель-Урал: народы и государства между Волгой и Уралом» (**Cleinow, Olzscha, 1942; Spuler, 1924**).

Таким образом, по крайней мере, несколько крупных востоковедов (Г. фон Менде, Й. Бенцинг, Б. Шпулер) были вовлечены в активное сотрудничество с пропагандистской машиной нацистского режима, а Герхард фон Менде к тому же занимал крупные должности в государственном аппарате и даже возглавлял деятельность восточного отдела МИДа, ответственного за шпионаж, диверсионную деятельность и функционирование таких организаций, как «Национальный комитет туркестанского единства». К числу его учеников и сотрудников принадлежали такие туркестанские националисты, как Баймирза Хайит и Вали Каюм-хан. Здесь необходимо сделать отступление в сторону роли тюркских националистов в научно-публицистической жизни Германии 1930—1940-х гг. Она связана с именем казахского эмигранта Мустафы Чокаева, который издавал в Берлине две газеты —

«Яны Туркестан» (1927—1936) и «Яш Туркестан» (1929—1939), и узбекского политического деятеля Вали Каюм-хана, редактора изданий «Милли Туркестан» (1942—1944) и «Милли Эдибиет Туркестан» (1943—1944). В 1941 г. оба националиста при деятельном участии Г. фон Менде возглавили работу по созданию Туркестанского легиона. Тем самым научно-исследовательская деятельность в отношении Центральной Азии в фашистской Германии была тесно связана с военными и стратегическими целями Третьего рейха. На это была направлена и научно-организационная деятельность соответствующих немецких структур: основание в 1939 г. Восточного института при Берлинском университете имело целью, прежде всего, подготовку специалистов для армии и спецслужб. В 1942 г. «Германское востоковедное общество» возглавил нацист В. Вюст, а Р. Ольцша открыл в Дрездене так называемую «школу мулл», ориентированную на нужды войны. В целом, как удалось доказать историкам ГДР, востоковедение в гитлеровской Германии было поставлено на службу военным планам нацистского режима. Деятельность организаций, нацеленных на Туркестан, курировалась непосредственно Кальтенбруннером (**Brentjes, 1985, S. 158**).

Тем не менее в эти годы в Германии продолжала развиваться и подлинная наука. Уже упоминавшийся Йоханнес Бенцинг (1913—2001) был представителем классической немецкой школы тюркологии. Ученик Р. Хартманна, Г. Шредера и В. Бьёркманна (исламская философия) Бенцинг изучал монголистику у Э. Хэниша и тюркологию у А. фон Габен. Судя по всему, его сотрудничество с режимом было unsuccessful: в 1942 г. Бенцинг потерял кафедру в Берлинском университете. После войны его жизнь и научная карьера связаны с Западной Германией: в 1956—1963 гг. Бенцинг представлял ФРГ в Турции в качестве консула, а в 1966 г. возглавил Майнцскую академию. Главный вклад Й. Бенцин-

га в науку — создание классификации старотюркских наречий. В 1953 г. его многочисленные работы по китаистике и тюркологии были обобщены в фундаментальном исследовании «Введение в изучение алтайской филологии и тюркологии» (**Benzing, 1953**).

Бертольд Шпулер, известный как «остфоршер» (то есть участник исследовательской программы по изучению СССР и соцстран), остается все же одной из крупнейших фигур германской ориенталистики XX в. В 1939 г. Шпулер вошел в монголоведение с монографией «Монголы в Иране», в которой нашла отражение полуторавековая история ильханов в Иране. Шпулер подробно описал внутреннюю и внешнюю политику ильханов, административное устройство, государственный аппарат и культуру Ирана в 1220—1350 гг. В дальнейшем эта тема была продолжена в его книгах «История исламских стран в монгольское время» (1948) и «Иран в раннеисламское время» (1952). Но для нас представляет интерес, прежде всего, другой выдающийся труд Шпулера — «Золотая Орда: монголы в России в 1223—1502 гг.» (**Spuler, 1943**). По сути дела, Шпулер создал подлинно научную концепцию изучения того, что было мифологизировано под так называемым «татаро-монгольским игом». Шпулер считал историю Руси XIII—XV вв. неотъемлемой частью истории Золотой Орды на основе политического, экономического, культурного и генетического синтеза кочевников и их протагонистов — оседлых жителей Восточной Европы. В дальнейшем эти идеи Шпулера о симбиозе кочевого и оседлого обществ получили развитие в его многочисленных трудах, посвященных как монгольской эпохе, так и истории Центральной Азии в Средние века. Одно из непреходящих достоинств первого и последующих изданий «Золотой Орды» — подробная генеалогия золотоордынских ханов. Среди других важных работ Шпулера по монголистике следует назвать книги «Монголы

в истории» (1961), «История монголов в восточных и европейских свидетельствах XIII—XIV веков» (1968) и его доклад на XIV Международном конгрессе историков в 1975 г. «Монгольский номадизм в оседлом обществе: Золотая Орда» (Ч. II. Гл. III. § 2).

Портрет Шпулера только как монголоведа был бы слишком односторонен. Выше уже отмечалось, что немецкий ученый исследовал мусульманские источники и внес большой вклад в разработку истории Ирана. Кроме того, Шпулер являлся крупным исследователем истории Средней Азии. Собственно нашему региону были посвящены такие его работы, как «История Средней Азии» (**Spuler, 1950**), «Средняя Азия после прихода тюрков» (**Spuler, 1966**), «Общее в развитии (западно-) внутриазиатского пространства с 1600 г.» (**Spuler, 1966**), «Средняя Азия с 16-го века до русского завоевания»³⁸. Среди источниковедческих исследований Шпулера известна его монография «Историография в мусульманской Персии» (1958).

Среди востоковедов наиболее известна двухтомная монография ученого «Мусульманский мир» (**Spuler, 1960**), в которой Шпулер объединил свои исследования по истории исламского мира (ч. 1 — «Век халифов») и монгольских завоеваний (ч. 2 — «Монгольский период»). В основу второй части была положена более ранняя книга Шпулера «История исламских стран: монгольское время» (1948). Автор нарисовал обширную панораму исторических событий от восхождения пророка Мухаммеда, создания халифата и мусульманских завоеваний на Среднем Востоке и в Испании до образования Монгольской империи, взаимодействия монголов и исламского мира в Средней Азии, Иране и на Ближнем Востоке и, наконец, до распада кочевых степных империй и начала русских завоеваний в Азии.

---

³⁸ Необходимо отметить, что в своих немецкоязычных трудах Шпулер, как и большинство немецких авторов, употребляет термин «Средняя», а не «Центральная» Азия, следуя в этом российской и советской традиции.

Как и в других своих работах, Шпулер связывает все крупнейшие исторические события в Евразии в Средние века с влиянием кочевых тюркских и монгольских империй, которые в конечном счете оказали влияние на развитие цивилизации как на Востоке, так и на Западе. Шпулер писал: «После того, как великое движение на восток индо-европейских народов затормозилось, этот регион превратился в арену действия противоположных сил, которым было суждено изменить картину народонаселения Центральной Азии и определить ее фундаментальный характер до сегодняшних дней. Регион населился двумя народами, жившими бок о бок и обладавшими многими сходными чертами, но отличавшимися в языках: тюрками и монголами» (**Spuler, 1960, Pt. II, p. 1**). Согласно Шпулеру, территория будущего Казахстана занимала важнейшие позиции в этом тюрко-монгольском универсуме: «Территория между Оксом и Монголией, чье население за столетия стало в основном тюркским, занимала ключевые позиции во вселенской империи монголов со времени их завоевательных походов при Чингис-хане» (**Spuler, 1960, Pt. II, p. 43**).

С 1952 г. Б. Шпулер на протяжении двух десятилетий возглавлял и вдохновлял издание на немецком языке — «Справочник по ориенталистике». В 1960-е гг. под его редакцией и при непосредственном участии увидели свет четыре тома по алтаистике, в том числе и по истории Центральной Азии. В США, где Шпулер также оказал влияние на развитие востоковедной школы, при его участии издавалась в 1960—1970-е гг. серия «Исламский мир». Особо следует выделить книгу «История монголов на основе восточных и западных источников XIII—XIV вв.» Х. и С. Драммондов (1972), влияние на которую Шпулера бесспорно.

Возвращаясь к истории ориенталистики в Германии до 1945 г., необходимо еще раз подчеркнуть, что она на себе ис-

пытала репрессивный характер нацистского режима. Многие ученые были вынуждены эмигрировать. Так, из-за преследований буквально бежал из пределов рейха, а потом из Европы Лоуренс Кредер, один из крупнейших специалистов в мире по традиционному казахскому обществу. Но его работа в США чрезвычайно обогатила американские урало-алтайские исследования, тюркологию и казахстанику (Гл. II. § 5; Гл. IV. § 1).

Но самый колоссальный урон научным кадрам в Германии нанесла война. Десятки немецких ученых-востоковедов погибли на фронтах Второй мировой войны; этому остались грустные свидетельства в виде некрологов в выходивших все реже в годы войны востоковедных журналах. Разгром германской науки завершился после падения рейха в 1945 г. Часть ученых из восточной зоны оккупации эмигрировала в западную. Некоторым ученым удалось покинуть Германию и найти работу в Англии и США. Выпуск всех востоковедных изданий прекратился на различные сроки. Но главным было то, что с 1945 г. немецким ученым из восточной и западной зон пришлось работать в разных идеологических условиях.

§ 1. Центральноеазиатские исследования и тюркология в ГДР

После 1945 г. на фундаменте классической немецкой ориенталистики возникли две ветви, которым пришлось в дальнейшем развиваться в совершенно непохожих условиях. Та часть немецкого востоковедения, которая сформировалась в Германской Демократической Республике, во многом разделила участь общественных наук в других социалистических странах: партийно-государственный диктат, централизованное управление научным процессом, строительство научных

структур по советским образцам, заимствование советских исторических концепций. Тем не менее в ГДР развитие востоковедения отличалось определенным своеобразием — вновь созданным научным и педагогическим учреждениям приходилось зачастую начинать с нуля. В науку потянулось новое поколение, причем предпочтение отдавалось студентам рабоче-крестьянского происхождения; некогда элитарные научные дисциплины демократизировались³⁹.

Ряд ученых ГДР стали формироваться как специалисты еще в советском плену, который пополнил их опыт и представления о советском Востоке (к ним следует отнести в первую очередь В. Кёнига, директора Музея этнографии в Лейпциге, специалиста по животноводству и номадизму в Центральной Азии). Помимо этого в течение всего существования ГДР восточногерманские аспиранты имели возможность стажироваться в СССР, а это имело немаловажное значение в таких специальностях, как тюркология, этнография, археология и др. Несмотря на тот факт, что наука в ГДР организовывалась по типовой для всех соцстран схеме, востоковедение в этой стране сумело сохранить ряд специфических черт благодаря мощным и глубоким традициям, заложенным еще в классическую эпоху.

В 1947 г. был создан Институт востоковедения АН ГДР, который аккумулировал все основные ориенталистские направления и дисциплины: арабистику, тюркологию, иранистику, индологию, японистику, африканистику и египтологию. В Гумбольдтовском университете продолжала развиваться специализация, оформившаяся в отдельное направление — турфанистику (Ч. II. Гл. II. § 3). Помимо отделения по изучению Азии в Гумбольдтовском университете секции по изучению Востока и его древней истории су-

³⁹ Здесь уместно вспомнить об уже ставшем историческим романе известного писателя ГДР Германа Канта «Актовый зал» (Die Aula, 1965), где ярко описаны первые шаги рабоче-крестьянских университетов и приход в востоковедение представителей нового поколения.

ществовали в Университете им. Мартина Лютера в Галле, в Центральном институте древней истории и археологии АН ГДР, в Университете им. Карла Маркса в Лейпциге и в Университете им. Вильгельма Пика в Ростоке. Начиная с 1959 г. правительство ГДР уделяло особое внимание развитию востоковедения. В 1969 г. для координации всех ориенталистских исследований был создан Центральный совет по изучению Азии, Африки и Латинской Америки под председательством А. Ротманна. Как крупный организатор науки и особенно востоковедения в ГДР выделялся ректор Лейпцигского университета Х. Бёме (впоследствии министр высшего и среднего образования). Наиболее эффективными секциями востоковедения в ГДР считались кафедры при Берлинском и Лейпцигском университетах, где обучение и исследования строились по региональному признаку со специальными группами по языку, литературе, истории и экономике. С конца 1950-х гг. руководство ГДР предпочитало идти по пути подготовки специалистов непосредственно на местах: монголистов — в Монголии, тюркологов — в СССР, а до середины 1960-х гг. — синологов в КНР и т.д.

По сравнению с довоенной Германией радикально изменилась картина научно-периодических изданий. Традиционные востоковедные издания или исчезли, как это произошло в 1953 г. со знаменитым «Журналом Германского востоковедного общества», или продолжали выходить в Западной Германии («Ислам» и «Мир Ислама»). Этим изданиям на смену пришли типологизированные и копирующие советские академические образцы журналы вроде «Азии, Африки и Латинской Америки» — издания Академии наук ГДР. Помимо этого журнала по интересующей нас проблематике публиковались ведомственные, специализированные или тематические издания: «Альтертум», «Востоковедная литературная газета», «Научный журнал Гумбольдтовского университета» и «Доклады Музея

этнографии» в Лейпциге и Берлинского музея этнологии. Эти издания базировались на прочном классическом фундаменте.

Со временем в ГДР сформировалась большая группа из узкоспециализированных востоковедов. Так, в алтаистике успешно работали С. Клейнмихель, Г. Новко, Х. Штерн, Д. Шульц, Ф. Мюллер. Крупнейшими фигурами в алтаистике, тюркологии и центральноазиатских исследованиях в ГДР был венгерский ученый Георг (Дьёрдь) Хазаи, возглавивший исследования по турфанистике (**Hazai, 1974**), и его коллега Петер Циме. Изучение турфанской коллекции рукописей носило международный характер; помимо европейских тюркологов в работе над источниками из Восточного Туркестана принимали участие турецкие ученые (С. Чагагай, С. Тезджан). Как известно, именно исследования турфанских рукописей привели к открытию тохарского языка. Берлинская коллекция турфанских рукописей состоит из тюркских, иранских и китайских текстов. Хазаи и его коллеги сосредоточились на изучении тюркской группы (около 8 тыс. фрагментов), включающей в себя буддийские, манихейские и христианские тексты. Изучение текстов религиозного содержания облегчалось тем, что они были написаны разборчивым, легко читаемым шрифтом (мудьдукдусом), а светские тексты (юридические документы и личные письма) — курсивом, затрудненным для чтения.

Иранская группа текстов содержит 4 700 фрагментов, в основном по манихейству. Наименее исследована китайская группа документов (6 тыс. фрагментов), большей частью буддийского содержания. Таким образом, исследования ученых из ГДР в области турфаники были существенным вкладом в сравнительную тюркологию, изучение манихейства, буддизма и раннесредневековой истории и культуры Центральной Азии. Несколько позднее к изучению турфанской коллекции подключились монголоеды (М. Таубе), чье внимание привлекла небольшая группа монгольских текстов. В целом работы вос-

точногерманских ученых над Турфанской коллекцией были серьезным вкладом в современное востоковедение.

Тот факт, насколько серьезно относились в бывшей ГДР к фундаментальным исследованиям, в том числе и в тюркологии, наглядно иллюстрирует переиздание в 1965 г. десяти-томного собрания текстов на тюркских языках Радловского с петербургского издания 1866—1907 гг. «Образцы народной литературы тюркских племен Южной Сибири и Джунгарской степи» (**Radlow, 1965**). Естественно, что в этом классическом издании были широко представлены образцы казахского фольклора. В ГДР следили и за современной литературой на казахском языке: в 1975 г. Э. Рихтер даже подготовил специальную «Казахскую библиографию». В 1979 г. восточногерманские тюркологи выпустили сборник переводов казахской литературы «Белая Аруана», что, впрочем, неудивительно, учитывая «особые» отношения между ГДР Хонеккера и советским Казахстаном Д. Кунаева. Эти события происходили в русле политики и идеологии социалистического интернационализма⁴⁰. Однако все это не умаляет научного и познавательного интереса такого рода изданий для тюркологов. Не были редкостью совместные конференции, симпозиумы и семинары советских и восточногерманских ученых по проблемам тюркологии, истории и культуры Центральной Азии, а также номадизма. Среди последних следует выделить международный симпозиум по номадизму, организованный в 1975 г. Лейпцигским музеем этнографии под названием «Кочевники в истории и современности», в котором принимали участие советские и казахстанские ученые, а также такие крупные западногерманские исследователи центральноазиатского номадизма, как Й. Йеттмар и А. Кредер. Номадистику ГДР представляла Хельга Нойберт из Лейпцигского музея этнографии (**Asian and North African Studies, 1986**).

---

⁴⁰ Толчком к интенсификации казахстанско-германских культурных связей послужил, без сомнения, визит Э. Хонеккера в КазССР в 1978 г.

В 1960-е гг. начал свою карьеру тюрколога – специалиста по древнетюркским памятникам Петер Циме (Берлинский университет им. Гумбольдта), который в 1968 г. рецензировал работу казахстанского палеолингвиста Г. Айдарова, посвященную анализу орхонского памятника Бильге-кагана. К этому периоду относятся статьи Циме с анализом манихейских и буддийских текстов на тюркском языке из турфанской эпохи. В 1970-е гг. Циме переходит от лингвистического к культурно-историческому анализу древнетюркских текстов. Это нашло отражение в таких его эссе, как «Новые данные по истории тюрок в Монголии» (1972), «Уйгуры и их отношения с Китаем» (1973), «О буддийской надгробной поэзии древних уйгур» (1979). В 1980-е гг. Циме, работая над древнеуйгурскими текстами, делает открытие, что многие произведения, считавшиеся ранее китайского происхождения, вероятнее всего, переведены с тибетского (1983). Эта тема нашла отражение в серии статей Циме, посвященных фольклорному жанру «алгым» (благословление), несущему на себе наиболее явные следы буддистской культуры (1985—1986).

Крупным специалистом по истории и культуре Центральной Азии был ученый из Галле Бурхард Брентьес (р. 1929), преподававший в Карл-Маркс-Университете культурологию, историю, исламоведение и ряд других дисциплин, имеющих отношение к изучению мусульманской цивилизации Средней Азии. Он внес огромный вклад в популяризацию истории и культуры цивилизаций Центральной Азии в древности и Средневековье. Брентьес является именно тем типичным представителем первого поколения востоковедов ГДР, которые получили образование сразу после войны (1946—1952). С начала 1960-х гг. Брентьес занимает должность профессора на кафедре археологии Передней Азии Университета им. Карла-Маркса (тогда Маркса-Ленина) в Галле. В историю

современной науки Брентъес вошел как автор значительного числа статей и ряда монографий по исторической культурологии Центральной Азии, Среднего Востока, исламского мира, а также по истории ориенталистики в Германии и ГДР. Отличительная черта исследований этого ученого — широкий географический и хронологический подход к изучению восточных цивилизаций, что нашло отражение в названиях его книг — эпических, с налетом романтизма.

В 1960—1980-е гг. Б. Брентъес опубликовал ряд монографий (некоторые в соавторстве с советским ученым Л.М. Альбаумом), давших широкую панораму событий в Центральной Азии в контексте смен цивилизаций и культур. Это такие книги, как «Восточный мир» (1972), «Стражи золота» (1972), «Средняя Азия: культурная история народов между Каспийским морем и Тянь-Шанем» (1977), «Властители степей» (1986), а также большое количество научных статей по средневековой истории региона (**Brentjes, 1972; 1977; Brentjes, Albaum; 1972, 1986**). Исследования Б. Брентъеса с полным основанием можно отнести к сфере культурологии: на основе богатого фактического материала он показывает последовательную смену культур как следствие политических и этнических изменений в регионе. История для Брентъеса — это последовательная цепочка культурологических феноменов, а Центральная Азия — регион, где наиболее динамично развивалась смена одних цивилизаций другими. Для Брентъеса культурная история региона — это своеобразный срез ствола дерева, на котором легко проследить последовательное наложение одних культурных слоев на другие. Следы этих культурных наслоений Брентъес ищет в первую очередь в памятниках материальной культуры — архитектуре, градостроении, нумизматических находках, топонимах, а также в памятниках письменной культуры.

В поле зрения Брентъеса попало культурное наследие трех великих цивилизаций: доисламской, исламской и кочевой. В

своей работе по искусству кочевых народов Центральной Азии Брентъес устанавливает хронологические рамки его существования: со II в. до н.э. до XV в. н.э. на обширном пространстве от Средней Азии до Кореи (**Brentjes, 1974**). Представляют интерес неординарные выводы Брентъеса о влиянии культуры кочевников на оседлое искусство Китая, Кореи и Японии. Первое крупное монографическое исследование Брентъеса, в котором он сделал попытку изложить свою концепцию, — это «Восточный мир с древности до Чингис-хана» (**Brentjes, 1972**). В этой действительно монументальной работе немецкий ученый нарисовал глобально-историческую картину смены цивилизаций, влияния материальной культуры на историю людей и обществ и отражение материального аспекта исторического процесса через искусство восточных культур. Согласно Брентъесу, столь важный с исторической точки зрения период в истории Центральной Азии с 600 по 1600 г. являлся всего лишь заключительным аккордом в долгой череде восточных культур. Он называет его «последним восточным тысячелетием», после которого наступает эпоха стагнации Востока и резкого возвышения Западной цивилизации. В том же 1972 г. выходит в свет его более концептуальная работа «Стражи золота: к истории и культуре среднеазиатских народов до Ислама» (совместно с Л. Альбаумом), в которой делается анализ археологических исследований древнеиранской, эллинистической и раннекочевой цивилизаций региона. И здесь, как и во всех своих книгах, Брентъес остается верен своему культурологическому методу в изучении региона (**Brentjes, Albaum, 1972**).

Хотя Брентъес был вынужден работать в жестких условиях марксистской цензуры ГДР, его труды полностью свободны от догматических рамок⁴¹. Он не мучает читателей классовой борьбой и не ищет смену общественно-политических фор-

⁴¹ О влиянии идеологии на востоковедение в ГДР см. книгу Г. Хафеза «Ориенталистика в ГДР между догмой и приспособлением» (Hafez, 1995).

маций там, где их нет. Тем не менее марксистским методом Брентъес владеет блестяще: смену культурно-цивилизационных эпох он показывает диалектически: цивилизации не исчезают, а взаимно влияют друг на друга, рождая в конце концов нечто новое. Единственной уступкой идеологии со стороны автора можно считать последние разделы книг, посвященные «культурному расцвету среднеазиатских народов при социализме». Впрочем, для Брентъеса социалистическая эпоха — это всего лишь новый культурный пласт в его цивилизационном срезе, представляющий собой результат смешения традиционного исламского наследия с европейским влиянием. Такой подход характерен для двух наиболее выдающихся книг Б. Брентъеса — «Культурная история народов» и «Властители степей». В последней немецкий ученый выделяет пять эпох: арабское завоевание и утверждение ислама, Караханидов и сельджуков, монгольский период, эпоху Тимура, оседлые и кочевые ханства позднего Средневековья. Такой подход позволяет автору показать, как исчезновение одних государств и появление на их месте других оставляет следы в культуре, которую Брентъес понимает шире, чем только остатки минаретов, медресе, крепостей и захоронений. Но изучение памятников материальной культуры занимает достаточно большое место в его исследованиях.

Брентъес остался верен своему методу и при переходе к изучению цивилизации Средней Азии в таких книгах, как «Средняя Азия: культурная история народов между Каспийским морем и Тянь-Шанем» (Brentjes, 1977), «Средняя Азия: искусство ислама» (Brentjes, Rührdanz, 1979), «Культурно-исторические проблемы Южной и Центральной Азии» (Brentjes, 1984) и особенно в книге «Властители степей: из истории и культуры среднеазиатских народов в исламскую эпоху» (Brentjes, Albaum, 1986). Несомненным достоинством многочисленных и детализированных книг Б. Брентъе-

са является богатейший археологический, изобразительный и иллюстративный материал о памятниках материальной и духовной культуры цивилизаций региона. Брентьес по своему воспитанию, мировоззрению и методологии — несомненный и искренний марксист, причем марксист в лучшем смысле этого слова, если под этим термином понимать использование наиболее эффективных методов социальной науки XIX в. К другим его достоинствам следует отнести богатейшую эрудицию и искренний интерес к культурному наследию региона. Безусловно, ученый не мог не отдавать дань идеологическим установкам официальной науки социалистического режима ГДР. Особенно это ощущается в его «юбилейных» историографических статьях. Тем не менее исследовательская деятельность Брентьеса — это явление, выходящее за рамки исторической науки только ГДР.

К сожалению, после объединения Германии Брентьес, как и большинство профессуры бывшей ГДР, был лишен кафедры и отправлен на пенсию. В настоящее время он проживает в Берлине.

Археологическими проблемами и древней историей Центральной Азии в ГДР занимался Александр Хойслер, профессор Института древней истории и археологии АН ГДР. Известны его работы «Скифы и ранние евроазиатские степные народы» и «Курган Иссык — памятник сакской эпохи». Разрабатывая археологические материалы на обширном пространстве Казахстана, России и Украины, Хойслер попытался дать цельную картину распространения древней «звериной» культуры от Алтая до Карпат. Его работы имели, конечно, большое значение для немецких читателей, однако он опирался, прежде всего, на материалы, собранные советскими учеными (Häusler, 1981, 1983).

Сравнительный анализ деятельности научных и университетских центров в двух частях послевоенной Германии

показывает, что в ГДР в свое время сформировался мощный центр арабистики, обеспечивший издание уникальных словарей, исследовательской и учебной литературы. Среди исследователей исламской цивилизации в ГДР известен профессор университета в Галле Юрген Пауль, до сих пор продолжающий работать в объединенной Германии. В его работах большое внимание обращается на материальные аспекты исламской цивилизации в Средней Азии, в частности историю оросительной системы.

В заключение следует сказать несколько слов о судьбе исторической науки в ГДР после объединения Германии. К сожалению, она разделила судьбу всей восточногерманской науки. Все ученые, кто был связан с правящим режимом и состоял в СЕПГ, а это практически весь верхний слой профессуры, заведующие кафедрами, отделами и институтами, лишились под разными предлогами своих мест, старшее поколение было отправлено на пенсию. Их места заняли более удачливые ученые из западных земель. С точки зрения деидеологизации восточногерманской науки действия Бонна считались целесообразными и были продиктованы необходимостью оградить дальнейшее развитие общественных дисциплин от коммунистического наследия и его наиболее одиозных кадров. Однако такая политика нанесла непоправимый урон кадровому потенциалу новых земель. Причем следует отметить, что чистки затронули не только гуманитарные дисциплины, но и естественно-технические, что полностью лишено смысла с точки зрения отсутствия связи между идеологией и точными науками. Таким образом, разгром научной системы ГДР носил спланированный и целенаправленный характер. Во второй половине 1990-х гг. прежней научной системы ГДР уже не существовало.

§ 2. Центральноеазиатские исследования и тюркология в ФРГ (Западной Германии)

Во время «холодной войны» и противостояния систем на Западе наблюдался дефицит достоверной информации о Советском Союзе. В связи с этим западногерманские исследователи пытались устранить пробелы понимания общих тенденций социально-политического развития идеологического противника с помощью определения особенностей изменчивого «культурного климата» многонационального советского государства. Названные центры представляли собой преимущественно структурные подразделения университетов, однако некоторые из них являлись научно-исследовательскими институтами вне высших учебных заведений. Важную роль в основании и финансировании деятельности кафедр, институтов и центров по изучению СССР играли министерства и ведомства федеральных земель, а также фонды и общественные инициативы.

Важной западногерманской организацией, занимавшейся изучением восточноевропейского региона, являлся Федеральный институт восточных и международных исследований. Возникнув в 1961 г. в Кёльне под названием «Институт по научному изучению диалектического материализма и марксистско-ленинистского учения» при Федеральном Министерстве внутренних дел ФРГ, это учреждение играло большую роль в изучении СССР времен «холодной войны». Институт публиковал ежегодные обширные отчеты о развитии Советского Союза. Издавались также многочисленные обзоры, затрагивавшие отдельные аспекты жизни государств Восточной и Центральной Европы⁴².

---

⁴² Андреева В. Западногерманские научные центры по изучению системы образования, художественной литературы и изобразительного искусства СССР (1949—1990 гг.) // Журнал международного права и международных отношений (БГУ, Минск). 2013. N 2.

Фигурой подлинного исторического масштаба в немецкой науке, связавшей довоенную и послевоенную ориенталистику и тюркологию Германии, а также ее западную и восточную ветви, была выдающаяся тюрколог Анне-Мари фон Габен (1901—1993). Она являлась представительницей Берлинской школы тюркологии. Уже в 1920—1930-е гг. ее труды по тюркологии становятся широко известны в Европе. После войны Габен стояла у истоков возрождения немецкой тюркологии. Она внесла в XX в. наибольший вклад в изучение древнетюркских литературных памятников, искусства, культуры и мировоззрения древних тюрков. Габен являлась автором одной из первых грамматик древнетюркского языка (**Gabain, 1974**), в которой содержалось полное описание древнетюркской письменности. Кроме того, Габен является автором ряда статей по современной казахской этнографии и лингвистике (**Gabain, 1981; 1982**). Следует назвать такие ее, ставшие классическими, исторические труды, как «Степь и город в жизни древних тюрков» (**Gabain, 1949**), «Древнетюркская письменность» (**Gabain, 1950**), «Введение в центральноазиатские исследования» (**Gabain, 1979**), «Королевство Кочо».

Большой вклад в исследования по средневековой истории Евразии внес Омелян Прицак. Его вклад можно оценить по сборнику трудов, куда вошли 20 работ по средневековой истории Восточной Европы, Центральной и Средней Азии домонгольского периода, опубликованные в период с 1950 по 1979 г.⁴³ Цикл работ немецкого ученого за 30 лет научной деятельности представляет собой фактически концептуальное изложение раннесредневековой истории Евразии.

Сборник состоит из трех разделов. В первый включены работы по истории Центральной Азии. Опираясь на китайские, арабские, русские и другие источники, исследователь

---

⁴³ Prisak O. Studies in Medieval Eurasian History. — L., 1981. — 376 p.

показывает ту важную роль, которую играли в кочевых империях ориентация на мировое господство и деление территории на центр, правое и левое крыло. Он раскрывает связь между этой ориентацией и цветовым обозначением четырех направлений света, ориентацией и иерархией цветов (в частности, это нашло отражение в титулах правителей кочевых империй и названиях их столиц), ориентацией и военно-политической организацией кочевников. Путем логического анализа китайского названия северных кочевых народов ученый сделал вывод о соответствии сюнну (хунну) китайских хроник гуннам европейских источников. Прицак рассмотрел количественный и качественный состав государственного совета сюнну, его структуру, основные функции и деятельность, обязанности семи ведущих членов совета. Исследование О. Прицака опирается на китайские источники. По мнению ученого, существовавшая у сюнну система управления могла служить образцом для позднейших кочевых империй древних тюрков, протоболгар и даже государства Караханидов.

Прицак предпринял попытку доказать гунно-болгарское происхождение двух китайских вариантов слова «камень» из языка сюнну через современный чувашский язык и тем самым — генетическое родство азиатских сюнну с европейскими гуннами и волжско-камскими болгарами. Опираясь на арабские, византийские и европейские источники, тюрколог локализует две территории, которые занимали предки современных венгров в период между 830 и 840 г.: бассейн Оки (Мещера) и Доно-Донецкое междуречье. Это позволило Прицаку нарисовать следующую картину происхождения и миграции предков венгров: 1) бассейн Оби и Иртыша в Западной Сибири (III в. до н.э. — середина V в. н.э.); основные этнические компоненты — местное финно-угорское население (предки современных хантов и манси) и пришлые алтайские племена сянъби/савиров, составлявшие господствующую

страту; 2) бассейн Оки (около 460 г. — 830 г.); 3) бассейн Северного Донца (830—890 гг.), где после разгрома печенегами хазарскую династию сменила гуннская; 4) после непродолжительного пребывания в бассейне Днепра переселение в Паннонию, на территорию современной Венгрии.

Прицак указывает на типичное для средневековой истории Евразии явление: усиление какого-либо кочевого племени или конфедерации племен с последующим установлением их господства над степью влечет за собой цепную реакцию переселения народов. Примером могут служить миграции, вызванные продвижением скифов, тохаров, хунну, аваров. Более подробно Прицак останавливается на миграционных движениях, обусловленных возвышением киданей и тангутов и происходивших, соответственно, в 860—1000 гг. и 1000—1050 гг. Основываясь на китайских, арабских, древнетюркских и некоторых других источниках, он приводит интересные сведения о киданях, кимаках, кипчаках (в частности, о происхождении этнонима «кипчак») и других тюрко- и монголоязычных народах.

На основе анализа содержащихся в китайских и византийских источниках сведений о хунну, гуннах и болгарях, а также результатов археологических раскопок на территории Монголии, Алтая, Средней Азии, Поволжья, Северного Кавказа и Южной Украины Прицак делает вывод о наличии генетической связи между хунну, гуннами и болгарями. Изучение памятников протоболгарского языка позволяет автору говорить о принадлежности языка хунну-гуннов к болгарской языковой группе, современным представителем которой является чувашский язык.

Прицак путем этимологического анализа показывает, что слово «аттила» алтайского, а не германского происхождения и означает «большая вода» (море, река). Правители кочевых империй хунну, древних тюрок, уйгуров, карлуков, монголов претендовали на мировое господство, что находило отраже-

ние в их титулах. Предводитель гуннов, будучи также великим завоевателем, последовал этой традиции, о чем свидетельствует его титул «Аттила», в алтайских языках имеющий значение «всеобъемлющий, всемирный», то есть правитель всего мира.

Опираясь на сведения из китайских династийных хроник, византийских, арабских, армянских, сирийских, древнерусских источников и древнетюркских надписей, автор касается следующих вопросов: этногенез печенегов и первоначально занимаемая ими территория (от Аральского моря до среднего течения Сырдарьи); первое переселение печенегов под натиском огузов (торков древнерусских летописей) в прикаспийские степи между Уралом и Волгой и переход их к кочевому образу жизни (вторая половина VIII в.); второе и третье переселение печенегов сначала в район Северного Донца после их разгрома хазарами и огузами в 830 г., а затем в южные районы Правобережной Украины с постепенным вытеснением из этих районов предков современных венгров; территориальная и военно-политическая организация и система управления у печенегов в IX—X вв.; экономика и население, этнические группы, язык и письменность, религия; разгром государства печенегов в Причерноморье и окончательное их уничтожение половцами как военно-политической силы на Балканах и в Восточной Европе в конце XI — начале XII в.; взаимоотношения между печенегами и Киевской Русью; следы печенегов в украинской топонимике.

Некоторые вопросы истории Хазарского каганата (занимаемая территория, родоплеменной состав, роль торговли как экономической основы каганата, система управления, зависимые народы и т.д.) Прицак затрагивает в ряде работ⁴⁴. Основное внимание уделено недостаточно выяснен-

---

⁴⁴ Prisak O. The Khazar Kingdom's Conversion to Judaism // Harvard Ukrainian Studies, II. Cambridge; Mass., 1978, p. 261—281.

ному до сих пор вопросу о принятии иудаизма правящей элитой каганата в IX в.

В упоминаемой книге собраны работы по истории Средней Азии до монгольского периода, в частности истории государства Караханидов, прослеживается история карлуков до и после 840 г. Такая периодизация обусловлена той ролью, которую этот тюрко-язычный народ сыграл в VII—X вв. в истории Центральной и Средней Азии. Впервые карлуки упоминаются в китайских источниках VII в. как ветвь древних (орхонских) тюрок. Обитали они на Алтае, между восточными и западными тюрками, и представляли собой конфедерацию из трех племенных групп. Карлуки входили в состав Тюркского, а затем Уйгурского каганата. Их предводители носили последовательно титулы иль-табира, иль-хана, ябгу и кагана (после 840 г.). В период Уйгурского каганата началось усиление карлуков и их продвижение на запад, закончившееся к середине IX в. полным захватом территории тюргешей, включая Семиречье и Восточный Туркестан. После разгрома государства уйгуров в Монголии ябгу карлуков стал законным преемником степных властителей и принял титул кагана. Это привело к смещению центра власти из Центральной Азии в Среднюю, в долину р. Чу. Анализ и сопоставление сведений из арабских источников позволили Прицаку заключить, что Бильге Кюль Кадыр-хан — первый караханидский каган и ябгу карлуков, принявший титул кагана, — одно и то же лицо, и сделать вывод о карлукском происхождении династии Караханидов.

История карлуков после 840 г. по времени совпадает с ранней историей государства Караханидов. При ее рассмотрении Прицак опирался на мусульманские источники, содержащие сведения только о западных Караханидах. Значительное внимание он уделял проникновению ислама в Семиречье и Восточный Туркестан. Некоторые сведения о восточной части государства

Караханидов, где находилась резиденция великого кагана, со-
держатся в китайских хрониках X в. В них нашло отражение
наступление западных Караханидов под знаменем ислама на
Хотан, которое завершилось уничтожением старшей ветви ди-
настии и исламизацией всего Караханидского государства.

Прицаком также была предпринята попытка дать целост-
ное систематическое изложение истории династии Карахани-
дов. Необходимость такой работы была обусловлена тем, что
для предшествующих исследований европейских (включая
русских) авторов характерна ираноцентристская концепция
истории этой эпохи. В центре их внимания находились вопро-
сы, связанные с историей государств Саманидов, Газневидов,
сельджуков, хорезмшахов, а государству Караханидов, нахо-
дившемуся на периферии мусульманского мира, отводилось
второстепенное место. С точки же зрения истории Централь-
ной Азии именно Караханидское государство — законный пре-
емник кочевых империй древних тюрок и уйгуров — имеет
первостепенное значение для понимания такого своеобразного
явления, каким было государственное образование кочевников,
а также взаимоотношений кочевого населения с оседлым.

Кроме того, ученый поставил себе целью исследовать про-
исхождение династии Караханидов и историю ее названий,
исторические события в период с 840 по 992 г. (до завоевания
Бухары) и с 992 г. по 1041—1042 гг. (разделение государства на
Восточно- и Западнокараханидский каганат, их история), воз-
никновение Ферганского каганата и конец династии. При этом
основное внимание им было уделено установлению личности
караханидских правителей и их титулов, а также вопросам
хронологии и генеалогии. Социально-экономические аспек-
ты истории государства Караханидов должны были стать, по
мнению Прицака, предметом дальнейших исследований.

Как заключал исследователь, причиной возникновения
многих спорных вопросов, относящихся к этой эпохе, явля-

ются не только неполнота и неточность сведений о первой мусульманской династии тюркского происхождения, содержащихся в мусульманских источниках, но и непонимание их исследователями мировоззрения и социально-правовых институтов Караханидов, опирающихся на многовековую традицию центральноазиатских кочевых империй. Историческая тюркология, писал Прицак, долгое время находилась в плену мусульманской историографии. Лишь в последние годы (статья была опубликована в 1950 г.) были предприняты попытки использовать результаты исследований по языку, культуре и этнографии тюркских народов для интерпретации их истории, то есть для реконструкции мира древних тюрков, отказавшись от мусульманской или китайской точки зрения.

Касаясь методики исследования некоторых спорных нумизматических, генеалогических и хронологических вопросов, относящихся к середине XI в., историк обращал внимание на существовавшую у Караханидов (и других тюркских династий) многоступенчатую систему санов, в которой каждому сану соответствовал особый титул. Таким образом, смена должности вела к смене титула. Поэтому тюркские титулы типа Арслан-хан, Арслан-тигин и т.д. не могут служить основой для идентификации исторической личности; основой может быть только мусульманское имя того или иного правителя. И наконец, в работе рассматриваются некоторые вопросы истории государства огузских ябгу, которое возникло в Приаралье, предположительно, во второй половине VIII в. Его западными соседями были хазары, северными — кимаки, южными — хорезмийцы, восточными — карлуки. До прихода в Приаралье огузы входили в состав Уйгурского каганата. Падение государства огузов в начале XI в. было обусловлено двумя факторами, считал Прицак: внутренним — возвышением сельджуков и внешним — появлением на исторической арене кипчаков. В результате миграций огузов

после падения их государства возникли две империи: сельджуков и Османская.

В Западной Германии крупнейшим исследователем в области древней истории Центральной Азии и эпохи бронзы был Карл Йеттмар, который с начала 1950-х гг. начал публиковать работы, посвященные ранним кочевникам степных пространств Евразии. Среди них «Археологические следы индогерманцев в Центральной Азии» (1952), «Наиболее древнейшие цивилизации степных пастухов Центральной Азии» (1954), «Металлургия в эпоху ранних степных кочевников» (1971), «Роль политических центров в становлении воинствующих кочевников Центральной Азии» (1981). Наиболее крупной работой Йеттмара в этой области была монография «Ранние степные народы: евроазиатский звериный стиль» (**Jettmar, 1964**). Йеттмар, как это видно по его ранним работам, исходил из тезиса, что следы возникновения европейских народов следует искать в Центральной Евразии. Не являлись ли ранние, дотюркские кочевники предтечами в области материальной и духовной культуры индоевропейских народов, заселивших Европу в бронзовую эпоху? Глубже вторгаясь в суть предмета, Йеттмар пришел к выводу, что цивилизация ранних кочевников была уникальным и самодостаточным явлением. Она явилась предтечей классического номадизма, созданного тюрко-монгольскими кочевниками Евразии уже в нашу эру (**Jettmar, 1952, 1981**). Своеобразным культурным стержнем, пронизавшим обе, разные с этнической и лингвистической точек зрения, цивилизации был так называемый «звериный стиль» (Ч. II. Гл. II. § 1).

Крупным представителем классического востоковедения в послевоенной Германии был Франц Альтхайм, известный, прежде всего, как блестящий источниковед. В конце сороковых годов он издает двухтомную «Всемирную историю Азии в эпоху греческой древности» (**Altheim, 1947—1948**). В этом исследовании уже отчетливо проявляется главная

черта, свойственная Альтхайму как востоковеду: он делает основной упор на доступные для эпохи греческие источники. В 1954 г. Альтхайм совместно с Р. Штайлем выпускает фундаментальную работу «Азиатское государство: феодализм при сасанидах» (Alheim, Steihl, 1954), в которой он не изменяет своему пристрастию к античным первоисточникам, однако работа существенно обогащается благодаря использованию его соавтором восточных, прежде всего из мусульманской историографии, материалов. И наконец, в 1959—1972 гг. Ф. Альтхайм издает главный труд своей жизни — пятитомную «Историю гуннов». Для нас интересен в первую очередь первый том эпопеи — «От возникновения до вторжения в Европу» (Alheim, 1959—1962). К этому исследованию нельзя подходить как к обычному, «описательному» историческому повествованию. Труд Альтхайма перенасыщен цитатами из источников, а точнее, он из них только и состоит. Альтхайм собрал и периодизировал все существовавшие упоминания о гуннах в римских, византийских, ближневосточных, древнеславянских и древнегерманских источниках, присовокупив к этому археологические находки. Тем самым Альтхайм заложил своим монументальным исследованием базу для любых последующих исследований о гуннах (Ч. II. Гл. III. § 1).

К числу исследований, проводившихся в Западной Германии в 1950-е гг. о Казахстане, необходимо отнести небольшую работу Г. Финдейзена «К истории казахско-русских отношений», увидевшую свет в 1958 г. в Аугсбургском институте исследований человека и человечества (этнографии). Финдейзен подробно останавливается на таких деликатных аспектах отношений двух народов, как насильственное завоевание Казахстана Россией, восстания казахов, колонизация, жертвы среди казахов, особенно в сталинское время, во время голода 1921—1922 и 1932—1933 гг., насильственное ис-

пользование труда казахских рабочих на сибирских предприятиях и т.д. (**Findeisen, 1958**).

Большой популярностью в послевоенные десятилетия пользовались описания Баймирзы Хайита (1917—2006), узбека по происхождению, который в годы Второй мировой войны попал в плен и вступил в Туркестанский легион. После войны он остался в Западной Германии, окончил Мюнхенский университет и защитил диссертацию под руководством Г. фон Менде по истории правительств Алаш-Орды и Кокандской автономии; в 1950 г. она была опубликована отдельной брошюрой. В 1950—1980-е гг. Хайит стал известен как чрезвычайно плодовитый советолог, публиковавшийся в ФРГ, Великобритании, Нидерландах и Турции. Широкую известность получили такие его книги, как «Туркестан в XX веке» (**Hayit, 1956**), «Советско-русская политика на примере Туркестана» (**Hayit, 1962**), «Туркестан между Россией и Китаем» (**Hayit, 1971**) и др. Хайит является также автором исследования по истории присоединения Казахстана к России (**Hayit, 1984**). Хайит в течение четырех десятилетий научной деятельности опубликовал свыше 200 работ, основным содержанием которых являлась теория «советского колониализма». Помимо ФРГ Хайит долгое время работал в Турции, где оказал существенное влияние на развитие турецкой антироссийской и антикоммунистической историографии пантюркистского направления. Следует отметить, что его чрезмерная ангажированность и необъективность не раз становились предметом критики не только советских историков, но и западных коллег⁴⁵.

Собранный Хайитом обширный исторический материал в архивах и библиотеках Стамбула, Анкары и Коньи по-

⁴⁵ Подробнее о Б. Хайите см. наше исследование: Лаумулин М.Т. Западная школа среднеазиоведения и казахистики. — Алма-Ата: Гылым, 1992. — С. 33—44.

зволил ему выступить в качестве ориенталиста. С востоковедческой точки зрения представляет безусловный интерес его книга «Туркестан между Россией и Китаем», ставшая широким полотном исторических событий в средней Азии с XIV по XX в. Предложенная Хайитом периодизация истории региона в позднее Средневековье и Новое время выглядит следующим образом: 1-й период — от Тимура до присоединения Младшего жуза к России в начале XVII в., в это время происходила консолидация национальных тюркских государств, что являлось отражением их естественного самостоятельного развития; 2-й период — XVIII—XIX вв., начало и эскалация русской и китайской экспансии, завоевание и раздел Туркестана; 3-й период — вторая половина XIX — начало XX в., национально-освободительное движение тюрок Российской и Китайской империй; 4-й период — 1917—1924 гг. (в Китае до конца 1940-х гг.), возникновение первых национальных государств и их крушение; 5-й период — с середины 1920-х гг., создание в Средней Азии марионеточных псевдогосударств и «советизация» региона. В целом для работ Хайита характерны, с одной стороны, поспешность и максимализм в оценках, склонность к русофобии, идеализация тюркского прошлого, а с другой — обширная источниковая база, энциклопедичность и эмоциональная проникновенность. Распад СССР и образование новых независимых государств позволили этому неординарному ученому вновь посетить родной Туркестан спустя полвека (в частности, он был в Алматы на юбилее Абая в 1995 г.).

В ФРГ во второй половине XX в. продолжали сохранять традиции немецкой исламологии. Под «исламоведением», или «наукой об исламе» — в некоторых университетах говорят даже «науки об исламе» — понимается (согласно определению эрфуртского университетского ученого Э. Рудольфа) совокупность дисциплин, представители которых занимают-

ся изучением исламского мира, в том числе различных его регионов, в культурном и соционаучном аспектах. В организационном плане эти предметы относятся в большинстве своем к более широкой специальной дисциплине — «Востоковедение» и производным от нее университетским семинарам или региональным исследованиям (посвященным, например, Юго-Восточной Азии).

Кафедры исламоведения развивались в ФРГ и существуют сегодня в Бамбергском и Байройтском университетах, Свободном университете и Университете имени Гумбольдта в Берлине, в Боннском университете, Эрлангенско-Нюрнбергском и Галльско-Виттенбергском университетах, а также в университетах Франкфурта-на-Майне, Фрайбурга, Гисена, Гамбурга, Гейдельберга, Йены, Кёльна, Майнца, Мюнстера и Тюбингена.

По сложившейся традиции германское исламоведение имеет, прежде всего, историко-филологическую направленность. Так, в Тюбингенском университете делают особый упор на историю и историю науки, а также на исламскую теологию и философию, особенно шиитскую. В Галльско-Виттенбергском университете сосредоточили свои усилия на изучении истории развития идеологии и политики. Наряду с арабским каждый обучающийся здесь студент должен знать еще один язык народов, исповедующих ислам. Статьи германских ученых по языкознанию, культуре, истории религии или географии мусульманских стран по-прежнему привлекают внимание в мире как одни из самых глубоких и интересных.

Что же касается региональных исследований Ирана, государств Центральной Азии, Южной Азии и Юго-Восточной Азии, то здесь, по словам Э. Рудольфа, германские ученые находятся в сравнении с их коллегами из других стран в роли догоняющих. Это связано с традиционной устремленностью их интересов на страны Переднего Востока, из-за чего

остальной исламский мир представляется им «периферией». Если классическое исламоведение занималось, в зависимости от предмета, филологией, историей, правом и религией, то сегодня все больше возрастает спрос на знания из области политики и экономики, социологии и этнографии.

Отдельно следует сказать о немецких востоковедных учреждениях. Старейшим из них является Германское восточное общество, которое как профессиональная организация германских востоковедов существует с 1845 г. Ее цель состоит в том, чтобы углублять и расширять знания о Востоке и его влиянии на Африку и Азию. С 1947 г. непрерывно выходит журнал Германского восточного общества. Выдающимися изданиями общества стали «*Bibliotheca islamica*» с классическими арабскими текстами и Словарь классического арабского языка. Помимо этого общество занимается каталогизацией всех востоковедческих статей, публикуемых в Германии. В 1961 г. Общество открыло Институт Востока в Бейруте и с тех пор патронирует его работу. Со временем институт превратился в одно из важных научно-исследовательских учреждений, занимающихся всеми вопросами, которые касаются стран Переднего Востока и Центральной Азии, и стал связующим звеном между исследованиями Востока в этих регионах и в Германии.

В 1987 г. у Института Востока появилось отделение в Стамбуле. Перенос научных исследований в Стамбул означал для института существенное расширение стоящих перед ним задач. Получили новый импульс бывшие до этого скорее маргинальными дисциплины — тюркология, османистика и исследование Турции — и вызвали к себе повышенный интерес. Значительно активизировалось также изучение ислама в целом, прежде всего, благодаря возможности пользоваться находящимися в Стамбуле собраниями рукописей и работать в Центральном архиве Османской империи, фонды которого

охватывают период, простирающийся далеко за пределы современной Турции.

Германский институт Востока в Гамбурге был основан в 1960 г. объединением Ближнего и Среднего Востока, то есть коммерсантами, занимающимися торговлей с зарубежными странами. В его правление и попечительский совет входили научные деятели, политики, экономисты и управленцы. Финансирование института осуществляли на паритетных началах федеральная земля Гамбург и Федеральное министерство иностранных дел Германии. Помимо этого привлекаются целевые средства организаций, оказывающих содействие науке.

В сферу научного интереса института входят Северная Африка, Ближний и Средний Восток и Центральная Азия. Его ученые отдают приоритет исследованию внутренней, внешней и экономической политики государств региона, вопросов культурной самобытности, политической системной трансформации и общественных изменений. Еще одной сферой, привлекающей их внимание и интерес, являются социально-экономические проблемы стран региона. Сами сотрудники института выделяют следующие основные направления своих исследований: политические и общественные процессы на Ближнем Востоке (при этом обращают особое внимание на демократизацию); зарождение и развитие региональных и локальных конфликтов; религиозные и этнические факторы как элементы политической и общественной трансформации; государство и экономика в процессе развития; заделы и организации политического и экономического сотрудничества в регионе; политические и экономические связи между странами Ближнего Востока и Европейским Союзом; образование и изменение политических ценностных понятий; права человека.

§ 3. Востоковедение объединенной Германии

Отдельным сюжетом является содержимое немецких музеев, в которых сконцентрированы многочисленные и порой уникальные предметы, имеющие отношение к истории и культуре Центральной Азии. К числу таких музеев относится, безусловно, Музей этнографии в Берлине. Центральноазиатская коллекция музея образует ядро отдела Исламского Востока. В нее вошли предметы, вывезенные когда-то с территории всех нынешних центральноазиатских государств, Восточного Туркестана/Синьцзяна, северных областей Ирана и Афганистана. Музей был основан в 1869 г. этнографом и путешественником Адольфом Бастианом, «отцом немецкой этнологии», который с невиданным энтузиазмом приступил к формированию собрания музея и уже в 1877 г. получил первую партию из 200 предметов из Восточного Туркестана. С 1882 по 1891 г. музей получил 160 предметов из Западного/Русского Туркестана, ставших основой так называемой Бухарской коллекции. Финансирование собрания Берлинского музея стало возможным благодаря созданному в 1902 г. на частные средства фонду Вилли Рикмера-Рикмерса.

Последний, помимо того что передал музею значительные средства, сам принимал активное участие в формировании его центральноазиатской коллекции. В. Рикмер-Рикмерс (1873—1965), происходивший из гамбургской купеческой семьи, много путешествовал по торговым делам и в 1895—1896 гг. совершил поездку через Каспийское море в Бухару. Собранная им Бухарская коллекция состояла преимущественно из таджикских и узбекских украшений, ковров, праздничных одежд, посуды, предметов быта, музыкальных инструментов, ремесленных изделий и т.д. В дальнейшем В. Рикмер-Рикмерс совершил еще четыре путешествия по региону вплоть до Памира, которые существенно пополнили

переданную им Берлинскому музею этнографии коллекцию, состоявшую в целом из 1 500 экземпляров.

С 1902 по 1914 г. Берлинский музей организовал четыре экспедиции в Восточный Туркестан (Турфанскую долину) под руководством Альберта Грюневельда и Альберта Лекока, которые привели к сенсационным находкам в Турфанском оазисе. Благодаря сухому климату в этом районе до нашего времени дошли в сохранности уникальные находки (рукописи, рисунки, деревянные статуэтки), которые проливали свет на движение буддизма из Индии далее на восток в Китай. Данная коллекция стала позднее основой созданного в 1963 г. Музея индийского искусства. В 1928 г. собрание вновь пополнилось благодаря совместной германо-советской Алтайско-Памирской экспедиции.

Полностью центральноазиатская коллекция Берлинского музея этнографии никогда не демонстрировалась. Этому помешали начатое перед Первой мировой войной строительство нового здания, затем сама война. Во Второй мировой войне музей понес значительные потери, было полностью разрушено его здание, часть коллекции безвозвратно потеряна. После войны научная и выставочная работа начала постепенно восстанавливаться, объекты извлекались из многолетнего пребывания в хранилищах и бомбоубежищах, появились новые экземпляры в собрании. В 1978 г. часть коллекции, вывезенная после войны в Ленинград, была возвращена Советским Союзом, но не в Берлинский музей, а была передана в распоряжение Лейпцигского музея этнографии (ГДР). После объединения Германии стало возможно воссоединить части центральноазиатской коллекции. Максимально полные выставки, но не абсолютно, с участием всех объектов Берлинский музей смог организовать в 1978 г. («Бухара в 1900 г.») и в 1993 г. — выставку коллекции туркменских ковров по случаю 7-й Международной конференции восточных ковров в Бер-

лине. В 1995—1997 гг. совместно со Штутгартским музеем этнологии была организована выставка «Наследие Великого Шелкового пути», на которой демонстрировалась значительная часть центральноазиатской коллекции Берлинского музея. В настоящее время Берлинский музей состоит из нескольких музеев: исламского искусства, искусства Восточной Азии и индийского искусства, которые все вместе представляют собой часть государственных музеев прусского культурного наследия (**Dombrowski, 1999**).

Другим сравнительно крупным, но молодым музеем с центральноазиатской коллекцией является музей этнографии в Штутгарте (Линден-музей). Диапазон коллекции охватывает предметы, относящиеся к середине II тысячелетия и вплоть до современности. Музей был основан в 1974 г., и первым директором музея стал Йоханн Кальтер. Создание центральноазиатской коллекции стало возможно в результате проведенной в 1961—1962 гг. научной западногерманской экспедиции в Северный Афганистан; найденные предметы стали ядром коллекции. В 1974 г. она насчитывала их около 2 000. До 1978 г. коллекция пополнялась в основном за счет экспедиций в Афганистан. Ее дебютом стала организованная музеем в 1983 г. выставка «Из степей и оазисов: картина туркестанского искусства» (**Kalter, 1983**). Следующей крупной выставкой стало «Наследие Великого Шелкового пути», о которой говорилось выше (**Kalter, Pavaloi, 1995**). Руководство Линден-музея в Штутгарте считает наиболее ценными объекты центральноазиатской коллекции, среди которых большое количество текстиля, ковров, украшений и керамики, сделанная из ковров праздничная ширма для приемов, относящаяся к 1870 г., и арба первой половины XX в. Создатель этой коллекции и первый директор Линден-музея профессор Й. Кальтер считает, что музей в Штутгарте, как и другие музеи, имеющие в своих собраниях центральноазиатские коллекции,

выполняют функции спасения свидетельств ушедшей в прошлое культуры. После распада СССР новые независимые государства региона, считает немецкий ученый, переживают драматическое крушение культуры, а также научной системы сохранения ее исторического наследия (**Kalter, 1998**). По-видимому, по этим соображениям Й. Кальтер предпринял в рамках публикаторской деятельности Линден-музея издание ряда научно-популярных иллюстрированных альбомов на базе коллекции Штутгартского музея, а также в сотрудничестве с другими музеями Европы. Были изданы в виде альбомов уже упоминавшиеся выставки «Из степей и оазисов» (**Kalter, 1983**), «Наследие Великого Шелкового пути» (**Kalter, Pavaloi, 1995**), а также прекрасный альбом «Сады ислама», включавший не только среднеазиатский материал, хотя он и составлял ядро альбома, но и произведения искусства других регионов (**Forkl, Kalter, Leisten, Pavaloi, 1995**).

В Гамбургском музее этнографии также имеется коллекция предметов из Средней Азии и Казахстана. В ее основу легли предметы, вывезенные в ходе германской научной экспедиции в Туркестан в начале XX в., а также часть так называемой фотоколлекции Дудина. Большой интерес представляет парадная восьмиканатная юрта из Южного Казахстана, которая в настоящее время лежит в запасаниках. Туркестанская коллекция находится под эгидой Европейского отдела музея.

Среди исследований о ранних степных имперских образованиях и их отношениях с Европой следует назвать книгу Вальтера Поля «Авары: степной народ в Центральной Европе» (**Pohl, 1988**). Другим крупным исследованием, посвященным культуре Центральной Азии, стал коллективный труд под ред. Х. Бехерта и Р. Гобриха «Буддизм» (**Bechert, Gombrich, 1995**). В современной Германии также активно

продолжает развиваться исламология, в первую очередь в Германском институте Востока (директор — Удо Штайнбах). Под его редакцией в 1996 г. вышла коллективная монография «Ислам в современности». Крупным историческим исследованием в этой области является книга Герхарда Эндреса «Ислам: введение в историю» (**Endreß, 1997**). Крупным знатоком исламской проблематики является Тильман Негель, автор таких книг, как «Укрепление веры» (1988) о победе исламского рационализма в XI в., «История исламской теологии» (1994) и «Коран» (1998). Одна из его книг непосредственно затрагивает историю Центральной Азии — «Тимур-завоеватель и исламский мир в позднее средневековье» (**Nagel, 1993**). К числу последних источниковедческих работ относится книга М. Мюнклер «Марко Поло: жизнь и легенда», в которой немецкая исследовательница анализирует знаменитое путешествие венецианца в Центральную Азию и его воспоминания о нем с точки зрения новейших знаний науки об этой эпохе и пытается отделить правду от вымысла (**Münkler, 1998**).

К числу современных германских изданий о регионе, имеющих значение с точки зрения ориенталистики, относятся различные историко-культурные и искусствоведческие обзорные публикации. Среди последних можно назвать путеводитель («Центральная Азия», 1998) по памятникам истории и культуры пяти центральноазиатских республик, принадлежащий К. Пандеру. Автор освещает историю, религии и исламскую культуру, особенно искусство и архитектуру. Все это дается с точки зрения взаимосвязи региона на цивилизационном уровне с соседними странами. Особое внимание автор уделяет истории суфизма, его истокам и влиянию этого учения на мировую культуру и показывает читателям комплекс Ходжи Ахмета Ясави в Туркестане. Цель данной книги — приблизить европейского читателя к пониманию истории

и культурной идентичности региона. К. Пандеру это вполне удалось (**Pander, 1998**).

Концентрированным выражением развития взглядов на центральноазиатскую историю в объединенной Германии можно назвать «Всемирную историю» (1996), в которой две обширные главы посвящены истории региона: «Центральная Азия в античность и средние века» (**Paschke, 1996, S. 281—293**) и «Центральная Азия со времени господства Чингис-хана и до конца Второй мировой войны» (**Paschke, 1996, S. 650—660**). Для изложения истории региона в этом издании характерен проблемный подход; авторы дробят историю Центральной Азии на основные сюжеты, содержащие главную идею того или иного периода. Так, проблему древнейшей (до первого тысячелетия н.э.) истории региона авторы понимают как проблему вторичного пересказа. Западная точка зрения на историю ранних кочевников и их отношений с китайскими государствами целиком зависит от источников китайского происхождения и, следовательно, требует тщательного подхода. Это не относится к той территории Средней Азии, которая попала под влияние эллинистической культуры. Отдельно выделяется в немецком издании история Таримского бассейна как своеобразная и загадочная terra incognita, на которой когда-то существовала высокоразвитая, если судить по дошедшим до нашего времени разрозненным памятникам культуры, цивилизация. Территорию Джунгарии авторы считают исходным пунктом великого переселения народов. В издании отмечается значение Великого Шелкового пути как источника знаний о Центральной Азии на Западе. Авторы выделяют великую Кушанскую империю, созданную восточноиранскими кочевниками. Ее историческое значение состоит в том, что именно благодаря ей буддизм приобрел статус государственной религии и получил импульс к дальнейшему распространению.

В отдельный важный сюжет авторы «Всемирной истории» выделяют историю сюнну, однако также с точки зрения геополитической угрозы Китаю со стороны этого народа. Гуннская эпопея излагается в интерпретации согдийских купцов Средней Азии. В этой связи отмечается, что уже при гуннах начался процесс наложения на восточноиранский субстрат Согдианы нового тюркского этнообразующего элемента. Наследниками гуннской империи авторы считают жуань-жуаней в западной части Центральной Азии и эфталитов — в восточной. Однако высшей точкой и исходным пунктом великой Тюркской империи стала Центральная Азия в VI в. Тюркская империя простиралась от Джунгарии до Чёрного моря. Отмечается, что на протяжении столетий тюркские ханы регулярно обменивались посольствами с Западом. Особым отличительным знаком эпохи великой Тюркской империи авторы этого популярного немецкоязычного труда считают распространение среди тюрков христианства несторианского толка. С описанием христианства, буддизма и их памятников в регионе, включая Афганистан, авторы постепенно переходят к изложению истории региона как борьбы и смены религий как знаковых символов смены цивилизаций. Борьба между арабами и китайцами за обладание Центральной Азией переросла в борьбу между исламом и предшествующей культурой. После победы арабов в регионе получило начало процесс создания исламских тюрко-иранских государств, который продолжался с середины VIII до начала XIII в. и был прерван монгольским вторжением. Эпоха Караханидов авторами характеризуется как эра великой культуры в истории Центральной Азии и тюркского мира. В этот период тюркские племена выступают в роли распространителей ислама далее на юг, завоевав в ходе длительных экспедиций Пенджаб и Северную Индию.

Монгольскому периоду в немецком издании «Всемирной истории» придается достаточно большое значение; просле-

живается история Монгольской империи от ее объединения при Чингис-хане, раздел между наследниками и последующий распад. Авторы отмечают, что длительное время движущей силой сохранения и дальнейшей экспансии Монгольской империи было так называемое политическое завоевание Чингис-хана, в котором он завещал провести и завершить завоевания своим наследникам на западе и на юге. Подготовку к западной, европейской кампании авторы сравнивают с планом современного генерального штаба. В этом издании приводится мысль, что с переездом великого кагана Хубилая в Пекин Монголия и вместе с ней вся Центральная Азия теряют свое значение как центр сосредоточения власти мировой империи. Однако в степях современного Казахстана, отмечают авторы, происходило — усилиями монголов и тюркских племен — дальнейшее развитие государственной идеи Чингис-хана. В последующие столетия на территории Восточного Туркестана происходил процесс противостояния между монгольскими и тюркскими племенами, в основе которого, как считают авторы, лежало различие в религиях. Религия также выступала движущей силой на востоке империи, где разворачивалась борьба между русскими христианскими княжествами и мусульманской Золотой Ордой.

Наследником и продолжателем монгольской империи авторы книги называют Тимура, ошибочно идентифицируя его как тюрка. Чтобы придать своему правлению легитимность, Тимур восстановил формальную власть великого хана, оставив себе скромный титул бека. Авторы приводят любопытную гипотезу о том, что Бесарабия обязана своим названием правившим от имени Орды князьям Бассараб, чей титул, ставший именем собственным, имеет явное монгольское происхождение. Относительно дальнейшей судьбы империи Тимура авторы отмечают, что ее крушение было предрешено смертью великого завоевателя, так как она создавалась

исключительно силой оружия и не имела цементирующего начала в экономике или в законодательстве. Это было ее главное отличие от Монгольской державы. Огромный исторический период, последовавший после смерти Тимура, авторы излагают как единый исторический отрезок вплоть до середины XX в. Смерть Тимура была концом исторической эпохи попыток создания мировой империи на основе кочевых племен. Завоевание Индии Бабуром было последним отражением этого процесса. Фактически империя Чингис-хана сократилась до размеров Белой Орды от Южного Урала до верховьев Иртыша. Процесс выключения Средней Азии из мировой политики сопровождался ее выключением из мировой торговли. Регион вернулся в мировую политику уже не в активной форме, а как объект завоевания Российской и Китайской империями. В 1724 г. китайские войска подавили, пишут авторы, последнюю попытку ойратских племен во главе с Галданом возродить прежнюю Монгольскую империю. Последней попыткой создать тюркское государство в традициях Средневековья авторы считают антикитайское восстание в Таримском бассейне и провозглашение Якуббека ханом и ходжой в 1862 г. Последняя тюрко-исламская держава просуществовала всего одиннадцать лет. После его падения исторические и цивилизационные пути Западного и Восточного Туркестана разошлись. Таков взгляд на историю Центральной Азии современных немецких историков.

После образования независимых государств в Центральной Азии немецкие ученые-востоковеды, археологи и этнографы активизировали свою деятельность по изучению региона и его древней и средневековой истории. Одним из примеров такого сотрудничества можно назвать совместную киргизско-немецкую археологическую экспедицию в Сюттубулаке. Экспедиция начала работу в 1995 г. в Нарынской области, где осуществила раскопки курганов сакского периода,

относящихся примерно к VII—V вв. до н.э. Вторая группа курганов относилась к I—V вв. (раннетюркский период), третья — к эпохе Тюркского каганата (VI—X вв.) и последняя — к монгольской и постмонгольской эпохе (XIII—XIV вв.). Немецких специалистов из Германского археологического института (Берлин) заинтересовала динамика изменений содержимого курганов на протяжении длительного исторического периода (см. Anke, 1999). Экспедиция проработала четыре полевых сезона и обнаружила в результате раскопок несколько тысяч предметов.

Возросший интерес к центральноазиатским государствам после получения независимости со стороны немецких культурных кругов выразился также в издании с 1998 г. журнала «Окус» (Франкфурт-на-Майне), редакционная коллегия которого объединила подлинных энтузиастов среднеазиатской культуры — Р. Сандера, Э. Гюная, А. Вернера, Б. Эшмент, К. Гробе-Хагеля, К. Каля, Г. Каллей, профессора К. Пандера и др. На его страницах публикуются работы не только немецких ученых — специалистов по истории и культуре региона, но и труды представителей культуры и науки Центральной Азии. Среди почитателей средневековой поэзии Центральной Азии, представленных на страницах «Окуса», даже редактор одной из самых популярных немецких газет «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» В.Г. Лерх, дебютировавший в этом журнале со статьей о поэзии Бухары и Самарканда XI—XV вв., которую он считает «вершиной человеческой культуры».

В настоящее время изучение Центральной Азии в Германии сконцентрировалось в следующих институтах и осуществляется рядом специалистов в сфере востоковедения, политологии и культурологии: в Берлинском университете им. Гумбольдта — И. Бальдауф (тюркское языковедение и исламология), Б. Эшмент (политология и современные со-

циально-этнические процессы в Казахстане); в Германском обществе внешней политики — А. Рар (геополитика, внешняя политика СНГ и Центральной Азии, Каспийское море); в Институте этнологии им. Макса Планка в Галле — П. Финке (казахская филология); во Франкфуртском университете — М. Кирхнер (тюркология и казахский язык); в Федеральном институте восточноевропейских и международных исследований — У. Хальбах (политология); в Мюнхене — М. фон Гумпенберг (внутриполитическое развитие Казахстана), в Центре европейской интеграции в Бонне — П. Вичорек (становление демократии в Казахстане); в Гамбургском институте востоковедения — У. Штайнбах (ислам, Средний Восток и тюркский мир, проблемы безопасности). Кроме того, спорадически исследования по Центральной Азии и Казахстану появляются в других институтах, напрямую не связанных с этой областью.

* * *

Таким образом, германское востоковедение пережило в своем развитии драматическую историю. Являясь неотъемлемой частью западноевропейской науки до начала XX в., немецкое востоковедение в то же время обладало собственными специфическими чертами, о которых мы говорили выше. Они были связаны в первую очередь с отсутствием у Германии колониального опыта. Этот фактор имел чрезвычайно важное положительное значение: получили мощный толчок теоретические исследования. В результате немецкая наука заняла лидирующие позиции в таких областях, как тюркология, культурология, сравнительное языкознание, исламоведение, геополитика. Несомненно то колоссальное влияние, которое оказала немецкая ориенталистика на разви-

тие востоковедения в Центральной, Восточной и Северной Европе и России.

Однако в XX столетии немецкая наука пережила ряд серьезных потрясений, вызванных социально-политическими катаклизмами: мировыми войнами и революцией, установлением диктатуры, разделом страны, идеологической конфронтацией и затем объединением. Фактически, немецкая наука пережила в уходящем столетии три чистки: при фашистском режиме, после войны при сталинистском режиме ГДР и оккупационных властях в Западной Германии, а затем со стороны западногерманских властей в отношении восточногерманской науки после объединения страны. Все это не могло не сказаться на развитии востоковедения. Однако, несмотря на все исторические катаклизмы, современная востоковедная наука в Германии стоит на прочных позициях в сравнении с аналогичными дисциплинами в Великобритании и Франции, переживает естественную смену поколений, совпавшую с объединением страны, и налаживает сотрудничество со странами, лежащими к востоку. Центральная Азия, Ближний и Средний Восток, Южная Азия и Китай по-прежнему остаются в сфере внимания немецких исследователей и политиков. Это обещает продолжение центральноазиатских исследований и появление интересных работ уже в новом столетии.

**Источники и литература к теме
«Тюркология и среднеазиатские исследования
в Германии»**

- Albrecht M. Russisch-Zentralasien. — Hamburg, 1896.
Altheim F. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter.
2 Bde. — Tübingen, 1947—1948.

Altheim F. Geschichte der Hunnen. 5 Bände. — Berlin: Walter de Gruyter, 1959—1962. I. Band Von den Anfängen bis zum Einbruch in Europa. 1959. — 463 S.

Altheim F., Steihl R. Ein asiatischer Staat: Feudalismus unter Sasaniden. — Wiesbaden: Harrasowitz, 1954. — 298 S.

Anhagen O. Die Landwirtschaft in Transkaspien. — Berlin, 1905.

Anke B. Eine Fundgrube für Archäologen: Zwischenbilanz nach vierjährigem deutschem Engagement in Kirgistan // Oxus. N 1. 1999, S. 33—36.

Asian und North African Studies in the German Democratic Republic: Traditions, Positions and Findings. Ed. By G.Borthel, L.Rathmann, M. Robbe. — Berlin: Akademie Verlag, 1986. — 138 S.

Aslanapa O. Türkische Miniaturmalerei am Hofe Mehmet des Eroberers in Istanbul // Ars Orientalis. 1954. Bd.1, S. 77—84.

Aslanapa O. Türkische Miniaturmalerei am Hofe Mehmet des Eroberers in Istanbul // Ars Orientalis. 1954. Bd.1, S. 77—84.

Babinger F. Beiträge zur Frühgeschichte der Türkenherrschaft in Rumelien (14.-15. Jahrhundert) // Südosteuropäischen Arbeiten (Brünn-München-Wien). 1944. Bd. 34

Bang W. Monographien zu türkischen Sprachgeschichte. — Heidelberg, 1918.

Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung // Turan. 1918. Bd. 2. S. 289—310, 516—540.

Bang W. Zu den türkischen Zeitbestimmung // Turan. 1918. Bd. 2, S. 91—96.

Bang W. Aus dem Leben der Türkspachen // Festschrift für Friedrich Hirth zu seinem 75. Geburtstag 16 April 1920. — Berlin, 1920. — S. 22—35.

Bang W. Türkologische Briefe aus dem Berliner Institut // Ungarische Jahrbücher. 1925. Bd. 5, S. 41—48, 231—251, 392—410; 1927. Bd. 7, S. 36—45; 1930. Bd. 10, S.16—26; 1932. Bd. 12, S. 90—104; 1934. Bd. 14, S.193—214.

Barthold W. Zur Geschichte des Christentums in Mittelasien bis zur mongolischen Eroberung. — Tübingen, Leipzig, 1901.

Barthold W. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Die Welt des Islams. Bde.14—17. — Berlin, 1937.

Bechert H., Gombrich R. (Hrsg.) Der Buddhismus. Geschichte und Gegenwart. — München: C.H. Beck, 1995. — 400 S.

Benzing J. Das turkestanische Volk im Kampf um seine Selbstständigkeit // Die Welt des Islams. 1937. Bd. 19, S. 93—137.

Benzing J. Bolschewismus, Türkvölker und Islam // Osteuropa. 1937—38. Bd.13, S. 187—194.

Benzing J. Turkestan. — Berlin, 1943.

Benzing J. Die türkvölker der Sowjetunion // Der Orient in deutscher Forschung. Hrsg. von H.H. Schraeder. — Leipzig, 1944. — S.18—26.

Beufey Th. Geschichte der Sprachwissenschaft und der orientalischer Philologie in Deutschland seit dem Anfang des 19. Jhs. mit einem Rückblick auf die früheren Zeiten. — München, 1869.

Brentjes B. Die oientalische Welt. Von den Anfängen bis Tschingis-Khan. — Berlin: VEB, 1970. — 524 S.

Brentjes B., Albaum L.I. Wächter des Goldes. Zur Geschichte und Kultur mittelasiatischer Völker vor dem Islam. — Berlin: VEB, 1972. — 280 S.

Brentjes B. Zur früheren Kunst der Nomadenvölker Zentralasiens: Überlegungen und Hypothesen // Asien, Afrika, Lateinamerika. 1974. Bd. 2, S. 614—624.

Brentjes B., Rührdanz K. Mittelasien. Kunst des Islam. — Leipzig: Seemann, 1979. — 400 S.

Brentjes B. Kulturhistorische Probleme Südasiens und Zentralasiens. — Berlin, 1984.

Brentjes B., Albaum L.I. Herren der Steppe. Zur Geschichte und Kultur mittelasiatischer Völker in islamischer Zeit. — Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaft, 1986. — 192 S. (3. Auflage).

Brockelmann C. Altturkestanische Volkweisheit // Ostasiatische Zeitschrift. 1920. Bd.VIII. H. 1—4, S. 49—73.

Brockelmann C. Altturkestanische Volkspoese // Asia Mayor. Intr. Vol. London, 1922, S. 1—2; 1922. Vol. II, S. 110—124.

Brockelmann C. Geschichte der islamischen Staaten und Völker. — München, 1939.

Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. — Leiden: Brill, 1954. — 429 S.

Carpini J.v. P. Geschichte der Mongolen und Reisebericht. 1245—1247. Übersetz. von F.Risch. — Leipzig, 1930.

Dombrowski G. Die Zentralasien-Sammlung im Museum für Völkerkunde Berlin // Oxus. N 1. 1999, S. 60—63.

Dschangir, Chan der inneren Horde der Kirgis-Kaisaken // Das Ausland. 1844. Bd. 17, S. 711—712.

Eberhardt W., Boratow P.N. Typen türkischer Volksmärchen. — Wiesbaden, 1953.

Einige Nachrichten über das Volk der Kirgis-Kaisaken // Das Ausland. 1837. Bd. 10, S. 1205—1215.

Einige Sitten und Gebräuche der Kirghizen im Gebiete Semipalatinsk // *Globus*. 1881. Bd. 29, S. 90—111.

Endress G. *Der Islam. Eine Einführung in seine Geschichte.* — München: C.N.Beck, 1997. — 324 S.

Engelbrecht Th.H. *Landwirtschaftlicher Atlas des Russischen Reiches in Europa und Asien.* — Berlin, 1916.

Erman G.A. *Travels in Siberia. Tr. From German. Vols. 1—2.* — London, 1848.

Etsel A.v. *Reisen in den Steppen und Hochgebieten Sibiriens und der angrenzenden Länder Central-Asiens.* — Leipzig, 1864.

Eversmann E. *Reise von Orenburg nach Buchara.* — Berlin, 1823.

Expedition zur Untersuchung des Schwarzen Irtysh // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. 1865. Bd. XXIV.

Falkenstein A. (Hrsg.) *Denkschrift zur Lage der Orientalistik.* — Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1960.

Findeisen H. *Zur Geschichte der kasachisch-russischen Beziehungen.* — Augsburg: Institut für Menschen und Menschheitskunde (N 255), 1958. — 25 S.

Finsch O. *Reise nach Westsibirien im Jahr 1871.* — Berlin, 1879.

Forkl H., Kalter J., Leisten Th., Pavaloi M. *Die Gärten des Islams.* — Stuttgart: Lindenmuseum, 1993. — 338 S. + 646 Abb.

Franke O. *Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvölker und Skythen Zentralasiens // Abhandlungen der königlich-preussischen Akademie der Wissenschaften.* — Berlin, 1904. N 1.

Fück J.W. *Die arabische Studien in Europa.* — Leipzig, 1955.

Fuhrmann F. *Die Kirgisen und ihr Leben // Globus.* 1869. Bd. 15, S.180—183.

Gabain A. von *Steppe und Stadt im Leben ältesten Türken // Der Islam.* 1949. Bd. 29. H. 1; S. 30—62.

Gabain A. von *Alltürkisches Schriftum.* — Berlin: Akademie Verlag, 1950. — 24 S.

Gabain A. von *Alltürkische Grammatik.* — Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1974.

Gabain A. von *Einführung in die Zentralasiatischekunde.* — Darmstadt, 1979. — 186 S.

Gabain A. von *Ohnmacht und Macht der Kasachin; eine Subjektiv-Literarische Studie // Central Asiatic Journal.* 1981. Vol. XXV. N 1—2, pp. 54—65.

Gabain A. von Die heutigen Kasachen // *Studia Turkologica Memoriae Alessio Bombacci dicata.* — Naples, IUO, 1982, pp. 205—217.

Gmelin J.G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Bände 1—4. — Göttingen, 1951—52.

Goldziher I. Muhammedanische Studien. T. I—II. — Halle, 1888—1890.

Goldziher I. Vorlesungen über den Islam. Bd. 1—2. — Heidelberg, 1910—1925.

Grobe-Hagel K. Das Geschick der Russen zu kolonisieren // *Oxus.* N 1. 1999, S. 76—69.

Grobe-Hagel K. Despotie musste die Folge sein: Turkestans Wirtschaft zur Kolonialzeit und die Integration in Europas Ökonomie // *Oxus.* N 2. 1999, S. 53—54.

Haenisch E. Die Kulturpolitik des mongolischen Weltreichs. — Berlin, 1943.

Häusler A. Skythen und frühe euroasiatische Steppenvölker // *Das Altertum.* 1981. Bd. 27. H. 1, S. 49—54.

Häusler A. Der Kurgan Issyk — ein Denkmal der Saken // *Das Altertum.* 1983. Bd. 29. H.2, S. 104—112.

Hafez K. Orientwissenschaft in der DDR: zwischen Dogma und Anpassung, 1969—1989. — Hamburg: Deutsches Orientinstitut, 1995. — 548 S.

Hambly G. (Hrsg.) Zentralasien. — Frankfurt a.M., 1966.

Hartmann M. Der Islamische Orient. Bd. I—X. — Berlin, 1899—1910.

Hayit B. Turkestan im XX Jahrhundert. — Darmstadt: Leske Verlag, 1956. — 406 S.

Hayit B. Sowjetrussische Orientpolitik am Beispiel Turkestans. — Köln, Berlin: Kirpenheuer und Nitsch, 1962. — 289 S.

Hayit B. Turkestan zwischen Russland und China. — Amsterdam: Philo Press, 1971. — 415 S.

Hayit B. Some Reflections on the Subject of Annexation of Turkestani Kazakhstan by Russia // *Central Asia Survey.* 1984. Vol. 3. N 4, pp. 61—75.

Hellwald F.V. Centralsien. Landschaften und Völker in Kaschgar, Turkestan, Kaschmir und Tibet. — Leipzig, 1875.

Herbst H. (Hrsg.) Der Bericht des Franziskaners Wilhelm von Rubruck über seine Reise in das Innere Asien in den Jahren 1253—1255. — Leipzig: Griffel, 1925. — 200 S.

Heyfelder O. Transkaspien und seine Eisenbahn. — Hannover, 1888.

Hinz W. Qullestudien zur Geschichte der Timuriden // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1936. Bd. 90, S. 357—398.

Hirth F. Chinesische Studien. Bd. I. — München, Leipzig, 1890.

Hirth F. Die Länder des Islam nach chinesischen Quellen // Toung Pao. 1894. Suppl. Vol.V.

Hötzsch O. Russisch-Turkestan und die Tendenzen der heutigen russischen Kolonialpolitik // Schmollers Jahrbuch. 1913. Bd. XXXVII, S. 903—941, 1427—1473.

Hottinger J.H. Historia Orientalis quae ex variis orientalium monumentis collecta. — Tiguri, 1760.

Houtsma M.Th. Ein türkisch-arabisches Glossar. — Leiden, 1894.

Humboldt A.v. Asie Centrale. Recherches sur les chaines de montagnes et la climatologie comparie. T. 1—3. — Paris, 1843.

(Die) innere Kirgisenhorde // Das Ausland. 1842. Bd.15, S. 682—683.

Jacob G. Studien in arabischen Geographen. — Berlin, 1892.

Jettmar K. Archäologischen Spuren von Indogermanen in Zentral-Asien // Paideuma. 1952. Bd. 5, S. 236—254.

Jettmar K. Die frühen Steppenvölker. Der euroasiatische Tierstiel. — Baden,Baden: Holle, 1964. — 275 S.

Jettmar K. Die Bedeutung politischer Zentren für die Entstehung der Reiternomaden Zentralasiens // Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart. — Berlin: Akademie Verlag, 1981. — S. 49—70.

Junge R. Das Problem der Europäisierung orientalischer Wirtschaft. Dargestellt an den Verhältnissen der Sozialwirtschaft von Russisch-Turkestan. I-er Bd. — Weimar: Kiepenheuer, 1915. — 516 S.

Kalter J. Aus Steppe und Oase — Bilder turkestanischer Kulturen. — Stuttgart: Lindenmuseum, 1983. — 167 S.+188 Abb. / Idem. The Arts and Crafts of Turkestan. — London, 1984. — 167+188 pp.

Kalter J., Pavaioli M. Erben der Seidenstraße — Usbekistan. — Stuttgart: Lindenmuseum. 1995. — 368 S. / Idem. Heirs to the Silk Road — Uzbekistan. — London, 1997. — 360 p.

Kalter J. Linden-Museum Stuttgart // Oxus. N 1. 1998, S. 31—33.

Karger A. Historisch-Geographische Wandlungen der Weidewirtschaft in den Trockengebieten der Sowjetunion am Beispiel Kasachstans // Weidewirtschaft in Trockengebieten. Hrsg von R. Knapp. — Gießen, 1965, S. 37—49.

Karutz R. Von kirgisischer Hochzeit und Ehe auf Mangyschlak // Globus. 1910. Bd. XCVII. N 3, S. 37—43.

- Karutz R. Unter Kirgisen und Turkmenen. Aus dem Leben der Steppe. — Berlin, Leipzig: Klinkhardt und Biermann, 1911. — 151 S.
- Karutz R. Die Völker Nord- und Mittel-Asiens. — Stuttgart: Franckhische Verlagshandlung, 1925. — 120 S.
- (Die) Kirgisen (nach A.Lewschin und Göbel) // Taschenbuch zur Verbreitung geographischer Kenntnisse. 1842. Bd.20, S. 26—75.
- Kirgisische Volksdichter und -Sänger // Das Ausland. 1890. Bd. 63, S. 645—647.
- Kittary M. Das Lager des Chans der inneren Kirgisenhorde // Das Ausland. 1849. Bd. 22, S. 1097—1184.
- Klaproth J. Archiv für asiatische Literatur, Geschichte und Sprachkunde. Bd.1. — StP, 1810.
- Klaproth J. Asia Poliglota. — Paris, 1823.
- Klaproth J. Sur la langue des Kirghiz // Journal Asiatique. 1825. T. 7, pp. 321—344.
- Klaproth J. Magazine Antique ou revue régraphique et historique de l'Asie Centrale. Vols. 1—2. — Paris, 1825—1826.
- Klaproth J. Tableaux historique de l'Asie. — Paris, 1826.
- Klaproth J. La langue de Kirghiz // Revue orientale et américaine. 1878. N. S. T. 2, pp. 227—238.
- Köppen P.v. Die dem Russischen Reiche unterworfenen Kirgisen // Petersmanns Mitteilungen. 1858. Bd. 4, S. 496—501.
- Krahmer G. Russland in Mittelasien. — Leipzig: Zuckschwerdt, 1897. — 180 S. (Reprint: Münster, Hamburg: LIT-Verlag, 1997).
- Krahmer G. Das Transkaspische Gebiet. — Berlin, 1905.
- Kremer A.v. Geschichte der herrschenden Ideen des Islam. — Leipzig, 1868.
- Le Coq A.v. Von Land und Leuten in Ostturkestan. — Berlin: Akademie Verlag, 1981. — 183 S.
- Le Coq A.v., Schmidt E. Ein chinesisch-türkischer Erlass aus Tuyak (Oase von Turfan) in Ostturkestan // Asia Mayor. 1925. Vol. II. Fasc. 1, S. 272—276.
- Leunclavius J. Annales Sultanorum Othmanidarum. — Francfordi, 1588.
- Leunclavius J. Historiae Musulmanae Turcicorum de monumentis ipsorum exscriptae libri XVIII. — Francfordi, 1591.
- Lewski B. Russland in Asien. — Berlin, 1895.
- Machatschek F. Die russische Herrschaft in Turkestan // Geographische Zeitschrift. 1918. Bd. 24, S. 1—22.
- Machatschek F. Landeskunde von Russischen Turkestan. — Stuttgart: Engelharns, 1921. — 348 S.

Marquart J. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. — Leipzig, 1898.

Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840—940). — Leipzig, 1903.

Marthe F. Die Reise Walichanofs nach Kaschgar // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde. 1870. Bd. 5, S. 151—180.

Meckelein W. Wesen und Wandlungen des Nomadenlandes in nordwestlichen Kaspri-Randgebiet // Die Erde. 1951—1952. Bd. III, S. 339—353.

Mende G. v. Der nationale Kampf der Russland-Türken. Ein Beitrag zur nationalen Frage in der Sowjetunion. — Berlin: Weidmaniche Buchhandlung, 1936.

Mende G. v. Studien zur Kolonization in der Sowjetunion // Quellen und Studien, Osteuropainstitut. Abteilung Wirtschaft. N.S. 1933. N 11.

Menzel Th. Der I. Türkologischer Kongress in Baku // Der Islam. 1927. Bd. XVI. H. 1—2, S. 1—76.

Münkler M. Marco Polo. Leben und Legende. — München: C.N. Beck, 1998. — 125 S.

Nagel T. Timur der Eroberer und die islamische Welt des späten Mittelalters. — München: C.N. Beck, 1993. — 533 S.

Neubert H. Nomadeneinhaltung und Karakulschafzucht in Kasachstan // Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart. — Berlin: Akademie Verlag, 1981. — S. 127—131.

Neumann K. Die Kirgis-Kasaken und ihre Stellung zu Russland // Das Ausland. 1857. Bd. 30, S. 1201—1233.

Nöldeke Th. Geschichte des Qorans. — Göttingen, 1860 (Aufl. T. 1. — Leipzig, 1909; T. 2. — Leipzig, 1919; T. 3. — Leipzig, 1938). (Die) nordliche Kirgisensteppe // Das Ausland. 1858. Bd. 31, S. 429—431.

Olzscha R., Gleinow G. Turkestan: die politisch-historischen und wirtschaftlichen Probleme Zentralasiens. — Leipzig: Köhler und Amelang, 1942.

Pander K. Zentralasien. Kunst-Reiseführer. — Köln: DuMont, 1998. — 384 S.

Paschke U.K. (Hrsg.) Weltgeschichte. Von der Urzeit bis zur Gegenwart. — Erlangen: Karl Müller Verlag, 1996. — 816 S.

Petri E. Über die Rechtsbegriffe der Kirgisen // Das Ausland. 1881. Bd. 59, S. 70—71.

- Petzholdt A. Turkestan. Auf Grundlage einer im 1871 unternommenen Bereisung des Landes. — Leipzig: Schlicke, 1874. — 88 S.
- Petzholdt A. Umschau im Russischen Turkestan. — Gera: Griesbach, 1876. — 396 S.
- Pinner R. The Rickmers Collection. Turcoman Rugs in the Ethnographic Museum Berlin. — Berlin, 1993. — 87(+30) S.
- Pohl W. Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa: 567—822. — München: C.H.Beck, 1988. — 529 S.
- Radlow W.W. (Hrsg. und Überst.) Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens und der dsungarischen Steppe. 10 Bände in 18. — Leipzig: Zentralantiquariat der DDR, 1965.
- Rohrbach P. In Turan und Armenien. — Berlin, 1898.
- Rohrbach P. Russische Kolonisation in Asien. — Berlin, 1900.
- Rohrbach P. Die russische Weltmacht in Mittel- und Westasien. — Leipzig, 1904.
- Sachau E. (Hrsg.) Chronologie orientalischer Völker. — Leipzig, 1879.
- Sarkisyanz E. Geschichte der orientalischen Völker Rußlands bis 1917. — München: Oldenburg Verlag, 1961. — 422 S.
- Schlenger H. Strukturwandlungen Kasachstans in russischer, insbesondere sowjetischer Zeit // Die Erde. Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde in Berlin. 1953.
- Schmidt F.M. Über Rubruks Reise von 1253—1255 // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. 1885. Bd. XX, S. 161—253.
- Schwarz F.X. v. Turkestan: die Wege der indogermanischen Völker. Nach fünfzehnjährigen Aufenthalt in Turkestan. — Freiburg, Berlin, 1900.
- Schweinitz L. Orientalische Wanderungen in Turkestan und im nord-östlichen Persien. — Berlin, 1895 (1910).
- Sitten der Kirgisen // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. 1855. Bd. XIV. H. 1—2.
- Sitten und Gebräuche der Kirgisen // Das Ausland. 1832. Bd. 5, S. 1071—1096.
- Spuler B. Die Goldene Horde: die Mongolen in Russland. 1223—1502. — Leipzig, 1943.
- Spuler B. Geschichte Mittelasien // Geschichte Asiens. Hrsg. von E.Waldschmidt. — München, 1950.
- Spuler B. The Muslim World. A Historical Survey. Trans by F.R.C. Bagley. — Leiden: Brill, 1960. Pt. I — 138 p.; Pt. II — 125 p.
- Spuler B. Mittelasien seit dem Auftreten der Türken // Handbuch der Orientalistik. 1966. Vol. 5. Pt. 5, S. 123—310.

- Spuler B. Gemeinsamkeiten der (west-) innerasiatischen Entwicklung seit 1600 // Ural-Altäische Jahrbücher. 1996. Bd. 33, S. 180—186.
- Stählin K. Russisch-Turkestan gestern und heute. — Königsberg, Berlin, 1935.
- Stern B. Vom Kaukasus zum Hindukusch. — Berlin, 1893.
- Stumm H. Der russische Feldzug nach China. — Berlin, 1875.
- Swiczeny F. Bilder aus dem Leben der Kirgisen // Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien. 1871. Bd. 14, S. 272—282.
- (Eine) Verlabung bei der Kirgisen // Das Ausland. 1888. Bd. 61, S. 715—717.
- Wartenburg Y. von Das Vordringen der russischen Macht in Asien. — Berlin, 1900.
- Weil G. Geschichte der Chalifen. Bd. 1—3. Mannheim, 1846—1851.
- Die Welt des Orients. — Stuttgart, 1949.
- Westphal-Hellbusch S., Bruns I. Metallgefäße aus Buchara. — Berlin, 1974. — 288 S. +125 Abb.
- Westphal-Hellbusch S., Soltkahn G. Mützen aus Zentralasien und Persien. — Berlin, 1976. — 348 S.+166 Abb.
- Willems W. Das Buch der chinesischen Kunst. — Leipzig, 1970.
- Willfort F. Turkestanisches Tagebuch. Sechs Jahre in Russisch-Zentralasien. — Wien, 1930.
- Winkler H. Die asiatische Völker und Sprachenwelt. — Leipzig, 1921.
- Wüsterfeld F. (Hrsg.) Ibn Coteibas Handbuch der Geschichte. — Göttingen, 1850.
- Wüsterfeld F. (Hrsg.) Yacuts geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin. Bde. I—VI. — Leipzig, 1866—1873.
- Zepelin A. Russland in Asien. — Berlin, 1911.
- Zieme P. Neue Funde zur Geschichte der Türken in der Mongolei // Das Altertum (Berlin). 1972. Bd. 18. H. 4, S. 255—258.
- Zieme P., Hazai G. (Hrsg.) Sprache, Geschichte und Kultur der asiatischen Völker. — Berlin: Akademie Verlag, 1974. — 668 S.
- Zugmayer E. Eine Reise durch Zentral-Asien. — Berlin, 1908.

Глава IV. Развитие востоковедения в странах Восточной Европы, Швейцарии, Италии и Скандинавских странах

§ 1. Венгрия

История Венгрии является уникальной для Европы. По-видимому, это наиболее ориентализированная страна континента. Достаточно сказать, что она была основана и затем неоднократно населялась выходцами из Центральной Евразии — аварами, уграми (мадьярами), кипчаками; испытывала многочисленные вторжения центральноазиатских кочевников, включая монголов. Значительный период своей истории Венгрия входила в состав Османской империи. Венгерский язык принадлежит к алтайской (финно-угорской) группе языков и испытывал в своей истории сильное влияние тюркских языков (кипчакского/куманского, турецкого/османского). Со второй половины XIX в. венгерская интеллигенция начинает поиски своей якобы утраченной «куманской» идентичности. Все предопределило высокий интерес в этой стране к истории Центральной Евразии и Центральной Азии, кипчаковедению, тюркологии и т.д.

Самым знаменитым выходцем из Венгрии, посвятившим себя изучению мира Востока, ислама, Центральной Азии, был, безусловно, Германн (Арминий) Вамбери (1832—1913). Вамбери родился в предместье принадлежавшей в то время венгерской короне Братиславе, в семье еврейского происхождения (Бамбергер). В детстве маленький Германн показывал блестящие лингвистические способности: в восемь лет он уже владел немецким, венгерским и древнееврейским языками и получил венгерское образование с уклоном на латынь. Занимаясь самообразованием, он выучил многие восточные языки в совершенстве. Его принимали за этнического турка, одетого в европей-

ское платье. Позднее знание арабского языка и Корана спасет ему жизнь в Бухаре. Турецкий султан Абдул Хамид, которому он в течение десятилетий служил в качестве советника, называл его Рашид-эфенди. Несмотря на свое европейское воспитание, иудейское происхождение и атеистические взгляды, Вамбери живо интересовался проблемами ислама, в частности реформами Баба-уллы. В начале XX в. Вамбери общепризнанно считался в мире как величайший знаток мусульманского Востока (**Grobe-Hagel, 1998, S. 39**).

Г. Вамбери предпринял свое знаменитое путешествие в Среднюю Азию с марта 1863-го по январь 1864 г. из Стамбула. Его сообщения из Хивы, Бухары и Самарканда считаются самыми последними аутентичными свидетельствами европейца до завоевания региона Россией. Вамбери путешествует под видом дервиша, так как было известно, что правители обоих ханств приказывают казнить европейских путешественников, видя в них шпионов. И действительно, в Бухаре произошел инцидент, который едва не стоил жизни знаменитому путешественнику; ему пришлось продемонстрировать блестящее знание Корана, хадисов и нескольких тюркских языков, чтобы отвести от себя подозрение в шпионаже, так как информация о его миссии уже просочилась из Турции раньше прихода каравана в Бухару.

В описаниях Вамбери Бухара представляет собой резкий контраст со странами западного мусульманского мира — Персией и Турцией, которые он хорошо знал. «Восточный мухамеданизм», по выражению автора, — заповедник средневековых нравов и господства той формы ислама, которая уже давно отжила в Передней Азии. Однако именно из Бухары поддерживается та форма ислама, которая укоренилась в Афганистане, Индии, Кашмире и Китайской Татарии — на востоке, и до Казани — на севере. В одном ошибался Вамбери, предсказывая, что «все здесь было как в старые времена, и еще, вероятно,

очень долго будет оставаться таким» (**Vambéry, 1983**). Вскоре после его отъезда из региона Россия приступила к вторжению в Южный Казахстан и Кокандское ханство и в 1868 г. уже полностью завоевала весь регион. Процесс модернизации среднеазиатских ханств начал ускоряться уже при жизни Вамбери⁴⁶.

Г. Вамбери остался в истории как многосторонний ориенталист — историк, лингвист, исламолог и блестящий автор вояжного жанра. Несколько некорректно идентифицировать его как венгерского ученого; его научная деятельность оказала огромное влияние на развитие востоковедения, помимо и даже в меньшей степени в Австро-Венгрии на ориенталистику, в Германии, Франции и Великобритании и в целом на европейскую науку. Сам Вамбери прекрасно писал на всех основных европейских языках, много жил, кроме Востока, в Англии и не считал себя представителем исключительно венгерской научной школы. Это был, безусловно, ученый европейского масштаба, а с учетом его знаний о Востоке, путешествий и долгих лет, проведенных в Османской империи, его можно охарактеризовать как «гражданина мира». Его путешествие в Среднюю Азию, которое пролегало через казахские степи, впервые было описано во французском издании книги «Путешествие бедного дервиша в Среднюю Азию» в 1863 г. (**Vambéry, 1868**), несколько позднее появились немецкое «Запретное путешествие в Бухару и Самарканд» и английское «История моей борьбы» (**Vambéry, 1904**) и в 1865 г. — русский перевод.

Несмотря на свое стремление скорее увидеть Среднюю Азию европеизированной, Вамбери критически воспринимал российскую политику в регионе и в целом не приветствовал завоевание региона. Он также резко критиковал политику России на Востоке в целом, занимая протурецкие и пробританские позиции. Они особенно ярко проявились в

---

⁴⁶ См. также: Вамбери А. Путешествие по Средней Азии/Армений Вамбери; Пер. с нем. З.Д. Голубевой под ред. В.А. Ромодина; предисл. В.А. Ромодина; коммент. В.А. Ромодина, С.Г. Агаджанова. — М.: Вост. лит., 2003. — 320 с.

его книге «Установление власти России в Азии» (**Vambéry, 1891**). В Англии большой популярностью пользовались его политические труды. Вамбери оказал большое влияние на немецкую классическую тюркологию такими своими фундаментальными работами, как «Чагатайские языковые штудии» (1867), «Тюркские народы в своих этнологических и этнографических отношениях» (1885), «Замечания к древнетюркским надписям Монголии и Сибири» (1899) (**Vambéry, 1867; Vambéry, 1885; Vambéry, 1899**). До сих пор сохраняет свое научное значение его исторический труд «История Бухары» (**Vambéry, 1973**). Несмотря на его антирусские позиции, в России публиковались его воспоминания⁴⁷.

Крупным исследователем Центральной Азии на рубеже XIX и XX в. был Георг (Дьёрдь) Алмаши, один из основателей «Восточного журнала». Ученый известен как автор исследований по древней истории тюрков, лингвистике, антропологии тюркских народов Средней Азии. В 1890 г. Алмаши предпринял путешествие по Центральной Азии. Собранный им коллекция пополнила Венгерский музей естественной истории в Будапеште.

В ряду основоположников венгерской тюркологической науки стоит выдающийся ориенталист академик Юлиус (Дьюла) Немет (1890—1976), с детства проявлявший интерес к языку своих хазаро-кипчакских предков, грезивший Востоком, Кавказом. Ю. Немет известен как автор первой турецкой грамматики, которая до сих пор высоко оценивается в Турции. Его основные научные направления: история тюркских диалектов и языков, древняя история Венгрии и вопросы венгерского языкознания. Будучи студентом Будапештского университета, Ю. Немет в двадцатилетнем возрасте получает грант Венгерского комитета Международного азиатского общества и при содействии всемирно известного

---

⁴⁷ Вамбери А. Моя жизнь. М., 1914.

российского тюрколога Радлова совершает научную поездку на Северный Кавказ с целью знакомства и описания кумыкского и балкарского языков. Преимущественное внимание Ю. Немета к кумыкскому языку объяснялось тем, что он (древнейший из тюркских языков Кавказа) был языком, издревле выполнявшим для Северного Кавказа роль своеобразного *Lingua Franca* и был наиболее близок к языку «*Codex Cumanicus*» и к диалекту венгерских кунов.

Классиком венгерской ориенталистики заслуженно считается Лайош Лигети (р. 1902), академик Венгерской АН (1947; член-корреспондент 1936). В 1939—1972 гг. заведовал кафедрами филологии Центральной Азии и тюркологии Будапештского университета им. Л. Этвеша. Л. Лигети — монголовед и алтаист широкого профиля. Совершил научные поездки в Китай (1928—1931), Афганистан (1936—1937), Японию (1940), собрал коллекции рукописей и ксилографов, из которых многие издал. Главный редактор журнала «*Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*» (выходит с 1950 г.).

Среди куманологов (кипчаковедов) можно назвать также Куна Тибора Халаши, который специализировался по истории кипчаков на арабских источниках из турецких архивов. В свое время поучило известность его источниковедческое исследование по данной проблематике (1942).

Андраш Рона-Таш (р. 1931) известен как венгерский языковед, историк, тюрколог и монголовед, исследователь чувашского языка, действительный член Венгерской академии наук (1995). Окончил Будапештский университет (1955), специализировался по тибетологии, алтаистике и культурной антропологии. С 1967 г. работал в Сегедском университете, в 1974 г. основал и в течение 20 лет заведовал кафедрой алтаистики, в 1990—1992 гг. — ректор университета. Научная деятельность Рона-Таша связана с исследованием ранней истории венгров, что, в свою очередь, переплетается с судьбами

восточных народов. Докторскую диссертацию ученый защитил в 1971 г. на тему «Родство алтайских языков. Теоретическое обоснование и чуваше-монгольские языковые связи». Под его руководством была создана рабочая группа ученых в г. Сегед, составившая пятитомное издание (1976—1982) по изучению источников ранней истории венгров.

В 1965 и 1973 г. Рона-Таш участвовал в экспедициях по Чувашии и Поволжью, после чего вышла его книга «Erigraphica Bulgarica» (1973) в соавторстве с Ш. Фодором. В ней подтверждено болгарское происхождение чувашей. Рона-Таш детально изучил болгаро-тюркские заимствования венгерского языка. С 1997 г. он главный редактор журнала «Acta Orientalia». Широко известен его труд «По следам кочевников. Монголия глазами этнографа»⁴⁸, а также книги «Венгры и Европа в раннее средневековье» (1986), «Введение в сравнительную алтаистику» (1991), «Введение в тюркологию» (1991) и др.

К числу известных венгерских специалистов по истории тюрков принадлежал Карой Цегледи (1914—1996), учившийся в Голландии и специализировавшийся затем по ранне-тюркской истории, куманистике и источниковедению. Цегледи посвятил свою жизнь изучению первоисточников ранней истории венгров: обработал мусульманские источники, рассмотрел вопросы исторических связей Венгрии с исламом, исследовал источники народов Закавказья, в основном грузинские и армянские хроники. Приоритетной темой для него была история хазар, с которыми венгры в VII—IX вв. имели тесные связи. Он также занимался историей печенегов, куманов, узов. Большое внимание уделял вопросам племенной организации кочевых народов Внутренней Азии и Восточной Европы. Предложил этимологию значительного количества тюркских слов, личных имен и топонимов. Исследова-

---

⁴⁸ Рона-Таш А. По следам кочевников. Монголия глазами этнографа. — М.: Прогресс, 1964.

ния китайских источников позволили ему идентифицировать сюнну с европейскими гуннами, уаров с аварами, тин-лингов с огурами. Своеобразным итогом его исследований является монография «Миграция кочевых народов с Востока на Запад» (на венгер. яз.) — краткая история тюркских (алтайских) народов евразийских степей первого тысячелетия. Цегледи переводил и комментировал многочисленные и разнообразные источники по интересующему его периоду, как арабо-персидские, так и китайские. Широко известны его исследования по куманологии (**Czegledi, 1949**), а также исследование о численном составе древнетюркской конфедерации (Гл. III. § 1; **Czegledi, 1972**).

К числу куманологов должен быть отнесен также А. Палоци-Хорват, пытавшийся восстановить историю куманов-кипчаков в Венгрии не только на основе известных письменных источников, но и археологических свидетельств. Венгерский ученый сравнил данные археологических раскопок на территории Венгрии и Южной России. Палоци-Хорват исходил из того, что куманы, спасаясь от монголов, переселились в Венгрию в 1239 г. Они принесли с собой устойчивые элементы восточной культуры на побережье Дуная и Тиссы и сумели сохранять в течение долгого времени свой язык, древние обычаи и традиции. В этническом отношении, считает исследователь, куманское княжество было разнородным; в него входили племена берендеев, печенегов, болгар, аланов, хазар и др. В момент переселения оно состояло из семи родов, из которых установлены только четыре: Олаас, Шертан, Коор и Боршол. В XIV — начале XV в., считает ученый, куманы практически перешли на оседлый образ жизни; общинно-родовой строй у них сменился феодальным. Именно в этот период начался процесс постепенного отмирания древнего языка, обычаев, традиций. В XV—XVI вв. у куманов уже было развито земледелие. В то же время продолжали сохра-

няться связи с тюркским миром, в первую очередь с Крымом. Под влиянием крымских городов в княжестве развивались торговля и земледелие (**Páloczi-Horváth, 1973; 1975**).

Венгерские лингвисты (Л. Лигети, С. Какук и Г. Барци) всегда большое внимание уделяли вопросам генезиса венгерского языка в контексте его древних связей с Центральной Евразией. Г. Барци исходил из того, что изучение древнетюркских заимствований в венгерском языке важно с точки зрения исторической реконструкции контактов носителей этих языков в древности. Барци пришел к выводу, сделав сравнительный анализ ряда слов из тюркских и финно-угорских языков, что древние тюрки и предки венгров находились в тесном контакте уже в первом тысячелетии до н.э. (**Barczy, 1972**). Л. Лигети осуществил фонетический, семантический и лексический анализ древних тюркских заимствований в венгерском языке. Лигети пришел к выводу, что древние заимствования в венгерском языке восходят не к одному языку, а к целому ряду языков и диалектов. Источником древних тюркских заимствований является чувашский язык. Однако остается неясным, у каких народов венгры заимствовали слова древнечувашского типа. В этой связи Лигети попытался сделать сопоставления с хазарским, аварским и тюрко-болгарским языками (**Ligeti, 1975**).

Венгерский тюрколог С. Какук проделал большую работу по классификации собственных имен в тюркских языках. Выявленные им категории собственных имен у тюрков позволяют нарисовать общую картину сложных культурных, лингвистических и религиозных связей древних и средневековых тюрков с соседними народами. Какук исходил из того, что тюркская ономастика отличается богатством и разнообразием собственных имен, отражает богатейший исторический опыт тюркских народов и требует серьезных этнологических, лингвистических и исторических знаний. Ученый подразде-

ляет тюркские собственные имена по их происхождению на три группы: а) арабские (Али, Рамазан, Мухаммед); 2) персидские (Бахтияр, Фархат, Рустам); 3) собственно тюркские имена (Золтан, Тас, Арпад). С семантической точки зрения тюркские имена исследователем делятся на 11 категорий:

1. Названия животных — Арслан (лев), Каплан (тигр), Курт (волк).

2. Названия природных явлений — Ай (луна), Думан (туман).

3. Названия орудий — Казан (котел).

4. Названия праздников и месяцев — Байрам, Рамазан, Жума.

5. Слова, характеризующие физические качества, — Каракёз (черноглазый), Каракас (чернобровый).

6. Слова, выражающие нежные, радостные чувства, — Жан (жизнь, душа).

7. Имена, образованные от арабских при помощи суффикса -и- — Абди, Мусли, Меми.

8. Имена, литературное значение которых «богом данный» — Айверди, Хакверди, Кудайберды.

9. Имена, заключающие в себе значение от «дурного глаза», — Коркут (убойтесь его).

10. Название сана, звания — Оглан (сын), Дервиш, Султан, -бай, -бек, -хан.

11. Этнические имена: Абаза (абхазец), Урус (русский), Мадьяр, Узбек (**Какук, 1974**).

Большой вклад в изучение древнетюркского общества внесла китаист Хильда (Ильдико) Эцеди. В ее работах «Племя и племенное общество в Тюркском каганате» и «Древнетюркские обычаи захоронения», «Племя и империя, племя и общество в тюркскую эпоху», «Торговые и военные отношения между тюрками и Китаем во второй половине VI в.»,

«Экономическая и социальная структура кочевых обществ», написанных на основе анализа китайских источников, исследуется ряд важных с точки зрения генезиса племенного общества факторов, способствовавших формированию Тюркского каганата (Ч. II. Гл. II. § 2). Эцеди поставила вопрос об определении, содержании и применении термина «племя». Она призвала ученых отличать племя как общественно-культурную, этническую или политическую дефиницию от племенной стадии развития общественного развития. Эцеди поставила под сомнение господствовавший теоретический подход, в основе которого лежал эклектичный синтез разнородных признаков. При поиске племенных признаков Эцеди руководствовалась идеей отличать среди упоминаемых в исторических источниках «стран», «народов» и «государств» племенные общества от единиц-племен. В качестве доказательства своего метода Эцеди прибегла к анализу социальной структуры Тюркского каганата с 552 по 744 г. по материалам, содержащимся в китайских источниках (**Ecsedy, 1972. p. 246**).

Венгерские историки исследовали также историю Руси в монгольскую эпоху в контексте русско-тюркских отношений. И. Вашари постарался пролить свет на переосмысление одного из терминов Золотой Орды в системе правления средневековой Руси — «даруга». Этот термин монгольского происхождения проник из XIII в. во все уголки Монгольской империи и широко распространился в Центральной Азии. Этимологически термин «даруга» восходит к монгольскому «дару» (давить, нажимать), то есть имеет то же значение, что и слово «баскак» — наименование другого высокопоставленного лица в Золотой Орде, происходящего от тюркского «бас» (давить, нажимать). Точное значение и функции термина «даруга» изменялись в зависимости от времени и места, но он всегда означал некое официальное лицо или на-

чальника территориальной или административной единицы. Из татарских источников, которые привлекает Вашари, следует, что «даруга» представлял собой высокопоставленного сановника и что существовало три его типа: *тюмен даругалари*, *шер/зер даругалари* и *кент даругалари*, которые, соответственно, означали руководителей крупной территории, города и села. В русских переводах ярлыков татарских ханов, адресованных русскому духовенству, слово «*тюмен*» переводилось как «волость», *шер/зер* — как «город», *кент* — как «село». В связи с этим Вашари отвергает предположение Г. Вернадского о том, что «сулус» соответствует «тьме» (тумену, 10 тыс.), «волость» — «тысяче», «город» — «сотне», а «село» — «десяти», что является, по мнению венгерского ученого, в корне неправильным.

Должность *даруга* считалась очень почетной, делает вывод Вашари, и чаще всего ее занимали князья, поэтому ученый предлагает переводить наиболее встречающееся сочетание *даруга беклери* как «князья даруга». Слово «бек» в отношении правителей небольших населенных пунктов приобретало значение почетного титула. Специальная дань, которая в русских документах называлась «дорожная пошлина», выплачивалась носителям титула *даруга*. Как известно, на Руси в XIV—XV вв. существовало три типа феодальной земельной собственности: дворцовые, черные и служилые земли. Существовали специальные службы, которые именовались «путями». Г. Вернадский предположил, что система путей сформировалась под влиянием некоторых восточных моделей, а семантически слово «путь» было калькой тюркских *тюре* и *йол*. Однако Вашари отвергает аргументацию Вернадского и считает русский термин «путь» заимствованием монголо-татарского термина «даруга» как по функции, так и по названию (дорога). Отличительной чертой системы путей на Руси является то, что система организации труда по

ремеслу постепенно превращалась в систему государственного кормления. Это развитие происходило, по-видимому, под влиянием системы *даруга* в Золотой Орде. «Путние угоды» во многом напоминали «пошлину даражскую». Такая трактовка, утверждает Вашари, подтверждается трактовкой историком Карамзиным «пошлигы даражской» как «путевой пошлины» (Vásáry, 1976).

Крупной фигурой в современной венгерской тюркологии считается Георг Хазаи (р. 1932). В 1950—1954 гг. он учился на факультете тюркологии столичного университета ELTE. В 1956—1957 гг. работал в Софийском университете как специалист по тюркским языкам. В 1962—1983 гг. Хазаи работал профессором в Гумбольдтском университете в Берлине, а также был руководителем группы исследования «Туран» в АН ГДР. В 1992—1999 гг. исследователь возглавлял факультет тюркологии в Акденизском университете на Кипре. В 2000 г. он создал университет им. Андраши в Будапеште и стал первым его ректором. С 1982 г. он является членом-корреспондентом, в 1995 г. был избран действительным членом Академии наук Венгрии. В 2011 г. Г. Хазаи решил подарить библиотеке Национальной академии наук Азербайджана весь раздел по тюркологии личной библиотеки (10 000 наименований), а также ряд личных архивных материалов. Г. Хазаи — автор книги о Г. Вамбери (1976), а также фундаментального труда «Языки, история и культура алтайских народов» (1974).

Особняком от других венгерских исследователей Центральной Азии, которые в своем большинстве являются специалистами по алтаистике и тюркологии, стоит Йозеф Харматта, посвятивший себя изучению дотюркской и доисламской истории региона.

В этнографическом музее Будапешта находится коллекция артефактов, относящихся к культуре казахов. Известны произведения из текстиля, кожи, металла, среди которых

имеются как экспонаты, входящие в общий традиционный строй казахского декоративно-прикладного искусства, так и артефакты, которые по уровню художественного исполнения относятся к разряду уникальных шедевров. В коллекции Будапештского этнографического музея имеются такие предметы казахской этнографии, как переметная сума — коржын, плети — цамшы, амулетница — тұмарша, подвески-обереги — бойтұмарлы салпынша, мужской бархатный пояс — белдік — с серебряными бляхами, походные сосуды для кумыса — торсык, ножны — кын, конский потфей — кұискан и многое другое.

Таким образом, история венгерского востоковедения, особенно на таких направлениях, как тюркология, номадистика, куманология, центральноазиеведение и казахстаника, демонстрирует неослабевающий интерес к истории Центральной Евразии, которую многие венгры считают своей древней родиной. И не случайно, что одно из казахских племен носит имя «мадьяр». В то же время одна из самых распространенных фамилий в Венгрии — «Кун» (то есть кипчак). После распада социалистической системы и СССР научные и гуманитарные связи между нашими нациями не были потеряны и сейчас развиваются на новом уровне.

§ 2. Польша

В свое время ПНР и республики советской Средней Азии вращались в едином геополитическом пространстве, своеобразном социалистическом универсуме — Pax Sovietica. Бурные события конца 1980-х и 1990-х гг., казалось бы, надолго отделили Польшу и Центральную Азию в культурно-цивилизационном и геополитическом контексте друг от

друга. Однако анализ публикаций в Польше по проблемам Центральной Азии показывает, что мы не забыты в академическом мире нашего бывшего собрата по социалистическому лагерю. По-видимому, слишком много исторических, культурных и социально-политических нитей связывают нас с Польшей.

В этой связи целесообразно сделать небольшой экскурс в историю центральноазиатских исследований в Польше. В первой половине XIX в. собственно польские земли и народы Туркестана оказались включенными в Российскую империю. Транскаспийские земли казались оптимальными для политической ссылки участников многочисленных антирусских восстаний в Царстве Польском. Так, в русском Туркестане сформировалась польская диаспора. Среди ссыльных поляков было немало образованных и талантливых людей, владевших и пером, и карандашом. В том числе и благодаря им остались свидетельства жизни, быта и культуры народов Средней Азии в эту эпоху.

Самой известной книгой о казахах, написанной когда-либо поляком, можно назвать иллюстрированный текстовый альбом Бронислава Залеского (1820—1880) «Жизнь киргизских степей», изданный в Париже на французском языке в 1865 г. Б. Залеский являлся представителем многочисленной польской общины ссыльных революционеров, которые волей царского режима оказались в Сибири, Казахстане и Средней Азии. Многие из польских демократов позднее оставили записи о своем знакомстве с казахами. Среди тех, кто писал о Казахстане, можно назвать Г. Зелинского, А. Янушкевича, А. Сузина и С. Гросса. Адольф Янушкевич являлся автором книги «Дневники и письма из путешествия по казахским степям» на польском языке, которая стала результатом его пребывания в Сибири и Северном Казахстане в 1840-е гг. Однако европейский резонанс получила именно

книга-альбом Б. Залесского благодаря своему французскому тексту и иллюстрациям⁴⁹.

Будучи студентом Дерптского университета, Залесский за причастность к тайному обществу в 1838 г. был выслан в Чернигов под надзор. После освобождения он был вновь арестован и в марте 1848 г. был сослан рядовым в Оренбургский корпус. Так как Залесский отличался способностями к рисованию, в 1849 г. ему было предложено обрабатывать материалы Аральской экспедиции. В этот период Залесский познакомился с Т. Шевченко, с которым в дальнейшем их связывала тесная дружба. Предполагают, что именно Шевченко научил Залесского рисовать и обучил искусству офорта. В период эмиграции из Российской империи Залесский долгое время провел в Париже и в 1865 г. там увидело свет роскошное издание альбома офортов «Жизнь киргизских степей», которое состояло из 22 офортов и очерков к ним. Альбом давал европейскому читателю редкую по тем временам возможность реально представить жизнь в степи. Альбом Залесского выигрышно смотрелся в сравнении с иллюстрациями к зарубежным изданиям поэмы Г. Зелинского, на которых казахи изображались больше похожими на черкесов. Таким образом, по мнению Ф. Стекловой, которая долгое время работала над биографией Б. Залесского, он первым среди европейских художников изобразил жизнь казахов в реалистичной манере. Залесский изобразил утварь, костюмы, различные этнографические детали, пейзажи и памятники прошлого. Очерки Залесского содержат казахские сказания, рассказы людей о прошлом и описания его встреч с известными людьми. Основной текста к книге-альбому стала написанная Залесским статья для изданного в Польше альманаха «Книга мира» в 1857 г. Кроме того, в выпускавшем-

---

⁴⁹ Существует перевод книги Залесского на русский и казахский языки: Залесский Б. Казак сахарасына саяхат/Жизнь казахских степей. Алматы/Алма-Ата: Онер, 1991. — 132 б/с.

ся в прошлом веке во Флоренции географическом журнале была опубликована статья Залесского о продвижении России в Среднюю Азию. В записях Залесского о современных ему казахах сказались европейские стереотипы в отношении восточных народов. Но многое у Залесского изложено точно и осмысленно, внимательно и доброжелательно. Тем самым книга польского художника представляет большой интерес с точки зрения изучения этнографии казахов в середине XIX в. **(Zaleski, 1865).**

История жизни Адольфа Янушкевича (1803—1857) показывает нам, что и представители польско-литвинской интеллигенции внесли свою лепту в изучение казахской степи. Как известно, волею судьбы А. Янушкевич — уроженец Несвижа, польско-белорусский поэт, этнограф и революционный деятель — оказался в Казахстане в 1833 г., в деревне Желяково под Ишимом. Это была политическая ссылка в наказание за участие в антицарском восстании 1830 г. (т.н. Ноябрьское восстание). С января 1842 г. А. Янушкевич работал в Пограничном управлении сибирских киргизов. Много путешествовал по казахским степям, освоил казахский язык, записывал казахский фольклор. Во время экспедиции в 1846 г. составил «Дневник поездки в Сибирь», важный источник по истории Казахстана.

В 1966 г. его записки были изданы в Алма-Ате как «Дневники и письма из путешествия по казахским степям» и уже в 2007 г. переизданы как 29-й том антологии «Библиотека казахской этнографии» (с обширными комментариями и толковым словарем, подготовленными учеными Казахстана). В эти десятилетия в академических и публицистических изданиях публиковались исследования, посвященные этому замечательному человеку. Можно твердо сказать, что у нас в Казахстане литературное и научное наследие А. Янушкевича помнят и ценят. Судьба книги Янушкевича необычна: она

впервые вышла в свет в середине XIX в., но была известна лишь небольшому кругу лиц. Новую жизнь его труд получил в советское время благодаря энтузиазму казахстанских и белорусских литературоведов, в первую очередь Ф. Стекловой.

В ссылке А. Янушкевич, помимо собственно службы клерком, занимался европейской историей (в частности, перевел «Историю завоевания Англии норманнами» О. Тьерри). Но вскоре его привлекли казахская история и этнография, а также тюркология. Из его писем к матери мы знаем, что на него неизгладимое впечатление произвело знакомство с ландшафтом казахских степей. Большое значение для становления Янушкевича как исследователя имели поездки в 1845—1946 гг. по владениям Среднего жуза (Средней Орды, как тогда говорили) в составе экспедиций генерала Вишневого.

А. Янушкевич участвовал также в мае 1846 г. в переговорах представителей Старшего жуза (Большой Орды) с российскими властями и приеме их в русское подданство. В это время он много путешествует по Казахстану, побывав от Иртыша до Тарбагатай, от китайской границы до озера Балхаш. Когда Янушкевич покинул азиатскую часть империи после 20 лет пребывания и переехал в Нижний Тагил по медицинским соображениям, он не раз с ностальгией вспоминал свою жизнь в казахских степях. К сожалению, прежние ранения и тяжелые условия жизни в ссылке привели к тому, что Янушкевич рано ушел из жизни — через год после возвращения в родные края, в июне 1857 г. (похоронен в деревне Дягильно Минской области). Но после его кончины его книга начала жить собственной жизнью.

Его закадычный друг и товарищ Густав Зелинский, известный поэт (автор знаменитой поэмы «Киргиз»), доставил в Париж братьям Адольфа все письма и дневники их брата. Семья увековечила его память, издав в 1861 г. книгу его путешествий (под названием «Жизнь Адольфа Янушкевича») на основе это-

го архива. Фактически, издание состояло из двух частей: биографии автора, написанной Ф. Вротновским, и «Писем и дневников из путешествия по киргизским (казахским) степям». В 1875 г. книга была переиздана в Берлине на польском языке. Интерес к литературному наследию Адольфа Янушкевича вновь возродился в 1950-е гг.

Первая историческая статья о А. Янушкевиче появилась в Алма-Ате в 1956 г. в «Известиях польско-советского общества», первая статья казахстанских ученых о нем увидела свет в 1958 г. С 1963 г. фамилия Янушкевича как свидетеля и автора работы о жизни казахов становится хорошо известной казахстанским ученым, и в научный оборот попадает его книга, полная важных наблюдений и свидетельств. Следует отметить, что эта книга была раритетом; ее берлинское издание удалось найти в коллекции «Россика» ГПБ им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Санкт-Петербурге).

Открыв его книгу, казахстанский читатель сразу же увидит знакомые имена — Кунанбая (отца великого казахского просветителя, поэта и мыслителя Абая), султана Барака, акына Орынбая и других знаковых фигур нашей истории. В то время казахстанские историки потратили много сил на поиск архивных материалов о А. Янушкевиче. Они нашлись в Госархиве КазССР в г. Алма-Ате, в папках материалов Омской городской полиции. Интересным открытием стало подтверждение, что за ссыльных хлопотал генерал-майор Н.Ф. Вишнеvский, в то время командующий пограничными войсками в регионе. В этих архивных материалах в ходе поисков информации о Янушкевиче была найдена интересная информация, когда в Казахстане появились первые фотографические снимки. Оказалось, что в 1846 г. ссыльным было запрещено на уровне корпуса шефа жандармов в Петербурге делать дагерротипы.

Анализ текстов А. Янушкевича показывает их разнообразность: письма перемежаются дневниковыми записями. В них

присутствует доверительность, зачастую юмор. В дневнике автор как бы разговаривает сам с собой. Он дает оценки царской администрации, ее политике в степи, многим имперским чиновникам, представителям казахской аристократии, сочувствует простым труженикам-казахам. То есть перед нами не просто важный историографический источник, но и ценное литературное произведение.

После вынужденного путешествия по крепостной России в ссылку на Янушкевича большое впечатление, как следует из его записей, произвело свободлюбивое существование казахов, в которых он увидел независимых и вольных номадов. Но вскоре внимательное изучение жизни в степи заставило его увидеть многое, поначалу скрытое от посторонних глаз, — социальное неравенство, межплеменную борьбу, колониальное угнетение и так далее. На страницах его наблюдений, написанных в столь популярном в те времена вояжистском жанре (путевые заметки), можно найти много теплых отзывов о казахах. Так, он писал: «...Народ, который одарен творцом такими способностями, не может остаться чуждым цивилизации: дух ее проникнет когда-нибудь в киргизские пустыни, раздует здесь искорки света, и придет время, когда кочующий сегодня номад займет почетное место среди народов, которые нынче смотрят на него сверху вниз».

В его записях можно найти и политические соображения. Так, Янушкевич — при всем его отрицательном отношении к царскому режиму — все же считал благом вступление Старшего жуза (страдавшего в то время от агрессии Кокандского ханства) в российское подданство. На страницах его работы имеется целая галерея портретов современников, с которыми его сводили путешествия по степям, — родоначальников казахских родов, народных батыров (героев), популярных акынов (поэтов-песенников), представителей высшей казахской аристократии, в том числе султанской. К тому времени

Янушкевич уже неплохо овладел казахским языком, чтобы оценить его сочность и богатство.

Знание языка позволяло ему непосредственно наслаждаться айтысом (творческим соревнованием) двух акынов и народных любимцев — Орынбая и Джаная. Благодаря Янушкевичу мы знаем о существовании забытых в дальнейшем известных степных творцов — поэте Тюбеке и слепой поэтессе Джазык. Не вызывает сомнений, что Янушкевич питал неприкрытое пристрастие к казахскому фольклору — легендам, песням, сказаниям, эпосам, которые он частично цитирует и комментирует. В его записях можно найти и красочное описание байги — праздничных скачек в честь присоединения к России Старшего жуза. По его трудам мы знаем о нем не только как о лингвисте, но и как о талантливом натуралисте, который мастерски описывает богатую природу Казахстана.

А. Янушкевич творил не в абсолютном интеллектуальном вакууме. Как отмечалось выше, в число его друзей и собратьев по литературному цеху входили замечательный польский поэт Густав Зелинский, который увековечил образ степного кочевника в блестящей поэме «Казах», и И. Одоевский. Но эти люди были далеко не единственными в списке сосланных в наш регион представителями западной части Российской империи. К числу тех, кто внес свой вклад в изучение казахов, был Бронислав Залесский, опубликовавший также в Париже свой альбом офортов «Жизнь киргизских степей». И этот список можно было бы продолжать.

Таким образом, книга А. Янушкевича — это не просто важный исторический источник, талантливый литературный памятник, но и гуманистическое произведение, наполненное симпатией образованного европейского интеллигента-демократа к жизни (поначалу) далекого для него кочевого народа Центральной Азии, ставшего затем ему родным. Как отмечала

казахстанская исследовательница его творчества Ф. Стеклова, «книга Янушкевича — это прошлое казахских гор и степей, картина того, что было 120 лет (теперь 170) назад, нарисованная рукой друга». Хотел бы добавить от себя, что книга Янушкевича привлекает всех читателей богатством эмоций и идей, разнообразием интересов и познаний, интеллектуальным багажом, честностью и гражданским мужеством автора и его свободолюбием.

Сегодня в независимом Казахстане помнят и ценят творчество Адольфа Янушкевича. В его честь названы улицы в Астане и Алматы (с 2003 г.). И главное — книга А. Янушкевича до сих пор востребована казахстанской аудиторией не только как исторический документ, но и как увлекательное литературное произведение.

Выдающийся вклад в польское востоковедение внес Тадеуш Ян Ковальский (1889—1948), польский тюрколог, арабист, иранист, профессор Ягеллонского университета, член Польской академии наук. Он изучал арабистику в Венском университете. Совершенствовал свои знания в Страсбургском и Кёльнском университетах в 1911—1912 гг., защитил степень доктора в Вене в 1911 г. по работе «Культура ислама». В 1914 г. на основании работы «Der Divan des Kais ibn al Natun» нострифицировал полученную докторскую степень в Ягеллонском университете и стал доцентом на семинарии восточной филологии. Начиная с 1919 г. занимал должность профессора и руководил кафедрой восточной филологии. После окончания войны возвратился к преподаванию в университете, в том числе и курсов по истории литературы, арабскому и персидскому языкам. Но главным объектом его научных интересов по-прежнему оставалась тюркская филология. Весьма значимыми оставались связи Ковальского с Турцией. Он являлся автором первого в мире словаря анатолийского диалекта турецкого языка. Ковальский был признан

одним из наиболее продуктивных польских востоковедов за вклад в изучение турецкой, арабской и персидской литературы, фольклора, языка и истории. Проводил исследования по творчеству Омара Хайяма. Интересовался связями польской и восточных литератур. Совместно с Йозефом Выдавичем в 1946 г. подготовил критический очерк («Донесения Ибарима ибн Якуба из путешествия в славянские края»).

Изучение тюркской истории по арабским источникам прочно связано с именем Ананиаша Зайончковского (1903—1970), академика Польской АН (ПАН; 1952), профессора Варшавского университета (с 1935 г.). В 1953—1968 гг. он занимал должность директора Института востоковедения ПАН. Автор многочисленных работ по языкам, истории и культуре тюркоязычных народов. Важнейшие исследования посвящены анализу этнического состава государства мамлюков, Хазарского каганата, Золотой Орды, а также изучению путей расселения тюркских народов, староосманских литературных памятников и турецкой палеографии.

В качестве примера номадоведения в довоенной Польше можно назвать книгу Ф. Гросса «Кочевничество» (1936).

Религиоведение в Польше тесно связано с именем Владислава Барановского, который, в частности, исследовал историю ислама в Средней Азии, географию и культ святых мест в Казахстане и неоднократно посещал хазреты в Южном Казахстане.

Крупным специалистом в народной Польше в области изучения древних и средневековых тюрков была сотрудница Института истории материальной культуры АН ПНР Т. Нагродзкая-Майхшык. В 1978 г. она выпустила монографию «Возникновение городов у древних тюрков», которая охватила период с VII по XII в. Польская исследовательница сделала попытку изложить историю возникновения городов у тюркских народов на огромном ареале от Центральной Азии

до Дона. В своей книге Нагродзка-Майхшык выступила против ошибочных представлений об антагонистической природе отношений между кочевниками и оседлыми народами. Но главной целью ее работы было показать политические и экономические условия урбанизации у тюркских народов, вставших на путь создания государственности. Таким образом, Нагродзка-Майхшык рассмотрела первые тюркские каганаты VI—VIII вв., уйгурский каганат и уйгурские княжества в Турфане VIII—XII вв., государства тюркешей и карлуков VIII—X вв., государство Караханидов X—XII вв. При этом автор исходила из того, что процесс урбанизации носил последовательный характер и усиливался при каждой смене государственности, достигнув наивысшего расцвета в эпоху Караханидов. В своих исследованиях Нагродзка-Майхшык опиралась на широкий круг источников: древнетюркские, китайские, византийские и мусульманские, а также в большой степени на материалы археологических раскопок, а выводы она сделала на анализе и сопоставлении литературных и археологических данных (**Nagrodzka-Majchrzyk, 1978**).

Таким образом, в исторической перспективе польские исследования о Центральной (Средней) Азии имели преимущественно характер востоковедных.

Современные польские исследования по Центральной Азии носят ярко выраженный политологический характер, хотя некоторые затрагивают и проблемы этнографии (точнее, социальной антропологии). Предыстория данной программы такова: она стартовала в 1997 г. в рамках исследовательских проектов ИПН ВУ, причем толчком к началу этих исследований, по словам руководителя программы Тадеуша Бодио, послужил выход в свет книги Президента РК Н. Назарбаева «На пороге XXI века». В 1998 г. были выработаны рамочные условия международной научной программы, целью которой стало изучение трансформационных процессов

в новых независимых государствах региона. Создатели программы планировали поначалу разрабатывать пять тематических блоков, первый из которых включал в себя историю Центральной Азии (с упором на изучение судеб депортированных в регион поляков).

Выход в свет коллективной монографии «Проблемы трансформации, интеграции и безопасности в Центральной Азии» (под ред. Т. Бодио, А. Вежбицкого и П. Заленского) в рамках программы Института политических наук Варшавского университета (ИПН ВУ) дает прекрасный повод обратиться к истории и современному состоянию центральноазиатских исследований в Польше⁵⁰.

Второе направление — теория и практика системной трансформации. Имелось в виду изучение моделей модернизации и демократизации, политических реформ, безопасности на концептуальном уровне. Третий блок посвящался непосредственно политическим и общественным системам стран региона, формированию политических элит и оппозиции, развитию СМИ и НПО. Четвертое направление охватывает проблемы модернизации общественных структур, столкновение традиции и современности, изучение клановых структур, политику в области культуры и языка, религиозную жизнь и т.д. Пятый блок посвящается вопросам культуры народов Центральной Азии как в историческом, так и в современном контексте. В ходе развития программы к пяти первоначальным направлениям прибавились еще два — экономическое и внешнеполитическое.

Шестой блок должен был стать своего рода подведением (и в некотором смысле — пересмотром) итогов изучения постсоветской трансформации центральноазиатских республик в комбинированном виде, поскольку предыдущие из-

---

⁵⁰ Problemy transformacji, integracji i bezpieczeństwa państw Azji Centralnej. Studia Politologiczne. Vol. 12. — Warszawa: IPS UW, 2008. — 422 s. Transformation, Integration and Security Problems in the States of Central Asia. — Warszawa: IPS UW, 2008. — 422 s.

дания имели специфический монотематический характер. Параллельно в процессе исследования внимание участников проекта привлекла тема политического лидерства в регионе. Ее целью было стремление ознакомить общественность с политическими фигурами в государствах региона, их психологией, стилем мышления и образом действий. И наконец, последний, седьмой блок включал в себя международную проблематику, геоэкономику и особенности географического положения региона с точки зрения транспортно-коммуникационных связей, перспективы развития их отношений с Польшей, проблемы международной безопасности и роль международных организаций.

Таким образом, мы можем видеть, что организаторы программы подошли к ее разработке и осуществлению фундаментально. Объектами стали все пять государств региона и практически все направления политической и экономической жизни, в том числе история и культура народов региона. Авторы проекта понимали, что имеют дело с очень специфическим регионом, поэтому были необходимы оригинальные и нестандартные методы организации исследований, учитывавшие специфические требования политической теории и практики. Следует отдать должное авторам в том, что они отказались от ангажированного подхода, поскольку пришли к выводу, что в отношении Центральной Азии нужна новая методология, включающая как европоцентризм, так и азиоцентризм.

Таким образом, авторы проекта нашли, как они считали, нужный подход к решению данной проблемы. Он заключался в том, что использовался комбинированный метод с привлечением как польских ученых, так и центральноазиатских экспертов. При этом картина происходящей трансформации рисовалась как изнутри (силами местных специалистов), так и извне — польскими учеными. При этом Т. Бодио и его коллеги считают, что таким способом они нашли возможность

сочетать два научных стиля — азиатский и европейский, что вызывает, по меньшей мере, недоумение⁵¹.

Тем не менее данный подход принес свои зримые плоды. За период с 2000 по 2005 г. Институт политических наук выпустил пять монотематических коллективных изданий, посвященных каждой из республик региона и охватывающих историю, общественные и политические процессы в каждой из них⁵². Поэтому с некоторой натяжкой мы можем отнести указанные издания к востоковедным. Естественно, что подобный грандиозный проект не мог быть осуществлен без координации всех заинтересованных сторон: президентских администраций, министерств иностранных дел и посольств, политологических и исследовательских институтов, академий и университетов. Как отмечает координатор проекта Т. Бодио, за время его реализации в нем приняли участие 220 экспертов, из них больше половины (123) из стран ЦА. Всего в рамках серии «Современная Центральная Азия» ИПН-ВУ было издано 12 монографий (в т.ч. книги некоторых лидеров государств региона).

Среди изданий этой серии необходимо назвать монографии наших польских коллег: «Борющийся ислам в Центральной Азии» С. Запасьника (2006), «Центральная Азия: проблемы истории и современности» (под ред. Т. Бодио и др., 2007), «Борьба с организованной преступностью в Центральной Азии» С. Редо (2007), «Конституционные реформы

---

⁵¹ Польские коллеги забывают, что их центральноазиатские соавторы в своем абсолютном большинстве получили образование и научную подготовку в советскую эпоху, т.е. являются представителями европейской (по стилю, методике и мировоззрению) научной школы. Но справедливости ради следует добавить, что наука не бывает «европейской», «азиатской» или «африканской». Есть просто научное знание или псевдонаучное. Разница в методологии также не может носить географический характер: она просто носит научный характер или же антинаучный.

⁵² Bodio T., Wojtaszczyk R.A. (eds.). *Kazakhstan. Historia–spolecznstwo–politika*. — Warszawa: IPS UW, 2000. — 500 s.; Bodio T. (ed.). *Uzbekistan. Historia–spolecznstwo–politika*. — Warszawa: IPS UW, 2001. — 536 s.; Bodio T. (ed.). *Tadzykistan. Historia–spolecznstwo–politika*. — Warszawa: IPS UW, 2002. — 649 s.; Bodio T. (ed.). *Kirgistan. Historia–spolecznstwo–politika*. — Warszawa: IPS UW, 2004. — 897 s.; Bodio T. (ed.). *Turkmenistan. Historia–spolecznstwo–politika*. — Warszawa: Elipsa, 2005. — 840 s.

в центральноазиатских государствах» Т. Бодио и Т. Молдавы (2007), «Регион Центральной Азии как очаг международного влияния» Б. Боярчика и А. Зентек (2008), «Властные элиты в Центральной Азии» Т. Бодио и П. Заленского (2008)⁵³.

Проблемам современного Казахстана посвящены следующие работы польских ученых: «Элиты политической власти Казахстана» П. Заленского (2006), «Казахстан: политологическое исследование» П. Грохмальского (2006), «Казахстан — Узбекистан: соревнование за лидерство в Центральной Азии» (2007) и «Этническая политика в Казахстане и других странах тюркского сообщества Центральной Азии» А. Вирбицкого (2008)⁵⁴. Данная литература в разном объеме содержит исторический, этнографический и востоковедный материал.

В дальнейшем польские коллеги рассчитывают на базе достигнутого в ходе проекта опыта создать Европейский центр исследований Центральной Азии. На это направлены и контакты между академическими сообществами двух сторон. Последним такого рода был визит польского коллектива в республики Центральной Азии в 2007 г.

Таким образом, у нас перед глазами грандиозная панорама совместных польско-центральноазиатских исследований, посвященных региону. Как считают сами организаторы проекта из Польши, изданная серия книг является своего рода документальным памятником эпохе в истории Центральной

---

⁵³ Zapasnik S. "Walczący islam" w Azji Centralnej. Problem spoltcznej genezy zjawiska. — Wrocław, 2006. — 215 s.; Bodio T., Jakubowski W., Zalenski P. (eds.). Azja Centralna — problemy historii i wspolczesnosci. — Pultusk: Pismo Edukacyjne, 2007. — 376 s.; Redo S. Zwalczanie przestepczosci zorganizowanej w Azji Centralnej. — Warszawa: IPS UW, 2007. — 314 s.; Bodio T., Moldawa T. Konstytucje panstw Azji Centralnej. Tradycje i wspolczesnosc. — Warszawa: IPS UW, 2007. — 607 s. Bodio T., Moldawa T. Constitutional Reforms in Central Asian States. — Warszawa: IPS UW, 2008. — 350 s.; Bojarczyk B., Zietek A. (eds.). Region Azji Centralnej jako obszar wplywow miedzynarodowych. — Lublin: UMCS, 2008. — 286 s.; Bodio T., Zalenski P. Elites of Power in Central Asia. — Warszawa: IPS UW, 2008.

⁵⁴ Zalenski P. Elity wladzy politycznej Kazakhstanu. — Warszawa: IPS UW, 2006. — 310 s.; Grochmalski P. Kazakhstan. Studium politologiczne. — Torun: WUMK, 2006. — 765 s.; Zamarajewa A. Kazakhstan — Uzbekistan: rywalizacja o przywodztwo w Azji Centralnej. — Pultusk: Akademia Humanistyczna, 2007. — 167 s.; Wierzbicki A. Ethno-politics in Kazakhstan and other countries of Turkic Community in Central Asia. — Warszawa: IPS UW, 2008.

Азии. При этом эта исследовательская программа вписывается в польскую традицию исследований. Одним из значимых эффектов данной программы является «дискредитация традиционных исследовательских стереотипов», как считает Т. Бодио, в особенности — евроцентризма и азиоцентризма. К позитивным результатам проекта польский ученый относит также «восприятие чужих аргументов, поиск новых парадигм и методологий, принимающих во внимание культурно-исторические, политико-экономические и психологические особенности региона». Для нас важен прикладной характер применения результатов проекта, которые используются польскими коллегами для чтения лекций и проведения семинаров в Варшавском университете.

§ 3. Швеция

История развития в северных странах ориенталистики в целом и центральноазиатских исследований, в частности, — это во многом серия очерков об отдельных выдающихся исследователях-путешественниках. Шведские ученые, испытавшие на себе сильное влияние немецкой науки, сами внесли немалый вклад в развитие алтайских исследований в соседней Финляндии.

Изучение Внутренней Евразии в Швеции связано с именем Свена Гедина (**Хедина, 1865—1952**), известного путешественника и востоковеда.

Гедин изучал персидский, русский и азербайджанский языки. Позднее он выучил также отдельные диалекты персидского, а также турецкий, киргизский, монгольский, тибетский и немного китайский, говорил на немецком, английском, французском, знал латынь. На пароходе через Каспийское море он отправился в Тегеран, оттуда по суше и по р. Те-

бриз добрался до Багдада, а затем вернулся обратно в Тебриз. Из Тебриза через Кавказские горы, Чёрное море приехал в Константинополь и уже оттуда вернулся обратно в Швецию. Об этом путешествии он в 1887 г. написал книгу «По Персии, Месопотамии и Кавказу». В период 1886—1934 гг. он предпринял крупные экспедиции в Тибет и Среднюю Азию, благодаря которым были описаны многие исторические памятники и ландшафты, устранены многие «белые пятна» на карте мира. В одном лишь Тибете он нанес на карту около 170 000 квадратных километров. Николай II содействовал проведению его экспедиций и гарантировал шведскому гостю свободный проезд по железным дорогам России, ради безопасности даровал Свену Гедину эскорт из 4 сибирских казаков для сопровождения его экспедиции 1899—1902 гг. и впоследствии наградил всех казаков орденами Святой Анны за трехлетний поход со Свеном Гедином.

После поражения России в войне с Японией (1905) Гедин пришел к убеждению, что движение России на восток остановилось, зато ее экспансистские усилия теперь будут направлены на запад и север, в том числе и на Скандинавию. Эти идеи он открыто и довольно резко излагал на родине и в Европе. Заметим, что также непримиримо он критиковал и захватническую политику Британии в Тибете. Такая позиция в итоге привела к исключению Свена из Русского географического общества (1912) и к полному разрыву связей с официальной Россией. Отношения Свена Гедина с Россией возобновились в 1924 г. — советское правительство пригласило его выступить с лекциями в Москве и Ленинграде (в это время он возвращался из Пекина в Стокгольм).

Гедин был последним человеком, которому шведский король пожаловал дворянство (в 1902 г.; формально институт дворянства был упразднен в Швеции в 1975 г.). В 1920—1930-е гг. он был наиболее известным в мире шведом, его

книги были опубликованы во многих странах мира, в том числе в СССР. Гедин, будучи консерватором, связанным с пангерманистским движением, стоял на германофильских позициях в Первую мировую войну, открыто высказывался в поддержку Гитлера, во время 1-й и 2-й мировых войн публиковал статьи и книги в поддержку Германии⁵⁵.

Среди шведских ученых, сочетавших академическую карьеру с политикой, следует назвать дипломата и востоковеда Гуннара Ярринга (1907—2002). Г. Ярринг работал в 1940—1941 гг. в должности атташе Шведского посольства в Анкаре, в 1941—1945 гг. — начальником отдела Посольства в Тегеране, с 1945 г. — поверенным в делах в Тегеране и Багдаде, в 1946—1948 гг. — поверенным в делах в Адис-Абебе, в 1948—1951 гг. — посланником в Нью-Дели, с 1950 г. — и в Коломбо, в 1951—1952 гг. — послом в Тегеране, Багдаде и Карачи. С 1952 г. — начальником политического отдела МИД Швеции в Стокгольме. В 1956—1958 гг. Ярринг — посол при ООН, в 1957—1958 гг. — представитель Швеции при Совете Безопасности ООН. Совет Безопасности направляет Ярринга в Индию и Пакистан посредником для решения так называемого Кашмирского вопроса. В 1958—1964 гг. — посол в Вашингтоне. С 1964 г. — посол Швеции в Москве и Улан-Баторе.

Г. Ярринг зарекомендовал себя как специалист по уйгуроведению. После окончания школы в Лунде поступил в Лундский университет. Слушал лекции профессора Г. Ракета (G. Raquette) — знатока книжного и народного языка уйгуров Синьцзяна, автора лучшей в свое время уйгурской грамматики. В 1928 г. в Берлине занимался уйгурским языком и тюркологией у В. Банга. В 1929 г. в Будапеште под руководством Л. Феке-те занимался османской дипломатикой. В 1931 г. он слушал

---

⁵⁵ Гедин С. В Сердце Азии. — Санкт-Петербург, 1899. Хедин С. В сердце Азии. — Москва: МГУ, 2010 г.

курс по персидскому языку в Копенгагене. Ярринг владел уйгурским, турецким, персидским языками, мусульманской палеографией.

С сентября 1929 г. по март 1930 г. находился в научной командировке среди уйгуров Кашгара и Енгисара (Западный Синьцзян). По результатам этой поездки издал книгу по фонетике уйгурского языка (*Studien zu einer ostturkischen Lautlehre*), автор книги «Спор плодов» (1936) — источника по фольклору и истории уйгуро-узбекского языков и литературных связей. В 1935 г. работал в Кашмире, где продолжал собирать материалы по уйгурскому языку. В 1964 г. издал уйгурский диалектологический словарь (*An Eastern Turkic-English Dictionary*).

В октябре—декабре 1935 г. Ярринг исследовал Афганский Туркестан, где изучал туркменское и узбекское население. В 1938 г. он издал собрание фонетических записей афганских узбеков (*Uzbek text from Afghan Turkestan*), относящихся к смешанной группе иранизированных узбекских говоров. Параллельно Ярринг написал работу о тюркоязычном населении Афганистана, управлении уйгурских мазаров, о коврах синьцзянских киргизов, обычаях афганских узбеков, об уйгурском шаманизме и др.

Он также автор работ о крымских татарах, романизированном алфавите уйгурского и казахского языков в Кашгаре, реформах Атаюрка, новой Турции и Афганистане, об истории Швеции в связи с пребыванием Карла XII в Турции (по архивным материалам Анкары) и др.⁵⁶

---

⁵⁶ Ярринг Г. До гласности и перестройки: Мемуары 1964—1973. — Москва: Прогресс, 1992. — 239 с.

§ 4. Дания

Датская тюркология, также развивавшаяся под влиянием немецких исследований в области алтаистики, представлена в первую очередь великим ученым, внесшим решающий вклад в развитие этой дисциплины, Вильгельмом Томсеном (1842—1927), который в 1896 г. расшифровал орхоно-енисейские рунические надписи. Томсен занимал должность профессора филологии Копенгагенского университета, однако лично принимал участие в археографических экспедициях. Так, в 1907—1908 гг. он принял участие в экспедиции в Южный Казахстан, где обнаружил и исследовал памятники рунической письменности древних тюрок (так называемый Таласский памятник), расшифрованный впоследствии венгерским ученым Ю. Неметом. Исследования Томсена оказали огромное влияние на развитие тюркологии, финно-угорских исследований, алтаистики и монголоведения в XX в. во всех Скандинавских странах, Финляндии, Венгрии, Германии, России. Его книга «Орхонские надписи» (**Thomsen, 1896**) стала классической и была переведена на все основные европейские языки, включая русский.

Традиции датской тюркологии продолжил в XX в. Х. Ховдхауген. Он анализировал, в частности, орхонские надписи Кюль-Тегина и Бильге-Кагана (Ч. II. Гл. I). Этот исследователь предпринял своего рода попытку революционного взгляда на изучение орхонских надписей. Ховдхауген предложил для более точной расшифровки опираться на взаимную связь этих двух важнейших источников и искать их внутреннюю идентичность (**Hovdhaugen, 1974**).

Наиболее выдающимся датским тюркологом считается Карл Гренбек (1901—1957), получивший образование в Германии и работавший профессором в Копенгагенском университете. Гренбек известен как куманолог (кипчаковед) и

авторитет в трактовании памятника «Кодекс Куманикус», бывший также одним из основателей «Центральноазиатского журнала» (1955). Этот ученый был соавтором совместно с Ж. Дени и З.В. Тоганом «Фундаментальной тюркской филологии». Ядром концепции К. Гренбека является положение, согласно которому имя в тюркских языках является носителем понятия собирательности, представляя собой основу всего строя тюркских языков. К. Гренбек писал, что многозначность имен в тюркских языках породила сильно выраженную тенденцию легко соединяться с именами и глаголами. А непосредственное нанизывание двух имен и постановка имени перед глаголом достаточны для возникновения прочной, замкнутой группы. Потому центром тяжести такой группы всегда является последний член, перед которым предшествующий член теряет свою самостоятельность и снижается до уровня уточнителя. Ученый допускал, что первоначально именная определительная группа и именная предикативная группа (предложение) строго не различались.

§ 5. Финляндия

История центральноазиатских исследований в Финляндии берет отсчет с урало-алтайских исследований. Крупнейшей фигурой был Карл Август Э. Алквист (1826—1889), известный финский (шведского происхождения) филолог, исследователь финно-угорских языков, внесший значительный вклад в финно-угроведение. В 1854—1859 гг. совершил ряд экспедиций в земли, населенные финно-угорскими народами, а в 1877—1880 гг. посетил земли хантов и манси. Опубликовал ряд трудов о водском, вепском, мордовском, хантыйском и мансийском языках, эстонской литературе, а также исследования о родстве между финским и венгерским языками. Также

Алквист написал книгу «Воспоминания о поездке в Россию». В 1847 г. получил степень магистра философии Гельсингфорского университета, а в 1860-м — степень доктора философии. В 1863 г. сменил своего друга Элиаса Лённрота на должности профессора финского языка Гельсингфорского университета, позднее стал также канцлером.

История центральноазиатских полевых исследований в Финляндии тесно связана с именем Карла Густава Маннергейма (1867—1951). Эта фигура равно принадлежит российской и финской науке. Маннергейм родился на территории будущей Финляндии в семье выходцев из Швеции. Он получил образование в кадетском корпусе, Гельсингфорском лицее и в Николаевском кавалерийском училище в Петербурге и владел шведским, финским и русским языками, помимо основных европейских. В дальнейшем он овладел и китайским языком. Военная карьера Маннергейма была безупречной: он участвовал в русско-японской войне 1905 г., Первой мировой войне и командовал войсками буржуазной Финляндии во время так называемой «зимней войны» с СССР. После войны с Японией Маннергейм был отправлен Генеральным штабом в военно-научную экспедицию по странам Центральной Азии. Маннергейм побывал в Русском и Китайском Туркестане, Пекине и достиг Японии. Маннергейм был первым из европейцев, кому удалось встретиться с Далай-ламой в Тибете. Маннергейм сделал фотоснимки сцен богослужения и быта буддийских монахов. Его дневники с фотографиями были изданы в 1909 г., а в 1940 г. на их основе появилась увлекательная книга «Через Азию на восток» (**Mannerheim, 1940**).

После экспедиции Маннергейм был произведен в генерал-майоры свиты российского императора. В мировой войне Маннергейм командовал дивизией в Польше, а после революции ушел в отставку и уехал в Финляндию. Здесь, после того как ноябрьская революция в Германии смела правящую

династию Гогенцоллернов и немецкий принц не смог занять предложенный ему финский престол, Маннергейму было присвоено звание правителя Финляндии. В этом ранге он добился признания Финляндии Англией и Францией и заложил основы государственного управления. Но на выборах 1919 г. Маннергейм потерпел поражение, а его призыв начать военный поход против советской России нашел негативный отклик среди общественности, и он был вынужден надолго отойти от политики. В 1940 г., когда между СССР и Финляндией началась война, старый маршал (это звание было присвоено ему в 1931 г.) принял на себя командование финскими войсками (его имя было увековечено в названии системы оборонительных сооружений — так называемая «линия Маннергейма»).

Становление алтайских исследований в Финляндии связано с Густавом Рамstedтом (1873—1950), финским ученым шведского происхождения. Г. Йон Рамstedт — финский лингвист и дипломат, специалист по исторической лингвистике уральских, алтайских, корейского и японского языков. Он изучал финно-угорские языки в Хельсинкском университете под руководством Э.Н. Сетяля. Позднее увлекся алтайскими языками и отправился в экспедицию в Монголию для их изучения и в дальнейшем стал экстраординарным профессором алтайских языков в том же университете. Во время экспедиций в Монголию Рамstedт подружился с полномочным представителем 13-го Далай-ламы. По этой причине Рамstedт стал одним из немногих иностранцев, удостоенных права посетить Лхасу, однако дальнейшие события помешали его поездке в Тибет. В 1911 г. монгольская делегация в Санкт-Петербурге попросила Рамstedта быть их посредником в переговорах с царским правительством о предоставлении Монголии автономии в составе Китая.

Г. Рамstedт — автор фундаментальных трудов по алтайской лингвистике. Подвергнув критике гипотезу об урало-

алтайском генетическом родстве, Рамстедт включил в круг алтайских языков корейский и японский языки. После провозглашения независимости Финляндии он стал первым посланником Финляндии в Японии в ранге «поверенного в делах» с 1920 по 1929 г., и в течение данного срока неоднократно читал лекции в Токийском университете. Оказал влияние на многих японских лингвистов. С 1943 г. занимал пост первого вице-президента Финно-угорского общества. Опираясь на примеры тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейских языков, проводит анализ грамматических форм и на основе лингвистических закономерностей выводит общую формулу, которая характерна для общеалтайского языка-основы. Последние годы своей жизни Г. Рамстедт посвятил написанию обобщающих работ по сравнительно-историческому изучению грамматик алтайских языков⁵⁷.

В Финляндии известны два востоковеда под именем Отто Доннер. Один из них (1835—1909) — финский лингвист-угро-финовед, профессор санскрита и сравнительного языкознания Гельсингфорского университета (1875—1905), основатель (1883) и президент (с 1893) Финно-угорского общества. Другой О. Доннер (1871—1932) был участником экспедиций в 1890—1900-е гг. в Среднюю Азию. Он известен своими открытиями (совместно с К. Мунском) древнетюркских памятников под Аулие-Атой и Верном, привлечших внимание европейских ориенталистов к исследованиям в Средней Азии и Южном Казахстане на XII Международном конгрессе ориенталистов в 1899 г. в Риме и конгрессе в 1902 г. в Гамбурге.

Хенрик Й. Хейкель (1865—1937) также принадлежал к поколению финских востоковедов, начинавших еще в Российской империи, а затем развивавших ориенталистику в независимой Финляндии. В 1898 г. этот этнограф и линг-

---

⁵⁷ См.: Рамстедт Г. Введение в алтайское языкознание. Морфология, пер. с нем. — М., 1957.

вист-тюрколог возглавил экспедицию в Туркестан, собрав значительную коллекцию буддистских и древнетюркских памятников. Он также известен своими исследованиями так называемого «Таласского памятника» рунической письменности.

Послевоенная ориенталистика в Финляндии тесно связана с именем ученого Пентти Аалто (1917—1998), который известен как специалист по компаративистике, алтаистике, тюркологии. С 1947 по 1956 г. был секретарем Востоковедческого сообщества Финляндии; позже был избран почетным членом этого сообщества. Аалто был учеником Густава Рамстедта, который задал его интересам направление в области изучения монгольских и центральноазиатских языков. После смерти Рамстедта, наступившей в 1950 г., Аалто подготовил к печати многие неоконченные Рамстедтом работы. С 1956 по 1965 г. был секретарем Финно-угорского сообщества Финляндии. В 1958 г. вступил в должность профессора компаративистики в университете Хельсинки, которую занимал до 1980 г. В 1962 г. был избран членом Академии наук Финляндии. В 1963 г. он и его ученик Туомо Пекканен организовали проведение 6-й Всемирной конференции по алтаистике, впервые проходившей в Финляндии. Совершал научно-исследовательские поездки начиная с 1945 г., побывав в различных европейских странах, в Монголии, США, Индии.

Аалто начал заниматься преподавательской деятельностью с 1949 г., после того как получил должность доцента. За время преподавательской работы читал лекции по многим древним индоевропейским языкам, вдобавок по монгольским, древнетюркскому, чувашскому и тибетскому. Аалто был учителем целого поколения известных финских индологов. В 1969 г. исследовательская группа финских ученых-индологов опубликовала первые результаты проводимых ими исследований письма древнеиндийской цивилизации, что привлекло

внимание научного мира. Аалто написал три тома по истории лингвистики в Финляндии для широкомасштабного многотомного финского издания, посвященного истории образования и науки в Финляндии: 1971-й — «История изучения восточных языков»; 1980-й — «История изучения классических языков»; 1987-й — «История изучения современных языков».

§ 6. Италия

Как отмечалось выше, именно Италия (в лице Святого Престола) первой в Европе начала проявлять научно-познавательный и военно-политический интерес к странам Востока еще в раннее Средневековье. Католическая церковь инициировала многочисленные крестовые походы на Восток, в течение столетий поддерживала контакты с восточно-христианскими

церквями и Византией. Итальянские города-республики вели активную торгово-финансовую деятельность в Восточной части Средиземноморья и в Черноморском бассейне. Ватикан неоднократно пытался установить прямые контакты и даже заключить военно-стратегический союз с Монгольской империей. В истории остались экспедиции Плано Карпини, Марко Поло и других выдающихся средневековых путешественников итальянского происхождения, а главное — их литературные памятники (Ч. II. Гл. I).

В результате по истечении веков в итальянских рукописных коллекциях и библиотеках скопились огромные массивы манускриптов, памятников материальной культуры, предметов этнографии и т.д. Естественно, что в Италии большое развитие получили арабистика, тюркология, африканистика, нумизматика, археология и другие прикладные дисциплины.

Крупнейшее в современной Италии учреждение ориенталистики — это Итальянский институт Африки и Востока (Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, IsIAO) (общественная некоммерческая организация, подчиненная МИДУ и включающая в свой состав 300 членов). Это крупнейший в Италии центр востоковедения и африканистики, а также развития сотрудничества Италии со странами Африки и Азии в области культуры.

Институт объединяет научно-исследовательские центры, организует выставки, конференции и специализированные семинары, публикует журналы и научные издания, с 1950-х гг. проводит курсы африканских и восточных языков и культур, реставрацию архитектурных памятников (например, Персеполис в Иране) и программы сотрудничества в области сохранения и реставрации, подписывая соответствующие соглашения и вступая в партнерские отношения с академическими учреждениями и университетами Италии и других стран с помощью своих членов и значительного числа экспертов и преподавателей в области африканистики и востоковедения.

Выдающийся вклад в развитие тюркологии в Италии внес Алессио Бомбачи (1914—1979), профессор Восточного института в Неаполе и Римского университета. Сфера интересов Бомбачи — турецкая (османская) литература, литературные памятники как исторические источники. Главный труд Бомбачи — «История тюркской литературы» (**Bombaci, 1956**), в которой он проследил развитие тюркской литературы и письменных памятников от древнетюркских до османских. Его заслуги в этой области нашли признание в Турецкой Республике; он был принят в почетные члены Турецкого лингвистического общества, а его труды оказали влияние на развитие всей западной тюркологии⁵⁸.

К числу исследователей Центральной Азии следует отнести Марио Буссалли, итальянского профессора востоковедения из Восточной школы Римского университета, автора книги «Культура и цивилизация Центральной Азии» (1970), а также ряда монографий по архитектуре и живописи древних Китая и Индии. В области культуры и языкознания тюркских народов в течение долгого времени работал Дж. Карретто (р. 1939), арабист и сотрудник Восточной школы Римского университета, редактор журнала «Ориенте модерно». Он известен своей работой «Состояние тюркологии в Италии (1979)». В Восточном институте в Неаполе тюркологией, сравнительной лингвистикой и казахской филологией многие годы занимался Уго Марацци. Среди исследователей наследия Марко Поло следует назвать сотрудника Университета Венеции Уго Тучи, в связи с этим занимавшимся историей Золотой Орды и Центральной Азии. Известна его работа (1987), посвященная анализу и трактовке записей М. Поло.

---

⁵⁸ См. также: Бомбачи А. Тюркские литературы. Введение в историю и стиль // Зарубежная тюркология. Вып. I. — М.: Наука, 1986. С. 191—203.

§ 7. Швейцария

В собрании Бернского исторического музея существует обширная востоковедческая коллекция исламского искусства на правах постоянной экспозиции. Своим появлением в Берне она обязана швейцарскому меценату русского происхождения Анри Мозеру (1844—1923). А. Мозер был старшим лейтенантом швейцарской армии, служил в русском гарнизоне в Туркестане и прожил, судя по сохранившимся данным (Кläy, 1999), бурную жизнь, которая включала в себя укрощение туркменских лошадей, контрабанду шелком, строительство в Ташкенте пекарен и бань, участие в качестве эксперта в строительстве оросительных сооружений в Зерафшанском оазисе, авторство книг в вояжном жанре, коллекционирование восточного оружия, ковров и предметов искусства, организацию международных выставок, военную службу в Иране и дипломатическую для Австро-Венгрии в Париже в качестве генерального комиссара по Боснии-Герцеговине.

Центральноазиатская коллекция А. Мозера была собрана в 1868—1889 гг. Между 1876 и 1893 г. он организовал на основе своей коллекции серию выставок восточного оружия в Берне, Цюрихе и Штутгарте, что способствовало росту интереса в европейских культурных кругах к историческому и культурному наследству Центральной Азии. К концу 1990-х гг. в распоряжении Мозера оказалась обширная восточная коллекция, включавшая не только центральноазиатский материал, но и экспонаты из Ирана и Боснии. Эта коллекция официально была открыта для доступа в качестве «Музея Мозера» при Бернском историческом музее в 1922 г. В декабре 1989 г. после долгого перерыва собрание было отреставрировано и вновь в максимально приближенном к оригиналу виде открыто для осмотра. Коллекция оружия

Мозера включает в основном старинные и модернизированные классические формы: шамширы, ятаганы, карды, пишкабы, ханьяры, тулвары, килики, хиланумы и кинжалы. Помимо оружия в собрании представлены многочисленные ремесленные изделия самых разных направлений, прежде всего украшения, имеющие отношение к военной экипировке (пояса), а также металлическая посуда, керамика, ковры и миниатюры. С 1993 г. Бернский музей открыл на основе новых поступлений передвижную выставку «Расцвет кочевников» (**Zeller, Rohrer, 1955; Kläy, 1991; Balsier, Kläy, 1992**).

Историографический вклад А. Мозера также заметен. Это, прежде всего, книга мемуаров, изданная в Лейпциге в 1888 г. на немецком языке, «Через Центральную Азию». Там же, в Лейпциге, в 1912 г. Мозер издал искусствоведческую работу по собственной коллекции, где дал свое видение методики и систематизации восточного оружия (**Moser 1888; Moser, 1912**).

Благодаря пребыванию в Женеве Ага-хана, традиционного лидера исмаилитов, Женевский музей искусства и истории смог открыть в 1999 г. выставку на основе коллекции Садруддина Ага-хана, получившую название «Принцы, поэты и паладины». Выставка представляет собой великолепную коллекцию персидских, индийских и центральноазиатских миниатюр к известным книгам мусульманского мира, в том числе «Шах-Наме» Фирдоуси. В коллекции представлены также произведения тимуридской эпохи и периода сефевидов из так называемых тебризской и гератской школ живописи. Ага-хан смог найти и выкупить шесть миниатюр из издания «Шах-Наме», подготовленного для шаха Тамаспа (1524—1576), которое до 1970 г. распродавалось по отдельным страницам. Другой важной составляющей коллекции Ага-хана в Женеве является индийское ис-

кусство эпохи Бабура, а также постмогульское искусство, в частности позднеиндийская и непальская школы. Настоящим украшением коллекции, вошедшим в европейские учебники по мусульманскому искусству и истории ислама, является картина, изображающая въезд Мухаммеда в Медину.

* * *

Таким образом, картина развития востоковедения в странах Восточной, Центральной, Южной и Северной Европы в контексте изучения Внутренней Евразии и Центральной Азии остается достаточно отрывочной и неполной, в отличие от развития гомогенных национальных школ трех великих европейских держав. Но, находясь под их сильным влиянием и в синтезе с ними, востоковедные школы средних и малых стран Европы сообща составляют целостное явление, которое мы называем «европейской ориенталистикой». В XX в., особенно во второй половине столетия, европейское востоковедение утрачивает лидерство. Центром фундаментальных научных и академических исследований становятся Соединенные Штаты (наряду с Советским Союзом). По мере распада колониальных империй и появления новых независимых государств в странах Востока новые нации начинают отказываться от идеологического, в том числе и научного, наследия своих метрополий и пересматривать унаследованные версии своей истории (иногда в ущерб научной правде). Востоковедение приобретает национальный характер в странах Африки и Азии, мусульманском мире.

**Источники и литература к теме «Развитие
востоковедения в странах Восточной Европы,
Швейцарии, Италии и Скандинавских странах»**

Aalto P. Qutuγ-tu Parċarakšā kemekü Tabun Sakiyan neretü Yeke Kölgen sudur, in Umschrift, mit Facsimile der mongolischen Handschrift (Leningr. MSZ. 130) herausgegeben. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1961.

Aalto P. Oriental studies in Finland 1828—1918. — Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1971.

Aalto P. Studies in Altaic and comparative philology. — Helsinki: The Finnish Oriental Society, 1987.

Aalto P.; Pekkanen, T. Latin sources on north-eastern Eurasia (2 Vols). — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975—1980.

Ahlqvist K. Forschungen auf dem Gebiet der Ural-Altäischen Sprachen. — St.Pbr., 1861—1894.

Almasy G.von. Vandor-Utam Azsia Szvebe. — Budapest, 1903.

Balsier R.N., Kläy E.J. Bei Schah, Emir und Khan. Henri Moser Charlottenfels 1844—1923. — Schaffhausen, 1992. — 232 S. + 257 Abb.+51 Farbt.

Barczy G. Quelques conclusions tirées de letude des plus anciens mots demprunt turcs du hongrois // Acta Orientalia Hungaricae. 1972. T. 25. N 1—3, pp. 383—390.

Bombaci A. Storia della letteratura turka. — Milano, 1956 — 526 p.

Bombaci A. Histoire de la littérature turque. — Paris: Librairie C. Klincksieck, 1968.

Czeglédy K. A Kunok ezedetéről // Magyar Nyelvőr. 1949. Vol. 45, pp. 43—50.

Bussagli M. Cultura e civiltà dell Asia Centrale. — Turino, 1970.

Czegledi K. On the Numeral Composition of of the Ancient Turlish Tribal Confederations // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungariae. 1972. T. 25. fasc.1—3, pp. 276—281.

Czegledi K. Nomád népek vándorlása Napkelettol Napnyugatig. — Budapest, 1969.

Donner O. Wörterverzeichnis zu den Inscriptions de Ilenissei. — Helsingissä: MSFOu, 1892. — 69 S.

Donner O. Sur lorigine de lalphabet turc du Nord de lAsie. — Helsingfors: JSFOu, 1896.

Escedy H. Trade and War Relations between the Turks and China in the Second Half of the 6th Century // Acta Orientalia Hungaricae. 1968. T. 21, pp. 131—180.

- Escedy H. Tribe and tribal Society in the 6th Century Turk Empire // *Acta Orientalia Hungaricae*. 1972. T. 25. Fasc. 1—3, pp. 245—262.
- Escedy H. Tribe and Empire, Tribe and Society in the Turk Age // *Acta Orientalia Hungaricae*. 1977. T. 31. Fasc. 1, pp. 3—15.
- Escedy H. Ancient Turk Burial Customs // *Acta Orientalia Hungaricae*. 1984. T. 38. Fasc. 3, pp. 263—287.
- Grobe-Hagel K. „So schnarcht man in Konstantinopel“ // *Oxus*. 1—10. 1998, S. 39—40.
- Gronbeck K. Der türkische Sprachbau. — Copenhagen: Munksgaard, 1936. — 182 S.
- Gronbeck K. Kumanische Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. — Copenhagen, 1942. — 315 S.
- Gronbeck K. The Steppe Region in World History // *Acta Orientalia*. 1958. Vol. 23, pp. 43—45; 1959. Vol. 24, pp. 15—28; 1960. Vol. 25, pp. 1—14.
- Gross F. Koszownictwo. — Warsawa: Kasa im mianowskiego, 1936.
- Harmatta J. The Dissolution of the Hun Empire. Pt.I: Hun Society in the Age of Attila // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1952. Vol. II. Fasc. 4, pp. 277—304.
- Harmatta J. Studies in the Sources on the History of Pres-Islamic Central Asia. — Budapest: Akademiai Kiado, 1979. — 162 p.
- Hayai G. Sprachen, Geschichte un Kultur der altaischen Völker. — Budapest: Akademiai Kiado, 1974. — 668 S.
- Hedin S. Scientific Results of a Journey in Central Asia and Tibet. 8 vols. — Stockholm, 1904—1908.
- Hedin S. Mein Leben als Entdecker. — Leipzig: Brockhaus, 1942 (1929). — 403 S.
- Heikel H.J. Altertümer aus dem Talas in Turkestan. — Helsinki: TESFOu, 1918.
- Hovdhaugen E. The Relationship between the two Orkhon Onscriptions // *Acta Orientalia* (Copenhagen). 1974. Vol. 36, pp. 55—83.
- Jarring G. Studien zu einer osttürkestanische Landslehre. — Lund, 1933.
- Jarring G. On the Distribution pf Turk Tribes in Afghanistan. — Lund, 1939.
- Kakuk S. Quelques catégories de noms de personnes turcs // *Acta Orientalia Hungaricae*. 1974. T. 28. N 1, pp. 1—35.
- Kläy E.J. „Durch Zentralasien“ — zur Standausstellung der Sammlung Henri Moser Charlottenfels im Historischem Museum Bern // *Oxus*. 1999. N 2, S. 47—50.

- Klät E.J. Orientalische Sammlung Henri Moser Charlottenfels. — Bern: BHM, 1991. — 36 S.
- Kotwicz Wl. Contribution à l'histoire de la Asie Centrale // Rocznik Orientalistyczny. 1949. Vol. 15, pp. 159—195.
- Ligeti L. Quelques problemes ètymologie des anciens mots demprunt turcs de la langue hangroise // Acta Orientalia Hungaricae. 1975. T. 29. N 3, pp. 279—288.
- Mannerheim K.G. Across Asia from to East in 1906—1908. 2 Vols. — Helsinki, 1940.
- Moser H. Durch Zentralasien. — Leipzig, 1888. — 441 S.
- Moser H. Collection Henri Moser Charlittenfels. Armes et armures orientales. — Leipzig, 1912.
- Nagrodzka-Majchrzyk T. Geneza miast u dawnych ludow tureckich (VII—XII w.). — Wroclaw: PAN, 1978. — 168 s.
- Németh G. Türkisches Lesebuch mit Glossar. — Berlin, 1916.
- Németh G. Türkische Grammatik. — Berlin-Lipcse, 1917.
- Németh G. Türkisches Übungsbuch für Anfänger. — Berlin-Lipcse, 1917.
- Németh G. Die türkischen Texte des Valentin Balassa. — Budapest, 1953.
- Németh G. Die Türken von Vidin. — Budapest, 1965.
- Németh G. Die türkische Sprache in Ungarn im XVII. Jahrhundert. — Budapest-Amszterdam, 1970.
- Páloczi-Horváth A. Situation des recherches archéologique sur les comans en Hongrie // Acta Orientalia Hungaricae. 1973. T. 27. N 2, pp. 201—209.
- Páloczi-Horváth A. Limmigration et letablisement des comans en Hongrie // Acta Orientalia Hungaricae. 1975. T. 29. N 3, pp. 313—333.
- Räsänen M. Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. — Helisinki, 1949.
- Räsänen M. Contributions au classement des langues turques // Rosznik Orientalistczni. 1951—52. Vol. 17, s. 92—103.
- Shiratori K. Über den Wu-sun Stamm in Centralasien // Keleti Szemle. 1902. N 3, S. 103—140.
- Thomsen V. Inscriptions de IOrkhon. — Helsingfors, 1896. — 224 p.
- Thomsen V. Alttürkische Inschriften aus der Mongolei // Zeizschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1924. Bd. 78, S. 121—175.
- Vambéry H. Cagataische Sprachstudien. — Leipzig: Brockhaus, 1867. — 360 S.

Vambéry A. Voyages dun faux derviche dans l'Asie Centrale de Teheran à Khiva, Bukhara et Samarkand par le grand désert turcoman. — Paris: Hachette, 1868 (1863). — (402 p.) 263 p.

Vambéry A. Die primitive Kultur des Türko-Tatarischen Volkes. — Leipzig, 1879.

Vambéry H. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. — Leipzig, 1885.

Vambéry H. Russlandsmachtstellung in Asien. — Leipzig, 1891.

Vambéry H. Noten zu den Alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibirien. — Helsingfors, 1899.

Vambéry H. The Story of my Struggles. The Memoires of Arminius Vambéry. 2 Vols. — London: Fisher, 1904. — 492 p.

Vambéry H. History of Buchara. — New York: Arno Press, 1973 (1873). — 419 p.

Vambéry H. Mohammed in Asien. Verbotene Reise nach Buchara und Samarkand 1863—1864. Hrsg. von P. Simons. — Stuttgart: Erdmann, 1983. — 352 S.

Vásáry I. The Golden Term „Daruga“ and its Survival in Russia // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1976. T. 30, pp. 187—197.

Zajaczkowski A. Manuel arabe de la langue des Turcs et des Kipchaks. — Warsaw, 1938. — 93 p.

Zaleski B. La vie de steppes kirghizes: descriptions, récits, contes. — Paris, 1865. — 56 p.

Zeller R., Rohrer E.F. Orientalische Sammlung Henri Moser Charlottenfels. Beshreibender Katalog der Waffensammlung. — Bern, 1955.

Глава V. Ориенталистика в США и изучение Центральной Азии

В США центральноазиатские исследования, в отличие от Европы, всегда были тесно связаны с русистикой. Основоположником американской русистики можно считать шестого президента США Джона Куинси Адамса, который в 1809—1814 гг. был первым послом Соединенных Штатов в Российской империи, официально принятым при дворе и поддерживавшим приятельские отношения с Александром I. Однако системное изучение России началось почти полтора века спустя благодаря профессиональному русисту Джорджу Кеннану. 22 февраля 1946 г. Кеннан, в то время заместитель американского посла в Москве, отправил в Вашингтон телеграмму № 501. В ней дипломат описал логику действий СССР на международной арене, а также изложил основы стратегии, которую США могли бы применить для борьбы с советским влиянием в мире (так называемая «длинная телеграмма»)⁵⁹.

В 1946 г. при Колумбийском университете на деньги семьи Рокфеллеров был создан Русский институт, ставший первым центром изучения стран Варшавского договора (с 1982 г. переименован в честь Уильяма Гарримана). В 1948 г. в Гарварде появился Центр русских исследований (сейчас Центр имени Дэвиса); деньги дала Carnegie Corporation. В 1940—1950-е гг. при американских университетах была создана мощная сеть из советологических центров (из 17 наиболее сильных некоторые находились даже в такой глубинке, как Канзас или Огайо). Ежегодно университеты выпускали сотни бакалавров, десятки магистров и докторов советологии. В США активно учили русский, каждый год выходили сотни научных статей и десятки книг.

⁵⁹ Габуев А. Кто в Вашингтоне разбирается в России // Власть/Коммерсант. N 19. 19.05.2014.

В США, где традиции востоковедения и славистики не были так сильны, приходилось создавать центры данного профиля за счет ученых-эмигрантов. Большую роль на первых порах сыграли эмигранты первой и второй волны из Российской империи, СССР и стран Восточной Европы. В этом плане характерна судьба центра по изучению урало-алтайских народов в Индианском университете в Блумингтоне. Идея создать такой центр появилась еще во время войны, когда обнаружилось, что в Америке отсутствует школа угроведов и тюркологов. С учетом того, что противниками США были Финляндия и Венгрия, и из других военно-политических и геополитических соображений, возникла необходимость создать центр, в котором готовили специалистов по алтайской языковой семье. Возглавил это направление выходец из Венгрии, профессиональный востоковед Д. Синор.

Первая крупная попытка в американской этнографии XX в. дать описание народов Центральной Азии была сделана в книге Вальдемара Джокелсона «Народы Азиатской России». Книга увидела свет в 1928 г.; этому предшествовала кропотливая работа автора по сбору материалов в рамках Американского музея естественной истории в Нью-Йорке. Работа Джокелсона — это одновременно и историческая, и этнографическая работа, в которой две главы «Народы Туркестана» и «Азиатские степные провинции» посвящена непосредственно Казахстану. Представляют особый интерес сделанные Джокелсоном прямые этнографические наблюдения во время его экспедиции в регион. Автор дает описание русского населения в степи, «представители которого все говорят по-казахски, темноволосы, а их русский язык утратил первоначальное славянское звучание» (**Jochelson, 1928, p. 133**). С точки зрения европейского опыта этнографического изучения региона книга Джокелсона не является выдающимся вкладом в науку, но для американской этнографии это был один из

первых самостоятельных шагов в Центральной Азии. Кроме того, материал, собранный Джокелсоном, представляет для нас интерес с познавательной точки зрения, давая картину жизни в степи и отношений между казахами и «казахскими русскими» еще до коллективизации.

Влияние российской и советской эмиграции на развитие центральноазиоведческих исследований в востоковедении США было значительным, но не таким большим, как представителей европейской ориенталистики. Тем не менее ряд русских ученых принадлежит к выдающимся представителям западного востоковедения. К ним с полным основанием следует отнести Г. Вернадского, профессора Йельского университета. В 1953 г. Г. Вернадский подготовил третий том своей «Истории России», посвященный монгольской эпохе русской истории. Изложение событий монгольского периода велось Вернадским в ракурсе его основной идеи формирования единой евразийской общности (Ч. II. Гл. III. § 1—3). Монография Вернадского была признана на Западе как первоклассный научный труд, а его изучение было включено во все университетские курсы по средневековой истории России. Вернадский попытался сформулировать, в чем проявилось воздействие монголов на государственность, экономику, социальные отношения и культуру завоеванных русских княжеств. Данное исследование с полным основанием можно отнести к зарубежной историографии, так как оно до сих пор не было переведено на русский язык, в силу известных обстоятельств почти не было известно советским историкам, кроме специалистов, и не оказало никакого влияния на официальную советскую концепцию так называемого татаро-монгольского ига.

Вторая мировая война была важным периодом развития в американском востоковедении таких направлений, как алтаистика, тюркология, их практического применения и те-

оретической базы. Это касается в первую очередь Индианского университета в г. Блумингтоне (Индиана), при котором в годы войны возник Центр уральских и алтайских исследований, ставший позднее крупным востоковедческим центром в США по изучению Центральной/Внутренней Азии, то есть уральского региона, Сибири, Монголии и Китая, их истории, языков и культуры. Однако в начале 1940-х гг. перед этим центром ставились исключительно утилитарные задачи: создание базы для подготовки специалистов по странам, с которыми Соединенные Штаты находились в состоянии войны и которые относились к алтайской группе языков (Финляндия и Венгрия); в конце 1940-х гг. задача была расширена: подготовка специалистов по алтайским, прежде всего, тюркским народам, языкам и культурам. Данная задача вытекала из нового внешнеполитического курса США, ориентированного на «холодную войну» с СССР и его подрыв как многонационального государства. Несмотря на тот факт, что Индианский университет и его урало-алтайский центр с самого начала своего существования оказались вовлеченными в идеологическую и политическую борьбу, тем не менее они сравнительно быстро превратились в наиболее крупное в США востоковедческое научно-исследовательское и образовательное учреждение.

В создании в Блумингтоне научной ориенталистской школы большую роль сыграл выходец из Венгрии Дэнис Шинор (Синор, Сайнор; далее — Синор). Д. Синор (1916—2011) родился в Австро-Венгрии в 1916 г. и начал научную карьеру как востоковед и специалист по Центральной Азии в 1930-е гг. Перед Второй мировой войной он принимает французское гражданство и воюет против фашизма во французской армии; после поражения Франции Синор переселяется в Англию, затем, в 1962 г., принимает предложение возглавить алтайские исследования в Индианском университете. Д. Синор

— автор таких работ по древней и средневековой истории региона, как «О тюркском буддизме в Центральной Азии» (Sinor, 1939), «Историческая роль Тюркской Империи» (Sinor, 1953), а также ставших классическими — «Введение в историю Центральной Евразии» (Sinor, 1963), «Внутренняя Азия: история, цивилизация, языки» (Sinor, 1969) и менее известной книги «Внутренняя Азия и ее контакты со средневековой Европой», опубликованной в 1977 г. в Лондоне (Sinor, 1977).

На лекциях и учебниках Синора воспитывалось в Блумингтоне несколько поколений востоковедов; под его руководством с конца 1950-х гг. издается «Урало-алтайская серия». Своими трудами Синор внес крупный вклад не только в американское, но и в мировое востоковедение, изучающее Центральную Азию, и в такие его направления, как разработка древней и раннесредневековой истории тюркских народов, изучение взаимосвязи кочевых и оседлых цивилизаций. Кроме того, Синор являлся одним из создателей, активным участником и длительное время руководителем Постоянной международной алтаистической конференции (PIAC). С его активным участием состоялись конференции по алтаистике в Алма-Ате в 1985 и 1994 г. С точки зрения влияния Синора на развитие американского востоковедения можно сказать, что его фигура является знаковой во многих смыслах: его можно приводить как наиболее типичного представителя европейских ученых, оказавших сильнейшее влияние на становление в США центральноазиатских исследований. Так, в частности, под его редакцией в Индианском университете был переиздан коллективный труд «Ориентализм и история», ставший своеобразным научным манифестом послевоенного европейского и в целом западного востоковедения (Sinor, 1970).

Другой крупной фигурой в американском востоковедении из числа европейских эмигрантов был Лоуренс Кредер (Крадер, 1920—1998). Л. Кредер родился в Германии, полу-

чил образование в Берлинской школе как тюрколог и алтаист, преследовался при нацистах и после Второй мировой войны нашел пристанище в США, в Блумингтоне. Именно Кредера следует назвать основателем Блумингтонской школы урало-алтайских исследований при Индианском университете. Основная тема его исследований — история происхождения центральноазиатского номадизма, а также этнография, социальная антропология, лингвистика урало-алтайского ареала. В 1950-е гг. Кредер публикует в Вашингтоне первую в американской историографии библиографию о казахах (**Krader, 1954**). Затем последовала совместная с Л. Уэйном работа «Казахи» (**Krader, Wayne, 1955**). Проблемы центральноазиатского, в первую очередь казахского номадизма Кредер попытался раскрыть в таких исследованиях, как «Экология центральноазиатского пасторализма» (**Krader, 1955**), «Экология кочевого пасторализма» (**Krader, 1959**) и в ставшей классической книге «Социальная организация монголо-тюркских пастухов-кочевников» (**Krader, 1963-2**). Историю кочевых обществ Кредер понимал как историю культуры, а сам номадизм, прежде всего, как культурный феномен. Традиционное кочевое общество у Кредера — это результат синтеза социальной организации кочевников и их системы производства; он понимает их как гомогенное целое.

В том же 1963 г. Кредер выпускает в свет еще одно крупное исследование «Народы Центральной Азии», которое было своего рода попыткой дать максимально полную картину всех аспектов прошлого и настоящего народов региона. Естественно, что автор наибольшее внимание уделяет проблемам формирования социально-экономических, которые было бы правильнее назвать, следуя терминологии Кредера, «социально-экологических» особенностей у каждого народа региона. Одновременно работу Кредера можно назвать «Введением в общую тюркологию, социологию, этнографию и историю

центральноазиатских народов» (**Krader, 1963-1**). В 1970—1980-е гг. Л. Кредер переносит свою научную активность вновь в Европу (Свободный университет в Западном Берлине). Здесь он также продолжает публиковаться по проблемам возникновения государства у кочевников Евразии; в частности, получил широкий резонанс его доклад на конференции «Кочевники в истории и современности» (**Krader, 1981**).

К числу эмигрантов-востоковедов, которые обогатили научные знания в США о Центральной Азии, следует назвать Томаса Уиннера (Виннера), блестящего специалиста в области казахского эпоса и литературы. Т. Уиннер получил образование как славист и тюрколог в Пражском университете, затем продолжил его в Гарвардском и Колумбийском университетах. В 1950—1960-е гг. Т. Уиннер занимал должность профессора русского языка и литературы в Дьюкском университете в Дархеме. В начале 1950-х гг. Уиннер публикуется в Европе, в частности, широко известна его статья «Казахский героический эпос» (1951), опубликованная в Лондоне Королевским Среднеазиатским обществом. Но его главный труд — «Устное творчество и литература казахов русской Средней Азии» увидел свет в США в 1958 г. (**Winner, 1958**). В этой фундаментальной монографии Уиннер представляет развернутую картину развития литературного творчества у казахов, как устного, так и письменного. Но центральное место в его книге, безусловно, занимает казахский эпос, в котором Уиннер видит фундамент для развития всей дальнейшей литературы, а в эпической традиции — основу казахской национальной психологии. В дальнейшем без работы Т. Уиннера уже не мог обойтись ни один исследователь культуры региона и истории Казахстана в Соединенных Штатах и на Западе в целом (Гл. IV. § 3).

До 1960-х гг. интерес в США к древней и средневековой истории Центральной Азии проявлялся в основном в издани-

ях, посвященных истории соседних регионов — Китая, Ирана, России; в частности, можно назвать труд Американского географического общества «Границы Китая во Внутренней Азии» (1940), где было помещено много материалов по средневековой истории Центральной Азии. Со второй половины 1960-х гг. в Соединенных Штатах начинается активное переиздание европейских трудов по средневековой истории региона: в 1970 г. в Рутгерсовском университете был издан перевод «Империи степей» Р. Груссе (**Grousset, 1970**), в 1969 г. в серии «Мировой истории Делапорта» был опубликован коллективный труд под редакцией Г. Гамбли в переводе с немецкого издания (**Hambly, 1969**). Собственно американские публикации по региону в 1960-е гг. — это очерки в двухтомных «Истории Азии» (**Bingham, Conroy, Iklé, 1964-65**) и «Истории восточноазиатских цивилизаций», издававшихся в Бостоне (**Fairbank, Reischauer, Craig, 1960—1965**).

Крупнейшим американским иранистом является Ричард Фрай (р. 1920), профессор Кембриджского университета. Фрай дебютировал в 1954 г. со своим переводом с персидского «Истории Бухары» арабского автора Наршаки (**Frye, 1954**). В своих многочисленных работах Фрай неизменно касается истории Средней Азии, которая в его работах предстает неотделимой частью великой иранской цивилизации. Культурной жемчужиной иранской Средней Азии Фрай видит Бухару. Этой теме посвящена его монография «Средневековые достижения Бухары» (**Frye, 1965**). В концентрированном виде его взгляды на развитие Ирана отразились в известной книге «Наследие Ирана»⁶⁰. За свои заслуги в области иранистики Р. Фрай был награжден именной стипендией Ага-хана. Отношениям Ирана со Средней Азией и взаимовлиянию этих двух регионов в исторической перспективе Фрай посвятил другую свою книгу «Исламский Иран и Центральная Азия»

⁶⁰ См.: Фрай Р. Наследие Ирана. — М.: Наука, 1972.

(Frye, 1979). В целом фигура Р. Фрая в американской ориенталистике стоит особняком, по своим масштабам напоминая наиболее выдающихся представителей классического европейского востоковедения. Фрай ввел в научный оборот большое количество аутентичных персоязычных источников, внес существенный вклад в иранистическое источниковедение и популяризовал в США интерес к Среднему Востоку и его средневековью. Кроме того, Р. Фрай — один из основателей и членов реколлегии «Центральноазиатского журнала».

К числу советологических работ о Средней Азии 1950-х гг. следует отнести книгу Александра Г. Парка «Большевизм в Туркестане», которая охватывает период с 1917 по 1927 г. и не содержит, в отличие от подобного рода исследований, большой вводной части исторического характера **(Park, 1957)**. Исторические события, предшествовавшие победе большевизма в Туркестане, нашли отражение через три года в книге другого американского исследователя — Ричарда Пирса, в его книге «Русская Средняя Азия: изучение колониального правления в 1867—1917 гг.», которая увидела свет в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса. Р. Пирс был известен как специалист в области «русской пограничной экспансии» и стажировался в этой области в Германии, Финляндии и Турции. Несмотря на тот факт, что автор ставил целью осветить предреволюционное прошлое региона, в введении к своей книге он не скрывал, что она направлена против апологетики советского режима: «Адвокаты советского решения национальной проблемы создали особое публицити советским республикам Средней Азии. Романтическое прошлое этих земель с их вспышками славы и долгим закатом, их религиозные связи с остальным мусульманским миром, а также их экономический и культурный подъем в сравнении с другими неразвитыми регионами сделали возможной пропаганду прогресса этих новых государств в качестве ору-

жия для советских властей как дома, так и во внешнем мире» (**Pierce, 1960, p. 1**). В заключении книги Пирс вновь подчеркивает, какой ценой достался среднеазиатским народам прогресс; казахам он стоил свыше миллиона жизней, что превратило его в меньшинство в собственной стране. В настоящее время, отмечает Пирс, эти народы могут служить примером для тех народов, кто освободился от колониальной зависимости или намерен это сделать; они имеют все, кроме права распоряжаться собственной судьбой; фактически они имеют все, кроме свободы (**Pierce, 1960, p. 305**). Р. Пирс интересным образом интерпретирует дореволюционную историю региона и снабжает свой текст обильным фактическим материалом, что делает работу важным историческим трудом по истории Туркестана второй половины XX в. Кроме того, Р. Пирс известен как автор одной из первых библиографий по среднеазиатской тематике в США (**Pierce, 1953**). В 1973 г. Р. Пирс в соавторстве с Дж. Ланцевым выпустил книгу «На пути к империи», посвященную истории завоевания Россией азиатских владений.

Увидевшая в том же 1957 г. свет книга Чарльза У. Хостлера «Тюркизм и Советы: тюрки мира и их политические цели» продолжает тематически и концептуально работу Р. Пирса. Ее автор, полковник ВВС США, долгое время служивший на Ближнем Востоке и хорошо знакомый с историей, культурой и языком Турции, в 1955 г. прервал военную карьеру, чтобы защитить в Джорджтаунском университете диссертацию по политической тюркологии. Через два года она увидела свет в виде монографического исследования (**Hostler, 1957**). Научные и политические воззрения Ч. Хостлера испытали сильное влияние пантюркизма, в частности, таких ученых, как З.Н. Зейне и Н. Фариса (Бейрутский университет), К.К. Кея (Вашингтонский университет), Э.З. Карала (университет Анкары), С. Поссолини (Джорджтаунский университет). Основ-

ная задача книги Ч. Хостлера состояла в том, чтобы показать развитие пантюркистских идей в исторической перспективе и показать их влияние на внутри- и внешнеполитическую обстановку в тюркском мире. При этом Хостлер фактически признавал, что у тюрков могут и должны быть общие политические цели, которые состояли в том, чтобы преодолеть искусственную изолированность между собой и осознать себя в качестве геополитической реальности. Хостлер в первых частях своей книги уделил внимание истории Центральной Азии и Восточного Туркестана, однако большая часть исследования посвящена эпохе возникновения пантюркизма и пантуруанизма, так как в конце XIX — начале XX в. Хостлер рассматривал объединение тюрков как весьма отдаленную перспективу. В качестве первоочередной задачи, на его взгляд, перед тюрками СССР и Китая стояла необходимость борьбы за национальное самоопределение. Таким образом, книга Ч. Хостлера, несмотря на свой историзм, была еще одним продуктом советологического среднеазиеведения, представляя в то же время интерес с точки зрения изучения истории пантюркизма.

Среди обширной литературы о Центральной Азии, которая стала появляться в США в послевоенные десятилетия, следует отдельно назвать книгу профессора Стетсоновского университета Сержа Зеньковского «Пантюркизм и ислам в России» (1960), которая оказала сильное влияние на советологические среднеазиеведческие исследования на Западе. Автор, пристрастный знаток истории и культуры советских тюрков, был обязан своим рано пробудившимся интересом к тюркам тому факту, что его семья приютила под своим кровом двух татарских мальчиков, беженцев из России, ставших друзьями его детства. В своей книге Зеньковский освещает историю тюркских народов России с конца девятнадцатого века и до попытки образования национальных государств

после революции. Основная идея книги — рост тюркского национализма в эти десятилетия и его модификации — пантюркизма. Автор дает полный спектр националистических движений среди предреволюционных тюрков и показывает отличия в национальных движениях казахов, татар, узбеков и азербайджанцев, а также роль этих народов в русском революционном движении и событиях 1917—1920-х гг. Книга Зеньковского насыщена примерами из национальной литературы тюркских народов в переводе автора на английский язык. Работа Зеньковского ненамного предвосхитила появление трудов А. Беннигсена и С. Уимбуша, посвященных той же проблеме — становлению так называемого мусульманского национального коммунизма. В шестой главе книги Зеньковский дает обзор казахской истории начиная от присоединения к России и останавливаясь на таких проблемах, как роль ислама в степи, влияние русской интеллигенции на появление казахских просветителей, становление казахской национальной интеллигенции, участие казахов в революции 1905 г., русская колонизация Казахстана (**Zenkovsky, 1960, pp. 55—71**).

Большой вклад в развитие знаний о Центральной Азии в Соединенных Штатах внес Эвард Эллуорт (Оллуорз), в течение длительного времени возглавлявший программы по изучению советских национальных проблем в Колумбийском университете. Эллуорт был специалистом по узбекскому языку и литературе, но также исследовал литературные документы на всех основных тюркских языках. В 1965 и 1971 г. этот ученый публикует результаты своего источниковедческого анализа Центральноазиатской коллекции документов Нью-Йоркской библиотеки и вводит в научный оборот несколько сот источников на казахском языке с 1818 по 1945 г. (**Allworth, 1965; 1971**). В 1967 г. Эллуорт объединяет лучшие силы современного среднеазиоведения и издает под своей редакцией

концептуальный труд «Центральная Азия: столетие русского правления», в котором прослеживается вся история региона с древнейших времен до середины 1960-х гг. (Allworth, 1967). В 16 главах этой книги, написанной общими усилиями Э. Эллуорта, К. Менгеса, Э. Каррер д'Анкокс, М. Мэтли, Й. Спектор и А. Спрага, освещается вся история региона, а также изменения в духовной и культурной жизни народов региона. В 1989 г. этот коллективный труд им дополняется и переиздается как «Центральная Азия: 120 лет русского правления», а в 1999 г. — как «Центральная Азия: 130 лет русского доминирования, исторический очерк». Эллуорт известен также как автор обширной библиографии, посвященной региону (Allworth, 1975).

Среди обширной литературы о Центральной Азии, изданной в США в 1960-е гг., выделяется книга Элизабет Бэкон «Центральная Азия под русским правлением» (1966). Представляет интерес ее научная судьба и карьера. Она получила образование в США (Смитовский колледж) и во Франции (университет Гренобля и Сорбонна). После защиты диссертации в Йельском университете Э. Бэкон долгое время работала в Калифорнийском университете в Беркли, где возглавляла исследования по Индии и входила в редакционный совет по изданию известного «Средневосточного журнала». Наиболее интересны в ее биографии, с нашей точки зрения, 1933—1934 гг., когда Э. Бэкон завершает под руководством советского академика Л.М. Самойловича сбор материалов для своих исследований в области социальной антропологии на примере Центральной Азии, для чего она принимает участие в этнографической экспедиции в Казахстан. Однако ее результаты увидели свет только через тридцать лет в упомянутой книге. Основная идея исследования Бэкон, которая, по-видимому, испытала сильное влияние французского социального антропологизма в духе Леви-Строса, сводится

к тому, что автор показывает формирование под влиянием внешних географических условий кочевого пастушеского нomaдизма и его закат уже в двадцатом столетии под влиянием изменившихся политических, экономических и социальных условий. В центре исследования Бэкон стоят казахи с их родоплеменной системой, но автор рассматривает также и другие кочевые народы Центральной Азии (**Wacon, 1966**).

Среди американских ученых, публиковавшихся по проблемам Центральной Азии в 1960-е гг., были не только историки и политологи, но и историографы в понимании этого термина в традициях советской исторической школы. Речь идет о книге Лоуэлла Тиллета «Великая дружба: советские историки и нерусские национальности» (1969), в которой анализируется развитие советской исторической науки и ее взглядов на историю Средней Азии и Казахстана. В этом контексте Тиллет обращается к дореволюционной истории региона, особенно в связи с так называемым делом Бекмаханова. Автор прослеживает вынужденную эволюцию казахского ученого от «идеализации феодального прошлого» до осуждения «феодально-монархических движений» в степи. Книга Тиллета показывает блестящее знание автором канонической советской сталинистской историографии, работ республиканских ученых и также деталей развития советской исторической школы в 1920—1950-е гг. (**Tillet, 1969**).

Другой видной фигурой в американской советологии в 1960—1980-е гг. был профессор Нью-Йоркского колледжа кафедры русских региональных проблем Майкл Рывкин, автор книг «Россия в Средней Азии» (1963) и имевшей шумный успех «Вызов мусульман Москве» (1982). Обе фундаментальные работы, а также многочисленные статьи Рывкина можно отнести к классическим образчикам советологии. Но в первых частях своих книг Рывкин рассматривает дореволюционную историю региона, что тематически сближает его с вос-

токоведением. Представляет интерес биография М. Рывкина, который родился в довоенной Польше в еврейской семье, накануне войны был депортирован в Среднюю Азию и провел детство и юность в Самарканде и Ташкенте. В дальнейшем он сохранил на всю жизнь прекрасный русский язык и непосредственное знание предмета, о котором он писал, — историю и культуру Средней Азии (Rywwin, 1963; 1982). Основная идея книг Рывкина состояла в том, чтобы проследить изменения, произошедшие в среднеазиатском обществе под влиянием политики Российской империи, а затем Советского Союза, а также предугадать возможные последствия этих изменений для Москвы.

Картина среднеазиатских исследований в США была бы неполной без освещения археологии. В 1970 г. известный американский специалист в области палеолита Р. Дэвис издает работу (совместно с советским археологом В.А. Рановым), в которой предлагается новый взгляд на палеолит на территории Средней Азии. Авторы выступили против устоявшейся на Западе точки зрения на среднеазиатский палеолит, согласно которой в каменном веке в регионе из палеолита не представлен нижний, средний палеолит отражает распространяющееся движение из Юго-Западной Азии, а верхний едва представлен. В противовес этому авторы выдвинули несколько контрпунктов: без сомнения, в Средней Азии существуют остатки нижнепалеолитической культуры; стоянки палеолита в регионе многочисленны; обнаружены стоянки верхнего палеолита с элементами мустьерской эпохи, но отчетливое различие между средним и верхним палеолитом не бросается в глаза; на Памире обнаружена стоянка раннего голоцена, чьи представители занимались охотой и собирательством, и не исключено, что оно захватило впоследствии Туранскую низменность. Производство периода голоцена в Средней Азии можно разделить на две группы:

негеометрическую (эпителиолит) и геометрическую (мезолит), с последней напрашиваются аналогии с производством ЮЗА; Среднюю Азию можно считать изолированным районом развития палеолита, которое сочетает в себе элементы азиатской традиции орудий чопера-чоппинга с западным производством флейка и блейда, что, очевидно, прослеживается во всех периодах, от нижнего палеолита до мезолита. В результате анализа и сопоставления всех имеющихся материалов авторы предложили новую схему периодизации для Средней Азии: эпителиолит, мезолит, голоцен, последний вюрм, верхний палеолит, вторая половина вюрма, средний палеолит, первая половина вюрма и вторая половина Рисс, вюрмский период, нижний палеолит, первая половина Рисс, половина Рисс. Основные выводы археологов звучат следующим образом: нет оснований утверждать, что Средняя Азия опирается на три больших палеолитических района — Юго-Западную Азию, Южную Азию, Сибирско-Монгольский регион; в Средней Азии существуют несколько участков, к которым может быть применена терминология и периодизация ЮЗА и Европы; есть основания полагать, что традиция изготовления орудий из гальки на территории палеолитической Средней Азии развивалась и изменялась под влиянием традиции, принесенной из Юго-Западной Азии (**Davis R.S., Ranov V.A., 1970**).

В 1970-е гг. история, культура и этнография региона освещаются в различных изданиях общего характера по национальным отношениям и этническим проблемам в СССР. Среди них можно назвать такие сборники, как «Неславянские народы Советского Союза» под ред. К. Симмонса-Симонолевича (1972), «Россия и Азия: влияние России на азиатские народы» под ред. В. Вусинича (**Symmons-Symonolewicz, 1972; Vucinich, 1972**). Среднеазиатская тематика разрабатывалась также в Гарвардском университете, в частности профессо-

ром Карлтонского университета (Канада) Терезой Раковской-Хармстоун. В 1970 г. увидел свет ее фундаментальный труд «Россия и национализм в Средней Азии: пример Таджикистана», создававшийся под руководством Л. Кредера (**Rakowska-Harmstone, 1970**).

В 1980-е гг. исследования о Казахстане в США связаны с именем Марты Брилл Олкотт (р. 1949). М. Олкотт училась в США, Франции и СССР и была одной из самых талантливых учениц крупнейшего французского советолога А. Беннигсена (Ч. I. Гл. I). Она защитила диссертацию в Чикагском университете и получила звание профессора в Колгейтском университете (Гамильтон) и старшего научного сотрудника Института изучения внешней политики (Филадельфия). В ходе подготовки своего главного труда — монографии «Казахи» (1987) Олкотт неоднократно посещала Казахстан начиная с 1975 г. С начала 1980-х гг. она регулярно публикует исследования по истории Казахстана советского периода. Работы Олкотт были написаны в классических традициях западного советологического среднеазиеведения и ставили целью подтвердить на примере Казахстана концепцию национализма, разработанную ее учителем Беннигсеном. В 1987 г. Гуверовский институт мира, революции и войны при Стенфордском университете издает ее монографию, которая выходит в свет сразу же после известных декабрьских событий 1986 г. Развитие ситуации в республике как бы становилось подтверждением концепции национализма, разработанной школой Беннигсена и сфокусированной на росте национальных противоречий в бывшем СССР и особенно в Центральной Азии. В предисловии к первому изданию Олкотт писала: «Среди всех советских народов казахи являются наиболее известным для Запада... Казахи представляли собой в течение большей части своей истории пастбищных кочевников, занятых постоянной борьбой за сохранение своей традиционной,

самообеспечиваемой и базирующейся на животноводстве экономике. Казахи стали ключевым элементом в контексте продвижения России не только в степи, но и для всей остальной Центральной Азии» (Olcott, 1995, p. XIX—XXI).

События, приведшие к распаду Советского Союза и появлению независимого Казахстана, заставили Олкотт расширить книгу и выпустить вторым изданием в 1995 г.⁶¹ Первые три части своей книги автор оставила без изменения, посвятив четвертую становлению суверенного Казахстана. По замыслу автора, она должна была логически продолжать историю Казахстана как историю казахов, а возникновение независимого государства — стать новым этапом в истории казахской государственности. Таким образом, события 1990-х гг. стали как бы подтверждением концепции национализма. Однако Олкотт остерегается проводить слишком прямые параллели между предшествующей историей казахов, так скрупулезно изложенной ею и построенной на дихотомии Казахстан — Россия, и идеей восстановления казахского государства, а не создания качественно нового. К предисловию ко второму изданию Олкотт писала: «Когда вышло в свет первое издание, было невозможно представить, что всего через пять лет Казахстан станет членом ООН или что СССР будет распущен, освободив путь своим пятнадцати наследникам... Однако дальнейшая судьба казахов пока остается предметом озабоченности. Место казахов в Казахстане неясно. Отношения Казахстана с Россией не являются просто исторической проблемой; это самый фундаментальный вопрос, с которым сталкивается это новое независимое государство. В восемнадцатом веке казахский народ ясно выразил свое несогласие с тем, как были оформлены договоренности с его мощным северным соседом; это несогласие продолжается до сегодняшнего дня, уходя корнями в решения, которые были

---

⁶¹ Ссылки идут на второе издание.

приняты еще в 18-м столетии... Полная переработка истории казахов, ставшая актуальной после последних событий, является задачей для следующего поколения ученых» (Olcott, 1995, p. XIII—XVIII).

Острый политический интерес, возникший в США после распада СССР, к Центральной Азии и особенно к Казахстану, на чьей территории осталось советское ядерное оружие, привлек внимание и к советологам — специалистам по региону. В 1992 г. Олкотт приглашают в Белый дом в качестве главного эксперта по Казахстану администрации Дж. Буша. Однако смена администраций недолго позволила ей работать на самом верху. После 1993 г. Олкотт сотрудничает с Фондом Карнеги и основное внимание сосредотачивает на проблемах ислама в Центральной Азии. Собственно Казахстан отходит на второй план. В 1995 г. она дополняет свою монографию о казахах новыми главами о процессах, последовавших после декабрьских событий 1986 г., перестройке в Казахстане и создании суверенного государства. Эти главы составили четвертую часть книги. Для нас представляют интерес первая и вторая части книги, посвященные средневековой и новой истории Казахстана, в которой создается, укрепляется и распадается Казахское ханство; в которой традиционное кочевое общество переживает свой расцвет и неизбежный упадок, а казахские степи становятся частью Российской империи (Ч. III. Гл. 1—3).

В 2002 г. увидела свет ее новая книга: «Казахстан — непройденный путь», посвященная большей частью независимому Казахстану.

**Источники и литература к теме
«Ориенталистика в США и изучение
Центральной Азии»**

Allworth E. *Central Asian Publishing and the Rise of Nationalism. An Essay and List of Publications in the New York Public Library.* — New York: Columbia University Press, 1965. — 100 p.

Allworth E. (ed.) *Central Asia: A Century of Russian Rule.* — New York: Columbia University Press, 1967. — 550 p.

Allworth E. *Nationalities of the Soviet East. Publications and Writing System* — New York, London: Columbia University Press, 1971. — 440 p.

Allworth E. (ed.) *Soviet Asia. Bibliographies.* — New York, London: Praeger, 1975. — 686 p.

Bacon E.E. *Central Asia under Russian Rule. A Study in Cultural Change.* — Ithaca, New York: Cornell University Press, 1966. — 273 p.

Bingham W., Conroy H., Iklé F.W. *A History of Asia. Vols I-II.* — Boston: Allyn and Bacon, 1964—1965.

Birge J.K. *A Guide to Turkish Area Studies.* — Washington: ACLS-CNES, 1949.

Davies R.A., Steiger A.S. *Soviet Asia.* — New York: Dial Press, 1942.

Davis R.S., Ranov V.A. *Towards new Outline of the Soviet Central Asian Paleolithic // Current Anthropology (Chicago).* 1970. June, pp. 249—270.

Fairbank J.K., Reischauer E.O., Craig A.M. *A History of East Asian Civilization. Vols. I—II.* — Boston: Houghton Mifflin, 1960—1965.

Frye R. *The History of Bukhara. Trans from Narshakhi by R.N. Frye.* — Cambridge (Mass.): The Medieval Academy of America, 1954. — 178 p.

Frye R.N. *Bukhara: the Medieval Achievement.* — Norman: University of Oklahoma Press, 1965. — 205 p.

Frye R.N. *Islamic Iran and Central Asia: 7th — 12th Centuries.* — London: Variorum, 1979.

Frye R. *The Meaning of Central Asia // The Study of Central Asia. Ed. by D. Nable.* — New York: Macmillan, 1981, pp. 13—15.

Grousset R. *The Empire of the Steppes. A History of Central Asia.* — Rutgers: Rutgers University Press, 1970.

- Eaton R.M. The Rise of Islam and the Bengal Frontier 1204—1760. — Berkley: Stanford University Press, 1993.
- Hudson A.E. Kazak Social Structure. — New Haven: Yale University Press, 1938.
- Hambly G. (ed.) Central Asia. Delacorte World History. Vol. XVI. — New York: Delacorte, 1969.
- Hostler Ch.W. Turkism and the Soviets. The Turks of the World and their political Objectives. — London: Allen and Unwin, 1957. — 244 p.
- Huntington E. The Pulse of Asia. — Boston, 1907.
- Johelson W. Peoples of Asiatic Russia. — New York: American Museum of Natural History, 1928. — 277 p.
- Krader L. Bibliography of Kazakhstan. — Washington, DC, 1954. — 40 p.
- Krader L., Wayne L. The Kazakhs. — Washington, 1955.
- Krader L. Ecology of Central Asian Pastoralism // Southwestern Journal of Anthropology. 1955. Vol. 12. N 4, pp. 301—326.
- Krader L. The Ecology of Nomadic Pastoralism // International Social Science Journal. 1959. Vol. XI. N 4, pp. 499—510.
- Krader L. Ethnonymy of Kazakh. American Studies in Altaic Linguistics. — Bloomington, The Hague: Indiana University Press, 1962. — 123 p.
- Krader L. Peoples of Central Asia. — Bloomington, The Hague: Indiana University Press, 1963. — 320 p.
- Krader L. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. — The Hague: Mouton, 1963. — 412 p.
- Krader L. The Origin of the State among the Nomades of Asia // Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart. — Berlin, 1981, S. 71—82.
- Lattimore O. Pivot of Asia. — Boston, 1950.
- McChesney R.D. Waqf in Central Asia: Four Hundred Years in the History of a Muslim Shrine, 1480—1889. — Princeton: Princeton University Press, 1991.
- McGovern W.M. The Early Empires of Central Asia. — Durham: University of North Carolina Press, 1939. — 329 p.
- Murdock G.P. Our Primitive Contemporaries. — New York, 1934.
- Olcott M.B. The Kazakhs. 2nd Edition. — Stanford: Hoover Institution Press, 1995. — XXIII+388 pp.
- Olschli L. Marco Polos Asia. An Introduction to His „Description of the World“ called „Il Milione“. — Berkley, Los Angeles: University of California Press, 1960, pp. 381—396.

- Park A.G. *Bolshevism in Turkestan. 1917—1927.* — New York: Columbia University Press, 1957. — 428 p.
- Pierce R.A. *Russian Central Asia, 1867—1917: A Selected Bibliography.* Institute of Slavic Studies. Berkley: University of California, 1953.
- Pierce R.A. *Russian Central Asia. 1867-1917. A Study in Colonial Rule.* — Berkley, Los Angeles: University of California Press, 1960. — 359 p.
- Rakowska-Harmstone T. *Russia and Nationalism in Central Asia. The Case of Tadzhikistan.* — Baltimore, London: The Johns Hopkins Press, 1970. — 325 p.
- Rywkin M. *Russia in Central Asia.* — New York, London: Macmillan, 1963. — 191 p.
- Rywkin M. *Moscows Muslim Challenge: Soviet Central Asia.* — Armonk, New York, London: Collier, 1982. — 186 p.
- Sinor D. *Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale.* — Wiesbaden: Harrasowitz, 1963. — 371 p.
- Sinor D. *Inner Asia: History, Civilization, Languages. A Syllabus.* — Bloomington: Indiana University Press, 1969 (third reprinting — 1987). — XXII + 261 pp. (Uralic and Altaic Series — 96)
- Sinor D. (ed.) *Orientalism and History.* — Bloomington: Indiana University Press, 1970.
- Sinor D. *Inner Asia and its Contacts with Medieval Europe.* — London: Variorum, 1977.
- Symmons-Symonolewicz K. (ed.) *The Non-Slavic Peoples of the Soviet Union.* — Meadville (PA): Maplewood Press, 1972. — 170 p.
- Tarn W.W. *The Greeks in Bactria and India.* — Cambridge, 1951.
- Tillet L. *Nationalism and History // Problems of Communism.* 1967. Vol. XVI. Sept.—Oct., pp. 36—45.
- Tillet L. *The Great Friedship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities.* — Chapell Hill: the University of North Carolina Press, 1969. — 468 p.
- Vucinich W.S. (ed.) *Russian and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asian Poeples.* — Stanford: Hoover Institution Press, 1972.
- Winner Th.G. *The Oral Art and Literature of the Kazakhs of Russian Central Asia.* — Durham (NC): Duke University Press, 1958. — 269 p.
- Zenkovsky S.A. *Pan-Turkism and Islam in Russia.* — Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1960. — 348 p.

Глава VI. Изучение Центральной Азии в странах Востока

§ 1. Индия

В исторической перспективе Индия всегда была тесно связана с Центральной Азией. Наш регион частично и Северная Индия входили в состав различных империй Среднего Востока (Персия, держава Газневидов, Хорезм, держава Сасанидов, Делийский султанат и др.). В недавнем прошлом Дели был близким и верным союзником СССР. На сегодняшнем этапе эти отношения между Индией и Россией и другими странами СНГ восстанавливаются. Кроме того, политика Индии не может не затрагивать интересы Китая, США и Запада в целом и, наоборот, не влиять на ситуацию в Афганистане и Иране. Таким образом, прямо или косвенно Индия, тем не менее, должна рассматриваться исторически в качестве геополитической силы в Центральной Азии.

Во второй половине XIX — начале XX в. в Средней Азии проживала крупная индийская диаспора. Индийцы селились компактно в караван-сараях. Если не было поблизости караван-сарая, обустраивались в одном районе, создавая «индийские ряды» (Старый Маргелан, 1880-е гг.) и «индусские кварталы» (Наманган, начало XIX в.). Индийская община на территории Средней Азии формировалась из представителей зарождавшегося национального капитала, занимавшихся преимущественно торгово-ростовщической деятельностью. Помимо торговли и ростовщичества выходцы из Индии занимались предпринимательством. Совместно с русскими партнерами они построили два хлопкоочистительных завода. Среди индийцев встречались повара, пекари, кондитеры. В начале XX в. в Туркестан начали приезжать индийские чернорабочие.

Во второй половине XIX в. индийская диаспора неуклонно росла. Если в первой половине XIX в. в одном только Бухарском ханстве их проживало около двух тысяч, то во второй половине XIX в. индийцев было более пяти тысяч человек. Большая часть эмигрантов были выходцами из Шикарпура, Синда, Мултана, Панджаба, меньшая — из Мадраса, Калькутты, Бомбея. В Бухарском ханстве и в Туркестанском крае индийцы проживали, как правило, временно. Обычно в течение 10—15 лет они занимались коммерцией, а затем возвращались на родину. В редких случаях проживание индийцев на территории Туркестанского края продлевалось. Как правило, это было связано с принятием ими русского подданства. Индийцы проживали не только в таких крупных городах, как Бухара, Самарканд, Наманган, Андижан, Фергана, но и в небольших городах и даже кишлаках. Крупных индийских поселений на территории Туркестанского края не наблюдалось, скорее индийцы были рассеяны по всей Средней Азии.

Значительное число индийских предпринимателей выбирало Бухару и ее окраины своим постоянным местом работы и проживания. Бухара сохранила за собой статус торгового центра Средней Азии. Индийский экспорт оставался таким же, что и в предшествующий период: это индиго, пряности, чай, полудрагоценные камни, металлические и фаянсовые изделия, рис, сахар, мануфактурные товары английского и индийского производства. В 60-х гг. XIX в. индийские купцы начали ввозить в Среднюю Азию чай. Впоследствии он стал одним из самых выгодных предметов экспорта Индии. Ранее чай поступал сюда из Китая через Кашгар и Кульджу. Но восстание 1864 г. в Восточном Туркестане нанесло значительный ущерб чайной торговле. В то же время это открыло доступ индийскому чаю на среднеазиатские рынки. Индийский экспорт чая в Среднюю Азию достиг колоссальных размеров, и эта ситуация вызывала тревогу в торговых кругах российского общества.

Индийско-среднеазиатская торговля в конце XIX — начале XX в. протекала в острой борьбе двух держав, Англии и России, за новые рынки сбыта своих товаров на территории Средней Азии. Меры, принятые царским правительством, были направлены на усиление позиций русского капитала в Средней Азии. В целях вытеснения английских товаров со среднеазиатских рынков были приняты указы (1869, 1881) о временном запрещении ввоза англо-индийских товаров в Русский Туркестан и введены новые правила уплаты пошлин с индийского чая. Однако все эти меры были неэффективными. Благодаря открытым границам Бухарского и Хивинского ханств индийские товары поступали туда беспрепятственно и растекались по всей Средней Азии, а предприимчивые среднеазиатские купцы привозили их и на центральные рынки России. Вся продукция поступала в Туркестан через Иран. В мае 1888 г. по ходатайству бухарских и индийских купцов был открыт новый торговый путь. С этого времени торговля между Бухарой и Индией осуществлялась следующим образом: по морю от Бомбея до Батуми, затем по железной дороге через Баку и Узун-Ада в Бухару. Все последующие годы деятельность русского правительства была направлена на освоение новых рынков, а также их ограждение от наплыва англо-индийских товаров в Среднюю Азию.

В первой половине XIX в. Раджпутана была разорена междоусобными войнами. Торговцы и ростовщики стали покидать этот регион. Массовая эмиграция ростовщиков из Раджпутаны началась в первой половине XIX в. Как в Индии, так и за ее пределами, включая Среднюю Азию, члены этого торгового сообщества обычно действовали по единой схеме. По аналогичной схеме на территории Туркестанского края индийские ростовщики кредитовали практически все слои среднеазиатского общества, от ремесленников и крестьян до состоятельных купцов и чиновников. Во второй половине

XIX в. в сопредельных со Средней Азией странах (например, в Иране) клиентами индийских ростовщиков были правительственные чиновники и купечество, платившие «громдные проценты, состоя постоянно должниками» индийцев. Используя вековые, апробированные в своей стране методы кредитования, индийские ростовщики захватили в свои руки все денежно-торговые операции в Туркестанском крае.

К началу XX в. индийская диаспора в Средней Азии резко сократилась. С открытием сети финансово-кредитных учреждений (ссудные кассы, Среднеазиатский коммерческий банк) ростовщичество стало приносить меньший доход. После событий 1917 г. небольшое количество семейных индийцев, уже почти забывших свой родной язык, избрало Туркестан местом своего постоянного проживания⁶².

Отдельного внимания заслуживают религиозные связи Центральной Азии и Индии. До прихода ислама у Центральной Азии были интенсивные религиозные контакты с Индией. Пришедший оттуда буддизм приобрел в Центральной Азии своеобразные формы, которые повлияли как на его бытование в Китае, так и в последующем на развитие ислама в ЦА.

С распространением в Индии мусульманского вероучения сначала под влиянием походов Махмуда Газневи (997—1030) и завоеваний Газневидов (975—1187), а затем завоеваний Гуридов (1148—1215), особенно под предводительством Муизз ад-дина Мухаммада (1173—1206), похожий путь прошел ислам. Наиболее интенсивным воздействие местных традиций было во времена Делийского султаната (1206—1526).

Утверждение в Индии происходящей из Центральной Азии династии Моголов (1526—1858) еще более усилило

---

⁶² Каландарова М.С. Индийская диаспора в Средней Азии (вторая половина XIX — начало XX в.) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность (ИВ РАН). 2009. N 4. С. 28—38; а также см.: Мавланов И.Р. Индия — Центральная Азия: экономическое состояние и торгово-экономические связи во второй половине XIX — первой половине XX в. — Ташкент: Институт востоковедения АН РУз, 2012. — 254 с.

эти взаимодействия. Под влиянием личных, религиозных и политических причин многие жители Центральной Азии последовали за Бабуром в Индию, начав массовые перемещения населения между двумя регионами. Это привело к межкультурным влияниям и заимствованиям в области литературы, искусства миниатюры, музыки, астрономии и архитектуры. Благодаря религиозной свободе, царившей в Индии, многие центральноазиатские мистики и просто верующие находили там пристанище в периоды, когда политико-религиозная ситуация в их регионе была сложной. Еще более важен тот факт, что многие правители династии Моголов, начиная с Бабура (1526—1530), были последователями накшбандийских шейхов и поддерживали личные связи с мусульманскими властями Центральной Азии.

История братства накшбандийа, сложившегося в Центральной Азии, отражает динамику исламских взаимодействий между этим регионом и Индией. Упадок Хивинского и Кокандского ханств, а также Бухарского эмирата, выделившихся из империи Тимуридов, наряду с появлением и последующим установлением владычества России в Центральной Азии, не прервали религиозных и культурных контактов региона с Индией. Вместе с тем осознание превосходства русских и новые связи с мусульманами Российской империи и за ее пределами вызвали появление в регионе реформаторского движения, известного в российской и западной литературе как движение джадидов.

Его идейными вдохновителями были скорее тюркоязычные интеллектуалы Российской и Османской империй, нежели мусульманская духовная элита Индии, языками самовыражения которой были фарси и арабский. Однако в более позднюю эпоху определенное влияние в регионе имели реформаторы из Индии: как их светское крыло с центром в городе Алигарх, так и более консервативная школа из Деобанда. При советской

власти в Центральной Азии по-прежнему существовали свои религиозные центры. Там прошли подготовку многие из будущих лидеров исламистских групп различных направлений, от умеренных до самых радикальных.

Один из накшбандийских наставников, шейх Мухаммад Зулфикар Накшбанди Муджаддиди из Лахора, достиг большого успеха в Центральной Азии. Он посетил Таджикистан и Узбекистан, где сумел приобрести последователей. Однако в последующем, опасаясь его успехов, Ташкент отказал ему в предоставлении визы, и больше ученый в Узбекистан не вернулся. Второе религиозное движение индийского происхождения, присутствующее в Центральной Азии на протяжении ряда лет, — ахмадия. Основано оно было Мирзой Гулямом Ахмадом (1838—1908) в 1889 г. под влиянием проникновения в Британскую Индию протестантских миссионеров и появления в ней реформаторского течения Арья Самадж. После его смерти в ахмадии произошел раскол, в результате которого образовалось два направления, граница между которыми довольно условна.

Несмотря на преследования в большинстве мусульманских стран, последователи ахмадии сумели распространить движение по всему миру — в Африке, Европе и США. Из стран Центральной Азии ахмадия успешна лишь в Кыргызстане. К настоящему времени влиятельным исламским движением индийского происхождения является Джамаат ат-Таблиг. Оно было основано в конце 1920-х гг. в индийской провинции Меват Мухаммадом Ильясом Кандхалави (1885—1944), известным индийским суфием. Хотя сложно точно датировать время утверждения Джамаат ат-Таблига в регионе, только после 11 сентября 2001 г. его присутствие приобрело реальные очертания в городах Центральной Азии. Джамаат ат-Таблиг присутствует не во всех центральноазиатских государствах. В настоящий момент движение едва активно в Узбекистане

и Таджикистане, довольно заметно в Казахстане, наиболее успешно в Кыргызстане и отсутствует в Туркменистане.

В настоящее время жители Центральной Азии отправляются в паломничество в Индию, но индийские миссионеры больше не видят необходимости ехать в страны бывшего СССР для распространения своего учения.

Исламскому возрождению в ЦА способствовало несколько индо-пакистанских групп. Джамаат ат-Таблиг направил туда значительное число миссионеров и сумел привлечь молодежь с целью ее духовного очищения. Особенно успешной была деятельность движения в городах Кыргызстана, в которых высок уровень бедности и безработицы и где Джамаат ат-Таблиг было легче осуществлять свою деятельность благодаря наличию высокого уровня религиозной свободы.

Хотя присутствие индо-пакистанского исламского влияния в Центральной Азии становится все заметнее, его роль не стоит преувеличивать. Оно не важнее турецкого или арабского влияний. Современные религиозные элиты региона сформировались в большей степени под воздействием арабского мира и Турции, нежели индо-пакистанских движений. Студенты Центральной Азии едут на учебу чаще в Египет, Сирию (по крайней мере, до волнений там) и Турцию, чем в индо-пакистанские медресе. Более того, присутствие индо-пакистанского ислама не повлияло на политические отношения Центральной Азии с индийским субконтинентом. Обращенный к маргинальной молодежи индо-пакистанский ислам не обладает влиянием на элиты и не имеет политических амбиций.

В силу этих обстоятельств исламские организации Индии и Пакистана, в особенности Джамаат ат-Таблиг, должны рассматриваться как транснациональные организации⁶³.

---

⁶³ Байрам Балджи. Джамаат ат-Таблиг и возрождение религиозных связей Центральной Азии с индийским субконтинентом// Восток. Афро-азиатские общества: история и современность (ИВ РАН). 2014. N 6. С. 5—17.

По мнению некоторых ученых⁶⁴, в историографии Индии вырисовываются следующие периоды:

- с конца XVIII по начало XX в.,
- период между двумя мировыми войнами,
- вторая половина XX в.,
- и, наконец, начало XXI в.

В Индии до мусульманского завоевания не существовало своей исторической школы. С приходом мусульман на индийской почве появился жанр исторических сочинений (тарих) на персидском языке, принесенный с Ближнего и Среднего Востока. Произведения этого жанра вполне отвечают понятию «историческая наука». Развивались различные концепции исторического процесса, предлагались варианты объяснений исторических событий. Но в Индии никаких реальных влияний средневековых авторов на ученых нового времени не просматривается.

Британская школа изучения истории Индии была первичной и в этом смысле основополагающей. Ее в целом можно охарактеризовать как имперскую. Несмотря на существование в ней различных точек зрения и течений, в основе она исходила из интересов метрополии, хотя эти интересы понимались по-разному. Британская индология нередко жертвовала объективностью в пользу имперских интересов. Если называть вещи своими именами, считает Л. Алаев, современная историография истории Индии начинается с британцев (англичан и шотландцев) и продолжается затем как развитие ранних британских исторических идей или как борьба с ними.

Индийская историография, несмотря на наличие разных школ, обязательно является националистической. Она избирает разные пути, но к одной цели — показать, что индийцы

---

⁶⁴ См.: Алаев Л.Б. Историография истории Индии. — М.: Институт востоковедения РАН, 2013. — 472 с

ни в чем не уступали и не уступают европейцам и достойны занять свое место в мире. Характерно, что у истоков будущей индийской исторической науки лежал концептуальный вопрос, поставленный еще британскими востоковедами: как оценивать наследие Могольской эпохи в истории страны? «Могольская» проблема для нас важна еще тем, что в исторической ретроспективе она связывает индийскую историю с историей Центральной Азии. При этом британцы заложили еще одну «мину», создав концепцию, что индийская культурно-духовная традиция и философия антиисторичны, то есть в них отсутствует свойственное европейцам линейно-прогрессивное понимание развития истории.

Первым крупным историком, поставившим целью дать пространную историю Индии, действительно углубиться в ее прошлое, был Александр Доу (1735—1779), который в 1768—1770 г. выпустил первое издание своей «Истории Хиндостана», а в 1772-м — второе в 3 томах. Он использовал главным образом хронику Феришты (Мухаммад Касим Феришта (ок. 1570—1612), составил хронику «Тарих-и Феришта» в 1609 г. в Биджапуре), но это все же позволило ему рассказать не только о Могольской империи, но и о Делийском султанате. Общая идея А. Доу — надо изучить способы правления моголов и править как они. Эта идея была достаточно распространена среди англичан в то время.

Огромную популярность получила «История Британской Индии» Джеймса Милла (1773—1836). Он работал над ней 12 лет и к 1818 г. закончил 6 томов. Она выдержала 3 издания за 10 лет. Потом переиздавалась несколько раз. Милл не был востоковедом, но был знаком с индийскими материалами, так как служил в офисе Ост-Индской компании как заведующий отделом корреспонденции. Правда, восточных языков он не знал и никогда не был в Индии, деление истории Индии на три периода («индусский», «мусульманский»

и «британский») было введено именно Миллом и надолго закрепилось как единственно правильное. Из его работы следовало, что в мусульманский период произошло приближение к идеалу общественного устройства. Качество управления при мусульманах было выше. Книга Милла произвела глубокое впечатление на британских читателей, в том числе и на служащих в Индии.

Джон Бриггс (1785—1875) поступил в Мадрасскую армию в 1801 г., участвовал в англо-маратхских войнах, сопровождал Джона Малколма во время его миссии в Персии, затем перешел на службу в Бомбей, был в резидентуре М. Элфинстоуна в Пуне. В 1827 г. уехал в Англию и занялся заново переводом хроники Феришты. Еще в период предыдущей службы он написал 11 томов «Истории мусульманского правления в Индии», но они пропали во время разграбления резидентуры в Пуне в 1817 г. Его перевод, опубликованный в 1829 г., был гораздо научнее, чем выполненный ранее А. Доу. Бриггс сравнил хронику Феришты с другими источниками.

Известной популярностью пользовалась также «История Британской империи в Индии» Джорджа Роберта Глейга (1796—1886). Он опирался, главным образом, на сочинения других британцев, опубликованные к тому времени в Индии. По Глейгу, индусы имели свою довольно развитую цивилизацию, конечно, не такую просвещенную, как европейцы сейчас, но и не варварскую. Она не уступала средневековой Европе, если не превосходила ее. В «мусульманский» период начался упадок цивилизованности. Мусульманские завоеватели — грабители и разрушители. У них ничему нельзя научиться в управлении Индией. Расцвет мусульманской власти приходится на правление Аурангзеба. Движение маратхов во главе с Шиваджи — наиболее важное событие времени Аурангзеба, но лишь потому, что облегчило потом создание Британской империи. Причина упадка моголов — слабость Му-

хаммад Шаха. Конец могольского периода — ослепление Аллам Шаха в 1788 г.

Этапным в изучении «мусульманского» периода истории Индии стал выход «Истории Индии, рассказанной ее собственными историками». В нее вошли переводы более чем 160 отрывков из персидских хроник и других сочинений, создававшихся более чем за 1 000 лет, выполненные Г.М. Эллиотом и обработанные Джоном Доусоном. Издание подкрепило мнение, что история Индии — это история именно мусульманского периода. Эта публикация дала значительный толчок исследованиям по Делийскому султанату и Могольской империи, но имела (кроме отмеченных идеологических изъянов) и негативные научные следствия. Она затормозила дальнейшую работу над рукописями. Многие стали пользоваться переводами Эллиота как первоисточником⁶⁵.

К концу XIX в. резко расширился круг введенных в оборот источников. Помимо упомянутых персоязычных хроник, переведенных в восьмитомнике Эллиота и Доусона, было издано также множество санскритских сочинений. Большинство из них являлись источниками по древности. Но многие можно было использовать также и для изучения средневековой истории.

В связи с трактовкой истории Индии возникает вопрос о роли К. Маркса (тем более что наша историография кровно связана с марксизмом). Как пишет Л. Алаев, Карл Маркс не был индологом, его высказывания на индийские темы вторичны, опираются на имевшуюся в то время литературу. Однако его теория исторического процесса и его учение о грядущей пролетарской революции сыграли столь значительную роль в разворачивании событий в XX в., это учение стало настолько популярным, приобрело свойства священ-

---

⁶⁵ The History of India as Told by its Own Historians. Vols I—VII. L., 1867—1877.

ного писания для многих ученых, в том числе и индологов, что и его высказывания по Индии стали рассматриваться как классические и директивные. Эти высказывания живут и оказывают большое влияние на ход индологических исследований. Марксисты — советские, британские и индийские — потратили много усилий с целью применить эти высказывания к изучаемому ими материалу или же опровергнуть их.

Эти высказывания не составляют важной части марксистского учения о формациях и историческом процессе. Они маргинальны и для самого Маркса. Прежде всего, надо сказать, что его теория исторического развития через смену обязательных формаций сформировалась на материале Западной Европы и относилась только к ней. Маркс никогда не предполагал переносить открытые им закономерности на весь мир. Из скрещения гегелевского взгляда на Восток с попыткой материалистического объяснения его «неисторичности» возникла идея «азиатского способа производства». Она появилась не из стремления Маркса подчеркнуть особенности исторического пути Востока, а совсем наоборот, из убеждения, что все народы идут по единому пути.

Индийская историческая наука развивалась, отталкивалась от британской в двух смыслах. С одной стороны, индийские историки получали европейское образование и усваивали профессиональные приемы европейской науки. Надо сказать, что они оказались хорошими учениками и усвоили методы работы XIX в. так хорошо, что многие продолжают работать по тогдашним лекалам до сих пор. С другой стороны, британская историография признавалась заведомо «империалистической», искажающей истинную историю, и потому с ней непременно надо было бороться. Для многих индийских ученых характерно применение западных методов анализа при неприятии основного принципа историзма — стремления к объективности.

Как считает Л. Алаев, начало индийской национальной историографии было довольно скромным. Кое-что было сделано в изучении раннесредневекового периода, практически не изучался период «мусульманских государств», который индийские историки в то время оставляли на суждения своих колониальных хозяев. Наметились лишь первые шаги в анализе колониальной политики (Алаев, 2013, с. 110).

Влияние британской историографии на индийскую было, конечно, наиболее значимым. Но с начала XX в. в Индию стали проникать, по мнению Сатиш Чандры, идеи немецкой науки, так называемой «критической школы», которая отличалась строгим научным анализом источников, стремилась превратить историю в точную науку. Немецкие ученые этого направления сумели преодолеть многие стереотипы прежних представлений об истории Германии.

Кадры мусульманских историков появляются только в 1920-е гг. До этого мусульманская интеллектуальная элита была занята в основном вопросами религиозного реформаторства и политического самоопределения мусульманской общины. Начавшие выходить из-под пера мусульманских историков книги, как правило, являлись публикациями диссертаций, подготовленных в одном из британских университетов, но сохраняли некоторые родовые черты средневековой мусульманской исторической литературы.

Марксистские исследователи стали изучать историю Индии «с конца», с попыток понять современность. Исследования в 1920—1930-е гг. и даже в 1940-е гг. находились под сильным влиянием позиции Коминтерна по национально-колониальному вопросу. Наиболее фундаментальными работами по Индии, вышедшими в СССР в 1920-е гг., были книги индийских коммунистов Манабендра Натх Роя (1887—1954) и Абони Мухарджи. Они не были профессиональными историками, их исторические работы неизвестны в Индии, а если

бы были известны, то, возможно, не произвели бы никакого впечатления. Но для советской науки о Востоке в целом, тем более для становления советской индологии, их работы оказались фундаментальными.

Определенную роль в становлении индийской национальной историографии сыграли книги на исторические темы Джавахарлала Неру. В послевоенной Индии была довольно сильная и влиятельная марксистская школа истории. Определенную роль в укоренении марксистских методов исторического анализа в Индии сыграли британские коммунисты. Индийские марксисты хотели бы применять марксистский метод, выходя за пределы жестких марксистских формул. Один из вариантов такого выхода, как считает Алаев, — попытка разделить исторический материализм и «экономический детерминизм».

Углубление понимания социального строя мусульманских государств Северной Индии в независимой Индии было начато также марксистами. Пионером в этом направлении стал К.М. Ашраф (1903—1962). Он написал лишь одну крупную работу, которая была основана на его докторской диссертации в Лондонском университете. В 1960 г. его пригласили председательствовать на секции средневековой истории Индийского исторического конгресса, который собирался в Алигархе. Он поставил перед индийскими медиевистами три задачи: определить периодизацию Средних веков; оценить роль тюрок и моголов в истории страны; определить характер народных движений в этот период.

Что касается поднятого Ашрафом вопроса о роли мусульман в истории Индии, то он остается одной из болевых проблем индийской историографии. Историки-мусульмане склонны подчеркивать позитивные последствия этого вторжения: вывод Индии из застоя, привнесение новых идей, новой техники, новых эстетических норм и т.п. Историки-

индусы, напротив, обращают внимание на разрушения и человеческие жертвы, связанные с этим завоеванием. Полемика по этому поводу продолжается. Ирфан Хабиб доказывает, что приход мусульман привел к техническому прогрессу индийского хозяйства. Ему возражают довольно уважаемые специалисты: Индия испытывала всесторонний, в том числе хозяйственный, расцвет накануне мусульманского вторжения, а оно нанесло стране громадный ущерб. Мусульмане оказываются виноваты и в том, что в Средние века усилилась жесткость кастовой системы: индусы таким образом стремились в условиях чужеземного господства сохранить свой социальный строй (Алаев, 2013, с. 333—337).

В колониальную эпоху историей Средней Азии занимался С.Х. Сингх, автор «Истории Коканда», в которой он использовал индийские и другие оригинальные восточные источники, неизвестные европейским ученым (Singh, 1878).

В Индии существует самобытная источниковедческая школа, внесшая свой вклад в изучение Средней Азии. Мухаммед Икбал (1877—1938), индийский поэт и философ, классик поэзии на урду и фарси, опубликовал в 1921 г. в Лондоне текст «Рхат ас-судур ва айат ас-сурур», ценного персоязычного источника начала века по истории Сельджукидов. В 1950-е гг. проблемами культурного взаимодействия цивилизаций Азии (Центральной Азии, Тибета, Среднего Востока и Индостана) занимался Б. Пракаш.

Индия традиционно с советских времен располагает сложившейся школой русистов, из которых сформировался современный корпус специалистов по Центральной Азии. Это такие авторы, как ветеран политологии Д. Каушик, а также А. Сангупта, П. Мани, С. Чаттерджи, С. Муни. Нетрудно заметить у этих исследователей довольно сильный антиамериканизм. В 1960-е гг. в Пенджабском университете проблемами Средней Азии занимался Ш. Али-Агла. В Ин-

ституте исламских исследований в Алигархе историей региона занимался А. Дж. Ахмад. Известен его труд «Средняя Азия с 1700 до 1850 г.» (1958—1959).

Нельзя не назвать имя такого историка, как Рахул Санкритьян, который сделал попытку смоделировать единую культурологическую концепцию истории народов Восточной Европы, Центральной Евразии и Индостана. Следует отметить, что стиль и язык работ этого ученого очень специфичны. Западные ученые критиковали Санкритьяна за следование марксистским концепциям. Широко известны были его труды «От Волги до Ганга: 6 000 до н.э. — 1922 н.э.» (Бомбей, 1947), «История Средней Азии» (в 2 т. — Патна, 1958; Калькутта, 1964).

К группе прозападных ученых относится Рахул Вайдьянатх, который в 1967 г. опубликовал книгу «Образование советских среднеазиатских республик», в которой рассматриваются проблемы дореволюционного развития региона. Его основной труд — «Образование советских среднеазиатских республик: 1917—1936» (1967), написанный в духе господствовавших в ту эпоху советологических концепций (**Vaydyanath, 1967**). Источниковая база книги — исключительно англоязычные источники, а также изданные на Западе канонические труды российских и советских ученых 1920-х гг. Особняком стоит фигура такого исследователя, как Р. Рахул, который являлся участником научных экспедиций в Центральную Азию в 1946—1949 гг. В 1950-е гг. он был участником исследовательской программы Фонда Рокфеллера, а в 1964 г. — соответствующей советской программы. Многие годы он занимал должность профессора Университета им. Дж. Неру и директора департамента центральноазиатских исследований. Рам Рахул был автором ряда книг по истории Средней Азии и международным отношениям в ЦА. Кроме того, в его работах содержится любопытная информация о казахской и тюр-

ко-мусульманской эмиграции в Японии. Известные работы Р. Рахула — «Политика Центральной Азии» (**Rahul, 1973**) и «Современная Средняя Азия» (**Rahul, 1979**).

Среди постсоветских индийских изданий о регионе можно назвать сборники «Этничность и политика в Центральной Азии»⁶⁶ и «Возникновение нового порядка в Центральной Азии»⁶⁷. Индийское видение своих интересов в регионе изложили в своих работах М. Пури — «Центральноазиатская геополитика»⁶⁸ и Дж. Бакш — «Геополитическая конвергенция России, Индии и центральноазиатских республик»⁶⁹.

Одной из наиболее активных индийских экспертов по региону является Анита Сенгупта, автор многочисленных статей и книг по самым различным проблемам Центральной Азии. Среди последних — этнические отношения и положение нацменьшинств, регионализм, геополитика, пан-тюркизм, исламское наследие и др. В 2002 г. индийская исследовательница опубликовала крупную монографическую работу — «Трансформация идентичности в Центральной Азии»⁷⁰, в которой рассматривала процесс формирования государств-наций в регионе (в основном на примере Таджикистана и Узбекистана).

В Институте исламской культуры в Алигархе средневековую историю Средней Азии разрабатывал М. Хайдер, в том числе эпоху Тимура, взаимодействие среднеазиатской, иранской и индостанской культур. В этом же институте в 1970-е гг. работал другой исследователь — С.А. Хасан, специализировавшийся на изучении проникновения мусульманской цивили-

---

⁶⁶ Warikoo K., Dawa Norbu (eds.) *Ethnicity and Politics in Central Asia*. — New Delhi: South Asian Publishers, 1992. — 291 p.

⁶⁷ Warikoo K. (ed.) *Central Asia. Emerging New Order*. — New Delhi: Har-Anand Publications, 1995. — 352 p.

⁶⁸ Puri M.M. *Central Asian Geopolitics: the Indian View* // *Central Asian Survey*. 1997. Vol. 16. N. 2, pp. 237—268.

⁶⁹ Baksh J. *Russia, India and the Central Asian Republics: Geopolitical Convergence* // *Strategic Analysis*. 1996. Vol. XIX. N 5.

⁷⁰ Sengupta A. *Frontiers into Borders. The Transformation of Identities in Central Asia*. — Kolkata: Hope India Publications, 2002. — 224 p.

лизации в Среднюю Азию. Сунити К. Чаттерджи, профессор Ганганатхского института, автор большого количества трудов по истории Индии и влиянию индийской цивилизации на соседние регионы, индо-тюркским и индо-среднеазиатским связям. Социологические и демографические проблемы Средней Азии в 1980-е гг. разрабатывал Ракеш Шарма.

Другими крупными исследователями индийско-центральноазиатской проблематики являются такие исследователи, как Н. Вохра — автор книги «Культура, общество и политика в Центральной Азии и Индия»⁷¹, С. Гопал — «Индия и Центральная Азия»⁷² и Девендра Каушик — ветеран индийской школы изучения СССР и советской Средней Азии. Большинство индийских авторов являются последователями марксистского направления в науке, обучались в Советском Союзе и в своих работах после распада СССР в целом сохранили подходы и воззрения, полученные ранее. Геополитические процессы в Евразии они, как правило, рассматривают в ракурсе желательного объединения Индии, России и центральноазиатских республик для совместного противостояния Пакистану и в целом исламскому давлению, Китаю и США.

Можно разделить индийских историков и политологов, занимавшихся проблемами Центральной Азии, на «марксистов» и «буржуазных» историков. Для первой группы было характерно следование концепциям советской исторической школы, хотя и со своими многочисленными местными интерпретациями. Главным содержанием их работ был антиколониальный пафос, что сближало их с марксистской историографией. Для другой группы было естественно придерживаться западных взглядов на историю как Индостана, так и Центральной Азии. Все они получили образование на

---

⁷¹ Vohra N.N. (ed.) Culture, Society and Politics in Central Asia and India. — New Delhi: Shipra Publications, 1999.

⁷² Gopal S. (ed.) India and Central Asia. — New Delhi: Shipra Publications, 2000.

Западе или формировались под сильным европейским влиянием⁷³.

К числу марксистов относится историк Девендра Каушик (р. 1934), сотрудник университета Курукшетра. Д. Каушик получил образование в университетах Агры, Ташкента и АН СССР. Естественно, что работы Каушика несут на себе сильный отпечаток влияния советского методологического подхода к истории Средней Азии. Основной сюжет и предмет исследования работ Каушика — исторические и культурные связи между Индией и Центральной Азией в древности и в новое время. Каушик в своих работах привел интересные сведения о колониях индостанцев в Южном Казахстане и в Туркестанском генерал-губернаторстве в целом и их участии в среднеазиатской торговле и ремесле. Этому посвящены его книги «Средняя Азия в новое время», «Социализм в Средней Азии», «Индия и Центральная Азия в новое время» (Kaushik, 1970; 1976; 1985).

Индийские исследователи проблем Центральной Азии уделяют большое внимание проблеме ислама. В начале 1990-х гг. они предсказывали рост исламского фундаментализма в постсоветских республиках региона. Они отмечали, что вполне возможно слияние исламского возрождения со всплеском посткоммунистического национализма. «Если это произойдет, то результатом будет изменение ситуации в Синьцзяне, а затем в Тибете». Вполне понятен интерес индийских политологов к развитию исламских тенденций в Центральной Азии. С одной стороны, Индия опасалась, что центральноазиатские республики будут ориентированы в своем внешнеполитическом развитии на мусульманский мир, прежде всего на Пакистан. Но, с другой стороны, в интересах Индии, если рост исламизма приведет к подрыву китайских позиций во Внутренней Азии.

---

⁷³ См.: Ванина Е.Ю. Индия: история в истории. — Москва: ИВ РАН, 2014. — 343 с.

Исламская тематика занимает большое место в книге Д. Хиро, который дал ей броское название «Между Марксом и Мухаммедом»⁷⁴, подчеркивая исламскую идентичность региона, которая существует на коммунистическом субстрате, обязанном своим появлением советской эпохе. В сосуществовании ислама и коммунизма этот автор видит главный парадокс современной Центральной Азии.

На современном этапе центральноазиатской проблематикой занимаются следующие исследователи в различных институтах, центрах и университетах.

Д. Каушик (ун-т им. Дж. Неру) в работе «Евразийская перспектива азиатской структуры безопасности»⁷⁵ исходит из того, что угрозы в основном являются побочным продуктом агрессивной политики односторонних действий США для получения контроля над огромными природными ресурсами развивающегося мира. Д. Каушик останавливается на проблеме безопасности в Азии с середины XX в., подробно анализирует деятельность ШОС, в состав которой входят Россия, Китай, Казахстан, Киргизия и Узбекистан, особо отмечает, что эта организация открыта для новых участников или наблюдателей. Монголия, Индия, Иран, Пакистан и США выразили заинтересованность в ее деятельности. Автор уделяет большое внимание вопросам нормализации отношений между Индией и Китаем, а также подчеркивает целесообразность сотрудничества в треугольнике Россия — Индия — Китай. То есть Д. Каушик с точки зрения геополитики близок к концепции российского политика Е. Примакова многополярного мира и формирования «Большого азиатского треугольника».

---

⁷⁴ Hero D. *Between Marx and Muhammad. The Changing Face of Central Asia*. — London: Harper Collins, 1994. — 402 p.

⁷⁵ Kaushik D. *Eurasian Perspective of Asian Security Structure: New Chances for Indian-Chinese Cooperation* // *Asia Annual*. 2003. Ed. by M. Singh. — New Delhi: Institute of Asian Studies, 2003, pp. 70—83.

П. Мани (Институт оборонных исследований и анализа, Дели) в работе «Центральная Азия: роль Индии»⁷⁶ пишет, что после событий 11 сентября в США и американской военной операции в Афганистане началась не только новая эпоха в мировой политике, но и новая фаза в борьбе за влияние в Центральной Азии. США глубоко вовлеклись в дела региона, который раньше считался «маргинальным» для их национальных интересов. Индия не смогла серьезно обозначить свое присутствие в Средней Азии в первые годы после образования здесь независимых государств с мусульманским населением. Опасность того, что они создадут «исламский альянс», вызывала озабоченность Индии. Тем более что Пакистан предпринимал шаги по расширению влияния в Средней Азии, подчеркивая необходимость мусульманского единства. После поражения талибов в Афганистане и установления правительства Хамида Карзая геополитическая ситуация резко изменилась, в том числе и в пользу Индии. Стратегическое положение Центральной Азии и потребность Индии в энергетических ресурсах способствуют активизации ее сотрудничества со странами этого региона.

Анита Сенгупта (Институт азиатских исследований) в работе «Россия в Евразии: дебаты продолжаются»⁷⁷ считает, что отношения России со странами Центральной Азии завершили полный круг: от окончательного отделения последних сразу же после распада СССР до попыток реинтеграции перед лицом растущего западного влияния в Центральной Азии, от согласия России допустить военное присутствие Запада в этом регионе после 11 сентября 2001 г. до стремления восстановить там свое влияние. Политику России в отношении Средней Азии А. Сенгупта характеризует как

⁷⁶ Mani P. Central Asia: Role of India // Asia Annual. 2003. Ed. by M. Singh. — New Delhi: Institute of Asian Studies, 2003, pp. 84—96.

⁷⁷ Sengupta A. Russia in Eurasia: the Debates continue // Asia Annual. 2003. Ed. by M. Singh. — New Delhi: Institute of Asian Studies, 2003, pp. 110—121.

двойственную. С одной стороны, Россия признает наличие различий между ней и данным регионом, с другой — подчеркивает его важность для своих национальных интересов. С этим во многом связаны и дебаты в России о ее будущем и национальной самоидентификации. Отсюда возникают, в частности, такие вопросы: является ли Россия исключительно европейской страной или она должна учитывать двойное наследие, которое признает евразийскую идеологию? как в будущем должны развиваться отношения между Москвой и бывшими азиатскими республиками? Рассматривая ход событий в отношениях между Россией и странами Центральной Азии в течение последнего десятилетия, автор отмечает, что российская политика в Центральной Азии существенно изменилась: фактически России пришлось признать, что, покинув этот регион, она позволила другим странам, особенно западным, а также Китаю, Турции, Ирану, Пакистану и Саудовской Аравии заполнить вакуум. Поворот России лицом к Центральной Азии связан, кроме того, с интервенцией НАТО на Балканах и активизацией деятельности этой организации в странах СНГ.

С. Чаттерджи (Институт азиатских исследований) подчеркивает⁷⁸, что модернизация в постсоветских республиках Центральной Азии измеряется как темпом экономических и политических реформ, так и отношением общества к ним. По ее мнению, роль внешних факторов в модернизации более существенна, чем роль внутренних. За время независимости этих стран фактически не было каких-либо структурных преобразований в их экономике. На деле произошла переориентация политики данных стран, которая привела к таким негативным результатам, как упадок промышленного производства, рост безработицы, деградация в сфере здра-

---

⁷⁸ Chatterji S. The Development Trends in Kyrgyzstan // *Asia Annual*. 2003. Ed. by M. Singh. — New Delhi: Institute of Asian Studies, 2003, pp. 97—109.

воохранения и образования. Первоначальная волна поддержки демократизации стала угасать по мере того, как переход к рыночной экономике становился все более болезненным. Для создания устойчивой демократии в Средней Азии необходимо построение основ гражданского общества.

Индийский исследователь А. Моханти анализирует внешнюю политику России. После дезинтеграции СССР она прошла через несколько этапов⁷⁹. Российская внешняя политика, по его мнению, сыграла критическую роль во внутренних преобразованиях страны. В сложившихся условиях после раздела СССР эта политика могла быть только прозападной, проамериканской. С середины 1990-х гг. во внешнюю политику России были внесены существенные коррективы, которые отразили политический и экономический прагматизм в ее отношениях с Западом. Активизировалась ее деятельность на иных внешнеполитических направлениях — связях с Индией, Китаем, другими азиатскими странами. Россия при В.В. Путине в целом проводит многовекторную внешнюю политику по защите своих национальных интересов на Западе и Востоке, хотя имеются и определенные колебания в этом курсе. Например, стали более прагматичными отношения с США. Одним из главных элементов нынешней внешней политики России является курс на создание многополюсного мира. Россия как евразийская страна пытается найти баланс между западным и восточным направлениями своей политики. Недосток ресурсов остается самым серьезным ограничителем в достижении ее внешнеполитических целей.

С.Д. Муни (Школа международных исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели) пишет⁸⁰, что расчленение СССР и возникновение однополюсного мира потрясли всю прежнюю структуру индийской внешней политики. Ин-

---

⁷⁹ Asia Annual, 2003, pp. 210—225.

⁸⁰ Asia Annual, 2003, pp. 141—150.

дия была вынуждена искать новые возможности на глобальном и региональном уровнях для защиты своих интересов. Страны АСЕАН, Япония, Корея, Китай, как наиболее динамично развивающиеся, представляют собой многообещающий рынок для сотрудничества. Индия также проявила заинтересованность в развитии связей с Центральной Азией. Автор отмечает, что активизация сотрудничества с этими регионами не должна наносить ущерб деятельности Индии в рамках СААРК. Индии не следует выступать в роли конкурента Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а лучше сосредоточиться на сотрудничестве с КНР и Россией в создании демократического многополюсного мира. Она могла бы взаимодействовать с Китаем на таких форумах, как Шанхайская организация сотрудничества.

В 2007 г. увидело свет совместное исследование индийских и казахстанских ученых «Казахстан и Индия. Перспективы международного и регионального взаимодействия». Оно было подготовлено силами интернационального коллектива из индийских и казахстанских ученых. С индийской стороны проектом руководили профессора К. Сантанам и Р. Дживеди. Данное издание охватывает практически все аспекты двусторонних отношений, включая международный и геополитический факторы⁸¹.

Появление коллективного труда «Воссоединение Индии и Центральной Азии: растущее значение факторов безопасности и экономики» под руководством профессора Нирмалы Джоши вновь возвращает в повестку дня тему индийско-центральноазиатских связей. Характерно, что данная монография появилась не в Дели и не в одной из столиц стран региона, а в Вашингтоне — в рамках исследовательской про-

---

⁸¹ India-Kazakhstan Perspectives. Regional and International Interactions. Eds. by K. Santhanam, K. Baizakova, R. Dwivedi. — New Delhi: ICAF, 2007. — XXII+270 pp. Рус. пер.: Казахстан и Индия. Перспективы международного и регионального взаимодействия. — Алматы/Дели: КазНУ, 2007. — 283 с.

граммы Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Джонса Гопкинса, возглавляемой в течение многих лет профессором Ф. Старром. Это означает, что проблема выросшего геополитического значения Индии и ее влияния на регион Центральной Азии вызывает самое пристальное внимание в США и на Западе в целом⁸².

Монография посвящена, строго говоря, двум основным проблемам, обозначенным в заглавии работы, — безопасности и экономике. Но в книге присутствует и третье измерение: положение двух партнеров в мире в контексте новых изменившихся геополитических реалий.

В целом авторы книги, несмотря на выбранные для себя сюжеты своих разделов, проповедуют один подход: они рассматривают отношения между Индией и регионом ЦА в контексте существования «Большой (расширенной) Центральной Азии», в которую включают помимо собственно нашего региона также Южную Азию, Афганистан, Иран и Турцию. Выбранный метод распространяется не только на сферу геополитики и безопасности, но и на область экономических связей. Тем самым взаимодействие Индии с центральноазиатскими государствами, само по себе достаточно скромное, в данном контексте приобретает совсем другое, более весомое измерение.

Авторы исходят из того, что геополитическое значение ЦА для Индии не вызывало сомнений в прошлом, не вызывает оно сомнений и в настоящем. Для индийского стратегического мышления ЦА представляет собой часть широко-го стратегически важного для Индии пространства. В Дели считают, что меняющаяся геополитическая и стратегическая обстановка в Евразии требует индийского участия для «вос-

---

⁸² Joshi N. (ed.) *Reconnecting India and Central Asia: Emerging Security and Economic Dimensions*. A Joint Transatlantic Research and Policy Center, Johns Hopkins University-SAIS. — Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2010. — IX+182 pp.

становления» той роли, которая (якобы. — Прим. автора) была присуща Индии в этом регионе в прошлом. При этом Дели будет стараться играть «конструктивную роль» в ходе той геополитической борьбы за ресурсы региона, которые влекут сюда глобальных игроков.

«Большая игра» вокруг региона с точки зрения Дели выглядит следующим образом. Налицо две тенденции — сотрудничество и соперничество между двумя парами геополитических игроков: США и ЕС с одной стороны, Россией и Китаем — с другой. При этом Индия (по инерции) сотрудничает с Россией, но перед лицом растущего влияния Китая все больше склоняется к партнерству с Соединенными Штатами. Любопытно, что в Дели уверены, что в Центральной Азии разделяют индийскую точку зрения о недопустимости доминирования какой-либо одной державы. В то же время индийские эксперты также уверены, что позиции России и Индии на будущую роль КНР в регионе совпадают. И она представляется им как внушающая озабоченность.

Сердцевиной индийских интересов в ЦА, как явствует дальше из текста, являются энергические ресурсы региона. Эпицентром этих интересов становится Казахстан, с которым Индия заключила Соглашение о стратегическом партнерстве. Благодаря этому факту, а также возможному вхождению Афганистана в СААРК (Ассоциация по региональному сотрудничеству Южной Азии) Индии удастся сформировать некое подобие регионального блока в духе своей осуществляемой с начала 1990-х гг. политики «поворота лицом к Западу». Подобное развитие событий вывело бы Дели в лидеры (в т.ч. и перед лицом Запада) БЦА. В свою очередь, реализация проекта БЦА позволила бы наладить торговые и транспортные связи Индии с ЦА, которые столь жизненно ей необходимы.

В этой связи авторы берут на себя смелость сформулировать обновленную геополитическую повестку дня для Дели

(подразумевается, что таковая уже вызрела в недрах стратегического истеблишмента страны). Понимание стратегических реалий должно толкать Индию к тому, чтобы способствовать стабилизации Афганистана и Пакистана и в первую очередь, чтобы наладить прямое транспортное сообщение с Центральной Азией и с выгодой для себя использовать энергетические богатства региона.

В качестве партнера по реализации данного геополитического проекта (объединение Центральной и Южной Азии) Индия могла бы заинтересовать и привлечь США. На практическом уровне участие Америки выразилось бы в оказании своего влияния по стабилизации Пакистана. Кроме того, как предполагают авторы, стратегическое партнерство между Дели и Вашингтоном из Афганистана могло бы быть распространено и на Центральную Азию. В этом случае стратегическая ось могла быть превращена в геополитический треугольник США — Индия — Россия.

В качестве ближайшего объекта для совместных действий авторы называют Таджикистан, который обладает пугающе близкими к Афганистану и Пакистану топографическими, религиозными и социально-экономическими характеристиками. На стратегическую перспективу эксперты советуют Индии больше внимания уделять молодежи региона и активнее участвовать в формировании будущих элит стран региона. В целом центральноазиатская политика Индии должна встраиваться в общий контекст ее азиатской стратегии.

В дальнейшем Индия могла бы вполне реально рассмотреть возможность принятия некоторых государств региона (Таджикистан и Узбекистан) в руководимый ею региональный союз СААРК. Но Индия, заключают авторы, не должна целиком ставить себя в зависимость от того, насколько успешно удастся интегрировать или стабилизировать Афганистан и Пакистан. Для связей с ЦА у нее существует аль-

тернатива в виде иранских портов и железнодорожной сети на территории Ирана.

По ходу текста авторы сами называют Индию «опоздавшим актором» в ЦА. Это объясняет их некоторую заикленность вокруг геополитических вопросов. Авторы явно стремятся представить Индию в качестве глобального игрока и тем самым мотивировать ее интересы в регионе. Отсюда также стремление привязать Индию к неким стратегическим треугольникам (с участием США, России или Китая). Однако в реальности интересы Индии скромнее и носят, скорее, региональный характер. Этот факт ставит Дели в один ряд с такими игроками, как Тегеран, Исламабад или Анкара. Складывается впечатление, что местами авторы отдают себе в этом отчет.

Но и без этого вывода данная книга, несомненно, интересна, поскольку дает представление о процессе формирования индийского геополитического мышления, который стартует прямо на наших глазах вместе с Индией, которая ищет достойное для себя геополитическое место в мире. И это тем более интересно, поскольку для этих целей выбран именно наш регион, который уже давно стал своего рода геополитическим объектом (или призом) номер один в «Большой игре» на евразийской шахматной доске. И Индия не хочет и не может стать исключением.

Несомненный интерес представляет коллективная монография французских и индийских ученых «Карта Центральной Азии в восприятии и стратегии Индии». Книга издана под редакцией известных французских востоковедов Марлен Ларюэль и Себастьяна Пейруза, которые в свою очередь привлекли к работе таких ветеранов индийского центральноазиатского изучения, как А. Патнаик, К. Варико, С. Чаттерджи, А. Сенгупту, С. Гопала и других⁸³.

---

⁸³ Mapping Central Asia. Indian Perceptions and Strategies. Eds. by M.Laruelle and S.Peyrouse. — Farnham: Ashgate, 2011. — 248 p.

С композиционной точки зрения книга состоит из трех частей. Первая часть посвящена общей истории Индии и Центральной Азии как связующему мосту к настоящему. Отношения между двумя цивилизациями и регионами показаны с точки зрения их исторического соседства, интенсивности контактов и последующей «разорванности» связей. В этой связи любопытно, как в исторической памяти новой постколониальной индийской элиты в мифологизированном виде отразились исторические связи с Центральной Азией, которые, без сомнения, повлияли на формирование представлений и стратегических подходов уже в современное время. Главный вопрос этой части состоит в следующем: будет ли работать механизм исторических связей двух регионов в 21-м веке?

Вторая часть «Контекстуализация индо-центральноазиатских отношений» рассматривает данный период именно как период надежд, разочарований и постепенного перехода к взаимному прагматизму. В данной части признается, что Индия по своему геополитическому весу и влиянию все-таки не дотягивает до остальных четверых игроков в регионе (РФ, США, ЕС и КНР). Третья часть монографии обращена к геополитическим проблемам, оказывающим влияние на политику Индии в отношении ЦА — пакистанский фактор, Кашмир, Афганистан и Синьцзян. В этой части подспудно угадывается мысль авторов о том, что «геополитическая неопределенность» вокруг Центральной Азии оставляет Индии шанс встать вровень с другими геополитическими тяжеловесами.

Авторы подчеркивают, что основными причинами появления данного издания были два парадокса. Первый касается того факта, что проблема отношений между Индией и странами Центральной Азии стала традиционным сюжетом с точки зрения классической геополитики. Но парадокс состоит в том, считают авторы, что по-настоящему данный вопрос

фактически не исследовался на политическом, экономическом, стратегическом и культурном уровнях взаимодействия. Основным связующим звеном в области безопасности для обеих сторон остается Афганистан («отсутствующая связь», как называют его авторы). Вторым парадоксом является тот факт, что, несмотря на относительно высокий уровень развитости центральноазиатских исследований в Индии, индийская политологическая школа игнорируется на Западе и практически находится в изоляции. Индийские достижения в этой сфере признаются в основном под эгидой востоковедения.

Выводы из данного труда следуют неутешительные для индийской стороны. Исследователи констатируют пропасть между немалым потенциалом для создания индо-центральноазиатского альянса и той слабостью своего присутствия в регионе, который демонстрирует Дели к концу первой декады 21-го столетия. Очевидно, что Индия осталась в стороне от той схватки в жестком стиле, которую вели Россия и США на геополитическом уровне, и Россия, США и Китай за обладание энергоресурсами. Тем самым Индия могла бы встать в один ряд с державами, использующими для влияния экономические рычаги, — Евросоюзом, Южной Кореей и Японией.

В качестве потенциала для наращивания своего влияния в Центральной Азии Индия располагает демократическим багажом, который рано или поздно будет востребован народами региона, а также своими хорошими отношениями с Россией. Индия, как и центральноазиатские республики, заинтересована в преодолении маргинального положения Ирана в регионе и его более тесной интеграции в региональные дела. Но, констатируют авторы, Индия никогда не сможет заменить Китай в экономическом смысле. Среди всех стран региона первоочередной интерес для Индии представляет Казахстан. Стороны могли бы успешно сотрудничать в самых разных об-

ластях: космосе (особенно после ухода России из Байконура), атомной энергетике и информационных технологиях. В целом три государства — Индия, Казахстан и Россия — могли бы составить, по мнению авторов, успешный геоэкономический треугольник.

Если в будущем удастся направить основные потоки энергоресурсов (газ, электроэнергию, в меньшей степени нефть и уран) из Центральной в Южную Азию, экономическое значение Индии для региона неизмеримо возрастет и наоборот. Но авторы не исключают, что геополитическая ситуация в регионе может стагнировать; хуже того, события могут развиваться далеко не в пользу Индии. Такой сценарий предусматривает установление экономического протектората Китая в регионе или исламизацию стран Центральной Азии. В целом же звучит финальный вывод: отношения между Индией и Центральной Азией зависят от сторонних факторов, которые не поддаются манипулированию и контролю.

К предыдущему изданию тематически примыкает коллективная монография (под ред. К. Варико, университет Дж. Неру) «Религия и безопасность в Южной и Центральной Азии»⁸⁴. Авторский коллектив рассматривает проблему в широком международном контексте: возрождение Талибана в Афганистане, талибанизация Пакистана, политика и практика исламского терроризма в Индии, исламский экстремизм в Кашмире, исламский экстремизм и террористическая сеть в Бангладеш, дестабилизирующая роль Хизб ут-Тахрир в Центральной Азии, роль мусульманских лидеров в Таджикистане, этно-религиозный сепаратизм в Синьцзяне и др.

Как мы видим, руководитель проекта К. Варико сделал попытку максимально внедрить центральноазиатскую проблематику в расширенную региональную повестку дня, рас-

---

⁸⁴ Religion and Security in South and Central Asia. Ed. by K.Warikoo. — London, New York: Routledge, 2011. — 217 p.

смагивая оба региона через призму растущей угрозы радикального исламизма. Он исходит из того, что исламисты принципиально не согласны с концепцией демократии и секуляризма. В то же время риторика политического ислама представляет собой ответную реакцию на растущее экономическое неравенство, коррупцию, политическое бессилие внутри мусульманских обществ, а также на моральное банкротство современной западной материалистической культуры и ее системы ценностей. Не остались в стороне от этих процессов и страны Центральной Азии. Но основной причиной нестабильности с исламистским подтекстом Варико видит в близости региона к Афганистану; по этой же причине данная угроза затрагивает Пакистан и Индию.

Индийский исследователь вполне резонно предполагает, что общая угроза должна сплотить заинтересованные стороны — Индию, Китай, Россию и ее центральноазиатских союзников. В качестве другого инструмента для сопротивления воинствующему исламизму Варико называет суфизм и в более широком смысле — общее культурно-религиозное наследие некогда обширного и связанного между собой региона Северного Индостана, Среднего Востока и Центральной Азии. Фактически, к созданию альтернативы в форме умеренного ислама (в форме суфийской традиции) в качестве официальной политики ученый и призывает режимы Центральной Азии. Представляется очевидным, что после недавних событий в регионе над этой идеей стоит призадуматься.

Таким образом, легко заметить, что геополитические воззрения индийских экспертов сохраняют во многом инерцию прежних времен. Так, в них доминирует антиамериканизм и антипакистанизм, хотя они отдают дань современным тенденциям, в частности, борьбе с «международным терроризмом». Но для индийских политологов эта борьба означает в первую очередь борьбу с радикальным исламизмом. Именно

под этим углом зрения в Дели трактуют стратегию Индии, политику США и Пакистана, в том числе и в Центральной Азии. По их мнению, для Дели главной геополитической задачей является не допустить установления в этом регионе доминирования Пакистана, за спиной которого могут стоять Соединенные Штаты. Для этого даже не исключается, и это является совершенно новым для индийских авторов, участие Индии в треугольнике Пекин — Москва — Дели. Однако их допущения такой перспективы являются крайне осторожными.

Источники и литература

Balooch M. Iran and Indias Cooperation toward Central Asia // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). 2009. Vol. 7. N 3, pp. 25—30.

Dadebaev A. Indias Central Asian Policy // Himalayan and Central Asian Studies (New Delhi). 2008. Vol. 12. N 3—4, pp. 163—166.

Gopal S. (ed.) India and Central Asia. — New Delhi: Shipra Publications, 2000.

Jen-kun Fu. Reassessing a “New Great Game” between India and China in Central Asia // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm) 2010. Vol. 8. N 1, pp. 17—32.

India-Kazakhstan Perspectives. Regional and International Interactions. Eds. by K. Santhanam, K. Baizakova, R. Dwivedi. — New Delhi: ICAF, 2007. — XXII+270 pp.

Joshi N. (ed.) Reconnecting India and Central Asia: Emerging Security and Economic Dimensions. A Joint Transatlantic Research and Policy Center, Johns Hopkins University-SAIS. — Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2010. — IX+182 pp.

Joshi N. India and Central Asia // Shygys (Almaty). 2004. N 1, pp. 93—99.

Joshi N. India and Central Asia: the Security Dimension // Kazakhstan in Global Processes (Almaty). 2005. N 3, pp. 8—16.

Kaushik D. Central Asia in Modern Times. — Moscow: Progress, 1970. — 271 p.

Kaushik D. *Socialism in Central Asia*. — Bombay: Allied Publishers, 1976.

Kaushik D. *India and Central Asia in Modern Times*. — New Delhi: Satvakan, 1985. — 134 p.

Kaw M.A. *Restoring Indias Silk Route Links with South and Central Asia across Kashmir: Challenges and Opportunities // The China and Eurasia Forum Quarterly Mapping Central Asia. Indian Perceptions and Strategies*. Eds. by M. Laruelle and S. Peyrouse. — Farnham: Ashgate, 2011. — 248 p.

Mani P. *Central Asia: Role of India // Asia Annual*. 2003. Ed. by M. Singh. — New Delhi: Institute of Asian Studies, 2003, pp. 84—96.

Moore S. *Peril and promise: a survey of Indias strategic relationship with Central Asia // Central Asian Survey (Oxford)*. 2007. Vol. 26. Issue 2, pp. 279 — 291.

Panda J.P. *Indias Approach to Central Asia: Strategic Intent and Geopolitical Calculus // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm)*. 2009. Vol. 7, N 3, pp. 103—114.

Patnaik A. *Comparing Indias and Chinas Approaches in Central Asia. Central Asia Security Policy Brief N 2*. — Bishkek: OSCE Academy, 2010. — 11 p.

Sahai P.S. *India and Central Asia: staying engaged // Первый форум по проблемам безопасности и сотрудничества в Центральноазиатско-Каспийском регионе*. — Алматы: ИМЭП, 2008. — С. 99—111.

Sankritiyanan R. *History of Central Asia*. — Calcutta, New Delhi: New Age Publishers, 1964. — 307 p.

Singh S.H. *A History of Khokand*. — Lahore: Bates, 1878.

Shen S. *Great Power Politics: Indias Absence from Ideological Energy Diplomacy in Central Asia // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm)* 2010. Vol. 8. N 1, p. 115.

Panda J.P. *Indias Approach to Central Asia: Strategic Intent and Geopolitical Calculus // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm)*. 2009. Vol. 7, N 3, pp. 103—114.

Rahul R. *Modern Central Asia*. — New Delhi: Vikas P.H., 1979. — 105 p.

Vaydyanath R. *The Formation of the Soviet Central Asian Republics. A Study in Soviet Nationalities Policy. 1917—1936*. — New Delhi: Peoples Publishing House, 1967. — 299 p.

§ 2. Турция

Отношения Турции со странами Центральной Азии носят совершенно особый характер. Если на протяжении столетий существования халифата в лице Османской Порты главенствующим фактором был исламский, то с 1920-х гг. решающим фактором становится тюркский. Согласно традиции в течение многих веков турецкий султан, будучи халифом всех правоверных, покровительствовал народам и государствам региона. Османская политическая культура рассматривала их как вассалов и подданных Стамбула. В XX в. уже Анкара объявляет себя защитницей так называемых «внешних тюрок» и принципиально борется за их политическую независимость. В 1991 г. эти амбиции неожиданным образом (хотя и частично) реализовались: на карте мира появились пять новых независимых тюркских государств — четыре в Центральной Азии и одно на Кавказе⁸⁵.

---

⁸⁵ Варбанец П. Региональные центры силы и их политика в Центральной Евразии (турецкий вектор борьбы за лидерство в Центральной Евразии) // *Центральная Азия и Кавказ* (Лулеа, Швеция). 2008. N 1. С. 51—59. Взаимоотношения Турции и Центральной Азии в контексте расширяющейся Европы. — Алматы: Дайк Пресс, 2006. — 424 с. Чотоев З. Влияние Турции на развитие государств Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ* (Лулеа, Швеция). 2003. N 2. С. 83—92. Чотоев З. О возможностях участия Турции в укреплении безопасности стран Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ* (Лулеа, Швеция). 2004. N 4. С. 153—160. Юлдашева Г.И. Геополитические интересы Анкары в Центральной Азии в контексте ирано-американских противоречий // *Халқаро муносабатлар* (Ташкент). 2005. N 3. С. 28—32. Юлдашева Г. Новые внешнеполитические ориентиры Турции и государства Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ* (Лулеа, Швеция). 2008. N 1. С. 60—67. Аватков В. Роль Турции на постсоветском пространстве // *Россия и мусульманский мир* (ИМЭМО/ИВ РАН). 2010. N 1. С. 134—147. Бакустин А.В. Турция, Россия и государства Центральной Азии в XXI веке // *Россия и современный мир* (ИНИОН). 2009. N 2. С. 175—186. Варбанец П. Внешняя политика Турции в Центральной Азии и на Кавказе: отголоски событий «арабской весны» // *Центральная Азия и Кавказ* (Лулеа, Швеция). 2012. N 4. С. 59—66; Жуссипбек Г. В поисках приемлемой модели отношений между государством и религией для постсоветской Центральной Азии: уроки Турции // *Центральная Азия и Кавказ* (Лулеа, Швеция). 2014. N 4. С. 32—45. Овселян Л. Турецкая модель и обусловленность внешней политики Анкары в странах Центральной Азии стратегическими интересами Запада // *Центральная Азия и Кавказ* (Лулеа, Швеция). 2009. N 2. С. 130—137. Овселян Л. Военно-политические аспекты сотрудничества Турции со странами Центральной Азии: общая динамика развития // *Центральная Азия и Кавказ* (Лулеа, Швеция). 2010. N 2. С. 93—100. Шлыков П.В. Российско-турецкий диалог по проблемам Центральной Азии и Кавказа // *Восток-Oriens* (ИВ РАН). 2009. N 4. С. 152—156. Эйвазов Дж. Центральная Евразия сквозь призму интересов безопасности Турции // *Центральная Азия и Кавказ* (Лулеа, Швеция). 2010. N 3. С. 87—97.

Турецкие анналы содержат колоссальный по богатству и важности для истории Центральной Азии материал, относящийся к эпохе позднего Средневековья и Нового времени, то есть эпохе расцвета и существования Османской империи. Данные документы представляют собой переписку между Стамбулом и ставками среднеазиатских эмиров и центральноазиатских ханов, фетвы турецких халифов и донесения турецких послов. То есть данная документация представляет интерес в первую очередь с точки зрения истории международных отношений в Евразии.

Эти архивы мало разработаны. Материалы, которые вводили в научный оборот европейские исследователи, касались Ближнего Востока и арабского мира. Специально центральноазиатской проблематикой занимались немногочисленные западные ученые, как правило, попутно с другими интересующими их сюжетами. Советские исследователи вообще не имели доступа к данным хранилищам. Только в последнее время представители некоторых учреждений (например, французского Института по Центральной Азии, некоторых немецких фондов) целенаправленно разрабатывали турецкие архивы.

После образования Турецкой Республики эта страна стала второй родиной для многих представителей среднеазиатской интеллигенции, бежавших от бурных потрясений эпохи революции и Гражданской войны, репрессий 1920-х и 1930-х гг., а также в результате коллективизации в СССР и крушения Восточно-Туркестанской республики в Синьцзяне в 1940—1950-е гг. Эти люди всячески поддерживали интерес в Турции к советским республикам Средней Азии и Казахстану, хотя он носил в большей степени политический, чем академический характер.

Большой вклад в изучение истории Центральной Азии и Турции внес Таир Чагатай (1902—1984)⁸⁶. В 1936 г. он издал в Турции книгу казахского просветителя М. Дулатова «Оян, казах!» «Проснись, казах!», написав к ней обширное предисловие, представлявшее собой фактически введение в новую историю Казахстана. С 1958 по 1967 г. Чагатай издавал многотомную серию «Красный империализм» (Сагатау, 1958-67), в которой он освещал историю Центральной Азии с точки зрения тюрко-русских противоречий и осветил историю колонизации региона царской Россией и СССР. Работы Чагатая стали основой концептуального подхода турецкой историографии к истории «внешних тюрков», а сам он был представителем непримиримого пантюркистского подхода к положению среднеазиатских народов в составе СССР, своего рода знаковой фигурой в турецкой историографии. Его труды широко использовались западными учеными, в первую очередь советологами. В 1960 г. под ред. Чагатая вышло эссе о регионе «Описание поездки в Туркестан», проникнутое интересом и сочувствием к местным тюркским народам и судьбе культурного достояния всех тюрков (**Сагатау, 1960**).

К одному поколению с Т. Чагатаем принадлежал Таир Шакир, получивший образование в Германии. Тесные традиционные связи в политической области между Германией

---

⁸⁶ Таир (Шакирович) Чагатай родился в Ташкенте 27 марта 1902 г. Его отец Шакир Разыбакиевич построил в Ташкенте мечеть, содержал медресе. В Баку Таир участвует в гражданском движении тех лет. Летом он едет в Ташкент. В 1922 г. в Германии получает высшее образование. Сначала он учился на отделениях экономики, социологии в Хейдельбергском университете, закончив который в 1930 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Главные направления экономики кочевого хозяйства», позже изданной отдельной книгой. В те годы он знакомится с М. Чокаем. Таир Чагатай был ответственным секретарем журнала «Яш Туркестан» в 1929—1939 гг. Осенью 1939 г. с супругой Сагадат переезжает из Германии в Турцию. Таир Чагатай — автор около 20 книг на немецком, тюркском языках: «Экономика кочевников» (на немецком), «Хлопковое хозяйство Туркестана», «О национальной литературе Туркестана и муках литераторов», «Национальная цель Туркестана и Алишер Навои», «Современная семья и социальные проблемы», «Решены ли национальные проблемы в Советской России?», «Сцены из событий, относящихся к гражданскому движению Туркестана», «Тюркизм и народничество в Туркестане» (две книги), «Красный империализм» (шесть книг) и т.д. Часть из них издавалась в Германии, часть — в Турции.

и Турцией сопровождались научными контактами, которые возникли в XIX в. на основе немецкого интереса к тюркологии, а в XX столетии сохранились и укрепились на политической основе — неприязни к научным школам держав Антанты, антирусском и антисоветском содержании своих концепций. Т. Шакир находился в Германии в 1930-е гг., где он издал серию работ, относящихся к истории и культуре Средней Азии (**Schakir, 1934; 1935; 1939**). Примечательна его диссертация на немецком языке «Основы кочевой экономики», представлявшая несомненный вклад в разработку теории нomaдизма (**Schakir, 1931**).

Абдулуакап Октай был третьим человеком, участвовавшим в выпуске журнала «Яш Туркестан» (наряду с М. Чокаевым и Т. Чагатаем). Он родился в 1904 г. Получив начальное и среднее образование в Ташкенте и Баку, в 1922 г. был отправлен в Германию для получения высшего образования. В 1929 г. он заканчивает медицинский факультет Хейдельбергского университета. За два года становится кандидатом наук. В связи с закрытием журнала в 1939 г. он переехал в Турцию и до конца жизни жил в Стамбуле, где умер в 1968 г. А. Октай написал много статей для «Яш Туркестана». Также в 1950 г. в городе Стамбуле вышла его книга «Гражданское движение Туркестана и Мустафа Чокай».

К числу переселенцев-беженцев из региона ЦА в Турцию следует отнести такую известную фигуру, как Халифе Алтай (1931—2000) — писателя и антрополога, тюрколога, теолога и переводчика. Алтай родился в Казахстане, затем с семьей бежал в Китай, который покинул в ходе бегства казахов из Синьцзяна, позднее писал о миграции и о казахской культуре. С 1954 г. жил в Турции, где возглавлял казахскую диаспору. Х. Алтай известен как автор работ антропологического, религиозного и лингвистического характера.

Среди российских тюрков, внесших вклад в развитие науки в Турции, широко известен также Ахмет-Заки Валиди

(Валидов), профессор тюркской истории в Стамбульском университете (1890—1970). Заки Валиди родился в Уфимской губернии (ныне Макаровский район Башкортостана). Его отец держал в деревне медресе, был учителем и имамом. Здесь Ахмет-Заки изучал основы ислама, арабский, персидский и русский языки. В 1908 г. Ахмет-Заки учится в медресе «Хусаиния» Оренбурга, вскоре переезжает в Казань, готовится к экзаменам в университет. Одновременно, чтобы заработать на жизнь, преподает историю и арабский язык. Здесь он начинает заниматься востоковедением, ощутимым результатом которого явилась его первая книга «История тюрков и татар», вышедшая в 1912 г. Книга имела огромный успех и Ахмет-Заки Валиди при финансовой поддержке Казанского и Петербургского университетов дважды совершил научную командировку для изучения и сбора восточных рукописей в Среднюю Азию. Результаты увидели свет в изданиях Российской академии наук.

Политическая деятельность Заки Валиди началась в 1916 г. в Петрограде, когда он был направлен из Уфы в думскую фракцию мусульман. В период февральской революции Валидов, выполняя волю народных представителей, выдвигает программу о территориальной автономии башкир. С этого момента Заки Валиди становится одним из лидеров национального движения восточных народов, его идеологом. В годы гражданской войны был командующим башкирского ополчения, председателем Башревкома. После одностороннего декрета центральной власти об отмене башкирской автономии в 1919 г. З. Валиди был отозван в Москву, откуда тайно уехал и присоединился к басмаческому движению в Туркестане⁸⁷.

В 1923 г. А. Валиди эмигрировал из СССР, путешествовал по странам Востока и Европы — Ирану, Афганистану, Индии, Франции, Германии, Чехословакии, Венгрии, состоял

---

⁸⁷ Валиди Тоған З. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрков за национальное существование и культуру. Пер. с тур. — Москва, 1997. 482 с.

в переписке с Кремлем, в том числе с И.В. Сталиным. Заки Валиди активно занимался изучением языков и истории народов, востоковедением, работал в известных библиотеках, архивах, находил редкие рукописи, делал открытия. С 1925 г. и до конца жизни Заки Валиди Тоган живет в Турции, становится профессором, ученым с мировым именем, многие годы руководит кафедрой истории Стамбульского университета. В 1935 г. окончил Венский университет. Валиди был удостоен также золотой медали 1-й степени Министерства просвещения Ирана. В 1953 г. он основал Институт исламских исследований, который возглавлял до своей кончины. Среди его многочисленных трудов известны в том числе «Древнетюркские рукописи из Хорезма» (1928), «Монголы, Чингис-хан и тюрки» (1941), «История современного Туркестана» (1947), «Справочник по тюркской культуре» (1970).

Его современником, соплеменником, коллегой и другом был Абдулкадыр Инан (1889—1976), также имевший бурную биографию. Настоящее имя А. Инана — Сулейманов Фатхелкадир Мустафиевич, родился в с. Шигай Челябинской области. Он также активный участник национального движения башкир. После Февральской революции 1917 г. он был избран солдатами Екатеринбургского гарнизона делегатом 2-го съезда рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Урала. Первые публицистические статьи Инана появились в 1908—1910 гг. в газете «Вақыт» («Время»). В 1919—1920 гг. — член Башкирского правительства, работал в Стерлитамаке, Уфе, Москве. По политическим мотивам в 1920 г. вместе с А.-З. Валидовым покинул Башкортостан. В 1923 г. покинул СССР, в эмиграции побывал в Афганистане, Иране, Индии, Европе, с 1925 г. — в Турции, где занялся научной деятельностью.

Наиболее известные его книги: «Дастан Манас», посвященная великому киргизскому эпосу; монография «Шама-

низм в истории и сегодня», в которой шаманизм тюркских народов рассматривается на широком историческом фоне; двухтомный сборник «Статьи и публикации». Большое научное значение имел перевод Инаном книги русского исследователя Б.Я. Владимирцева «Общественный строй монголов», изданный в 1934 г.

В Турции Инан с 1925 г. работал ассистентом Института тюркологии в Стамбуле, затем в Турецком языковедческом обществе (1936—1944). В 1955—1961 гг. преподавал алтайский, тувинский, хакасский, якутский языки в Анкарском университете. Хорошо зная тюркские, арабский, персидский, русский, немецкий языки, Инан широко пользовался архивными первоисточниками. В 1944 г. по политическим мотивам был лишен профессорского звания и должности; восстановлен в 1955 г. В 1964—1971 гг. работал в Институте турецкой культуры Анкары. Инан дал научный анализ и интерпретацию важнейших тюркских письменных памятников: «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, «Дивану лугат ат-тюрк» М. Кашгарского, «Китабе деде-и Коркут» («Книга моего деда Коркута»), половецкого словаря «Кодикус куманикус», «Чингис-наме», киргизского эпоса «Манас» и др. В целом он являлся автором более 350 научных работ.

Из представителей тюркской эмигрантской интеллигенции следует упомянуть Х. Гайретулли (по происхождению казах из Синьцзяна), автора книги о восстании казахов под руководством Осман-Батыра в Восточном Туркестане в 1940—1950-е гг. («Кровавые времена на Алтае» — Стамбул, 1977). Другим представителем тюркской эмиграции был Тимурбек Давлетшин, работавший в различных исследовательских центрах советологического направления в ФРГ, Великобритании, США и Турции. Известна его работа «Советский колониализм в Туркестане» (1966).

Еще одним представителем казахской эмиграции из КНР из числа казахов был Хасен Оралтай (1933—2010). Оралтай был выходцем из Тарбагатайского региона Китая. Его отец Калибек Хаким был одним из руководителей национально-освободительного движения Восточного Туркестана. Будучи одним из деятелей казахского зарубежья, Хасен Оралтай написал несколько книг об истории казахского национально-освободительного движения «Алаш». Работая на радио «Азаттык», Хасен Оралтай сыграл важную роль в освещении событий в Казахстане в условиях информационной самоизоляции Советского Союза. В 1968 г. он был приглашен на работу в казахскую редакцию радио «Свободная Европа»/ радио «Свобода», головной офис которой находился тогда в Мюнхене. Хасен Оралтай руководил радио «Азаттык» с 1988 по 1995 г. Его самым известным трудом считается книга «Казахские тюрки» (**Стамбул, 1976**).

В Турции внимательно отслеживали западные публикации о народах Туркестана. В частности, в 1958 г. была переведена работа английского парламентария Годфри Лияса «Казахский исход» о судьбе спасавшихся из Синьцзяна остатков армии Осман-Батыра, которые, в конечном счете, нашли приют в Турции, и во многом благодаря публикациям ученых, которые старались привлечь внимание политиков и общественности к судьбе «внешних тюрок» (**Lias, 1958**).

Среди наиболее известных тюркологов Турции в XX в. можно назвать Арата Рашида (Абдурашита) Рахмати (1900—1964), профессора литературного факультета Стамбульского университета (1933). Арат работал с 1920 г. в Китае, с 1922-го — в Германии, с 1933-го — в Турции; с 1951-го был директором Института тюркологии при Стамбульском университете. Арату принадлежат многочисленные труды по истории, языку и литературе тюркских народов. Кроме того, он признанный исследователь древнетюркского литературного па-

мятника XI в. «Кутадгу билиг» Ю. Баласагуни. Р. Арат также один из основателей и редакторов «Энциклопедии ислама» (Стамбул, 1930-е гг.).

Видным исследователем истории тюркских народов в Средние века был М. Бозкурт, написавший немало работ в тюркоцентристском духе; он автор фундаментального труда о государстве Тимура — «Государственная политика Хромого Тимура», Стамбул, 1945). Крупнейшим специалистом в сфере изучения древнетюркских памятников и письменности был Х.-Н. Оркун, автор фундаментального труда «Памятники древнетюркского письма» (1936—1941). Большой популярностью также пользовалась его работа «Тюркский мир» (1932).

Большое взаимное влияние оказали друг на друга научные школы тюркологии и изучения Центральной Азии в Германии и Турции. С. Тезджан, ученик А. фон Габен и Г. Дёрфера, защитил в Берлине в начале 1970-х гг. диссертацию, посвященную изучению турфанских текстов из Берлинской коллекции. В 1971 г. его исследование, посвященное анализу текста уйгурской сутры Инсади выходит в свет в Берлине (**Tezkan, 1974**). В 1976 г. Тезджан публикует исследование-дополнение к толкованию надписи из Тоньюкука, в котором он опирается на параллели, проведенные между древнеуйгурским и тюркскими языками (**Tezkan, 1976**). Другой тюрколог, также тесно связанный с традициями германской лингвистики, М. Эрдал в своей работе о хронологической классификации древнетюркских текстов (Гл. I. § 3) продолжил, с одной стороны, исследования А.М. фон Габен и О. Прицака, а с другой — выступил против некоторых положений российской и советской тюркологии, опираясь на предложенную им же методологию классификации текстов. Так, в частности, он отнес такие канонические тексты, как «Кутадгу билиг» и «Диван лугат ат-тюрк», к поздним тек-

стам, в то время как советская традиция рассматривает их в качестве ранних (**Erdal, 1979**). При этом Эрдал в большой мере использовал достижения советской тюркологии. Среди тех турецких ученых, кто занимался изучением казахской диаспоры, можно назвать О. Тюркдогана.

В сфере тюркской культурологии признанным специалистом считался А. Октай (профессор Института тюркской культуры в Стамбуле), предпринявший попытку написать целостную картину единого историко-культурного пространства тюркского мира от Монголии до Алжира и от Крыма до Египта. Специалистом по Средней Азии считался также Мехмет Сарай (профессор Стамбульского университета), специализировавшийся в начале карьеры по истории туркмен. В институте тюркской культуры в Анкаре с 1950-х гг. плодотворно работал Эмель Эсин (ум. 1986) по истории и культуре тюркских народов. Он пытался создать концепцию единого общетюркского историко-культурного процесса. Схожей проблематикой занимался М. Эньин, автор работы «Казахские и татарские тюрки» (**Стамбул, 1976**).

Среди изданий источниковедческого характера последнего времени следует назвать книгу российского востоковеда (Институт востоковедения РАН) А. Васильева «Османская империя и государства Центральной Азии: политические и культурные контакты (XVI—XIX вв.)», в которой рассматривается ход дипломатических взаимоотношений Османской империи и государств Центральной Азии в указанный период. На основании российских и османских документов автор рассматривает ход взаимоотношений государств региона с Османской империей, уделяя внимание их политическим, дипломатическим и социокультурным контактам. Важной отличительной чертой монографии стал анализ и впервые в постсоветском востоковедении введенные в научный оборот турецкие источники на османском языке по истории ханств Центральной

Азии. В ходе исследования интересный результат дало сравнительное исследование материалов из российских и османских архивов, позволяющее дополнить наши представления о ходе контактов региона и Османской империи. В монографии была рассмотрена политико-дипломатическая история взаимоотношений Турции и государств региона, роль Османской империи как источника легитимности для государств региона, значение хаджа и функционирование центральноазиатской диаспоры на территории Османской империи⁸⁸.

Данная проблематика недавно нашла продолжение в книге А. Сибгатуллиной «Между двух империй: российские мусульмане-тюрки», изданной в Турции в 2014 году⁸⁹. Эта монография является переводом с русского языка книги исследовательницы «Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв.»⁹⁰. В первой части рассматриваются условия организации мусульманского паломничества из России в Хиджаз: маршруты, карантин и эпидемии, основные проблемы, связанные с пребыванием на территории Османской империи, их сношения с турецкими религиозными лидерами, суфийскими шейхами и государственными чиновниками. Вторая часть монографии посвящена приезду в Россию османских интеллигентов, которые ставили перед собой цель изучить экономическое, культурно-просветительское положение мусульман. Опираясь на мемуары турецких офицеров, побывавших в русском плену, автор анализирует их видение России в целом и состояние татар-мусульман, в частности.

Само собой разумеющимся фактом было то, что крупным направлением в турецкой историографии всегда была и оста-

---

⁸⁸ Васильев А.Д. Османская империя и государства Центральной Азии: политические и культурные контакты (XVI—XIX вв.). — М.: ИВ РАН, 2014. — 350 с.

⁸⁹ Сибгатуллина А.Т. Между двух империй: российские мусульмане-тюрки. — Стамбул, 2014. — 296 с. (на турецком языке).

⁹⁰ Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX—XX вв. — М.: Исток, 2010.

ется тюркология в ее лингвистическом аспекте. Одним из видных исследователей в этой области был профессор тюркологии университета Хаджеттепе (Анкара) Т. Текин, который принял активное участие в дискуссии по проблеме — являются ли тюркские языки самостоятельными языками или они лишь наречия и говоры какого-то единого тюркского языка. Для ученых бывшего СССР сама постановка вопроса представляется несколько странной. Но это неудивительно, если учесть претензии Турции и, соответственно, ее историографии на лидерство в тюркском мире. Текин попытался с позиции объективного подхода внести ясность в этот вопрос. Он определил тюркские языки как «родственные языки, образованные от одного основного тюркского языка» (Tekin, 1978, s. 178).

В турецкой филологии утвердились три точки зрения на данную проблему: 1) принятое турецким лингвистическим обществом и учеными университета Хаджеттепе мнение о том, что тюркские языки являются самостоятельными родственными языками; 2) мнение ученых Анкарского университета, избегающих термина «тюркские языки» и называющих их «наречиями»; 3) мнение ученых Стамбульского университета о том, что чувашский и якутский языки — это наречия, остальные же — лишь фонетические варианты одного тюркского языка. Текин выступил против последней точки зрения. Он сопоставил турецкий язык с чувашским и якутским и пришел к выводу, что носители турецкого и этих языков не могут понимать друг друга без предварительного изучения другого языка, но поскольку эти языки имеют много общего в морфологическом и синтаксическом строе, то на изучение другого языка будет затрачено гораздо меньше времени, чем на изучение неродственного иностранного языка. В отличие от Текина некоторые турецкие тюркологи (Немет и Арат) считают, что эти языки очень близки, так как начальная фонема «у» в турецком языке перешла в якутском в фонему «с», а в чувашском — в палатализованный

ную форму «с». Текин пришел к выводу, что различия между турецким и другими тюркскими языками равны различиям между английским и немецким языками, и даже больше.

Большая работа по переводу материалов китайских источников эпохи Юань применительно к истории тюркских народностей Средневековья проделана турецким ученым Б. Огелем. Его интересовали сведения по истории тюрков — карлуков, уйгуров, канглы, кыпчаков, онгутов, прежде всего, на территории Центральной Азии и в меньшей степени их роль в системе монгольского господства в Китае. Труд Б. Огеля имеет громадное значение, им переработаны по истории тюрков практически все китайские материалы эпохи Юань (**Ogel, 1964**).

Турецкие ученые внесли также вклад в развитие знаний о Центральной Азии и тюркском мире в Соединенных Штатах. К наиболее известным представителям этой группы научной тюркской диаспоры в Америке относится Кемаль Карпат (р. 1928), профессор Висконсинского университета. В своих работах он рассматривает историю тюркских народов Центральной Азии в геополитическом контексте между Китаем и Россией. Как все турецкие ученые, Карпат считает, что тюркские народы обладают только им присущей культурной и этнической идентичностью. При этом развитие турков и «внешних тюрков» обладает определенной синхронностью, что выразилось в пережитой ими в XX в. модернизации. В конце 1970-х гг. Карпат считал, что возрождение пантюркизма и возвращение его в повестку дня современных отношений — дело ближайшего будущего (**Karpat, 1979**).

После распада СССР одним из ключевых игроков, соперничавших за влияние и продвижение своих интересов в Центральной Азии, стала Турция. Анкара видела свою роль как государства-моста между Западом и Востоком, как представителя Запада в Центральной Азии. Основными инструментами в процессе укрепления влияния Анкары в новых

тюркских государствах были, во-первых, создание своего рода союза тюркофонных государств; во-вторых, интенсивное экономическое сотрудничество и инвестиции.

Источники и литература

Aras B. *The New Geopolitics of Eurasia and Turkey's Position*. Foreword by B. Rubin. — London, Portland (OR): Frank Cass, 2002. — VIII+110 pp.

Aray O., Eyyuboglu B.B. *The new Independent States of Inner Asia and Turkey's policy*. National Policy Research Foundation and National Institute for Research Advancement. — Tokyo: National Institute for Research Advancement, 1999. — XI+628 pp.

Aydin M. *Turkey and Central Asia: Challenges and Change* // *Central Asian Survey*. 1996. Vol. 15. N 2, pp. 157—178.

Bal I. *The Process of Forming Nations in the Turkish Republics and the Implications of it for Domestic and Foreign Policy* // *Eurasian Studies* (Ankara). Summer 2001. N 20, pp. 21—36.

Baysun A.R. *Türkestan mille hareketleri* (Les mouvements nationaux du Turkestan). — Istanbul, 1945. — 202 s.

Bugra M.E. (Yazan) *Dogu Türkistan. Tarihi, Coğrafi ve Shimdiki Durumu*. — Istanbul, 1952. — 96 s.

Cagatay C. *Kazakca metinler*. — Ankara, 1961.

Cagatay T. (Yazan) „Türkistan seyhatnamesi“ nin Ortaga Koydugu Gercecler. — Istanbul, 1960. — 77 s.

Cagatay T. *Kizil Imperyalizm*. I—III. — I: Istanbul, 1958 — 60 s; II: Istanbul, 1962- 48 s; III: Ankara: Ayyildiz Matbaasy, 1967. — 80 s.

Delil M. *Mustafa Chokay Albümü*. — Istanbul, 1942.

Demir C.E., Balsi A., Akkok A. *The role of Turkish Schools in the Educational System and Social Transformation of Central Asian Countries: the Case of Turkmenistan and Kyrgyzstan* // *Central Asian Survey*. 2000. Vol. 19. N 1, pp. 141—155.

Engin M. *Kazak ve Tatar Turkleri*. — Istanbul, 1976.

Erdal M. *The Chronological Classification of old Turkish Texts* // *Central Asiatic Journal*. 1979. Vol. XXIII. N 3—4, pp. 151—175.

Fuller G.E., Lesser O.E., Henze P.D., Brown J.F. *Turkey's New Geopolitics from the Balkans to Western China*. — Boulder, Oxford: Westview Press, 1993. — 197 p.

Gokay B., Langhorne R. Turkey and the new States of Caucasus and Central Asia. — London: HMSO, 1996. — 35 p.

Gumpel W. An der Nahtstelle von Europa und Asien. Die Mittlerrolle der türkischen Regionalmacht // Internationale Politik (Bonn). 1998. N 1. S. 17—22.

Gumpel W. (Hrsg.). Turkey as a political and economic Factor in Europe and Central Asia. — München: Sudosteuroopa-Gesellschaft, 1999. — 93 S.

Kabasakal Ö. The Economic and Trade Relations of Turkey with the Turkish Republics // Eurasian Studies (Ankara). Summer 2001. N 20, pp. 37—59.

Karaosmanoglu A. Turkey's objectives in the Caspian region // The Security of the Caspian Sea Region. Ed. by G. Chufirin. — Oxford, New York: Oxford University Press, 2001, pp. 149—165.

Karpat K. The Turkic Nationalities // Soviet Asian Ethnic Frontiers. Ed. by W.O. Mclagg Jr, B.D. Silver. — New York: Pergamon Press, 1979.

Kaya K. Turkey's New Challenges in the Caucasus and Central Asia // Central Asia-Caucasus Analyst. 7 November 2001.

Kramer H. Will Central Asia become Turkey's sphere of influence? // Perceptions. 1996. N 4, pp. 35—39.

Landau J.M. Ethnonationalism and Pan-nationalism in Turkey and the Ex-Soviet Republics // Migration. 1995. N 28, pp. 67—84.

Landau J.M. (ed.). Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation. — London: Hurst; Bloomington: Indiana University Press, 1995.

Laumulin M.T. Turkey and Central Asia // Central Asias Affairs. 2003. N 3, pp. 14—19.

Lias G. Büyük Kazak Göçü. Bu eserin aslinin adı „Kazak Exodus“. — İstanbul, 1958. — 101 s.

Nazmi. Kafkasya ve Asyasi rusta ve Turkestan vilayetleri, Buhara ve Hive hanliklari Hakkunda `c`ograf`i` siyasi, tarihi ve istatistiki mucere malumat (Informations générales sur la géographie, la politique, l'histoire, les statisques). — İstanbul: Ask Mtb., 1934 . — 63 s.

Ogel B. Sino-Turcica. — Taipei, 1964.

Oke M.K. (ed.). Gegis siirecinde Orta Asya Turk Cumhuriyetleri. — İstanbul: Alfa, 1999.

Oraltay H. Kazak Turkleri. — İstanbul, 1976. (Izmir, 1961). — 210 s.

Orhan C. Turk-Rus Savaslari. — Ankara: Sümer Basimevi, 1942.

Pasha S.A.M. Turkey and the Republics of Central Asia: Emerging Relations and Dilemmas // International Studies. 1997. Vol. 34. N 3, pp. 343—357.

- Sander O. Turkey and the Turkic World // *Central Asian Survey*. 1994. Vol. 13. N 1, pp. 37—44.
- Schakir T. Grunzüge der Nomaden Wirtschaft. Inauguraldissertation. — Berlin, 1931. — 156 S.
- Schakir T. Türkistan Pahta Hocalı'g'ı. — Berlin, 1934.
- Schakir T. Türkistan Milli Edeliyati ve Edipleri Faciasina Dair. — Berlin, 1935. — 20 s.
- Schakir T. Türkistan Türk Milli Maefk'u`resi ve Alishir Nev'a`i. — Berlin, 1939. — 67 s.
- Smolansky O.M. Turkish and Iranian Policies in Central Asia // *Central Asia: Its Strategic Importance and Future Prospects*. Ed. by H. Malik. — New York: St. Martin Press, 1994, pp. 283—310.
- Tekin T. Türk dilleri silesi // *Türk dili* (Ankara). 1978. C. 37. Y. 27. N 318, s. 178—183.
- Tezkan S. Das uigurische Insadi-Sutra. Berlin, 1974. — 107 S.
- Tezkan S. Tonyukuk yazıtında birkac düzeltme // *Türkdili arasturmaları yilligi. Belleten*. 1975—1976 (Ankara). 1976, s. 173—181.
- Togan A.Z.V. Ibn Fadlans Reisebericht // *Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes* (Leipzig). 1939. Bd. XXIV.
- Togan A.Z.V. Das özbekische Epos Chan-name // *Central Asiatic Journal* (Wiesbaden, Den Haag). 1955. Vol. I, pp. 144—156.
- Togan A.Z.V. Turklugun Makadderati Uzerine. — Istanbul, 1970.
- Togay M.F. Türkistanin Dünya Politikasında Mevkii. — Istanbul, 1936. — 16 s.
- Türk Dünyasi el kitabı. — Ankara: Türk Kültürü Arastizma Enstitüsü, 1976.
- Winrow G. Turkey in Post-Soviet Central Asia. — London: RIIA, 1995. — IX+53 pp.
- Winrow G.M. Turkey and Caspian Energy. — Abu Dhabi: The Emirates Center for Strategic Studies and Research, 1999.
- Winrow G.M. Turkey and Central Asia // *Central Asian Security. The New International Context*. Eds. by Allison R., Jonson L. — London, Washington: RIIA/Brooking Institution Press, 2001, pp. 199—218.
- Zardykhan Zh. Turkey and Central Asia: From Fraternity to Partnership // *Great Powers and Regional Integration in Central Asia: a local Perspective*. Eds. By M. Esteban and N.de Pedro. — Madrid: Exlibris Ediciones, 2009, pp. 79—93. and *Central Asias Affairs* (Almaty, KazıSS). 2009. N 2, pp. 21—24.

§ 3. Иран

Иран, персидская цивилизация в целом являлись непосредственными соседями Центральной Азии на протяжении тысячелетий. Более того, значительная часть Средней Азии некогда входила в *Rax Iranica* — ираноязычный мир. Носителями диалектов восточно-иранской группы языков были так называемые ранние кочевники Евразии — саки, скифы, массагеты и другие племена, населявшие гигантские территории от Причерноморья до Амударьи и вошедшие позднее в демографический, культурный и лингвистический субстрат тюркских кочевников⁹¹.

Соседство Ирана с кочевым миром Евразии нашло отражение в великом персидском эпосе «Шах-наме» в форме противостояния и дихотомии Ирана и Турана. Персидское влияние с приходом ислама в регион только усилилось. Иран и территории Средней Азии практически непрерывно входили в состав всех империй с середины I тыс. до н.э., вплоть до упадка державы тимуридов в XV в. Еще накануне монгольского завоевания большинство населения Хорезма говорило на персидском языке. Практически все великие представители науки и культуры в Средней Азии были носителями (наряду с арабским) персидского языка или считали его родным — Ибн Сина, Фирдоуси, Улугбек и др.

Персоязычные источники по истории кочевых народов Центральной Евразии являются ценнейшими, а иногда — бесценными. Достаточно сказать, что главный источник по истории возникновения Казахского ханства — «Тарих-и Рашиди» Хайдара Дулати написан на этом языке. Труд Хайдара Дулати «Тарих-и Рашиди» («Рашидова история») относится к числу самых значительных исторических и литературных

---

⁹¹ См.: Иранский мир II—I тыс. до н.э. Материалы международной научной конференции. — Москва: ИВ РАН, 2013. — 128 с.

памятников Средневековья, содержащих ценные сведения по истории, литературе, культуре народов Центральной Азии. Большая часть сочинения — мемуары, в которых исторические события переплетаются с воспоминаниями автора о своей жизни и жизни своих современников. В них немало бытовых зарисовок, стихотворных вставок, принадлежащих перу самого Мирзы Хайдара, философских рассуждений автора о бренности земного существования, нравственных ценностях и пр. Все это изложено образным литературным языком, полным красочных метафор, эпитетов и метких сравнений. Автор «Тарих-и Рашиди», бесспорно, обладал литературным дарованием, поэтому его повествование захватывает читателя, заставляет сопереживать и воспринимать описываемые им события с неослабным интересом. Сочинение Хайдара Дулати, являясь широким историческим полотном, отображает исторические периоды жизни казахов, узбеков, киргизов, туркмен, уйгуров и других народов Центральной Азии. Широкую известность этот труд получил уже в качестве бесценного источника при написании целого ряда исторических сочинений XVI—XVII вв.⁹²

Иногда говорят о существовании арабо-персидской литературы, или о «мусульманской историографии» (на арабском, персидском и реже — тюркских языках), что вполне справедливо. Центральный источник по истории создания Монгольской империи — «Сборник летописей» («Джами ат-таварих») Рашид-ад-дина также является продуктом персоязычной историографической традиции (Ч. II). Это фундаментальный исторический труд, созданный в 1310 г. при дворе монгольских правителей Ирана. Основным автором коллективного труда был Рашид-ад-дин (1247—1318), мусульманин еврейского происхождения из Хамадана, врач,

⁹² См.: Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). — Алма-Ата: Наука, 1969.

богослов и ученый, последние 20 лет своей жизни занимавший пост первого везира при ханах Газан-Махмуде и Ольджайту. Рашид-ад-дин среди своих источников, из которых он брал сведения о тех или иных событиях, называет книги китайцев, индийцев, уйгуров и кыпчаков. Однако ни сами эти труды, ни их авторы не указываются.

Мы не имеем здесь в виду всю огромную персоязычную историческую литературу, создававшуюся в позднее Средневековье (с XI в.) в разных странах Ближнего и Среднего Востока (Малая Азия, Азербайджан, страны Средней Азии, Афганистан, мусульманские государства Индии). В названных странах новоперсидский язык фарси был литературным языком для господствующего класса, но произведения на этом языке создавались в связи с развитием местных культур. Следовательно, невозможно говорить о единой персоязычной историографии.

Для средневековой исторической литературы на персидском языке период второй половины XIII — первой половины XIV в. был временем роста и больших достижений, когда были созданы самые выдающиеся памятники этой литературы.

Одним из авторов, писавших о кыпчаках в первой половине XIII в., был Ауфи (даты жизни неизвестны) — персоязычный литератор, уроженец Бухары, переселившийся в Индию накануне монгольского нашествия. Около 1228 г. им была составлена антология «Собрание рассказов и блески преданий» («Джавами ал-хнкаят ва лавами ар-риваят»), посвященная делийскому эмиру Ильгутмышу. В сборнике зачастую содержатся очень ценные сведения по истории и географии народов Центральной Азии и Восточной Европы, в том числе о тюркских племенах Казахстана и Средней Азии. Представляют значительный интерес данные о миграции тюркских народов в начале XI в., вовлекшей в движение массив

кыпчакских племен; имеются также сведения о расселении кыпчаков.

Известия о кыпчаках начала XIII в., хотя и не слишком подробные, но достаточно важные, содержатся в работе «Насиравы разряды» («Табакат-и Насири») ал-Джуджани (1193—1260), написанной на персидском языке, по истории газневидов и гуридов. Этот компилятивный труд, составленный по более ранним источникам, многие из которых не сохранились, ценен несколькими очерками о племенном делении и языковом составе тюркских народностей, населявших среднеазиатский регион в XII в. Значительное внимание в нем уделяется истории кара хытаев и монголов, в связи с которыми неоднократно также упоминаются кыпчаки, канглы, имени и другие племена тюрков.

Представителем персидской историографии при ильханах был Хамдаллах Казвини (1280—1350), происходивший из семьи наследственных финансовых чиновников. Казвини пользовался покровительством везира Рашид-ад-дина. Его «Улада сердец» («Нузхат ал-кулуб») написана в традиционном космографическом направлении, почти исключительно компилятивна, основана на трудах арабских и персидских географов классического периода; «Избранная история» («Тарих-и гузида») повествует о сотворении мира до 1329 г. Исторические труды Казвини не лишены и оригинальности, содержат хоть и не многочисленные, но ценные сведения об изменениях в этническом составе в расселении кыпчаков в эпоху монгольского нашествия.

Для средневековой исторической литературы на персидском языке период второй половины XIII — первой половины XIV в. был временем роста и больших достижений, когда были созданы самые выдающиеся памятники этой литературы. Среди исторических трудов данного периода на персидском языке единственным в своем роде по замыслу и выпол-

нению является «Сборник летописей» («Джами ат-таварих») Рашид-ад-дина. Исключительно значение этого труда как источника по истории Ирана, Азербайджана, стран Средней Азии, Монголии, отчасти и других стран и народов⁹³.

Петрушевский пишет: «При первых ильханах, несмотря на известные колебания во внутренней политике, в частности в области налоговой политики, все же преобладала первая политическая линия, линия сторонников монгольской кочевой старины. Это преобладание и проявлялось под идеологической оболочкой покровительства первых ильханов — Хулагу-хана (1256—1265) и Абака-хана (1265—1282) — буддизму и еще в большей степени христианству. После краткого господства ислама и второго направления в политике при ильхане Токударе-Ахмеде (1282—1284), при Аргун-хане (1284—1291) восторжествовало снова первое направление, которое приняло форму антимусульманской реакции. Аргун-хан покровительствовал одновременно буддистам, христианам и евреям.

В 80—90-х гг. XIII в. государство ильханов переживало грандиозный хозяйственный кризис, общая картина которого так ярко и подробно нарисована Рашид-ад-дином. Последствия разрушений, произведенных во время монгольского завоевания (1220—1258), общее резкое сокращение населения (иначе говоря, налогоплательщиков), сокращение обрабатываемой земельной площади в ряде областей.

Поиски выхода из этого затяжного хозяйственного кризиса побудили Газан-хана (1295—1304) сблизиться с мусульманской (иранской и азербайджанской) чиновной и духовной знатью, сделать ислам государственной религией и провести ряд реформ, соответствовавших в общем той политической линии, которую мы условно назвали второй линией. С этим и

---

⁹³ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Том I. Книга первая. — Ред. и прим. А.А. Семенова. — М., Л.: Наука, 1952 (2002). — 219 с.; Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Том I. Книга вторая. — Ред. А.А. Семенова. — М., Л.: Наука, 1952 (2002). — 315 с. Здесь и далее следует текст Петрушевского И. Рашид-ад-дия и его исторический труд Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Том I. Книга первая. — С. 7—40.

было связано приглашение на пост второго везира Рашид-ад-дина, фактически ставшего руководящим министром, инициатором и вдохновителем реформ Газан-хана. Эти реформы — отмена откупов сбора податей, отмена системы расплаты по государственным денежным обязательствам ассигновками (берат, хавалэ), выписанными на местные казначейства и ложившимися дополнительным бременем на плечи крестьянства, отмена постоев военных и гражданских чинов в домах ра'ийитов, некоторое облегчение налогового бремени крестьянства, восстановление правильного монетного обращения в твердой серебряной валюте — вызвали частичное восстановление оросительной сети и известный подъем сельского хозяйства (которое, впрочем, далеко не достигло того уровня, на каком оно находилось перед монгольским нашествием). Подъем этот засвидетельствован не только Рашид-ад-дином, который в качестве проводника газанхановых реформ мог бы показаться пристрастным, но и другими источниками — географическими трудами Хамдуллаха Казвини и Хафиз-и Абру, Мухаммедом ибн Хинду-шахом Нахчевани и другими. Газанхановы реформы, в основу которых положен принцип строгой фиксации размеров ренты-налога, были предприняты в интересах класса феодалов, а не крестьянства. Однако по сравнению с предшествующим режимом безудержного грабежа новая система была для крестьян меньшим злом.

Реформы Газан-хана, как было сказано, выдвинули Рашид-ад-дина на руководящий государственный пост. Традиционное мнение о еврейском происхождении Рашид-ад-дина, отвергаемое Катрмером и принимаемое В.В. Бартольдом и Э. Блоше, основано исключительно на утверждениях, исходивших из лагеря врагов Рашид-ад-дина. После падения Сад-ад-доулэ обвинение в принадлежности к евреям казалось верным средством устранить и даже погубить политического деятеля. Поэтому вопрос о происхождении Рашид-ад-дина

остаётся невыясненным. Из переписки Рашид-ад-дина видно, что великий историк был или выказывал себя ревностным мусульманином-суннитом шафиитского толка. Такую позицию обычно занимало большинство высших мусульманских сановников на службе у монгольских ханов: ислам шафиитского толка был господствующей формой идеологии местной гражданской бюрократии. Не случайно и Рашид-ад-дин выказывал себя сторонником этой идеологии. Вытекало ли это из личного убеждения или скорее из сознательного политического расчёта, в сущности, не важно. Важно отметить, что представляемая Рашид-ад-дином политическая линия и до, и после него была связана с интересами местной чиновной и духовной знати и, следовательно, с её исламской идеологической оболочкой.

Вероятно, поэтому Рашид-ад-дин прошёл долгий служебный путь, вернее всего, по финансовому ведомству, что несколько не мешало ему, как и многим другим гражданским сановникам того времени, быть учёным и придворным врачом. Иначе трудно представить, как бы он приобрёл служебный опыт, необходимый для занятия должности везира. Приводимые в «Джами ат-таварих» подробности о деятельности финансового ведомства до Газан-хана побуждают думать, что Рашид-ад-дин уже тогда служил по этому ведомству и хорошо знал все детали и закулисные стороны его деятельности.

Рашид-ад-дин был сторонником централистской политики и сильной ханской власти и, опираясь на местную чиновную и духовную знать, вел борьбу с могуществом монголо-тюркской военно-кочевой знати, стремившейся к феодальной раздробленности и превращению ханской власти в орудие военно-феодальной олигархии. Этой тенденцией пронизаны и изложение «Джами ат-таварих», и переписка Рашид-ад-дина. Эта нейтралистская политика не находила прочной

опоры в тенденциях феодального развития общества, встречала упорное сопротивление со стороны монголо-тюркской военно-кочевой аристократии и со стороны части местной провинциальной знати, не связанной со службой центральному правительству, не могла быть поэтому последовательной (пришлось, например, очень усилить раздачу военных ленов — икта) и, в конечном счете, оказалась неудачной.

Как у всех крупных сановников на Ближнем Востоке, у Рашид-ад-дина служебная карьера шла рука об руку с личным обогащением. Служба гражданского сановника при дворе монгольских ильханов была трудна и опасна: приходилось постоянно бороться с интригами феодальных клик, с завистью и доносами соперников по службе, приходилось прибегать ко множеству ухищрений, дабы парализовать козни личных врагов и сохранять расположение своего повелителя — ильхана, а ильханы все, не исключая даже умного и культурного Газан-хана, отличались вспыльчивым, капризным, изменчивым и подозрительным характером. Не случайно все главные везиры монгольских ильханов умерли на эшафоте, кроме одного лишь Тадж-ад-дина Алишаха Гиляни, да и тот избежал этой участи только потому, что умер внезапно. Сам Рашид-ад-дин мог удержаться 19 лет на руководящем посту только потому, что в борьбе с врагами и соперниками не стеснялся в средствах. Он старался устранять или даже губить соперников, не дожидаясь, пока те сами усилятся и нанесут ему удар.

Естественно, что Рашид-ад-дин в конце концов должен был сам пасть жертвою этих придворных нравов. Пережив ильханов Газан-хана и Ольджайту-хана, при малолетнем ильхане Абу-Саиде Бахадур-хане Рашид-ад-дин сперва получил отставку (1317 г.), потом был обвинен своими личными врагами в отравлении Ольджайту-хана, которого он лечил в качестве главного придворного врача, признан виновным и

казнен (перерублен мечом пополам) вместе с одним из сыновей 18 джумады 718 года х. (18 июля 1318 г. н.э.), прожив 71 год (73 мусульманских лунных года). Его имущество было конфисковано и разграблено, но в 1327 г., после опалы и казни эмира Чобана, поместья его, в частности и Руб-и Рашиди, были возвращены его сыновьям, а память его была реабилитирована.

Рашид-ад-дин был выдающимся и разносторонним ученым своего времени. Отсутствие строгой дифференциации по специальностям и склонность к энциклопедизму были обычным явлением научной деятельности на средневековом Ближнем и Среднем Востоке. Его основной специальностью была медицина, которая в эту эпоху не была вполне отделена от других естественных наук.

Рашид-ад-дин написал также комментарий к Корану «Мифтах ат-тафасир» и еще три труда по шафиитскому богословию, переведенные на арабский язык, известные под общим заглавием «Маджму'а-и Рашидийя» («Собрание трудов Рашида»).

Но настоящую славу Рашид-ад-дину принес предпринятый им грандиозный исторический труд «Джами ат-таварих». Слава эта вполне заслуженна. Не говоря уже о совершенно оригинальном плане этого труда и огромной ценности его как исторического источника, он является одним из лучших памятников всей персидской прозаической литературы Средневековья. Он написан хорошим и в общем простым, но образным и выразительным, хотя и не везде ровным, персидским языком, чуждым той цветистости и вычурности, которые так характерны для современника нашего автора, Вассафа, и для большинства более поздних авторов персоязычных исторических трудов, у которых стремление к изысканному языку рифмованной прозы, перегруженному метафорами, гиперболами и другими фигурами, хронограм-

мами, стихотворными загадками и различными словесными техническими трюками, отодвинуло на задний план изложение исторических событий и фактов.

Руководящая идея, положенная в основу плана «Джами ат-таварих», заключается в положении, что история исламских народов — арабов, персов и тюрков — лишь одна из рек, впадающих в море всемирной истории, что всеобщая история должна быть всемирной историей и включать историю всех известных тогда народов — от «франков» (т.е. западноевропейских народов) на крайнем западе до китайцев на крайнем востоке. Как новатор в историографии Рашид-ад-дин проявил себя и в том, что признал необходимым изучать историю немусульманских народов по их источникам и в их традиции. В соответствии с этим план построения «Джами ат-таварих» состоит из двух основных частей, из которых первая заключает историю монголов и основанных ими государств (выделившихся из империи Чингис-хана), а вторая — всемирную историю: всеобщую историю до ислама (в исламской традиции), историю халифата и последующих мусульманских государств до монгольского нашествия (Газневидов, Сельджукидов, хорезмшахов, Салгуридов, исмаилитов Аламута), историю немусульманских народов и государств (Китая, древних евреев, франков, римских пап, «римских», т.е. германских, императоров и Индии) согласно их исторической традиции. Сверх того была задумана и III часть труда, которая должна была заключать географическое описание «семи климатов» мира. Она или не была написана, или погибла при разграблении библиотеки Рашид-ад-дина после его казни в 1318 г.

Такой план исторического свода, подобного которому никогда раньше не создавалось, мог появиться именно в период XIII — начала XIV в., когда в связи с крестовыми походами, созданием огромной Монгольской империи, большим ростом средиземноморско-азиатской караванно-морской торговли (появле-

ние в городах Передней Азии, Закавказья и Ирана генуэзских и венецианских купцов и консулов, как и католических миссий), сношениями ильханов с крестоносцами и западными государствами, расширились связи Ирана, Азербайджана и Средней Азии с Китаем, Монголией, Индией, странами Средиземноморья, отчасти и с Русью.

Естественно, что составление столь грандиозного и разно-стороннего труда было не под силу одному человеку, тем более что при составлении истории немусульманских стран и народов Рашид-ад-дин желал основываться на их собственных источниках, а их то и не было в арабских и персидских переводах. Рашид-ад-дину необходимы были сотрудники — знатоки истории отдельных стран и народов. Таким образом, он вынужден был прийти к мысли о создании целого коллектива лиц, которые работали бы под его руководством. В числе их, по сообщению поэта Шемс-ад-дина Кашани, были, прежде всего, два секретаря Рашид-ад-дина; одним из них был известный историк Абдуллах Кашани, написавший и самостоятельный труд («История Ольджайту-хана»), другим был, вероятно, Ахмед Бухари, о сотрудничестве которого в составлении «Джами ат-таварих» мы имеем сведения. Оба эти лица, по-видимому, и были составителями чернового текста, по крайней мере III раздела I части «Тарих-и Газани», то есть истории государства хулагуидских ильханов. Но затем их труд, видимо, прошел редакцию Рашид-ад-дина, судя по тому, что, как признает и Блоше, текст Абдуллаха Кашани в его «Истории Ольджайту-хана» не походит на текст «Джами ат-таварих».

Сам Рашид-ад-дин занялся непосредственно составлением I раздела I части, то есть историей тюркских и монгольских племен до Чингис-хана. До этого на Ближнем и Среднем Востоке не было общего труда по истории тюрков и монголов, и историк подошел к подготовке этого раздела с особой тщательностью. Он использовал письменные источники

Махмуда Кашгарского, Джувейни («Тарих-и джехан гушай» — «История миропокорителя» — около 1260 г. н. э.), сохранившиеся в архиве ильханов части «Алтан дептер» («Золотая книга») — официальной истории Чингис-хана, его предков и преемников, на монгольском языке. Эта история не совпала с дошедшей до нас другой официальной историей первых двух монгольских ханов — «Сокровенным сказанием о поколении монголов». Этого было недостаточно. Рашид-ад-дин воспользовался пребыванием в Иране приехавшего сюда из Китая (в 1286 г.) эмира Пулада Чжэн-сяна, несравненного знатока монгольской старины и преданий, который заменил для Рашид-ад-дина письменные источники. По словам Шемс-ад-дина Кашани, оба они систематически, изо дня в день, занимались вместе, как учитель и ученик: «счастливый эмир рассказывал, ученый везир записывал с его слов». Много нужных сведений Рашид-ад-дин записал со слов самого Газан-хана, тоже считавшегося выдающимся знатоком монгольской старины, уступавшим лишь одному Пуладу Чжэн-сяну, также и со слов других монголов. Для обработки материала Рашид-ад-дин посадил двух писцов (вероятно, речь идет об Абдуллахе Кашани и Ахмеде Бухари), которых затем щедро вознаградил за труд.

Для собирания материала и составления истории других немусульманских народов Рашид-ад-дин кроме монголов располагал другими сотрудниками; для истории Китая это были двое китайских ученых, для истории Индии — буддийский монах из Кашмира.

Ценность отдельных частей «Джами ат-таварих» не одинакова. Наибольшее значение сохраняет до наших дней I часть («Тарих-и Газани»), наиболее полный и содержательный источник по истории Монгольской империи при первых ханах и по истории Хулагуидского улуса. Разделы, посвященные истории тюркских и монгольских племен и истории Чингис-хана до объединения под его властью Монголии, имеют значение исключи-

тельно важного свода сведений о кочевых племенах Центральной Азии в дофеодальный период их истории. Этнические связи, социальная жизнь, быт, обычное право и предания кочевников изложены Рашид-ад-дином с такой полнотой и точностью, какой мы не найдем ни в каком другом из источников по данной проблеме, не исключая и монгольских, и китайских. Подобного труда по истории монгольских и тюркских народов до Рашид-ад-дина не появлялось. Очень ценно то, что его изложение, основанное на не дошедшем до нас «Алтай дептер», дает порою иную версию событий времени Чингис-хана, нежели в «Сокровенном сказании», и позволяет нам проверить рассказы последнего. Значение исторического труда Рашид-ад-дина для истории тюркских и монгольских народностей и племен было высоко оценено уже современниками.

Рашид-ад-дин приводит перечень племенных подразделений (24 племени) огузов (туркмен) в версии, независимой от подобного же перечня (22 племени), дошедшего до нас в версии арабоязычного автора XI в. Махмуда Кашгарского. Названия 21 племени огузов у Махмуда Кашгарского и у Рашид-ад-дина совпадают, отличаясь лишь мелкими расхождениями в правописании, по-видимому, отражающими фонетические особенности разных тюркских языков. Подобно большинству своих современников, Рашид-ад-дин называет тюрками все кочевые скотоводческие народы Азии как тюркоязычные, так и монголыязычные, и многие народности он именуется то тюркскими, то монгольскими; к тюркам причислены и тангуты, то есть северо-восточные тибетцы. Иначе говоря, у этого автора «тюрки» — термин не столько этнический, сколько социально-бытовой.

Труд Рашид-ад-дина не разъясняет сложных, донныне не решенных исследователями вопросов о происхождении имени монголов и о том, в каком отношении находились друг к другу татары и монголы, а также о том, какие из племен, ко-

чевавших в Монголии в начале XIII в., были монголоязычными и какие тюркоязычными. Но обширные сведения Рашид-ад-дина, в сопоставлении с данными китайских и других источников, дают материал для решения этих вопросов.

Рашид-ад-дин сообщает также о ветвях монгольских племен, поселившихся в улусе Хулагуидов (ойрат, сулдуз, баяут, джалаир, кераит, бекрит и др.) вместе с их эмирами. Эти данные позволяют исследователю сделать вывод о значительном числе монголов, поселившихся в Иране и сопредельных странах, о чем, впрочем, упоминают и другие авторы. Как известно, большой массив монгольского населения (хезарейцы), отчасти сохранявшего свой язык еще в XIX в., сложился на территории Афганистана; другой массив монголоязычного населения сохранялся в Кайтаге (в западном Дагестане) еще в XVII в. «Джами ат-таварих» является очень ценным источником и для истории правления преемников Чингис-хана — великих Угэдэй-каана, Гуйюк-каана, Менгу-каана, Хубилай-каана и Тимур-каана, улусных ханов Джучи, Чагатая, Тулуя и их преемников. Тогда как исторический труд Джувейни доведен только до 1257 г. н.э., труд Рашид-ад-дина содержит очень подробные описания правлений Менгу-каана и Хубилай-каана.

Что касается тех разделов «Джами ат-таварих», которые посвящены истории немусульманских народов — «франков» и других, то эти разделы, конечно, не могут иметь значение самостоятельного источника для исследователей наших дней, располагающих большим количеством первоисточников по истории названных стран. Однако и эти разделы представляют интерес для нас постольку, поскольку из них мы узнаем, какие сведения, например, по истории стран Западной Европы могли быть известны окружению Рашид-ад-дина через посредство западно-европейских выходцев.

История завоевания монголами Средней Азии и Ирана изложена преимущественно на основании Джувейни, Ибн-ал-Асира и других источников. Зато для истории Хулагуидского государства до Газан-хана включительно «Тарих-и Газани» имеет значение первоисточника, и притом наиболее ценного и богатого сведениями. Раздел, посвященный правлению Газан-хана, является не только нарративным источником, но и включает в себе свод официальных документов (ярлыки Газан-хана, данные частью в копиях, частью в сокращенном изложении).

Рашид-ад-дина обычно причисляют, вместе с Джувейни, Вассафом и Хамдуллахом Казвини, к представителям официальной историографии монгольских ильханов. Такое определение, однако, нуждается в известной оговорке. Джувейни и Рашид-ад-дин, придворные историографы монгольских ханов, должны были в своих трудах дать панегирик Чингис-хану и его преемникам, по заказу своих повелителей, оценивавших работу своих придворных как средство прославления династии. Названные историки, разумеется, выполнили возложенное на них задание, ведь без этого их труды не могли бы получить официального признания. Но своей души в эти панегирики они не вложили.

Положение официальных историков не мешало Джувейни и Рашид-ад-дину рисовать ужасы монгольского нашествия, картины гибели густонаселенных городов, массовой резни, опустошения целых районов почти с такой же откровенностью, как это делали историки, враждебные монгольским завоевателям (Ибн-ал-Асир, Несави, Джуз-джани).

В этих описаниях Джувейни и Рашид-ад-дин ничего не замалчивали и ничего не скрывали. Рашид-ад-дин, как и другие источники, в общем правдиво рисует политику Чингис-хана в отношении узбеков, таджиков, персов, азербайджанцев, армян, грузин, русских и других народов, ставших жертвою нашествия

войск Чингис-хана. Походы Чингис-хана и его полководцев не были похожи на прежние вторжения кочевых народов в культурные области Средней и Передней Азии. И тогда совершались жестокости и насилия над мирным населением, но то были стихийные акты, прекращавшиеся после замирения завоеванных стран, да эти акты и не идут ни в какое сравнение со зверскими приемами организованного массового истребления мирного населения, опустошения целых районов, которые применялись чингисхановыми полководцами. Это были уже не стихийные жестокости, а целая система террора, проводившаяся сверху и имевшая целью организованное истребление способных к сопротивлению элементов населения, запугивание мирных жителей и создание массовой паники в завоеванных странах.

Особо стоит вопрос об идеализации Рашид-ад-дином личности Газан-хана и его реформ. Нет сомнения в том, что Рашид-ад-дин, рисуя картины хозяйственной разрухи, обнищания крестьян и горожан и развала податной системы при предшественниках Газан-хана, сознательно сгущает краски, дабы сильнее оттенить благодетельные последствия газанхановых реформ, а при описании последних историк, конечно, допускает преувеличения, говоря о хозяйственном подъеме, вызванном реформами.

«Выдающейся особенностью «Джами ат-таварих», по сравнению с предшествовавшими персидскими историками (за исключением, пожалуй, отчасти Абу-л-Фазла Бейхаки, XI в.), является то, что, хотя по общему построению это история государств и династий (так только и мыслились в ту эпоху официальные исторические труды), все же труд содержит немало сведений этнического, культурного и бытового порядка о различных народах и пересыпан рядом экскурсов и отдельных фактов, рисующих хозяйственную жизнь при Хулагуидах, социально-экономическую политику ильханов, социальные движения народных низов», — заключает И. Петрушевский.

Таким образом, иранские архивы содержат богатейшие материалы по истории Центральной Азии на протяжении длительного исторического периода, а персидская и персоязычная историография освещает несколько эпох в истории региона. Большинство наиболее ценных и информативных массивов источников были введены в оборот европейскими востоковедами в XIX и XX в., но высока вероятность того, что иранские анналы содержат еще немало источников, освещающих те или иные аспекты истории Центральной Азии.

Проблематикой исторических и культурных связей Ирана и Средней Азии занимался Р.Ш. Самгабади (профессор Государственного университета в Тегеране), где он читал курс по истории Ирана и иранских народов, влиянии иранской культуры на развитие Средней Азии в 1940—1960-е гг.

Что касается собственно развития исторической науки в Иране, то в европейском понимании она начала утверждаться только в конце XIX и первой половине XX в. На развитие истории первоначально сильное влияние оказала французская историография. Получила толчок к развитию археология. В XX столетии иранская историческая школа развивалась под влиянием британской традиции, затем американской исторической школы (особенно в шахский период). На развитие истории сильное влияние оказывало идеологическое состояние общества. Во второй половине века сосуществовали марксизм и либерализм. Но в 1979 г. после победы исламской революции в Иране возобладал клерикальный подход.

Центральная Азия в последние десятилетия вызвала у иранских исследователей не исторический, а скорее политический интерес. В 1991 г. в Тегеране перевели и издали упоминавшуюся выше книгу французских исследователей А. Беннигсена и М. Броксап «Исламская угроза советскому государству» (1983), когда последнее уже фактически перестало существовать. В 1988 г. увидела свет книга Э. Дельдама, специалиста по Сред-

ней Азии, истории, культуре региона и его связям с Ираном — «Ислам и Советы» (Тегеран, 1988).

Иран рассматривает отношения с республиками Центральной Азии как насущную необходимость, обусловленную декларируемой руководством страны задачей укрепления своих позиций в новом геополитическом ареале. В условиях сохранения элементов изоляции в 1990-е гг., в первую очередь со стороны США, ИРИ демонстрировала стремление усилить свое экономическое, политическое, культурное присутствие в регионе Центральной Азии. Данные устремления по-прежнему основываются на трезвой оценке выгоды своего географического расположения, относительно стабильной внутривосточной обстановки. Иран рассматривает свое благоприятное геополитическое и географическое положение как связующее звено между Центральной Азией и странами Ближнего Востока, Турцией, Европой. Именно в этом контексте Тегеран выстраивал свои отношения со странами региона⁹⁴.

Как вполне справедливо замечает Казанцев, на политику ни одного другого внерегионального игрока в Центральной Азии столь сильное негативное влияние не оказывают внешние для региона события и соображения, как на Иран. Ни для одного другого государства не просматривается также такой огромный разрыв между его реальными действиями в Центральной Азии и их восприятием со стороны международного сообщества (прежде всего Запада). Иран подозревали в стремлении «экспортировать» в этот регион идеи

⁹⁴ См.: Место и роль Ирана в регионе. — Москва: ИВ РАН, 2007. — 220 с. Мехди С. Интересы Ирана в Центральной Азии в свете «концепции устойчивого развития» // Каспийский регион: политика, экономика, культура (Астрахань). 2004. N 1. Санаи М. Взаимоотношения Ирана и стран Центральной Азии. — Алматы, 1997. Юлдашева Г.И. США, Иран и новые республики Центральной Азии // США и Канада (Москва). 2000. N 11. С. 95—102. Юлдашева Г.И. Центральная Азия в системе внешнеполитических приоритетов Ирана // Востоковедение. (Ташкент). 2004. N 1. С. 17—24. Лаумулин М.Т. Центральная Азия и Рак Иганиса: взаимодействие и взаимовлияние // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2011. N 2. С. 125—148 (на рус. и англ. яз.).

исламской революции и создать таким образом зону своего влияния. Основной целью «турецко-тюркского» проекта для Центральной Азии было как раз не допустить реализации этой «угрозы»⁹⁵.

При анализе истоков иранской политики в Центральной Азии этот автор обращается к истории. Он отмечает, что граница между иранским и арабским миром, которые характеризуются очень высокой степенью взаимной неприязни, является главной, отделяющей западно-исламский (арабоязычный) и восточно-исламский (ирано-, тюрко-, урдуязычный) мир. Именно этот восточно-исламский мир, испытавший очень серьезное влияние персидской культуры, персы воспринимают как «свой». Описанный комплекс идей сказался на формулировке «иранского проекта» для Центральной Азии. ИРИ видит этот регион как часть восточно-исламского мира, который пронизан историческим влиянием персидской культуры. При этом Центральная Азия является наиболее близкой к Ирану частью «восточно-исламского мира», по сравнению с другими его частями (Афганистаном, Пакистаном, Турцией).

В постсоветскую эпоху Центральной Азией занимается ряд центров, связанных с внешнеполитическими институтами и международными отношениями. Историю политики ИРИ в Центральной Азии в современную эпоху изложили Э. Эфеджил и Л. Стоун (**Efegil, Stone, 2001**). По их мнению, у Ирана сложились в 1990-е гг. нормальные отношения, в то время как Узбекистан рассматривал Иран в качестве крупной угрозы. Ташкент был единственным в регионе, кто присоединился к санкциям США. Большое значение имел российский фактор: с 1992 г. иранская политика в ЦА поддерживается Россией; при этом немаловажно, что ирано-российские от-

---

⁹⁵ Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. — Москва: Наследие Евразии, 2008. — С. 207—214.

ношения всегда оставались стабильными. Но, с другой стороны, в 1990-е гг. определились интересы Ирана в регионе, которые заключаются в том, чтобы сдерживать турецкое и даже российское влияние, сохранять модус вивенди, гарантировать политическую стабильность в регионе.

Интересы, оценку ситуации в регионе и стратегию Ирана в Центральной Азии на современном этапе сформулировал М. Рахмани (Иранский институт политических и международных исследований). Он считает, что Иран видит себя естественным защитником Центральной Азии, так как имеет с ней исторические, этнические, языковые и религиозные связи (**Rahmani, 2003**). С самого начала Тегеран пытался строить дипломатические отношения с республиками региона на основе идеологических принципов. Однако затем он, как и Анкара, пересмотрел свой подход и стал проводить более прагматичную политику. С этой точки зрения Иран добился некоторых успехов в создании своего более положительного имиджа, был очень осторожен и стремился к тому, чтобы не сложилось ложное впечатление, что с помощью революционной риторики он намерен дестабилизировать обстановку в регионе. В этом важную роль сыграли тесные отношения Тегерана с Москвой и понимание необходимости сохранять стабильность на южных границах Российской Федерации.

Иранский автор отмечает, что самая протяженная граница у Ирана была с СССР, а со многими южными республиками Советского Союза он сохранял широкие культурные, исторические и этнические связи. Следовательно, изменения, произошедшие в этих республиках, затронули Иран в большей степени, нежели другие близлежащие страны. По сути, в последние несколько лет приоритетными задачами иранской внешней политики стали сохранение безопасности государства и защита своих интересов в связи с возможными негативными последствиями, которые могут быть вызваны из-

менениями, происходящими в жизни его северных соседей. Кроме того, общая граница со странами Центральной Азии и Закавказья, протянувшаяся на большое расстояние, дает Ирану безусловное преимущество (в плане географии) перед Турцией. Наряду с возможностью иметь удобные сухопутные маршруты в другие страны мира, минуя Россию, Иран предлагает альтернативные пути транспортировки нефти и газа региона на мировые рынки.

Рахмани обращает внимание, что стремление Тегерана расширить связи с новыми независимыми странами ограничивается некоторыми факторами. Во-первых, присутствием в регионе Соединенных Штатов, политика которых до какой-то степени направлена на сдерживание здесь иранского влияния. Во-вторых, политикой и действиями в Центральной Азии России и других региональных держав — Турции, Пакистана, а также Израиля и некоторых арабских стран. К тому же, несмотря на то что многие государства региона относятся к Ирану позитивно, приветствуют расширение с ним политических и экономических связей, они, находясь под влиянием нынешних процессов как на международном, так и на региональном уровне, временами рассматривают Тегеран в качестве потенциальной угрозы.

Эти факторы мешают Ирану в достижении своих целей и будут продолжать влиять на его отношения с республиками Центральной Азии в дальнейшем. В этом процессе важными и определяющими факторами станут отношения государств региона с Россией и США. Кроме того, на характер взаимоотношений стран региона с Ираном также повлияют изменения и события, происходящие в самих этих странах. Особенно следует отметить, что эти изменения окажут существенное воздействие на политику региональных руководителей. Следовательно, будущее иранских отношений с центральноазиатскими республиками во многом зависит от

курса, выбранного их лидерами. И наконец, на развитие связей между Ираном и государствами региона будут влиять и изменения, которые произошли во взаимоотношениях Тегерана с основными игроками как на международном, так и на региональном уровне.

В заключение иранский политолог подводит итоги политики «геополитического балансирования» в Центральной Азии: на первый взгляд, правила «Большой игры» диктуют Центральной Азии ее история и география. И может показаться, что именно данные факторы превращают эту обширную территорию в сферу влияния великих держав и в арену, на которой соперники ведут бой за свои интересы. Однако новые независимые государства региона поняли, как извлечь выгоду из конкуренции внешних сил и выйти «из-под их крыла», значительно продвинулись на пути к политической независимости и экономической стабильности. Политический суверенитет установлен, и северный сосед уже не сможет вернуть здесь свое доминирующее положение. Новые государства приступили к модернизации своих военных и оборонных систем, хотя и медленно, но диверсифицируют партнеров в сфере безопасности, сделали уверенный шаг к участию в работе структур по региональному сотрудничеству.

Конечно, на их пути еще много препятствий: отсутствие доступа к рынку, серьезные институциональные недостатки, этническая вражда, вынужденная миграция, экономическая слабость, повсеместная безработица и т.д. К тому же внутренние вызовы усугубляются внешними процессами, на которые оказывает влияние не только российско-американское соперничество, но и деятельность Китая, а также других соседей по региону. Несмотря на то что Россия больше не диктует странам Центральной Азии, что и как им делать, она не хочет (или не может) полностью уйти из региона. Наоборот, она считает, что должна про-

должать защищать его границы, чтобы обезопасить свою территорию.

Политические лидеры Ирана внимательно следят за ситуацией в новых независимых государствах. Влияние Ирана за последнее десятилетие выросло благодаря его важному геополитическому положению, расширению своих рынков и относительно развитым коммуникационным связям. Однако отношения Тегерана с регионом обусловлены нынешней международной и региональной политикой, а также недостатком собственных финансовых и технических ресурсов.

Источники и литература

Abidi A.H.H. Iran and the Central Asian Republics: Interests and Approaches // *Strategic Studies*. 1995. Vol. XVIII. N 3.

Bennigsen A., Broxup M. Trad. K. Bayat. *Mosalm'a'n'a'n-e Choravi*. — Тéhéran: Daftar-e Nasr Farhang-e Eslami, 1370. — 287 s.

Efegil E., Stone L.A. Irans Interests in Central Asia // *Central Asian Survey*. 2001. Vol.20. N 3, pp. 353—365.

Calabrese J. Iran and her Northern Neighbors: at the Crossroads // *Central Asia Monitor*. 1994. Part I: N 5, pp. 27—31; Part II: N 6, pp. 13—18.

Djalili M. R. Тéhéran face à l'Asie centrale // *Nouveaux Mondes*. Printemps 1994. N 4, pp. 175—190.

Djalili M.R. In search of New Friends: Iran and Central Asia // *World Affairs*. Vol I. N I, January-March 1997.

Efegil E., Stone L.A. Irans Interests in Central Asia // *Central Asian Survey*. 2001. Vol. 20. N 3, pp. 353—365.

Freij H.Y. State Interests Vs the Umma: Iranian Policy in Central Asia // *The Middle East Journal*. Winter 1996. Vol. 50. N I, pp. 71—83.

Ghanimi F. Iranian Interests in the Caspian Sea Region // *International Energy Law and Taxation Review*. July 2001. N 7.

Herzig E. Iran and the Former Soviet South. — London: RIIS, 1995. — IX+60 pp.

Herzig E. Iran and Central Asia // *Central Asian Security*. The New International Context. Eds. by Allison R., Jonson L. — London, Washington: RIIA/Brooking Institution Press, 2001, pp. 171—198.

Herzig E. Iran in the Caucasus, Caspian and Central Asia. Lessons for Western Strategy // Iran and its Neighbors: Diverging Views on a Strategic Region. Ed. By E. Whitlock. — Berlin: SWP, 2003, pp. 23—28.

Herzig E. Regionalism, Iran and Central Asia // International Affairs (London). 2004 May. Vol. 80. N 3, pp. 503—517.

Hoogland E. Iran and Central Asia // From the Gulf to Central Asia: Players in the New Great Game. Ed. by A. Ehteshami. — Exeter: University of Exeter Press, 1994, pp. 114—28.

Katzman K., Nichol J. Iran: Relations with Key Central Asian States. — Washington, DC: Congressional Research Service Report for Congress, 1998.

Menashri D. Iran and Central Asia: Radical Regime, Pragmatic Politics // D. Menashri (ed.) Central Asia Meets the Middle East. — London: Frank Cass, 1998, pp. 73—97.

Mesbahi M. Tajikistan, Iran and International Politics of the Islamic Factor // Central Asian Survey. 1997. Vol. 16. N 2, pp. 141—158.

Mesbahi M. Irans Foreign Policy toward Russia, Central Asia and the Caucasus // Iran at the Crossroads. Eds. by J.L. Esposito and R.K. Ramazani. — New York: Palgrave Macmillan, 2001.

Mohsenin M. Irans Relations with Central Asia and Caucasus // The Iranian Journal of International Affairs (Tehran). Winter 1996. Vol. VII. N 4, pp. 834—853.

Mohsenin M. The evolving security role of Iran in the Caspian region // The Security of the Caspian Sea Region. Ed. by G. Chufrin. — Oxford, New York: Oxford University Press, 2001, pp. 166—177.

Mojtahed-Zadeh P., Hafeznia M.R. Perspectives on the Caspian Sea Dilemma: an Iranian Construct // Eurasian Geography and Economics (Palm Beach). 2003. Vol. 44. N 8, pp. 607—616.

Nahavandi M.S. Jaygah-e Iran dar Asiya-ye Markazi [Irans Role in Central Asia]. — Tehran: Al-Hoda, 1376 A.H.s/1997 (in Persian).

Niazi H. Security and Stability in Central Asia: Irans View // Problems of Regional Security, Political and Economic Development of Central Asian Region in Context of Kazakhstans Interests. — Almaty: Kaziss/OCSE/FES, 2003, pp. 85—89.

Pahlavan T. Iran and Central Asia // Post-Soviet Central Asia. Eds. by T. Atabaki and J. Kane. — London: I. B. Tauris, 1998, pp. 73—90.

Rahmani M. Central Asian States: Balancing Opportunities and Challenges // Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden). 2003. N 2, pp. 124—134.

Rakel E. Paradigms of Iranian Policy in Central Eurasia and beyond. // *Central Eurasia in Global Politics: Conflict, Security and Development*. Eds. by A.M. Parvizi and H. Houweling — Leiden, Boston: Brill Academic Publishers, 2004.

Roy O. *Iran's Foreign Policy towards Central Asia*. — New York, 1999.

Tarok A. *Iran's Policy in Central Asia* // *Central Asian Survey*. 1997. Vol. 16. No. 2, pp. 185—200.

Vigeh-nameh darya Khazar (Special Issue on the Caspian Sea) // *Assiaye Markazi va Qaf qaz (Central Asia and the the Caucasus Review)*. Fall 2001. N 35. — Tehran. — 240 p.

§ 4. Китай

Непрерывная историческая традиция анналов, существующая у китайской цивилизации, по меньшей мере, 2,5—3 тысячи лет, создала уникальный комплекс источников по истории кочевых народов Евразии и тюркских племен и их государственных образований, с которыми сосуществовала Поднебесная на протяжении многих столетий и даже тысячелетий. Китай не только соседствовал с кочевниками, но и интегрировался со многими кочевыми империями, подвергаясь неоднократным нашествиям и завоеваниям со стороны сюнну, эфталитов, уйгуров, тюркшей, тибетцев и монголов в Средневековье, а в Новое время — маньчжуров.

Первые сведения о народах Центральной Азии встречаются в китайских летописях в первой половине I тыс. до н.э. Тюркский период описан практически полностью. Монгольская эпоха фактически представляет собой период, когда китайская история и история тюрко-монгольских народов синтезировалась в одно целое (эпоха династии Юань).

Нас интересует, прежде всего, та часть огромных китайских анналов, которая касается содержания в них сведений относительно тюркских народов Центральной Азии. Однако работа с китайскими источниками требует повышенного критического подхода, что первыми заметили французские ученые еще в XVIII в. и подтвердили британские и российские востоковеды в XIX столетии. Это связано с китаецентрической системой взглядов на окружающий мир и своих соседей.

Большой интерес представляет степень информативности китайских источников, проливающих свет на историю средневековых тюрков — кыпчаков, канглы, карлуков, уйгуров, кайманов, кирейтов, онгутов, аргынов, джалаириков, кыргызов (особенно накануне и в эпоху монгольского владычества). С

этой историей тесно связаны проблемы этногенеза многих современных тюрко-язычных народов — казахов, узбеков, каракалпаков, киргизов, башкир, татар, туркменов, алтайцев, кумыков, карачаевцев, балкарцев, уйгуров, тувинцев, хакасов.

Китайские источники по истории тюрков, в частности на территории Центральной Азии, значительно дополняют сведения арабо-персоязычных и других источников. Кроме того, китайские источники являются основными по истории тюрков в Китае в XIII в. Только в литературе на китайском языке содержатся подробные данные о тюркских народах в Китае в более позднее время монгольского владычества в XIV в., так как в арабо-персоязычных и западноевропейских источниках подробно освещаются события, происходившие в западных частях Монгольской империи и относящиеся к раннему периоду становления монгольского государства, а также по истории Китая в 1260—1294 гг. Ценность китайских источников для изучения истории Китая и Центральной Азии, в том числе и Казахстана, общепризнанна.

«Чан-Чунь чжэнь-жэнь си-ю цзи» («Записки о путешествии на запад праведника Чан Чуня») — наиболее ранний источник, в котором есть сведения по истории тюрков в монгольскую эпоху. Он посвящен путешествию китайского проповедника даосской религии из Китая в Казахстан и Среднюю Азию во время похода Чингис-хана против государства Хорезмшахов (1219—1225). «Си-ю цзи» представляет собой дневник этого путешествия, который вел на протяжении всего пути один из учеников Чан Чуня Ли Чжичан. В 1220 г. Чан Чунь был вызван Чингис-ханом в свою ставку, находившуюся в это время в Средней Азии. Чан Чунь совершил путешествие из Китая в Среднюю Азию и обратно в 1220—1224 гг. Автор повествует о своих наблюдениях над жизнью тех стран, которые проезжали Чан Чунь и его ученики, в частности об онгутском улусе, уйгурском Турфанском княжестве, госу-

дарстве карлуков Арсланхана в Семиречье. Проезжая земли онгутов в Южной Монголии, путешественники отмечают там обилие солончаков, соленых озер, отсутствие гор, рек и пашен. Люди одевались в меха, питались молоком и жили в юртах. В записках Чан Чуня сообщается о киреитах, найманах, кыргызах, причем обычно без упоминания племенных названий, которые устанавливаются по географическим признакам. Так, прибыв на Орхон во владения киреитов, Чан Чунь увидел «тысячи телег и юрт». Несмотря на походный, с точки зрения китайца, характер лагеря, ханские юрты киреитов, с удивлением отмечает Чан Чунь, отличались роскошью и в жару в них не было мух. Киреиты ежедневно изготавливали кумыс и сливки, муку привозили из западных стран и стоила она очень дорого. По слухам, дошедшим до Чан Чуня, к северу от найманов в стране кыргызов добывается железо и есть белки. Двигаясь вдоль северных отрогов Тянь-Шаня по территории Восточного Туркестана, он видел в Уйгурии виноградники, поля яровой пшеницы, орошаемые водой из источников, восхищался виноградным вином, невиданными плодами (в особенности крупными арбузами, дынями и репчатым луком), благовониями, персидским холстом. Китайские путешественники посетили эти места после монгольского завоевания. Чан-Чунь отмечает отсутствие в стране уйгуров монгольских наместников-даругачи. В то же время он обращает внимание на то обстоятельство, что при посещении им ставки монгольского вассала карлукского хана Арслана — г. Алмалыка на территории Семиречья — его принял вместе с ханом карлуков и монгольский даругали. Вступив во владения карлуков в Семиречье, Чан Чунь отмечает обилие воды и травы, тутовых деревьев, восхищается тканью тулума, которая походит на «ивовый пух, чиста, тонка и легка, из нее можно прясть нитки, вить веревки, ткать холст и делать вату», интересуется орошением полей ары-

ками. Он снова и снова подчеркивает: «Жители занимаются земледелием и шелководством; вино выделывают из винограда; плоды те же, что в Китае, только целое лето и осень не бывает дождя; поэтому поля орошаются водою из рек посредством канав, отчего хлеба и поспевают». Эти сведения служат ключом к пониманию того состояния, в каком находились тюркские народы Центральной Азии и Казахстана в начале XIII в.

«Си-ю цзи» является самым ранним источником по вопросу о политике монгольских ханов по отношению к служителям религиозных культов в покоренных странах, в частности, к мусульманскому духовенству в Средней Азии и Южном Казахстане. Кроме того, «Си-ю цзи», автор которого всегда точно датирует описываемые им события, помогает уточнить даты событий, происходивших в это время в Средней Азии и Казахстане и сообщаемых персо- и арабоязычными авторами. Российский ученый П.И. Кафаров (1817—1878) первым обратил внимание на «Си-ю цзи» как на ценный источник по истории Средней Азии и Казахстана и еще в 1866 г. опубликовал его полный перевод на русский язык. Труд П.И. Кафарова — единственный полный перевод «Си-ю цзи», который до сих пор не потерял своего научного значения, хотя предисловие и примечания нуждаются в пересмотре и дополнении в свете новейших достижений востоковедения.

Вслед за П.И. Кафаровым Э. Бретшнэйдер в конце XIX в. перевел «Си-ю цзи» на английский язык. В его работе опущены те места, которые не представляют интереса с точки зрения исторической географии. Кроме того, его перевод, по существу, является пересказом источника, однако географические исследования Э. Бретшнэйдера, содержащиеся в комментарии к переводу в целом, и сейчас сохраняют свою ценность. В 1931 г. А. Уэйли перевел «Си-ю цзи» на английский

язык. Однако «Си-ю цзи» в переводе А. Уэйли представлен не полностью, и к тому же перевод недостаточно прокомментирован.

Памятник монгольской культуры XIII в. «Монгол-ун ниуча тобчан» («Тайная история монголов», или «Сокровенное сказание») представляет собой источник по истории тюркских народов Центральной Азии в эпоху монгольских завоеваний. Здесь подробно описывается история подчинения найманов, киреитов, онгутов, уйгуров, карлуков Чингис-хану. Открытие и изучение его связаны с китайской историографией. Первоначально «Тайная история монголов» была написана средневековым уйгурским письмом, позаимствованным монголами в начале XIII в., и дошла до наших дней в транскрипции китайскими иероглифами с точным подстрочным переводом каждого монгольского слова и связным сокращенным переводом каждого параграфа на китайский язык. Монгольский текст в оригинале уйгурского письма не сохранился. В сохранившихся списках китайское название памятника «Юань-чао би-ши» («Тайная история династии Юань») вынесено в заглавие, а затранскрибированное иероглифами монгольское название сделано подзаголовком. Китайские ученые первыми открыли «Юань-чао би-ши» и оценили ее как источник по истории Китая, Монголии, Средней Азии и Казахстана. Монгольская версия была написана в XIII в. (разные ученые указывают различные годы). Предполагается, что китайский перевод был сделан не менее чем на 100 лет позднее, вероятно, вскоре после падения монгольской династии или даже в 1404 г. Начало введению этого источника в научный оборот было положено в 1800 г. ученым Цянь Дасинем и продолжено Бао Танбо, Гу Гуанцы, Чжан Му.

Текст «Юань-чао би-ши» сохранялся в Китае в различных рукописях и изданиях, восходящих, в конечном счете, к двум незначительно расходящимся первым изданиям: энциклопед-

дии «Юн-лэ дадянь», ныне утраченной, и минскому изданию (от него сохранилась 41 страница), в целом современному первому и, очевидно, восходящему к общему с ним источнику. Основное различие между ними состоит в том, что текст в «Юн-лэ дадянь» делился на 15 глав, а второй — на 12. Гу Гуанцы (1776—1835) сверил их. Подготовленный им текст в 1936 г. был фотолитографически издан шанхайским «Коммерческим издательством» в серии «Сыбу Цун-кань». В России и Европе на «Юань-чао би-ши» первым обратил внимание П. Кафаров, который оценил ее как важный и уникальный источник. К 1866 г. он опубликовал перевод китайской версии «Юань-чао би-ши» на русский язык с введением и комментарием. В 1940 г. немецкий ученый Э. Хэниш перевел памятник на немецкий язык. Следующий шаг в научной разработке был сделан советским ученым С.А. Козиным. Появление в 1941 г. «Сокровенного сказания» было событием громадного научного значения. С.А. Козину принадлежит заслуга первого перевода памятника на русский язык и издания полного текста в транскрипциях и со словарями. Но у него получился вольный стилизованный пересказ под русский фольклор, и приложенные к работе словари страдают неполнотой.

«Цзинь-ши» («История Цзинь») составлена в 1344 г. и состоит из 135 цзюаней. Вопрос о создании «Истории Цзинь» ставился четыре раза — в 1215-м, 1261-м, 1323-м и в 1330—1333 гг. И лишь при последнем юаньском императоре Шуньди (Тогоитимуре) под руководством китайского писателя и ученого Оуян Сюаня была написана «Цзинь-ши». В основу хроникально-исторической части «Цзинь-ши» были положены «достоверные записи», составлявшиеся еще при жизни императоров и ныне утраченные. Сочинение делится на четыре части: первая (цз. 1—19) — исторические хроники, которые дают основную событийную канву для политиче-

ской истории династии Цзинь; вторая (цз. 20—58) охватывает различные стороны государственной, военной, правовой, финансовой, экономической, духовной и научной жизни; третья (цз. 59—62) — генеалогическая таблица императорской фамилии и посольские таблицы; четвертая (цз. 63—133) — биографии императоров и членов их семей, государственных деятелей и полководцев, деятелей культуры. В этой части есть данные о тюркских народах Центральной Азии, в частности, об их связях с империей Цзинь (например, о посольстве канглы и посольствах уйгуров ко двору цзиньских императоров). В 1127 г. в Цзинь прибыли два уйгурских посольства. В дальнейшем, вплоть до 1172 г., посольства прибывали неоднократно. Регулярный характер этих связей подтверждает наличие в посольском приказе Цзинь специальных переводчиков с уйгурского языка. Здесь приводятся сведения об онгутах, которые жили вдоль западной границы Цзинь и часто совершали набеги, невзирая на цзиньские гарнизоны и укрепления. Империя Цзинь стремилась к урегулированию отношений с онгутами с тем, чтобы привлечь их к себе на службу для охраны границ.

«Юань-чао мин-чэнь ши-люэ» («Краткие биографии знаменитых чиновников династии Юань»), включающие 15 глав, составлены китайским историком Су Тяньцзюэ. В этой работе помещено 47 биографий чиновников, в том числе тюрок, военных и ученых, находившихся на службе у монгольской династии. Сохранилось много изданий этого произведения, но для использования в качестве источника наилучшим является издание 1962 г.

«Шэн-у цинь чжэн-лу» («Описание личных походов священнойвоинственного императора Чингиса») — важный источник по истории Центральной Азии периода правления Чингис-хана и Угэдэя. Он представляет собой перевод на китайский язык несохранившейся монгольской хроники. О

времени создания этого источника существуют противоречивые мнения. Есть предположение, что он был написан при правлении монгольского императора Хубилайхана (1260—1294). Большинство ученых относили появление этого труда к XIV в. К их числу принадлежал Хун Цзюнь (1840—1893). Кафаров, опубликовавший первый перевод этого источника на русский язык, к вопросу о происхождении и дате составления памятника относился осторожно, называя его «сочинением времен династии Юань». Ван Говэй датирует написание «Шэн-у цинь чжэн-лу» до 1294 г., а У Хун — 1288—1294 гг. П. Пельо присоединяется к мнению Ван Говэя о датировке «Шэн-у цинь чжэн-лу». Л. Гамбис предполагает, что этот источник был переведен на китайский язык во второй половине XIII в. — до 1285 г. Впервые оценил «Шэн-у цинь чжэн-лу» как важный источник по истории тюрок китайский ученый Цянь Дасинь и написал к нему послесловие. Затем Хэ Цютао (1824—1862) с Чжан Му (1805—1849) подготовили издание этого памятника с комментарием, но не смогли опубликовать. Впервые он был издан Юань Чжаном в 1894 г., а затем переиздан в 1897 г. с географическим комментарием, написанным Дин Цянем. Ван Говэй в 1925—1926 гг. подготовил издание «Шэн-у цинь чжэн-лу» с обширным комментарием, использовав китайскую версию «Тайной истории монголов», «Юань-ши», «Мэнуэр-шицзи», «Джами ат-таварих» Рашидад-дина, «Юань-ши-и-вэнь чжэньбу». Однако он мало использовал персо-арабоязычные источники. Несмотря на это, труд Ван Говэя остается лучшим критическим изданием памятника.

В 1872 г. П. Кафаров опубликовал сделанный им перевод «Шэн-у цинь чжэн-лу» на русском языке с предисловием и примечаниями. Несмотря на то что перевод устарел, работа П. Кафарова все же остается хотя и не совершенным, но единственным полным переводом «Шэн-у цинь чжэн-лу»

на европейский язык. Сейчас ученые имеют лучший по качеству перевод этого памятника. В 1951 г. опубликован совместный перевод на французский язык П. Пельо и Л. Гамбиса с воспроизведением китайского текста и обширным комментарием. В этом труде использованы все имеющиеся издания памятника. Комментарий написан на основе многочисленной литературы на китайском, монгольском и персидском языках. Поэтому труд П. Пельо и Л. Гамбиса является лучшим изданием текста и перевода «Шэн-у цинь чжэн-лу», хотя он охватывает лишь одну треть памятника в трех книгах с предисловием профессора Нанкинского университета Хань-Жулия.

Из китайских источников наибольший интерес представляет «Юань-ши» («История династии Юань») — официальная династийная история, составленная по приказу основателя династии Мин императора Тайцзу (Чжу Юаньчжана) сразу же после падения монгольской династии Юань в Китае. Приказ о написании истории династии Юань был отдан группе из 16 ученых во главе с Сун Лянем (1310—1381) и Ван Вэем (1321—1372) 9 марта 1369 г., а 12 сентября 1369 г. эта работа была завершена. Основным источником «Юань-ши» явилась «Шилу» («Правдивые записи») о деяниях всех 13 монгольских императоров. Но в связи с тем, что «Юань-ши» в первоначальном виде не включала историю царствования последнего императора Шуньди (То-гонтимура), были отправлены ученые из Наньцзина (Нанкина) в Бэйцзин (современный Пекин) для сбора документов. 3 марта 1370 г. комиссия снова принялась за работу и закончила ее 23 июля 1370 г.

Источником для авторов «Юань-ши» послужила и «Цзинь-ши да-дянь» — огромная компиляция из 894 цзюаней. Как сообщается в предисловии, императорский указ о ее составлении был издан зимой, на 2-м году периода правления Тянь-ли (31 января 1329 г. — 19 января 1330 г.), и она

была представлена трону в готовом виде 1-го дня 5-й луны 2-го года периода правления Чжи-шунь (6 июля 1331 г.). В ее создании участвовали как китайцы, так и ученые из числа монголов и тюрков, в частности монгол Тото. Так как было приказано собрать официальные данные и написать труд по образцу «Тан хуй-яо» («Собрание важнейших установлений династии Сун»), ее содержание сводилось к описанию и определению различных административных и государственных институтов. Этот труд не сохранился. Вопрос о том, насколько «Цзинь-ши да-дянь» была использована составителями «Юань-ши», рассматривался Г. Франке и Г.Ф. Шурманном. «Цзинь-ши да-дянь» была основным источником для частей «Чжи» (Описания) и «Бяо» (Генеалогические таблицы) «Юань-ши». Так, значительный материал для раздела «Шихо-чжи» (Описание фискальной системы, главы 93—97) «Юань-ши» был извлечен из «Цзинь-ши да-дянь» (Ч. II. Гл. I и II).

Пересмотру «Юань-ши» было посвящено и сочинение Кэ Шаомина (1850—1933) «Синь Юань-ши» («Новая история династии Юань»). Оно было завершено в 1920 г. и декретом президента Китайской Республики включено в число официальных династийных историй Китая.

В 1989 г. казахстанские историки К. Хафизова и В. Моисеев (ИИАЭ АН КазССР) подготовили двухтомный сборник документов «Цинская империя и казахские ханства» (в переводах с китайского, тюркских, а также на русском языке), касающихся истории отношений казахских владений с Цинским Китаем во второй половине XVIII — первой трети XIX в.⁹⁶ Китайские документы и материалы выбраны в основном из двух фундаментальных источников — «Да Цин личао шилу» («Правдивые записи о правлении всех государей великой

---

⁹⁶ Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII — первая треть XIX в. — Алма-Ата: Наука, 1989. Часть I. — 216 с.; Часть II. — 227 с.

Цинской династии», или «Хроника правления великой династии Цин») и «Циньдин пиндин чжунгээр фанлюа» («Стратегические планы умиротворения джунгар», или «Высочайше утвержденное описание умиротворения джунгар»). Оба источника достаточно хорошо известны в синологии и широко используются при изучении стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Сборник включает также материалы Архива внешней политики России, госархива Омской области и ЦГА КазССР.

Таким образом, китайская историческая литература содер­жит огромный материал по истории тюркских народов накануне и в эпоху монгольского владычества XII—XIV вв. Внимание китайских историков к тюркским соседям не случайно, поскольку в течение многих столетий Китай развивался в тесной связи с окружающими его народами и в непрерывной борьбе с ними. Китайские источники монгольской эпохи помогают создать единую цельную картину исторического развития тюркских народов. Содержащиеся в них сведения описывают жизнь многочисленных тюркских племен на разных этапах общественного развития.

Видным китайским тюркологом являлся Гэн Шиминь, издававший в основном на Западе обзоры по развитию тюркологии в Китае и исследования по истории и культуре тюркских народов Синьцзяна и Средней Азии (**Geng Shimin, 1982, 1986**).

Чжэнь Цзиньлун посвятил этой проблематике ряд работ, в частности статьи «Торговля тюркских народов в Китае» и «Торговля в Китайском Туркестане в период правления династии Цин»⁹⁷. Поначалу Чжэнь Цзиньлун кратко излагает пред­историю развития торговых отношений тюркских народов с китайским, подчеркивает их давний характер. Интенсивное

⁹⁷ Shen Ching-Lung. Trading activities of the Turkic peoples in China. — Central Asiatic Journal (Wiesbaden). 1981. Vol. XXV. N 1—2, pp. 38—53.

развитие торговли и вызванные им культурные изменения обуславливались, по мнению автора, не только выгодным географическим положением Восточного Туркестана, но и деятельностью тюркских племен, кочевавших между Восточной и Западной Азией. Две огромные империи, Китай и Рим, создали обширные рынки и привлекли товары из всех частей Евразии. Во второй половине I в до н.э. сеть караванных путей через Туркестан достигла наивысшего развития. Торговые маршруты соединили города-оазисы, раскинувшиеся вдоль северных и южных окраин пустыни Такламакан. Недостаток природных ресурсов вынуждал тюрков вести оживленную торговлю скотом, в котором нуждались оседлые народы, в том числе китайцы. Постепенно Лучун и Гаочан, или Турфанский бассейн, стали главными торговыми центрами. Таким образом, два непохожих общества, кочевое и оседлое, стали экономически зависимыми.

Торговые отношения древних тюрков с китайцами восходят, как свидетельствуют исторические документы, к их предкам, гуннам, и были обусловлены не только экономическими, но и политическими причинами. Автор излагает историю зарождения этих отношений, анализируя китайские источники. Западные провинции Китая были наиболее развитыми в торговом отношении, и позже, после завоевания голубыми тюрками этих территорий, передали им свои знания и опыт.

В период правления династии Тан торговля между тюрками и китайцами оживилась. Причиной этому послужили внутренние беспорядки в Китае. Тюркские кланы помогали подавлять народные бунты. Таким образом, военное сотрудничество способствовало развитию и укреплению торговых связей.

Вторая часть статьи посвящена торговым связям голубых тюрков, древних уйгуров и киргизов с китайцами. В период

правления династии Суй западные тюрки заплатили огромную дань за открытие рынков вдоль границ Китая. Торговые отношения двух народов укрепились после женитьбы тюркского кагана на китайской принцессе. Регулярным предметом торговли и обмена были тюркские лошади и китайские ткани.

Древние уйгуры также вели с китайцами торговлю лошадьми. В китайской хронике Тан-щю сообщается, что уйгуры нуждались в большом количестве ткани, в то время как спрос на лошадей у китайцев уменьшился. Китайское правительство было обеспокоено этой проблемой. Кроме лошадей важным предметом торговли и обмена у тюрков был жадеит. Сначала продажа жадеита ограничивалась правительством, затем ограничения были сняты, в результате чего цена жадеита на рынке резко упала.

После голубых тюрков и древних уйгуров в торговлю с китайцами включились и киргизы. Они предпочитали шелковые ткани, украшения, чай. Постепенно система торговли менялась, в денежное обращение вошли серебряные и золотые монеты.

В третьей части статьи автор, используя исторические сведения китайских хроник, дает подробную картину торговых путей, связывавших Запад и Восток. По описаниям мусульманских путешественников и историков Древней Греции, в тот период было два главных пути с Запада на Восток: южный и северный. Оба огибали с двух сторон пустыню Такламакан. Автор приводит названия всех населенных пунктов, рек и гор, мимо которых пролегли торговые пути. Главные маршруты пролегли в удобных местах как для китайской стороны, так и для тюркских каганов. Для удобства сообщения на торговых путях были установлены станции. Из источников следует, что в Китай вели три дороги: через Кашмир, Хотан и Монголию.

В заключение автор подчеркивает, что тюркская экономика базировалась на крупном рогатом скоте, используемом для

продажи и обмена. Контакт кочевых народов с оседлыми ускорил развитие торговли между двумя различными обществами, что привело к значительным культурным изменениям.

Переработка, периодическая систематизация и структуризация источников, как мы видим, продолжались при последующих послемонгольских династиях (Минь, Хань, Мин, Цин). В цинскую (маньчжурскую) эпоху, особенно в XVIII и XIX в., началось проникновение в Китай европейской исторической науки, введение в оборот европейской ориенталистики китайских анналов и заимствование китайскими учеными европейских научных методов. В XX в. этот процесс принял необратимый характер, хотя китайская историография благодаря своим богатым традициям сохраняла свою уникальность. В середине двадцатого столетия и особенно после создания КНР в китайской науке возобладал марксистский подход (при сохранении национальной специфики).

В отношении изучения Центральной Азии в китайской марксистской историографии некоторое время господствовали советские идеологические схемы (классовый подход, пятичленное деление истории, прогрессивное влияние России и СССР и т.д.). Но по мере ухудшения отношений между КНР и Советским Союзом, КПСС и КПК в китайской исторической науке возобладали националистические и великоханьские настроения. То есть возобладал присущий всей идеологии Китая китаецентричный подход.

Первые специалисты по России появились в императорском Китае, затем в 1920-х гг. экспертиза стала намного глубже благодаря деятельности Коминтерна и учебе многих будущих лидеров КПК в Москве. Но настоящая фундаментальная русистика появилась только в 1949 г. после победы коммунистов в гражданской войне и образования КНР. В 1950-е гг. в Советском Союзе прошли обучение тысячи китайских студентов, одновременно советские специалисты

работали в КНР, помогая закладывать основы ее экономики по советскому образцу.

Занимающиеся Россией аналитические структуры, существующие не внутри ведомств или госкомпаний, можно лишь условно назвать независимыми от государства. Главную роль играет Китайская академия общественных наук (КАОН) — огромная система научных центров, напоминающая гуманитарную составляющую РАН. Главный по масштабам «мозговой центр» — это возглавляемый Ли Юнцюанем Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии (ИРВЕЦА, бывший Институт изучения СССР). По словам Ли, под его началом работает свыше 100 ученых, организованных в семь секторов (внутренняя политика, экономика, внешняя политика, история России, а также Центральная Азия, Восточная Европа и постсоветские государства на западе СНГ).

ИРВЕЦА занимается как собственно наукой (в том числе публикует два ведущих академических журнала по русистике: «Исследование России, Восточной Европы и Центральной Азии» и «Рынок России, Восточной Европы и Центральной Азии»), так и аналитическим сопровождением работы госструктур. Но более важным с точки зрения принятия решений является другой think tank — Китайская академия современных международных отношений (КАСМО). ЦРУ на портале Центра открытых данных (Open source center) при директоре США по национальной разведке идентифицирует КАСМО как исследовательскую структуру при Министерстве госбезопасности КНР. По мнению американских разведчиков, КАСМО — это часть восьмого (аналитического) управления МГБ, выведенная в 1980 г. в отдельную легальную структуру. Связь КАСМО со спецслужбами отмечают и многие иностранные исследователи.

Центр российских исследований КАСМО, который возглавляет Фэн Юйцзюнь (он учился в России и работал при-

глашенным исследователем в МГУ им. М.В. Ломоносова), насчитывает немногим более десяти человек. Китайский институт международных исследований (КИМИ), приписанный к китайскому МИДу, похож на КАСМО. Отдел евразийских исследований в нем возглавляет Чэнь Юйчжун (она стажировалась в МГИМО, а также работала консулом в Хабаровске). Но влияния на процесс принятия решений у КИМИ меньше, чем у КАСМО, поскольку институт в основном выполняет аналитические функции именно для МИДа.

Наибольшее влияние на принятие решений оказывают, прежде всего, пекинские центры, где играет роль фактор близости к руководству. В этом китайская русистика напоминает американскую, где влияние эксперта во многом определяется его физическим нахождением в Вашингтоне. При этом, как и в США, в КНР развиты сильные региональные школы русистики. Главные центры помимо столицы — это Шанхай и северо-восточные регионы КНР, особенно центр граничащей с Россией провинции Хэйлуцзян Харбин. Университеты в Харбине, а также отделения КАОН в провинциях Хэйлуцзян, Ляонин и Цзилинь (в меньшей степени — в граничащих с Россией Внутренней Монголией и Синьцзян-Уйгурским автономным районом) считаются главными центрами компетенций по развитию Сибири и российского Дальнего Востока: местные ученые имеют больше возможностей проводить полевые исследования, а также лучше владеют контекстом приграничного сотрудничества.

Особняком стоит шанхайский Центр изучения России (ЦИР), заметный во многом благодаря активности и харизматичности своего лидера — 65-летнего профессора Фэн Шаолэя. Именно он превратил малоизвестный Восточно-китайский педагогический университет в один из ведущих центров китайской русистики. В ЦИР работают 24 ученых, которые занимаются всеми аспектами современной России,

центр издает авторитетный журнал «Российские исследования» и проводит ежегодную конференцию русистов. Коллеги объясняют успехи Фэна не только научным авторитетом, но и присущей шанхайцам активностью и стремлением установить международные контакты. Сам Фэн учился в СССР и вел курсы по России и российско-китайским отношениям в ведущих университетах мира.

Сеть научно-академических и научно-аналитических центров и институтов, занимающихся изучением СССР/СНГ, была создана в Китае еще в советское время. После распада Советского Союза она была только расширена. Центральная Азия, как правило, рассматривается в контексте изучения России/Евразии. Однако в последнее время наметилась новая тенденция — изучать регион как самостоятельную геополитическую единицу или в контексте ШОС. Можно назвать некоторые институты и ряд исследователей, вплотную занимающихся центральноазиатской проблематикой. Специалистами выделяется заместитель Фэн Шаолэя в шанхайском ЦИР Ян Чэн, один из ведущих специалистов по Центральной Азии (помимо русского владеет киргизским), имеющих опыт работы в МИД КНР.

В то время как в США и Европе после победы в «холодной войне» урезали фонды на изучение России и увольняли ставших ненужными, китайская Компартия начала выделять огромные ресурсы на изучение бывшего СССР. После распада СССР интерес к России в Китае и инвестиции в ее изучение не только не уменьшились, но даже увеличились. Один из ведущих китайских русистов Фэн Юйцзюнь, возглавляющий Центр российских исследований при Китайской академии современных международных отношений (КАСМО), отмечает, что сначала основные силы были брошены на выявление причин краха КПСС и поиск противоядия — в результате Китай, переживший ужесточение режима после

событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, в 1992-м ответил перезапуском реформ Дэн Сяопина (а через 20 лет стал второй экономикой мира). Затем Пекин использовал школу экспертов по постсоветскому пространству для выстраивания стратегии в отношении уже новой России⁹⁸.

Китайские международники оперируют более реальными и осторожными категориями. Китайские эксперты чрезвычайно деликатно обращаются с различными геополитическими конструкциями и комбинациями, особенно в той области, которая касается отношений с США. В то же время геополитические интересы КНР, как их понимает официальная политологическая мысль, поддаются расшифровке. Не трудно заметить, что в Пекине очень большое значение придают существованию и развитию ШОС. По-видимому, дело не только в проведении антитеррористической и анти-сепаратистской деятельности организации, что также остается важным приоритетом для Китая. В Пекине явно видят в ШОС контуры некоего геополитического проекта, в котором Китай в будущем сможет доминировать и, опираясь на мощь ШОС и стратегическое партнерство с Москвой, бросить в случае необходимости вызов Вашингтону. С перспективой на будущее китайские стратеги могут рассматривать ШОС в качестве фундамента для предстоящих грандиозных энергетических и экономических проектов в Центральной Азии и в целом — в Евразии.

После событий 2001 г. два важных вопроса волновали китайских стратегов. Первый касался, само собой, перспектив пребывания американских войск в регионе и его влияния на интересы КНР. Вторым был вопрос о дальнейшей судьбе ШОС.

Син Гунчен (генеральный секретарь Китайской ассоциации по исследованию Восточной Европы, России и Централь-

---

⁹⁸ Габуев А. Изучение России и Евразии в Китае // Власть. N 40. 13.10.2014.

ной Азии) открыто писал в адрес государств Центральной Азии, что участие Китая в «Шанхайской пятерке» не только повышает военно-политические возможности объединения, но и позволяет центральноазиатским участникам использовать его и в качестве инструмента для создания баланса между Россией и Китаем, интересы которых представлены в регионе (**Xing Guangcheng, 2002**). Китайский ученый открытым текстом говорил, что КНР не заинтересована в длительном американском присутствии в Центральной Азии, вблизи своих границ, и не поддерживает его. Это угрожает интересам Китая.

Пан Гуан (директор Центра международных исследований при Шанхайском институте Европы и Азии), который рассматривал ШОС под углом использования ее антитеррористического (т.е. военного) потенциала, пришел к выводу, что процесс поступательного развития деятельности Шанхайской организации сотрудничества предоставил возможность ее странам-участницам, то есть Китаю, России, а также большей части республик Центральной Азии объединить усилия и создать многостороннюю структуру, способствующую сохранению стабильности в регионе. Произошедшие в мире изменения (введение сил США в Центральную Азию, возможное усиление борьбы против терроризма со стороны Америки, послевоенное развитие Афганистана, внутренняя ситуация в Пакистане, развитие отношений на субконтиненте между двумя ядерными державами), естественно, окажут большое влияние на дальнейшее развитие ШОС. По его мнению, ШОС может и должна стать важным и действенным институтом не только на региональном, но и на более высоком, международном уровне (**Pan Guang, 2003**).

Но на текущий момент китайские специалисты сосредоточены в основном на изучении взаимных интересов и противоречий в рамках треугольника США — Россия — Китай.

Единственным регионом, где они приходят в непосредственное соприкосновение, является Центральная Азия⁹⁹.

Этой проблематике, в частности, посвящена работа Ли Лифаня (Научно-исследовательский центр ШОС) и Дин Шиу (Институт Центральной Азии Ланьчжоуского университета) «Геополитические интересы России, США и Китая в Центральной Азии» (**Li Lifan, Ding Shiwu, 2004**). По мнению китайских авторов, американские стратеги считают: если США установят свой контроль над ЦА, то они смогут держать в руках экономически развитую Европу и Восточную Азию, возможно, Африку и другие районы мира. Что касается России, то она пока не в состоянии восстановить свое прежнее положение в регионе, а путь к ее возрождению еще долог.

Этой теме — отношениям внутри геополитического треугольника Америки, России и Китая — посвящено исследование другого известного китайского эксперта Чжао Хуашэна, руководителя отдела изучения России и Центральной Азии Шанхайского института международных исследований (**Zhao Huasheng, 2004**). В своей концептуальной работе Чжао Хуашэн исходит из того, что после окончания «холодной войны» Центральная Азия получила новое определение — обособленное геополитическое пространство. Значение данного региона обусловлено его уникальным географическим положением, а также имеющимся здесь в изобилии сырьем, а именно нефтью и природным газом.

---

⁹⁹ См.: Китай и страны Центральной Азии в современных геополитических условиях. — Алматы: ИМЭП, 2008. — 130 с. Ходжаев А. Китайский фактор в Центральной Азии. — Ташкент: Фан, 2004. — 136 с. Бабаян Д. Политика Китая в Центральной Азии, на Кавказе и в Северном Прикаспии в конце XX — начале XXI в. / отв. ред. И.Д. Звягельская, Д.В. Мосяков. — М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. — 328 с. Жуков С.В., Резникова О.В. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации. — Москва: ИМЭМО, 2009. — 180 с. Новый международный донор: помощь Китая Таджикистану и Киргизстану. (RNV No 36) — Paris: IFRI, 2009. — 31 p. Китай в XXI веке: актуальные тенденции развития ключевых сфер жизни. Под ред. А.С. Каукунова. Т. 2. Китай и Центральная Азия. — Алматы: ИМЭП, 2008. — 292 с. Центральная Азия и Китай: состояние и перспективы сотрудничества. — Алматы: КИСИ, 2009. — 304 с. Чжао Хушен. Китайская дипломатия в Центральной Азии. — Пекин: Шиши чубаньше, 2008. — 465 с. (на китайском языке).

Как считает Хуашэн, политику Пекина в отношении ЦА отличает четкость, а цель КНР — не допустить, чтобы данный регион стал базой восточно-туркестанских сил за пределами Китая и каналом их связи с международным терроризмом. Поэтому Китай предлагает правительствам республик Центральной Азии ввести запрет на деятельность этих сепаратистов на территории своих стран и предотвращать проникновение через их территорию представителей террористических и экстремистских структур в КНР. Поскольку безопасность государств ЦА и провинции Синьцзян взаимосвязаны и нестабильность в Центральной Азии сказывается на безопасности северо-западного Китая, то, как продолжение своей политики, руководство КНР стремится к тому, чтобы совместно со странами ЦА и Россией создать механизмы, которые обеспечат региональную безопасность в рамках ее коллективной защиты. Это в интересах не только стран Центральной Азии, но и Китая и является основной задачей Шанхайской организации сотрудничества.

В то же время сохранение Центральной Азии в качестве стабильного стратегического тыла Китая — важный аспект глобальной стратегии и геополитики Пекина. Это означает включение ЦА в общую внешнюю стратегию КНР, в том числе определение ее роли в этой стратегии.

Итак, резюмирует Хуашэн, основные причины политического интереса Китая в Центральной Азии таковы: борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; сохранение стабильности в регионе; поощрение экономического процветания ЦА; обеспечение дружественных отношений ее республик с Китаем; создание такого положения, при котором эти страны не попадут под контроль одной из сверхдержав; предотвращение создания в регионе военных блоков, направленных против Пекина; обеспечение доступа КНР к энергоресурсам.

Таким образом, уже сама аналитическая активность китайских экспертов, уровень понимания ими проблем региона ЦА и специфическое видение геополитической ситуации доказывают, что Пекин уже перешел с позиции стороннего или пассивного наблюдателя, каким он казался многим в 1990-е гг., к роли активного регионального и геополитического игрока.

Этот фактор неизбежно будет оказывать влияние на китайскую историческую науку в части изучения Евразии и Центральной Азии, перед которой встанет задача доказать, что эти регионы всегда находились под влиянием Поднебесной или входили в зону ее цивилизационного влияния. Располагая богатой источниковой базой и непрерывной исторической традицией, китайским историкам сделать это будет несложно. В этом смысле противовесом китацентричному подходу остается — в интересах науки и политического суверенитета — опора на традиции европейского и российско-советского востоковедения.

Источники и литература

- Burles M. Chinese Policy toward Russia and Central Asian Republics. — Santa Monica (CA): RAND Corporation, 1999. — 84 p.
- China's Central Asian Problem. A Report by the International Crisis Group // Asia Report. N 244. 2013. Febr. 27. — 35 p.
- Central Asia Forum. Institute of Central Asia Studies (Urumqi). 2008. N 2. — Urumqi: XASS, 2008. — 181 p.
- Geng Shimin. Recent Chinese Research in Turkic Studies // Central Asian Survey (London). 1982. Vol. I. N 1, pp. 105—110.
- Geng Shimin. Die Türk Sprachen Chinas und ihre Erforschung // Materialia Turcica. 1986. Bd. 12. S. 22—39.
- Gill B., Oresman M. Chinas New Journey to the West. China's Emergence in Central Asia and Implications for U.S. Interests. A report of the CSIS Freeman Chair in China Studies. Foreword by Z. Brzezinski. — Washington, D.C.: The CSIS, 2003. — XI+51 pp.

Godehardt N. The Chinese Constitution of Central Asia: Regions and Intertwined Actors in International Relations. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.

Hsü J.C. The Ili Crisis. A Study of Sino-Russian Diplomacy 1878—1881. — Oxford, 1965.

Jarosiewicz A., Strachota K. China vs. Central Asia. The achievements of the past two decades. — Warsaw: OSW, 2013. — 82 p.

Karrar H. The New Silk Road Diplomacy: China's Central Asian Foreign Policy since the Cold War. — Vancouver: UBC Press, 2010. — 272 p.

Kellner T. L'Occident de la Chine, Pékin et la nouvelle Asie centrale (1991—2001). — Paris: PUF, 2008.

Laruelle M., Peyrouse S. The Chinese Question in Central Asia. Domestic Order, Social Change and the Chinese Factor. — London: C. Hurst & Co., 2012. — VII+271 pp.

Li Lifan, Ding Shiwu. Geopolitical Interests of Russia, the U. S. and China in Central Asia // Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden). 2004. N 3, pp. 139—146.

Pan Guang. Shanghai Cooperation Organization in the Context of International Antiterrorist Campaign // Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden). 2003. N 3, pp. 48—54.

Peyrouse S. The Economic Aspects of the Chinese-Central Asia Rapprochement Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies? 2008. — 73 p.

Peyrouse S. Central Asia's growing Partnership with China, EUCAM Working Paper N 4, October 2009. — Bruxelles: EUCAM, 2009. — 15 p.

Swanström N. China and Greater Central Asia: New Frontiers? — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2011. — 84 p.

Xing Guangcheng. The Shanghai Cooperation Organization in the Fight against Terrorism, Extremism, and Separatism // Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden). 2002. N 4, pp. 12—20.

Zhao Huasheng. China, Russia, and the U.S.: their Interests, Postures, and Interrelations in Central Asia // Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden). 2004. N 5, pp. 116—125; N 6, pp. 86—94.

Zhao Huasheng. The Problems of China Policy in Central Asia // Kazakhstan in Global Processes (Almaty). 2004. N 2, pp. 63—73.

Wacker G. Die Zentralasiatischen GUS-Staaten aus chinesischer Perspektive. — Köln: BIOIS, 1997 (15). — 38 S.

Цзи Юнь. Хань тай дуй сюннуди фанюй чжаньчэн (Оборонительные войны Хань с сюнну). — Шанхай, 1955.

§ 5. Япония

В конце XIX — начале XX в. Япония стала проводить агрессивную политику на Дальнем Востоке, стремясь к захвату Восточной Азии, в первую очередь Кореи и Маньчжурии. Она рассматривала эти территории как плацдарм для дальнейшего подчинения Китая и проникновения в ЦА. Оказавшись в числе государств — победителей в Первой мировой войне, Япония овладела бывшими колониальными территориями Германии на Дальнем Востоке и в Тихом океане. Эти обстоятельства подогрели экспансионистские настроения правящих кругов, которые поставили цель захватить новые земли и установить господство Японии в Азии¹⁰⁰.

Под Средней Азией японские востоковеды понимают Восточный (Китайский), Западный (Русский) и Афганский Туркестан, а порой отождествляют с ней только Восточный Туркестан. Изучение истории этого региона началось в Японии лишь во второй половине XIX в. До Второй мировой войны эти исследования базировались в основном на китайских источниках по Западному Краю (Си-юй) и их следует охарактеризовать, скорее, как работы по Синьцзяну, чем по Средней Азии в целом. Только во второй половине XX в. японские ученые стали привлекать не китайские источники по истории региона. Японские публикации в этой области еще сравнительно малочисленны; преимущественно это были исторические исследования и библиографии, например¹⁰¹.

Начало исследований по Центральной Азии в Японии, как отмечалось выше, относится ко второй половине XIX в. Про-

---

¹⁰⁰ См.: Досовицкая В.В. Япония и страны Центральной Азии в первой половине XX в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность (ИВ РАН). 2013. N 2. С. 179—185.

¹⁰¹ A Bibliography for the Study of Central Asia-Japanese Works from 1896 to 1957. — Kyoto, 1959. A Bibliography on the Hsin-chiang Region 1886—1962. — Tokyo, 1962. Books and Articles on Central Asia published in Japan 1886—1977. Bibliography of Eastern and Western Contacts. — New York, Tokio, 1979.

шлое этого региона, особенно его история до XV в., активно изучалось в рамках общего востоковедения на основе китайско-язычных материалов. Начиная с 1970-х гг. японские ученые стали придавать больше значения оригинальным источникам на местных языках. К этому времени относится также появление исследований по царскому и советскому периодам истории Российской империи и СССР, которые включали в себя Центральноазиатский регион. Тем не менее Центральная Азия в целом оставалась слабо развитой областью исследований вплоть до распада Советского Союза¹⁰².

Следует отметить, что работы по истории региона, написанные до Второй мировой войны, базировались на детальном анализе китайских источников, а послевоенные опирались преимущественно на работы среднеазиатских авторов и материалы японских научных экспедиций в Среднюю Азию¹⁰³.

Тем не менее ряд ученых-востоковедов на достаточно высоком уровне разрабатывали средневековую историю Центральной Азии. К таким исследователям можно с полным основанием отнести Эйдзи Мано (профессора университета Киото), тюрколога и специалиста по истории Могулистана и ранней истории казахов. Его основной труд — «История Центральной Азии» (**Mano, 1977**). Другим специалистом по средневековой истории региона был Шиндзи Маэдзима (университет в Кейо), которого интересовала эпоха прихода ислама в Центральную Азию, историческое значение Таласской битвы и последствия исламизации региона. Проблемами номадизма занимался в 1960-е гг. в Институте восточной культуры Ивамура Шинобу.

¹⁰² Добринская О.А. Япония — Центральная Азия: в поисках нефти и статуса // Азия и Африка сегодня (Москва). 2011. N 8. С. 45—50. Нурғалиев М. Перспективы Японии в Шанхайской Организации Сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2009. N 1. С. 109—117. Чжан Яо. Внешняя политика Японии в Центральной Азии // Политика в XXI веке: вызовы и реалии: Аналитический альманах / Под ред. к. и. н. Е.С. Хотьковой; Рос. ин-т стратегич. исслед. — М.: РИСИ, 2009. — N 11 (21). — С. 116—125.

¹⁰³ Historical Studies on Central Asia in Japan. — Acta Asiatica. — Tokyo, 1981. T. 41. VI. — 122 p.

В советскую эпоху на профессиональном уровне изучением Центральной Азии занимался Х. Комацу, получивший подготовку на Западе и активно публиковавшийся в западных академических журналах во второй половине 1980-х гг. В поле зрения его академических интересов лежала история Русского Туркестана в конце XIX — начале XX в. Современной политологией региона в этот период занимался Т. Куцио, сотрудник Восточного института (Тойо Бунко), первым в Японии написавший о декабрьских событиях 1986 г. в Казахстане.

Нельзя не упомянуть имя такого ученого, как Тору Сагути (профессор Университета Каназава), автора многих работ по истории Восточного Туркестана, внешней политики России в Азии и кочевых обществ Центральной Азии, Кокандского ханства и этнографии казахов Старшего жуза. Самым крупным его трудом стала книга «Социальная история Восточного Туркестана в 18—19-х вв.» (Токио, 1963).

Вот как выглядит история образования Турфанского княжества Цинской империи в изложении Т. Сагути¹⁰⁴. Первая часть работы «Изменения в политической ситуации в Туринской котловине» вводит читателя в предмет исследования. Турфанская котловина с древнейших времен была объектом политических и военных притязаний Китайской империи на востоке и номадов Монголии на севере. В середине XVII в. она подпала под влияние Цинской династии, в начале XVIII в. началось военное давление противника Цинов — Джунгарского государства. Китайские источники утверждают, что официальный контакт между ханской фамилией Турфана и Цинской династией был установлен в 1645 г. и что до 1686 г. цинскому правительству отправлялись дань и послы, по крайней мере, 7 или 8 раз. Ханы Турфана были потомками чагатаидов, обо-

---

¹⁰⁴ Saguchi T. The Formation of the Turfan Principality under the Ching Empire. — Acta. Bulletin of the Institute of Eastern Culture. — Tokyo, 1981. N 41, pp. 76—94.

сновавшихся в Турфане и в прошлом правивших Могулией (т.е. Могулистаном; Могулия — название государства, образованного в 1514 г. в Восточном Туркестане). С установлением в Восточном Туркестане в конце XVII в. теократического режима кашгарских ходжей ханы Турфана также попали под их влияние и всегда оказывались втянутыми в их политические распри. Тем не менее ханам удалось, хотя и номинально, сохранить свою власть. Когда глава Джунгарского государства Галдан-Бошокту захватил Восточный Туркестан, он подчинил себе ходжей и ханов Турфана. Поскольку Турфан и Хами (Комул) стали объектами джунгарской агрессии, правитель Хами Убайдаллах-бек в 1689 г. просил о покровительстве Цинскую династию. Таким образом, Цины впервые смогли включить в сферу своего влияния Восточный Туркестан.

В 1717 г. цинское правительство отправило войска в Западный Край (Си-юй) для противодействия джунгарам. Продвигаясь к Урумчи, войска впервые вошли в Турфанскую котловину и заняли города Чиктым, Пичан и Турфан. Это было началом установления контроля Цинов над Турфанской котловиной. При продвижении цинских войск в 1717 г. джунгары принудили многих турфанцев уйти на запад, к Карашару. Из китайских источников известно, что в 1720—1721 гг. Имин-Ходжа, предводитель турфанцев, был вынужден уйти с жителями Пичана на территорию, контролируемую джунгарами, турфанец Токто Мухаммед и другие представители местной верхушки добровольно подчинились цинской армии. В их числе упоминается Имин-Ходжа, которому подчинялось около десяти тысяч жителей в городе Люкчуне.

Цинские войска, вступившие в Турфанскую котловину, приступили к обработке земли для нужд армии, о чем в конце 1721 г. был издан соответствующий указ императора Канси. В 1725 г., в соответствии с мирным договором между цинским

правительством и джунгарским ханом Цэван-Рабданом, большинство цинских войск было выведено из Турфана. Отступление Цинов оказало существенное влияние на турфанское общество: в 1725—1726 гг. (по сведениям официальных цинских источников) из Пичана, Люкчуна и Турфана на цинскую территорию переселилось 605 (?) мусульманских хозяйств, расселившихся в 2 пунктах Сучжоу, во главе с Токто Мухаммедом. В Сучжоу переселенцы столкнулись с большими трудностями: предоставленные им земли были бесплодными, урожаи бедными, не хватало воды и скота.

Переселение турфанцев в Сучжоу в 1725 г. открыло путь второму крупномасштабному переселению в Гуачжоу в 1732—1733 гг. Этому предшествовали следующие события. Цэван-Рабдан умер в 1727 г., его наследник Галдан-Цереи предпринял наступление в Турфанскую котловину в 1731 г., осадил Люкчун и Кара-Ходжо. Цинская стража и милиция из турфанцев успешно отразили нападение. В 1732 г. джунгары возобновили попытку овладеть Кара-Ходжо и опять получили отпор. В эти годы Имин-Ходжа начал активно сотрудничать с цинским правительством. Он остался в Турфане, и когда Токто Мухаммед и другие переселились на китайскую территорию. Имин-Ходжа с готовностью взял на себя заботы по колонизации и обработке земли в сотрудничестве с цинской армией и много сделал для отражения нападения джунгаров в 1731 г., укрепившись в Люкчунской крепости.

Во второй части своего исследования «Переселение турфанцев» японский автор освещает вопросы переселения большой группы жителей Турфанской котловины в Гуачжоу в 1732 г. Третья часть посвящена событиям в Турфанской котловине в 50-х — начале 60-х гг. XVIII в. Еще в 1755 г. цинское правительство приняло решение поручить административную власть в Турфанской котловине кому-нибудь из влиятельных местных уроженцев и наряду с этим возратить на родину турфаниев с

Имин-Ходжой из Гуачжоу. Возвратившись на родину, турфанцы испытывали большие трудности, поскольку уход их в Гуачжоу и Сучжоу привел к сокращению численности населения, падению уровня производимой сельскохозяйственной продукции, запустению полей. После переселения турфанцев в Гуачжоу 17 городов в Турфанской котловине стали необитаемыми.

Ученый подчеркивает, что к 1761 г. в Турфанскую котловину возвратились почти все 10 тыс. переселенцев, которые 30 лет назад ушли в Гуачжоу и Сучжоу. Земли, оставленные турфанцами в связи с эмиграцией, обрабатывались цинскими войсками, а затем уже были переданы (возвращены) войсками турфанскому князю. В заключение автор делает вывод, что насельники Турфанской котловины, которые страдали от внешней экспансии и внутренних смут еще в 20-х гг. XVIII в., в 1760 г. оказались подданными Турфанского княжества во главе с Имин-Ходжой, который стал единственным из местных правителей, получившим привилегии титулованного дворянства Цинской империи. Занимаясь сельским хозяйством, они создали турфанскую общину, которая существует и по сей день.

С обретением центральноазиатскими республиками независимости в Японии, как и в других странах мира, резко возрос интерес к этому региону. Соответственно, увеличился спрос на информацию, но из-за нехватки специалистов изучение Центральной Азии нередко проводилось в виде «побочной работы» экспертами по другим регионам. Через десятилетие появилось новое поколение ученых, которые специализируются на изучении Центральной Азии и обладают знанием не только русского, но и местных языков. Помимо истории объектами исследований стали иные вопросы, которые освещались с позиции других научных дисциплин¹⁰⁵.

¹⁰⁵ См.: Нацуко О. Исследования Центральной Азии в Японии: современное состояние и задачи // Республика Казахстан: достижения независимости и взгляд в будущее. Материалы IX Ежегодной Алма-атинской конференции. — Алматы: КИСИ, 2011. — С. 29—35.

Следует отметить одно фундаментальное противоречие японской политики в отношении региона ЦА. Это противоречие является результатом дуального, двойственного геополитического положения Японии. С одной стороны, Япония традиционно — с эпохи «холодной войны» — это часть Запада, один из трех столпов наряду с США и Западной Европой. США, ЕС и Япония — это три центра экономического развития. В 1990-е гг., когда уже «холодная война» была закончена, Япония по инерции продолжала выступать как часть Запада, была участницей трехсторонних проектов с американской и европейской сторонами, то есть участвовала в выработке согласованной позиции Запада в отношении ЦА. В то же время на протяжении последних 15 лет происходили заметные, а где-то и скрытые очень серьезные изменения в геополитическом, экономическом, политическом положении японского государства¹⁰⁶.

При этом одним из важнейших факторов внешней политики Токио является китайский. Россия является другим элементом и объектом японской стратегии в Евразии. В японско-российских отношениях переплелись исторические проблемы, энергетические, экономические интересы и региональные противоречия.

Энергетические интересы Японии в СНГ тесно связаны с ее интересом к Центральной Азии. Однако в своей политике в регионе Япония сталкивалась с рядом субъективных и объективных факторов. Т. Уяма (Университет Хоккайдо),

---

¹⁰⁶ См.: Акихиро И. Геополитика в Центральной Азии: взгляд из Японии // Казахстан-Спектр. 2007. № 1. С. 9—19; Лаумулин М.Т. Стратегия Японии в Евразии // Казахстанско-японское сотрудничество: состояние и перспективы. — Алматы: КИСИ, 2007. — С. 33—47; или: // Казахстан-Спектр. № 1. 2007. С. 24—34; Нурғалиев М.Е., Шаймерғенов Т. Новый трек японской дипломатии в Центральной Азии: проблемы и перспективы // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2007. № 6. С. 146—157; Усубалиев Э.Е. Политика Японии в новых геополитических условиях: центральноазиатский вектор // Япония 2001—2002. Ежегодник. — М.: Издательство «МАКС-Пресс», 2002. С. 195—208; Чжан Яо. Внешняя политика Японии в Центральной Азии // Политика в XXI веке: вызовы и реалии. Аналитический альманах / Под ред. к. и. н. Е.С. Хотьковой; Рос. ин-т стратегич. исслед. — М.: РИСИ, 2009. — № 11 (21). — С. 116—125.

например, вообще ставит под вопрос идею о том, что Япония располагала в отношении Казахстана и Центральной Азии какой-либо четко сформулированной стратегией. Японский исследователь, изучая истоки японской дипломатии в регионе, сравнивает отношения Узбекистана и Казахстана со своей страной. Он замечает, что Ташкент смог найти в лице Ш. Такао влиятельного руководителя в министерстве финансов, своеобразного патрона, который смог позитивно повлиять на инвестиционную политику Токио в Узбекистане.

Т. Уяма объясняет отсутствие у Японии внятной стратегии в отношении Центральной Азии, прежде всего, экономическими причинами. Вектор экономических интересов и связей Японии — это США, АТР и Юго-Восточная Азия. Центральная Азия с экономической точки зрения не представляет никакого интереса для Токио. И Казахстан наилучшим образом иллюстрирует это положение. Но объяснение «скромности» японских притязаний в Центральной Азии лежит и в другой плоскости. Как вполне справедливо замечает Уяма, Япония не является, в отличие от США и других участников «Большой игры», полноценной геополитической силой. Это объясняет, почему Токио не стремится к массивному присутствию в регионе.

Уяма обращается к доктрине так называемой «Евразийской дипломатии», выдвинутой в свое время премьером Хашимото. Он выделяет в этой концепции две составляющие: во-первых, поддержание хороших отношений с Россией; во-вторых, поиск «новых друзей повсюду в Азии», то есть и в Центральной Азии. Всплеск интереса к ЦА в Японии наблюдался, когда появилась надежда, что страны региона поддержат претензии Токио в адрес России на так называемые северные территории. В заключение Уяма, как представитель «нестратегического» государства, выступает против ведения политики Центральной Азии в стиле «Большой игры», то

есть геополитического противоборства. По его мнению, в нормальных и стабильных условиях Япония как экономическая держава сможет в будущем очень многое сделать для региона¹⁰⁷.

В 1997 г. Япония сформулировала свою политику в отношении Центральной Азии в доктрине так называемой «Евразийской дипломатии». Однако новая концепция не способствовала активизации японской внешней политики в отношении региона. Некоторые исследователи считают, что у политики Японии (как и Южной Кореи) в Центральной Азии есть одна общая характеристика: большой территориальный разрыв и отсутствие исторических традиций сотрудничества обрекает их на преимущественное использование экономических инструментов. При этом у обеих стран есть в регионе общие геоэкономические интересы с Китаем: направить вектор развития Центральной Азии в сторону АТР.

В отношении мотивов и целей политики Японии в ЦА ряд исследователей замечает, что Центральная Азия может интересовать японцев в плане расширения Азиатско-Тихоокеанского региона и создания новых маршрутов, связывающих его с Европой. Кроме того, Страна восходящего солнца желает позиционировать себя в качестве лидера в этой части мира. Она, например, пролоббировала предоставление странам Центральной Азии статуса наибольшего благоприятствования в торговле с США. В свою очередь, Японию интересует увеличение числа государств, поддерживающих ее претензии на членство в Совете Безопасности ООН. В целом, как заключает автор, в политике Японии в Центральной Азии можно отметить определенное противоречие в целях. С одной стороны, она является одним из представителей коалиции стран АТР (в силу географиче-

---

¹⁰⁷ Uyama T. Japanese Policies in Relation to Kazakhstan: Is There a "Strategy"? // *Thinking Strategically. The Major Powers, Kazakhstan, and the Central Asian Nexus*. Ed. by R.Legvold. — Cambridge (Mass.), London: The MIT Press, 2003, pp. 165—186.

ского положения и экономических интересов), с другой стороны, активным членом западной коалиции в рамках стратегического партнерства с США. Поэтому «японский проект» для Центральной Азии весьма не определен.

Начало XXI в. знаменуется постепенным созданием организационной базы для продвижения исследований и подготовки специалистов по Центральной Азии.

«Восточная библиотека» является самым большим и старейшим в Японии книгохранилищем, специализирующимся на источниках и литературе по востоковедению. Библиотека функционирует и в качестве центра по изучению истории и культуры всего азиатского региона, в том числе Центральной Азии, и принимает участие в вышеуказанном проекте «Исламские региональные исследования». Из изданий Восточной библиотеки по Центральной Азии особое внимание заслуживает книга в двух томах «Тенденции в современных евразийских исследованиях 18—20-го вв.» (Research Trends in Modern Central Eurasian Studies (18th—20th Centuries), содержащая анализ тенденций по изучению современной Центральной Евразии исследователей в разных странах мира в период с 1985 по 2000 г. Об исследованиях в Японии можно узнать из включенной в эту книгу (том I) статьи профессора Х. Комацу¹⁰⁸. Среди представителей «Восточной библиотеки» следует упомянуть Кацуо Эноки, писавшего по истории Великого Шелкового пути, который также был членом редакционной комиссии «Центральноазиатского журнала» (Висбаден).

Институт развивающихся экономик (Institute of Developing Economies) при Организации содействия развитию внешней торговли Японии (Japan External Trade Organization —

---

¹⁰⁸ Komatsu, H. «Modern Central Eurasian Studies in Japan: An Overview 1985—2000», S.A. Dudoignon and H. Komatsu eds. Research Trends in Modern Central Eurasian Studies (18th—20th Centuries): A Selective and Critical Bibliography of Works Published between 1985 and 2000, Part I, Tokyo: Toyo Bunko, 2003, pp. 127—155.

JETRO) был основан в 1960 г. и является научно-исследовательским учреждением, которое проводит фундаментальное и комплексное изучение экономических, политических и социальных аспектов стран Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки, Африки, Океании и Восточной Европы. Что касается Центральноазиатского региона, в институте реализованы два проекта: «Переход к рыночной экономике в Центральной Азии (1994—1998)», а также «Этническая миграция в Центральной Азии и на Кавказе: социальные и политические последствия (2008—2009)».

Японская ассоциация по изучению Центральной Азии (ЯАЦА, Japan Association for Central Asian Studies) была создана в 2004 г. учеными, докторантами и аспирантами, занимающимися изучением Центральной Азии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики. Президентом ЯАЦА является профессор Университета Чуо Ясуши Шинмэн. ЯАЦА ежегодно проводит конференцию и издает ежегодный бюллетень ЯАЦА.

В целом, как отмечает О. Нацуко, в последнее десятилетие заметен качественный и количественный скачок в научно-исследовательской деятельности по Центральной Азии в Японии. Увеличилось число подготовленных специалистов, в разных учреждениях организуются проекты, полностью или частично посвященные Центральной Азии. Изданы не только монографии и статьи, но и энциклопедия, и другие книги информационно-справочного и академического характера, в которых Центральная Азия детально описывается и анализируется для широкого круга читателей. Кроме того, развиваются связи с центральноазиатскими учеными посредством международных конференций и семинаров, проводится обмен учеными и студентами.

Несмотря на достигнутый прогресс, резюмирует О. Нацуко, впереди еще много задач, которые нуждаются в решении.

Во-первых, недостаточно изученными остаются некоторые страны, по-прежнему обширны пробелы в охвате тематики исследований. Как указано выше, в изучении Центральной Азии в Японии историческое направление традиционно является самым развитым, а современная политика и экономика стран региона еще слабо изучены. Из пяти республик Центральной Азии специалисты в основном сконцентрированы на изучении Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Это произошло отчасти по объективным причинам, однако желательно, считает японская исследовательница, чтобы большее количество ученых занимались исследованиями по Таджикистану и Туркменистану.

Вторая задача заключается в том, чтобы работы японских ученых по Центральной Азии стали доступны для международной аудитории. В последнее время увеличиваются издания на английском, русском и других языках, но основная часть публикаций по Центральной Азии в Японии до сих пор издается на японском языке. В будущем предстоит активизировать издательскую деятельность, в первую очередь на английском языке.

Японское академическое сообщество откликнулось в конце 2000-х гг. на повышенный интерес к региону ЦА коллективной монографией «Японская дипломатия на Шелковом пути». Данная работа, которую возглавили в качестве редакторов Уяма Томохико и Хиросе Тецуя (в сотрудничестве с К. Ленем), посвящена предыстории и современной политике Токио в Центральной Азии и охватывает практически все аспекты сотрудничества Страны восходящего солнца с нашим регионом (Len, Tomohiko, Tetsuya, 2009).

Авторы исходят из того, что Японии пора отходить от своей прежней политики в регионе, когда Токио, формально действуя солидарно со всем Западом, делал акцент на экономическую помощь, благополучно закрывая глаза на демократическую тематику, которой придавали такое важное значение

США и Европа. Авторы считают, что Японии пора подключиться к процессу демократизации региона. В качестве второго важного тезиса авторы предлагают Токио отказаться от геополитического подхода к Центральной Азии в пользу политики поддержки развития, то есть делать упор на экономическую составляющую своих отношений со странами региона. К слову, центральноазиатская политика Японии и раньше никогда не демонстрировала тягу к какой-либо геополитизации.

Исследователи признают, что Центральная Азия никогда не рассматривалась японскими правящими кругами в качестве критически важного аспекта их дипломатической и внешнеэкономической стратегии. И, по-видимому, положение дел останется на этом уровне, хотя создается впечатление, что авторам хотелось бы обратного. В качестве важнейшего условия продолжения японской политики в регионе они ставят отказ Токио от конкуренции с Россией и Китаем в какой-либо форме. Но Япония могла бы, по их мнению, найти конструктивный путь для налаживания совместного сотрудничества с этими державами.

В книге подчеркивается, что уже невозможно закрывать глаза на растущее экономическое влияние в этом регионе КНР и Южной Кореи. Будучи также североазиатской державой, Япония могла бы предложить своим соседям некую концепцию совместной стратегии в регионе, то есть фактически выступать единым фронтом. Авторы не скрывают, что главным (если не единственным мотивом) стратегической активности Японии является фактор заинтересованности в энергетических ресурсах, и таковым он и останется на перспективу.

Какие аспекты международной политики в Центральной Азии привлекают авторов книги в первую очередь? Это, безусловно, фактор ШОС. Япония и ее стратегическое сообщество уже давно интересуется шанхайским процессом, и это отнюдь не праздное любопытство. Учитывая присутствие в организа-

ции Китая и России держав, определяющих безопасность (или небезопасность) Японии, вполне понятен интерес Токио. Представляют интерес трактовка ролей участников и наблюдателей ШОС. Так, авторы считают, что Иран рассматривает ШОС исключительно как еще одну площадку для своей антиамериканской политики. Такой подход абсолютно не устраивает Индию. Узбекистан хотел бы и в рамках ШОС сохранить для себя свободу маневра. Монголия упорно сопротивляется попыткам России и Китая, для которых она является своеобразной «дырой безопасности», втянуть ее в состав постоянных членов организации.

Авторы считают, что наиболее серьезные шансы и мотивы стать полноправным участником организации имеет Пакистан. Но что связывает ШОС и Японию? Сравнительно недавно в японских политических и академических кругах обсуждалась идея об участии Токио в ШОС (поначалу — на правах наблюдателя). Зондаж на этом направлении проводился в основном среди центральноазиатских государств. Но предварительная реакция Москвы и особенно Пекина показали, что Японию в ШОС не ждут ни в каком качестве.

Другой важный сюжет, затрагиваемый в монографии, это взгляд на центральноазиатскую политику Японии в контексте ее паназиатской стратегии и стратегических отношений с США. Первый (паназиатский) фактор наглядно проявился в новой концепции Токио в отношении региона. Если поначалу она строилась по формуле диалога «ЦА плюс Япония», затем на основе так называемой «евразийской стратегии», то в настоящее время Токио разрабатывает новое видение своего отношения к региону в рамках так называемой «Арки свободы и процветания». Уже одно это название говорит само за себя и заставляет вспомнить геополитические проекты Японии для Азии первой половины XX в. Таким образом, паназиатский подход в политике Токио к Центральной Азии налицо.

Тем не менее авторы оставляют для Японии возможность сформулировать собственный геополитический подход. По их мнению, это могли быть проекты «Расширенной Восточной Азии (совместно с Китаем и Южной Кореей) или «Восточной Евразии» (те же и Россия). Эти проекты могли бы теоретически стать совместной площадкой и для Японии, и для Центральной Азии, включая всех заинтересованных игроков.

Таким образом, в своей центральноазиатской политике Япония вновь сталкивается с дилеммой (как и на многих других внешнеполитических направлениях): подчинить ее своим интересам (что неизбежно придаст ей азиатский характер) или следовать в русле американской стратегии, что делает ее заложницей геополитики США со всеми вытекающими из этого факта последствиями.

Оценивая политику Токио в отношении СНГ и ЦА, можно заметить, что Японии, в силу культурной ментальности и исторической традиции, легче было найти общий язык с азиатскими республиками бывшего Советского Союза. Япония, в отличие, собственно, от Запада — США и особенно европейцев — не придает такого принципиального значения проблемам демократии и прав человека в том ключе, в каком это понимают в Брюсселе и Вашингтоне. Кроме того, Япония, в силу своего географического положения, экономических связей, безусловно, азиатская держава. Ее интересы зависят не только от того, что происходит в других центрах экономической силы на Западе, а также от ситуации в китайской экономике, ЮВА, на Ближнем Востоке, важном источнике энергоресурсов.

Совершенно очевидно, что Япония в силу своего огромного экономического влияния будет в той или иной степени поддерживать крупные транспортные, коммуникационные и инфраструктурные проекты в Казахстане, Центральной Азии, российский Сибири и, возможно, в западной части Китая. Мы не можем исключать Японию из этого широкого экономическо-

го процесса, охватывающего регион ШОС. Но в то же время, избавляясь от наследия «холодной войны», делая свою политику более независимой от стратегии Запада и более азиатской, и даже более евразийской, Япония будет сталкиваться с некоторыми геополитическими ограничителями. Главными из таких геополитических пределов являются Россия и Китай, между которыми лежит Центральная Азия.

Источники и литература

An Account of the Mission for Dialogue with Russia and Central Asia: Prelude to Eurasian Diplomacy. — Tokyo: Japan Center for International Exchange, 1998 (in Japanese).

Calder K.E. Japan's Energy Angst and the Caspian Great Game // NBR Analysis. March 2001. Vol. 12. N 1, pp. 5—12.

Hickok M.R. The other End of the Silk Road: Japan's Eurasian Initiative // Central Asian Survey. 2000. Vol. 19. N 3, pp. 17—40.

Len C., Tomohiko U., Tetsuya H. (eds.). Japan's Silk Road Diplomacy. Paving the Road Ahead. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. — 206 p.

Kassenova N. Japans Hesitant Embrace of Central Asia: Will There Be a Strategy // Great Powers and Regional Integration in Central Asia: a local Perspective. Eds. By M. Esteban and N.de Pedro. — Madrid: Exlibris Ediciones, 2009, pp. 95—111.

Kassenova N. Japans Strategy towards Central Asia in Formation // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2009. N 1, pp. 33—37.

Manj E. A History of Central Asia. — Tokyo, 1977.

Suzuku Chusei. China's Relations with Inner Asia: the Hsiungnu, Tibet // The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations. — Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1968.

Rakhimov M. Central Asia and Japan: Bilateral and multilateral relations // Journal of Eurasian Studies. 2014. Vol. 5, Issue 1, pp. 77—87.

Yuasa Takeshi. Central Asia in the Context of Japanese-Russian Relations // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm) 2010. Vol. 8. N 2, pp. 120—135.

Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты туралы ақпарат

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ) Қазақстан Республикасы Президентінің 1993 жылғы 16 маусымдағы Жарлығымен құрылған.

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының құрылған күнінен бастап оның негізгі мақсаты — мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекемесі ретінде Қазақстан Президентінің және елдің басқарушы органдарының қызметін ғылыми-талдаулармен қамтамасыз ету.

Осы уақыт барысында ҚСЗИ жоғарыкәсіпті ғылыми-талдау орталығына айналды. Бүгінгі таңда институтта алты ғылым докторы, алты ғылым кандидаттары, PhD, саясаттану, тарих, экономика, әлеуметтану салаларының мамандары қызмет атқарады.

ҚСЗИ өзінің 22 жылдық қызметі барысында институт сарапшыларының қатысуымен халықаралық қатынас, ғаламдық және аймақтық қауіпсіздік мәселелері бойынша 250-ден астам кітап басып шығарған. Институт үш мерзімді ғылыми-сараптамалық журнал басып шығаруда: «Қоғам және Дәуір» тоқсандық ғылыми-сараптамалық журналы, «Қазақстан-Спектр» тоқсандық ғылыми журналы және «Central Asia's Affairs» тоқсандық сараптамалық журналы (ағылшын тілінде).

Бұл басылымдарда сыртқы және ішкі саясат, халықаралық қатынастар, ұлттық қауіпсіздік, Қазақстан Республикасының әлеуметтік және экономикалық саясаты мәселелері жарық көреді, сондай-ақ материалдарды өзінің www.kisi.kz сайтында жариялайды. ҚСЗИ-дың жеке сайты үш тілде: қазақ, орыс

және ағылшын тілдерінде ұсынылған. Институт өзінің негізгі зерттеу бағыттары бойынша семинарлар, ғылыми конференциялар, «дөңгелек үстелдер», халықаралық форумдар өткізеді. ҚСЗИ өткізетін ғылыми форумдардың ішінде шетелдік сарапшылардың ерекше қызығушылықтарын тудыратыны — 2003 жылдан дәстүрлі өтіп келе жатқан, Орталық Азиядағы ынтымақтастық пен қауіпсіздік мәселелеріне арналған Алматы конференциясы. ҚСЗИ-дың ғылыми басқосуларына Қазақстаннан ғана емес, сонымен қатар, Орталық Азия елдерінің, АҚШ-тың, Германияның, Жапонияның, Иранның, Қытайдың, Пәкістанның, Ресейдің, Түркияның, Үндістанның, Францияның және басқа да мемлекеттердің ғалымдары белсене қатысуда.

ҚСЗИ негізінде Қазақстанның жетекші жоғарғы оқу орындарының студенттері мен шетелдік сарапшылар үнемі тәжірибеден өтіп отырады.

Бүгінгі таңда институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми өсулері үшін барлық қажетті жағдайлар жасалынған. ҚСЗИ туралы толық ақпаратты төмендегі мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 010000, Астана,
Бейбітшілік көшесі, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz
www.kisi.kz

Информация о Казахстанском институте стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) при Президенте Республики Казахстан был создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 г.

С момента своего возникновения основной задачей Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан как государственного научно-исследовательского учреждения является научно-аналитическое обеспечение деятельности Президента Казахстана, руководящих органов страны.

За это время КИСИ превратился в высокопрофессиональный научно-аналитический центр. В настоящее время в институте работают шесть докторов наук, шесть кандидатов наук, PhD, специалисты в области политологии, истории, экономики, социологии.

За 22 года деятельности в институте было издано более 250 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), «Казахстан-Спектр» (на русском языке), «Central Asia's Affairs» (на английском языке). Институт располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском.

В КИСИ ежегодно проводится большое количество международных научных конференций, семинаров, круглых столов.

Особый интерес у экспертов вызывают ежегодные конференции КИСИ, проводимые с 2003 г. и посвященные проблемам безопасности и сотрудничества в Центральной Азии.

В научных форумах КИСИ принимают участие не только эксперты из Казахстана и стран Центральной Азии, но и

ученые из Германии, Индии, Ирана, Китая, Пакистана, России, США, Турции, Франции, Японии и др.

На базе КИСИ постоянно проходят стажировку и преддипломную практику студенты ведущих казахстанских высших учебных заведений, а также зарубежные эксперты.

В настоящее время в институте созданы необходимые условия для профессионального и научного роста сотрудников. Более подробную информацию о КИСИ можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 010000, Астана,

ул. Бейбитшилик, 4

Тел.: +7 (7172) 75-20-20

Факс: +7 (7172) 75-20-21

E-mail: office@kisi.kz

www.kisi.kz

About the Kazakhstan Institute for Strategic Studies Under the President of the Republic of Kazakhstan

The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (KazISS) was established on June 16, 1993 by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan.

Since its foundation the mission of the KazISS as the national research institution is to provide analytical support to the President of the Republic of Kazakhstan, and public administration agencies of Kazakhstan.

The KazISS enjoys a reputation of the leading think tank of Kazakhstan as it employs a highly professional pool of experts; at present it includes six doctors and six candidates of sciences and PHDs, who specialize in political science, history, economics and sociology.

During the twenty-two years of functioning the KazISS have published more than 250 books on international relations, global and regional security. The Institute publishes three journals: the *Kogam zhane Dayir* in Kazakh, the *Kazakhstan-Spectrum* in Russian and the *Central Asia's Affairs* in English. The KazISS has a trilingual website; in Kazakh, Russian, English.

The KazISS holds a great number of international conferences, seminars and round tables, including the Annual Conferences (regularly held since 2003) participated by the experts from Kazakhstan, Central Asia as well as Russia, China, Germany, France, India, Iran, Turkey, Pakistan, Japan, the USA and other countries.

The KazISS is the basis for the professional practice work for the students of the leading Kazakhstan universities and for the fellowships for both Kazakhstan's and foreign researchers.

Contact us for any further information:

4, Beybitshilik St.

Astana, 010000

Republic of Kazakhstan

Tel: +7 (717) 75-20-20

Fax.: +7 (717) 75-20-21

E-mail: office@kisi.kz

www.kisi.kz

Для заметок

Для заметок

Монография

Мурат Турарович Лаумулин

**ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В МИРОВОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКЕ**

(к 550-летию Казахского ханства)

ЧАСТЬ I

**Становление и развитие востоковедных школ
в контексте изучения Центральной Азии
и Внутренней Евразии**

Редактор-корректор **Г.А. Цай**
Дизайн обложки **И.В. Новицкий**
Верстка **Е.В. Тушкова**

Подписано в печать 09.11.2015. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 26.

Тираж 500 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
010000, г. Астана, ул. Бейбитшилик, 4.

Отпечатано в типографии ОО «КРОИВА»
г. Алматы, ул. Ч. Валиханова, д. 115.